

STUDIA ROSSICA POSNANIENSIA

Адрес редакции
Instytut Filologii Rosyjskiej i Ukrainńskiej UAM
al. Niepodległości 4
61-874 Poznań, Poland
тел. +48 (61) 829 3576, тел./факс +48 (61) 829 3575
e-mail: ifros@amu.edu.pl

Главный редактор
проф. Беата Валигурска-Олейничак

Научные редакторы
проф. Татьяна Космеда
проф. Божена Хрынкевич-Адамских

Секретарь
д-р Войцех Каминьски

Рецензенты

проф. Александр Цой, проф. Ирина Федорчук, проф. Роман Гаваркевич,
проф. Анна Гинтер, проф. Хенрык Ярошевич, проф. Алла Камалова,
проф. Кшиштоф Кусаль, проф. Малгожата Лучик, проф. Белей Олег,
проф. Иоанна Ожеховска, проф. Хелена Потехина, проф. Кристина Ратай-
чик, проф. Барбара Родзевич, проф. Беата Рыцельска, проф. Михал Сарнов-
ски, проф. Томаш Шутковски, проф. Ярослав Вежбиньски, проф. Влодзи-
меж Высочаньски

Редакционная коллегия

проф. Стефано Алоэ (Верона)
проф. Войцех Хлебда (Ополе)
проф. Ольга Фролова (Москва)
проф. Владимир Климонов (Берлин)
проф. Татьяна Космеда (Львов)
проф. Йоанна Мянговска (Быдгощ)
проф. Анна Пашкевич (Вроцлав)
проф. Валенты Пилат (Ольштын)
проф. Татьяна Плешкова (Архангельск)
проф. Лариса Рацибурская (Нижний Новгород)
проф. Михал Сарновски (Вроцлав)
проф. Анатолий Собенников (Иркутск)
проф. Антонина Щербак (Тамбов)
проф. Базыли Тихонюк (Зелена Гура)
проф. Наталия Тупикова (Волгоград)
проф. Ярослав Вежбиньски (Лодзь)
проф. Халина Вонтрубска (Гданьск)

UNIWERSYTET IM. ADAMA MICKIEWICZA W POZNANIU

STUDIA ROSSICA POSNANIENSIA

ZESZYT XLIII

Redaktor naczelny

BEATA WALIGÓRSKA-OLEJNICZAK

Redaktorzy naukowi

TATIANA KOSMEDA

BOŻENA HRYNKIEWICZ-ADAMSKICH

Sekretarz

WOJCIECH KAMIŃSKI

POZNAŃ 2018

Okladkę projektowała
MARIA DOLNA

Publikacja sfinansowana przez Instytut Filologii Rosyjskiej i Ukraińskiej UAM

© Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu,
Wydawnictwo Naukowe UAM, Poznań 2018

Redakcja oraz łamanie komputerowe: JANINA MICKIEWICZ-TURSKA
Redaktor techniczny: DOROTA BOROWIAK

ISSN 0081-6884

WYDAWNICTWO NAUKOWE UNIwersYTETU IM. ADAMA MICKIEWICZA W POZNANIU
61-701 POZNAŃ, UL. FREDRY 10

Sekretariat: tel. 61 829 46 46, faks 61 829 46 47, e-mail: wyd nauk@amu.edu.pl

Dział Promocji i Sprzedaży: tel. 61 829 46 40, e-mail: press@amu.edu.pl

Ark. wyd. 20,5. Ark. druk. 22,5

DRUK I OPRAWA: VOLUMINA.PL DANIEL KRZANOWSKI,
SZCZECIN, UL. KS. WITOLDA 7-9

*Profesorowi
Jerzemu Kaliszanowi
w 70. rocznicę urodzin
tom ten dedykują*

Przyjaciele i Koledzy

Profesor Jerzy Kaliszan

SŁOWO O PROFESORZE JERZYM KALISZANIE

Profesor Jerzy Kaliszan urodził się 22 stycznia 1947 roku w Pogorzeliczy, w powiecie jarocińskim. W 1972 roku ukończył filologię rosyjską na Uniwersytecie im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, po czym w tym samym roku został zatrudniony na swojej *Alma Mater*. W 1977 roku obronił pracę doktorską, a w 1986 roku habilitował się. W 1997 roku uzyskał tytuł naukowy profesora, a w 2001 roku stanowisko profesora zwyczajnego.

W czasie pracy w Uniwersytecie im. Adama Mickiewicza Profesor Jerzy Kaliszan przebywał na stażu naukowym na Uniwersytecie Warszawskim (1976), Uniwersytecie Moskiewskim (1980 / 1981) oraz w Państwowym Instytucie Języka Rosyjskiego im. A. S. Puszkina w Moskwie (1989).

Profesor Jerzy Kaliszan konsekwencją w dążeniu do celu mocno ugruntował swoją pozycję w polskim i międzynarodowym środowisku slawistycznym. Jego dokonania naukowe, w szczególności w zakresie słowotwórstwa rosyjskiego, ale nie tylko, są dobrze rozpoznawalne w gremiach polskich i zagranicznych uczonych.

Dotychczasowy dorobek naukowy Profesora liczy 118 prac. Do tego bogatego zbioru należy m.in. 7 monografii, 86 artykułów, 2 recenzje, redakcja 9 tomów czasopisma „*Studia Rossica Posnaniensia*” i 5 innych tomów publikacji wieloautorskich. Głównym obszarem zainteresowań naukowych Profesora jest słowotwórstwo polskie i rosyjskie oraz jego związki z systemem fleksji i leksyką obu języków.

Działalność naukowa i dydaktyczna Profesora Jerzego Kaliszana stanowi trwałą wartość Wydziału Neofilologii, jak i Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza jako całości.

Dociekania badawcze Profesora w pierwszym okresie działalności naukowej skupiały się wokół zagadnienia polskich i rosyjskich wyrazów złożonych z prepozycyjnymi komponentami pochodzenia greckiego i łacińskiego. Właśnie temu aspektowi poświęcona była rozprawa doktorska Profesora *Интернациональные препозитивные морфемы греко-латинского происхождения в современном русском и польском словообразовании*, która została opublikowana w 1980 roku, a także szereg wcześniejszych artykułów, m.in.: *О словообразовательном элементе „микро-” в современном русском языке* (1976), *Препозитивные блоки греко-латинского происхождения как словообразователь-*

ные элементы в русском и польском языках (1976), К определению словообразовательного статуса некоторых интернациональных препозитивных элементов в современном русском языке (1979). Profesor Kaliszan poruszał w wymienionych pracach m.in. kwestię statusu słowotwórczego międzynarodowych prepozycyjnych elementów polskich i rosyjskich jednostek leksykalnych. Analizie poddawał także zmiany dokonujące się w prefiksalnych typach słowotwórczych w języku polskim i rosyjskim, a wnioski z tych badań zaprezentował w artykułach: *Некоторые наблюдения над ростом агглютинативности в системе префиксального образования имен в современном русском и польском языках* (1979), *О некоторых факторах, свидетельствующих о росте префиксации в системе образования имен прилагательных в современном русском языке* (1979).

Kolejnym przedmiotem badań Profesora Jerzego Kaliszana był proces uniwerbizacji oraz dokonująca się równolegle z nim kondensacja semantyczna. Zagadnieniu temu poświęcił szereg artykułów dotyczących różnych aspektów badanego zjawiska, np. *Процессы семантической конденсации в современном русском языке* (1981), *К уточнению понятия универбации* (1984), *Семантическая конденсация в ее отношении к процессам универбации* (1985). Monografia habilitacyjna *Семантико-конденсационная универбация составных наименований в современном русском языке* (1986) stanowiła uwieńczenie badań w tym zakresie. Podjęta w niej tematyka była przez Profesora kontynuowana w artykułach, m.in.: *Семантико-конденсационная универбация в русском и польском языках* (1988), *Семантическая конденсация в сфере композиции* (1988), *О границах понятия семантической конденсации, Универбизация суффиксальна в języку rosyjskim i polskim* (1989).

W centrum uwagi Profesora Kaliszana znajdują się także homonimiczne i synonimiczne relacje w obrębie polskich i rosyjskich derywatów słowotwórczych. Prowadzone przez Niego badania zaowocowały licznymi publikacjami, m.in. *Z zagadnień polskiej i rosyjskiej homonimii słowotwórczej* (1988), *Омонимия производных имен существительных в русском языке* (1990), *Росыjskie homonimy słowotwórcze w sferze denominalnych rzeczowników суффиксальных* (1993), *О певном типе homonimii derywatów rzeczownikowych w języку rosyjskim i polskim* (1996), *Об одном типе омонимии производных имен прилагательных в русском и польском языках* (1996), *О так называемой словообразовательной омонимии* (1997), *Сynonimia słowotwórcza atrybutywnych nazw osobowych w języку polskim i rosyjskim* (1999), *Сynonimia słowotwórcza żeńskich nazw osobowych w języку polskim i rosyjskim* (1999), *Словообразовательная синонимия в сфере наименований лиц в русском и польском языках* (1999). Zarówno zjawisku homonimii, jak i synonimii Profesor poświęcił osobne monografie: *Омонимия производных слов в русском языке* (1997) oraz *Сynonimia słowotwórcza rzeczowników w języку polskim i rosyjskim* (2000).

W obszarze zainteresowań naukowych Profesora Jerzego Kaliszana znalazła się ponadto współzależność fleksji i słowotwórstwa w języku rosyjskim. Do studiów nad tą problematyką należy wiele artykułów Jego autorstwa, m.in. *О роли словообразования в развитии грамматических процессов (на примере русских имен существительных)* (1998), *О системных связях русского словообразования с грамматикой* (2003), *Глагольный вид и словообразование в русском языке* (2004), *О системном соотношении словообразования и лексики в русском языке (избранные аспекты)* (2005), *On the functional parallelism between word formation and form-building in Russian* (2008), a także podsumowująca badania w tym zakresie monografia *Словообразование и формобразование в русском языке* (2005).

W ostatnim czasie dociekania naukowe Profesora Kaliszana skupione są wokół zjawiska homografii we współczesnym języku rosyjskim. Wieloletnie studia prezentowane były w licznych artykułach naukowych, m.in. *Русские субстантивные омографы* (2008), *Русские глагольные омографы* (2010), *Грамматическая субстантивная омография в русском языке* (2013), *Омографические триады в русском языке* (2016), *Номография выражений rosyjskich o homonimicznych формах podstawowych* (2017). Ukoronowaniem naukowych eksploracji w tym obszarze jest wydany w 2015 roku słownik homografów *Словарь омографов русского языка* oraz monografia *Русские омографы* z 2017 roku.

Osiągnięcia naukowe i dydaktyczne Profesora przynoszą splendor Uniwersytetowi im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. Jego walory intelektualne oraz bogaty dorobek twórczy znajdują uznanie krajowej i zagranicznej elity językoznawczej. Zasługą Profesora Kaliszana jest też merytoryczna opieka nad niemałą liczbą prac dyplomowych przygotowywanych w Instytucie Filologii Rosyjskiej i Ukraińskiej (wcześniej Instytut Filologii Rosyjskiej i Słowiańskiej oraz Instytut Filologii Rosyjskiej). Wypromowani przez Niego doktorzy znaleźli zatrudnienie w wiodących ośrodkach uniwersyteckich kraju.

Przez wiele lat pracy we wspomnianej jednostce Profesor Jerzy Kaliszan prowadził wykłady i ćwiczenia z gramatyki współczesnego języka rosyjskiego, gramatyki historycznej języka rosyjskiego, wykłady z historii rosyjskiego języka literackiego, konwersatoria z rosyjsko-polskiego językoznawstwa konfrontatywnego, konwersatoria ze wstępu do językoznawstwa, a także seminaria magisterskie i licencjackie z zakresu językoznawstwa rosyjskiego oraz językoznawstwa konfrontatywnego rosyjsko-polskiego. Profesor był opiekunem naukowym ok. 200 prac magisterskich i ok. 50 prac licencjackich. Wypromował 11 doktorów, obecnie sprawuje opiekę promotorską nad jednym doktorantem. Kilkunastokrotnie występował w roli recenzenta w przewodach doktorskich, habilitacyjnych i profesorskich. Profesor stawiał zawsze duże wymagania, szczególnie wobec siebie, ale i młodzież studencka niejednokrotnie doświadczyła Jego oczekiwań szeroko rozumianej poprawności językowej i estetyki edytorskiej tworzonych przez nią pierwszych prac

naukowych. Jest znany z niezwyklej skrupulatności. Prace licencjackie i magisterskie pisane pod Jego kierunkiem są perfekcyjnie przygotowane. Osiągnięcia dydaktyczne Profesora są powszechnie znane i doceniane zarówno przez licznych licencjuszy, jak i magistrantów oraz doktorantów. Absolwenci często wspominają długi czas oczekiwania na konsultację przed drzwiami gabinetu Profesora. Niemniej chyba wszyscy po egzaminie dyplomowym stwierdzają: „warto było czekać”.

Profesor Jerzy Kaliszan był kierownikiem Studium Zaocznego Instytutu Filologii Rosyjskiej UAM (1986–1987), wicedyrektorem ds. studenckich Instytutu Filologii Rosyjskiej UAM (1987–1993), wicedyrektorem ds. nauki Instytutu Filologii Rosyjskiej UAM (1993–2007), prodziekanem Wydziału Neofilologii UAM (1996–2002, 2008–2012), kierownikiem Zakładu Języka Rosyjskiego Instytutu Filologii Rosyjskiej UAM (1991–1996, 2000–2018). Od roku 2010 jest redaktorem naukowym czasopisma „*Studia Rossica Posnaniensia*”.

Profesor Jerzy Kaliszan systematycznie wzbogacając swoją wiedzę lingwistyczną, doskonalił swój warsztat badawczy i skupiał wokół siebie licznych kontynuatorów. Jego działalność naukową, dydaktyczną i organizacyjną cechuje talent, pracowitość, poczucie odpowiedzialności i sprawiedliwości. Profesor stworzył wokół siebie swego rodzaju aurę doskonałości i respektu. W kontaktach interpersonalnych zasłynął jako osoba głęboko merytoryczna, wymagająca, ale jednocześnie przyjazna i serdeczna. Profesor Jerzy Kaliszan to człowiek skromny. Podczas spotkań towarzyskich wyróżnia się dobrym dowcipem i anegdotą. Przyjemnie jest przebywać w Jego towarzystwie, pracować, uczyć się, bawić, nastrojać twórczo i optymistycznie.

Będąc wybitnym Uczonym, wspaniałym Nauczycielem, serdecznym Kolegą i Przyjacielem, Profesor na trwałe zapisuje się w historii Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu.

Katarzyna Kuligowska, Wojciech Kamiński
oraz
Koleżanki i Koledzy
z Zakładu Języka Rosyjskiego
Instytutu Filologii Rosyjskiej i Ukraińskiej UAM

WYKAZ PUBLIKACJI
PROFESORA JERZEGO KALISZANA

LIST OF PUBLICATIONS
BY PROFESSOR JERZY KALISZAN

I. Publikacje zwarte (monografie i prace redakcyjne)

1. *Интернациональные препозитивные морфемы греко-латинского происхождения в современном русском и польском словообразовании*, Wydawnictwo Naukowe UAM, Poznań 1980, s. 129.
2. *Семантико-конденсационная универбация составных наименований в современном русском языке*, Wydawnictwo Naukowe UAM, Poznań 1986, s. 149.
3. *Kompendium gramatyki języka rosyjskiego. Kurs dla początkujących*, ESKK (Europejska Szkoła Kształcenia Korespondencyjnego), Poznań 1994, s. 60.
4. *Омонимия производных слов в русском языке*, Wydawnictwo Naukowe UAM, Poznań 1997, s. 146.
5. *Исследования по русскому языку*, Poznań 1999, s. 190 (red.).
6. *Synonimia słowotwórcza rzeczowników w języku polskim i rosyjskim (na materiale nazw osób, czynności i cech abstrakcyjnych)*, Wydawnictwo Naukowe UAM, Poznań 2000, s. 83.
7. *Христианизация, дехристианизация и рехристианизация в теории и практике русского языка*, Poznań 2001, 200 s. (red.).
8. *Избранные вопросы русского языка и лингводидактики*, Poznań 2002, s. 225 (współred.: M. Wójtowicz, W. Woźniewicz).
9. *Вопросы лингвистики и лингводидактики*, Poznań 2004, s. 222 (red.).
10. *Словообразование и формобразование в русском языке*, Wydawnictwo Naukowe UAM, Poznań 2005, s. 88.
11. *Вопросы русистики*, Poznań 2007, s. 157 (red.).
12. „*Studia Rossica Posnaniensia*”, Poznań 2010, nr XXXV, s. 322 (red.).
13. „*Studia Rossica Posnaniensia*”, Poznań 2011, nr XXXVI, s. 288 (red.).
14. „*Studia Rossica Posnaniensia*”, Poznań 2012, nr XXXVII, s. 382 (red.).
15. „*Studia Rossica Posnaniensia*”, Poznań 2013, nr XXXVIII, s. 266 (red.).
16. „*Studia Rossica Posnaniensia*”, Poznań 2014, nr XXXIX, s. 406 (red.).
17. „*Studia Rossica Posnaniensia*”, Poznań 2015, nr XL, cz. 1, 304 s. (red.).

18. „Studia Rossica Posnaniensia”, Poznań 2015, nr XL, cz. 2, s. 214 (red.).
19. *Словарь омографов русского языка*, Wydawnictwo Naukowe UAM, Poznań 2015, s. 134.
20. „Studia Rossica Posnaniensia”, Poznań 2016, nr XLI, s. 511 (red.).
21. „Studia Rossica Posnaniensia”, Poznań 2017, nr XLII, s. 340 (red.).
22. *Русские омографы*, Wydawnictwo Naukowe UAM, Poznań 2017, s. 144.

II. Artykuły

23. О сложных словах типа „месторождение”, „местонахождение”, „Studia Rossica Posnaniensia” 1975, nr VI, s. 153–157.
24. О словообразовательном элементе „микро-” в современном русском языке, „*Язык Росыjski*” 1976, nr 4, s. 8–11.
25. Препозитивные блоки греко-латинского происхождения как словообразовательные элементы в русском и польском языках, [w:] *Gramatyka konfrontatywna języka polskiego i rosyjskiego*, Łódź 1976, s. 111–115.
26. Препозитивные блоки греко-латинского происхождения как словообразовательные элементы в русском и польском языках, „Studia Rossica Posnaniensia” 1977, nr VIII, s. 153–160.
27. К определению словообразовательного статуса некоторых интернациональных препозитивных элементов в современном русском языке, „Studia Rossica Posnaniensia” 1979, nr IX, s. 123–133.
28. Некоторые наблюдения над ростом агглютинативности в системе префиксального образования имен в современном русском и польском языках, „Studia Rossica Posnaniensia” 1979, nr X, s. 57–66.
29. О некоторых факторах, свидетельствующих о росте префиксации в системе образования имен прилагательных в современном русском языке, „*Slavia Orientalis*” 1979, nr 2, s. 251–255.
30. Процессы семантической конденсации в современном русском языке, „*Przegląd Rusycystyczny*” 1981, nr 2, s. 43–50.
31. Явления словообразовательной синонимии в области производства имен с помощью интернациональных и русских префиксов противоположности, „Studia Rossica Posnaniensia” 1983, nr XVII, s. 97–104.
32. К общей характеристике так называемых составных наименований в русском языке, „*Przegląd Rusycystyczny*” 1984, nr 1–2, s. 223–236.
33. К уточнению понятия универбации, „*Slavia Orientalis*” 1984, nr 3–4, s. 401–408.
34. Семантическая конденсация в ее отношении к процессам универбации, „*Przegląd Rusycystyczny*” 1985, nr 1–2, s. 95–103.
35. *Kilka uwag o interpretacji pojęcia homonimii słowotwórczej w pracach językoznawców radzieckich*, „*Язык Росыjski*” 1986, nr 5, s. 273–275.

36. *Typy uniwerbizacji we współczesnym języku rosyjskim*, „Sprawozdania Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk” (za lata 1983–1984), Poznań 1986, nr 101, s. 262–264.
37. *Кристаллизация новых префиксальных типов в результате переосмысления словообразовательной формы существительных с производной префиксально-суффиксальной основой*, „Studia Rossica Posnaniensia” 1986, nr XVIII, s. 165–173.
38. *О фразеологичности семантики производных слов*, „Przegląd Rusycystyczny” 1987, nr 2, s. 111–114.
39. *Typy strukturalne polskich i rosyjskich uniwerbizmów sufiksalnych*, „Sprawozdania Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk” (za rok 1986), Poznań 1986, nr 103, s. 71–73.
40. *Z zagadnień rosyjskiej i polskiej homonimii słowotwórczej*, „Studia i materiały XXVIII. Filologia Rosyjska”, Zielona Góra 1988, nr 7, s. 141–148.
41. *Об омонимии компонентов сложносокращенных слов*, „Przegląd Rusycystyczny” 1988, nr 3–4, s. 185–188.
42. *Семантико-конденсационная универбация в русском и польском языках*, [w:] *W kręgu semazjologii, leksykologii i terminologii*, Opole 1988, s. 118–122.
43. *Семантическая конденсация в сфере композиции*, „Studia Rossica Posnaniensia” 1988, nr XIX, s. 222–225.
44. *Об универбации в аспекте омонимии*, „Studia Rossica Posnaniensia” 1988, nr XX, s. 191–195.
45. *Rosyjskie i polskie uniwerbizmy z formantem „-ka”*, „Studia i materiały XXX. Filologia Rosyjska”, Zielona Góra 1989, nr 8, s. 59–70.
46. *О границах понятия семантической конденсации*, „Studia z Filologii Rosyjskiej i Słowiańskiej”, t. 15: *Z aktualnych badań polskich nad językami i literaturami wschodniosłowiańskimi*, Warszawa 1989, s. 91–95.
47. *Гомонимия словотворча деноминальных rzeczowników суфисальных в языке rosyjskim i polskim*, „Studia i materiały XXXV. Filologia Rosyjska”, Zielona Góra 1990, nr 9, s. 159–165.
48. *Омонимия производных имен существительных в русском языке*, „Przegląd Rusycystyczny” 1990, nr 1–4, s. 49–57.
49. *Uniwerbizacja sufiksalna w języku rosyjskim i polskim*, „Slavia Orientalis” 1991, nr 1–2, s. 111–117.
50. *Единицы компрессивного словообразования и их стилистические свойства*, „Studia i materiały”, Olsztyn 1991, t. 30: *Słowo w tekście rosyjskim*, s. 91–96.
51. *Семантическая конденсация в сфере аббревиации*, „Studia Rossica Posnaniensia” 1991, nr XXII, s. 155–160.
52. *Z obserwacji nad rosyjską prefiksacją imienną ostatnich dziesięcioleci*, „Studia z Filologii Rosyjskiej i Słowiańskiej”, Warszawa 1992, t. 20: *Język rosyjski epoki radzieckiej*, s. 79–85.

53. Омонимия однокоренных существительных с суффиксом „-ка”, „Studia z Filologii Rosyjskiej i Słowiańskiej”, Warszawa 1992, t. 21: *Zagadnienia językoznawcze*, s. 37–42.
54. Rosyjskie homonimy słowotwórcze w sferze denominalnych rzeczowników sufiksalnych, „Studia Rossica Posnaniensia” 1993, nr XXIII, s. 175–180.
55. Множественность мотиваций сложных существительных в русском языке, „Studia i materiały. Filologia Rosyjska”, Olsztyn 1993, t. 49: *Jednostki językowe – ich powiązania i ewolucja*, s. 121–126.
56. Суффиксальные наименования лиц в новой русской лексике, „Studia Rossica Posnaniensia” 1993, nr XXIV, s. 123–131.
57. Имена лиц с суффиксом „-ист” в новой русской лексике, „Studia Rossica Posnaniensia” 1993, nr XXV, s. 165–169.
58. Kompresja strukturalna w nowym słownictwie rosyjskim (na przykładzie rzeczowników), „Studia Rossica Posnaniensia” 1995, nr XXVI, s. 167–172.
59. Омонимия разночленимых имен прилагательных в русском языке, [w:] А. Маркунас (red.), *Проблемы современной русистики*, Poznań 1995, s. 236–239.
60. О pewnym typie homonimii derywatów rzeczownikowych w języku rosyjskim i polskim, „Przegląd Rusycystyczny” 1996, nr 1–2, s. 87–90.
61. О функциональном соотношении префиксов „анти-” и „противо-” в сфере образования прилагательных, [w:] А. Маркунас (red.), *Актуальные вопросы русского языка и литературы*, Poznań 1996, s. 3–9.
62. Об одном типе омонимии производных имен прилагательных в русском и польском языках, „Acta Polono-Ruthenica”, Olsztyn 1996, t. I, s. 261–265.
63. Омонимия разночленимых имен существительных в русском и польском языках, [w:] А. Маркунас (red.), *Актуальные вопросы русского языка и литературы*, Poznań 1996, s. 33–36.
64. Словообразовательная контаминация в новой русской лексике, „Studia Rossica Posnaniensia” 1996, nr XXVII, s. 165–169.
65. О некоторых аспектах взаимосвязи словообразования и лексики (на материале русского языка), [w:] *Forschungen zur Linguistik und Poetik: Zum Andenken an Grigorij O. Vinokur (1896–1947)*, Frankfurt am Main 1997, s. 189–198.
66. О так называемой словообразовательной омонимии, [w:] *Literatury i języki Słowian wschodnich. Stan obecny i tendencje rozwojowe*, Opole 1997, s. 67–71.
67. Семантико-конденсационная универбация составных наименований в русском языке последних десятилетий, [w:] *Innowacje w językach wschodniosłowiańskich*, Zielona Góra 1997, s. 61–65.
68. Симилятивные прилагательные суффиксальной структуры в современном русском языке, [w:] *Новое в теории и практике описания и преподавания русского языка*, Warszawa 1997, s. 108–114.
69. О новых явлениях в сфере русской именной префиксации, [w:] *Scripta Maastricht*, Poznań 1998, s. 113–116.

70. О роли словообразования в развитии грамматических процессов (на примере русских имен существительных), „*Studia Rossica Posnaniensia*” 1998, nr XXVIII, s. 119–122.
71. О словообразовательной синонимии и смежных явлениях в современном русском языке (на материале имен существительных), [w:] *Изучавање словенских језика, књижевности и култура у инословенској средини*, Београд 1998, s. 102–106.
72. Об одном типе омонимии адективных дериватов в русском языке, [w:] *Lingvistiniai, literatūriniai, didaktiniai teksto aspektai*, Kaunas 1998, s. 101–102.
73. Симилятивные наименования в русской номенклатуре животных, [w:] А. Маркунас (red.), *Избранные аспекты изучения русского языка и литературы*, Poznań 1998, s. 11–16.
74. Симилятивные образования в современном русском языке (на материале разных частей речи), [w:] *Slavica Quinqueecclesiensia IV*. 1998. *Linguistica. Translatologia. Cultura*, Pécs 1998, s. 69–77.
75. *Synonimia słowotwórcza atrybutywnych nazw osobowych w języku polskim i rosyjskim*, „*Acta Neophilologica*”, Olsztyn 1999, t. I, s. 57–61.
76. *Synonimia słowotwórcza odrzeczownikowych nazw osobowych w języku polskim i rosyjskim*, „*Scripta Neophilologica Posnaniensia*”, Poznań 1999, t. 1, s. 27–30.
77. *Synonimia słowotwórcza rzeczowników kategorii nomina essendi we współczesnym języku polskim i rosyjskim*, [w:] А. Маркунас (red.), *Исследования по русскому языку*, Poznań 1999, s. 81–87.
78. *Synonimia słowotwórcza żeńskich nazw osobowych w języku polskim i rosyjskim*, „*Acta Polono-Ruthenica*”, Olsztyn 1999, t. IV, s. 138–142.
79. Словообразовательная синонимия в сфере наименований лиц в русском и польском языках, [w:] *Русистика и современность. Языкознание*, Rzeszów 1999, s. 33–42.
80. Русская словообразовательная синонимия в сфере наименований абстрактных признаков, [w:] *Русский язык в изменяющемся мире*, ч. 1, Минск 2000, s. 12–15.
81. О роли словообразования в развитии лексической синонимии, [w:] М. Вуйтович, Е. Калишан, В. Возьневич (red.), *Избранные вопросы русского языка и лингводидактики*, Poznań 2002, s. 83–86.
82. О системных связях русского словообразования с грамматикой, „*Scripta Neophilologica Posnaniensia*” 2003, t. V, s. 55–65.
83. О некоторых типах системных связей русского словообразования с грамматикой, [w:] *Русское слово в мировой культуре. Пленарные заседания. Сборник документов*, т. 1, Санкт-Петербург 2003, s. 129–133.
84. О соотношении словообразования и грамматики в системе русского языка, „*Studia Rossica Posnaniensia*” 2003, t. XXXI, s. 103–108.

85. *Глагольный вид и словообразование в русском языке*, „Scripta Neophilologica Posnaniensia” 2004, t. VI, s. 147–151.
86. *О роли словообразования в развитии системных отношений в лексике*, [w:] *Русский язык: система и функционирование. Материалы Международной научной конференции 18–19 мая 2004 г.*, Минск, ч. 1, Минск 2004, s. 17–20.
87. *О явлениях семантического параллелизма словообразования и формообразования в русском языке*, [w:] Е. Калишан, (red.), *Вопросы лингвистики и лингводидактики*, Poznań 2004, s. 41–44.
88. *Об одном аспекте системных связей русского словообразования с грамматикой*, „Slavica Wratislaviensia” 2004, t. CXXVII, s. 87–92.
89. *О грамматической обусловленности процессов русского отглагольного словообразования*, [w:] *Studia Polono-Ruthenica. Сборник научных работ памяти профессора Альберта Бартошевича*, Казань 2005, s. 63–67.
90. *О системном соотношении словообразования и лексики в русском языке (избранные аспекты)*, [w:] *Ogród nauk filologicznych*, Opole 2005, s. 285–292.
91. *О функциональном параллелизме словообразования и формообразования в русском языке*, [w:] *Русский язык: система и функционирование. Материалы III Международной научной конференции*, ч. I, Минск 2006, s. 28–31.
92. *Словообразовательная синонимия имен действия в русском и польском языках*, [w:] *Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов. Материалы Второй Международной научной конференции г. Волгоград, 24–26 апреля 2007 г. В двух томах*, т. I, Волгоград 2007, s. 19–25.
93. *О формальном параллелизме словообразования и формообразования в русском языке*, [w:] Т. Н. Плещкова, М. Л. Селькова (сост.), *Познань – Архангельск: десять лет сотрудничества. Сборник научных статей*, Архангельск 2007, s. 78–84.
94. *On the relationships between word formation and vocabulary in Russian*, „Scripta Neophilologica Posnaniensia”, t. IX, Poznań 2008, s. 185–189.
95. *Русские субстантивные омографы*, „Studia Rossica Posnaniensia” 2008, t. XXXIV, s. 171–175.
96. *Словообразовательная синонимия наименований абстрактных признаков в русском и польском языках*, [w:] *Русский язык: история и современность*, Казань 2008, s. 99–102.
97. *On the formal parallelism between word formation and inflection*, „Scripta Neophilologica Posnaniensia”, Poznań 2009, t. X, s. 49–53.
98. *Русские глагольные омографы*, „Studia Rossica Posnaniensia” 2010, t. XXXV, s. 77–82.
99. *On the functional parallelism between word formation and form-building in Russian*, „Scripta Neophilologica Posnaniensia”, Poznań 2011, t. XI, s. 23–26.

100. *Adjective Homography in Russian*, [w:] *Lingua: Nervus rerum humanarum*, Wydawnictwo Naukowe UAM, Poznań 2012, s. 85–93.
101. *Verbal-substantival homography in Russian*, „*Scripta Neophilologica Posnaniensia*”, Poznań 2013, t. XIII, s. 17–22.
102. *Homografia leksykalna rzeczowników języku rosyjskim*, [w:] *Scripta Manent – res novae*, Poznań 2013, s. 85–93.
103. *Грамматическая субстантивная омография в русском языке*, „*Studia Rossica Posnaniensia*” 2013, t. XXXVIII, s. 119–123.
104. *Homografia leksykalno-gramatyczna rzeczowników w języku rosyjskim*, „*Studia Rossica Posnaniensia*” 2014, t. XXXIX, s. 87–93.
105. *Омографические триады в русском языке*, „*Studia Rossica Posnaniensia*” 2016, t. XLI, s. 315–321.
106. *Rosyjska homografia gramatyczna*, „*Folia Scandinavica Posnaniensia*”, Poznań 2016, t. 20, s. 133–139.
107. *Homografia wyrazów rosyjskich o homonimicznych formach podstawowych*, „*Scripta Neophilologica Posnaniensia*”, Poznań 2017, t. XVII, s. 129–133.
108. *Словарные глагольные омографы в русском языке*, „*Studia Rossica Posnaniensia*” 2017, t. XLII, s. 149–155.

III. Pozostałe publikacje

109. Rec.: W. Jakowicka, *Балетная лексика в русском и польском языках*, Poznań 1981, [w:] „*Przegląd Rusycystyczny*” 1985, nr 1–2, s. 95–103.
110. Rec.: В. Н. Виноградова, *Стилистический аспект русского словообразования*, Москва 1984, [w:] „*Slavia Orientalis*” 1986, nr 1, s. 178–179.
111. *Сопоставительный анализ суффиксальных существительных номинативного и компрессивного типов в плане идиоматичности их лексического значения*, (тезисы), [w:] *Современная лингвистическая теория и ее применение в практике обучения русскому языку*, Будапешт 1986, s. 83–84.
112. *Омонимия производных имен существительных в русском языке*, (тезисы), [w:] *Русский язык в общении народов мира*, т. 1, Москва 1990, s. 160.
113. *Rosyjski dla początkujących*, ESKK (Europejska Szkoła Kształcenia Korespondencyjnego), Poznań 1992, s. 636.
114. *Семантико-конденсационная универбация составных наименований в новой русской лексике*, (тезисы), [w:] *Русский язык и литература в современном диалоге культур*, Регенсбург 1994, s. 29–30.
115. *Об одном случае омонимии производных слов в русском языке*, (тезисы), [w:] *Языковая семантика и образ мира*, кн. 1, Казань 1997, s. 164–165.
116. *Словообразовательная синонимия и смежные явления (на материале русского языка)*, (тезисы), [w:] *Изучаванье словенских језика, књижевности и култура у инословенској средини*, Београд 1998, s. 41–42.

117. *Словообразовательные конструкции со значением подобия (на материале слов разных частей речи), (тезисы), [w:] IV Международная конференция „Теория и практика преподавания славянских языков”, Печ, 24–25.04.1998 г., Pécs 1998, s. 24–25.*
118. *Омонимия производных глаголов в современном русском языке, (тезисы), [w:] Русский язык, литература и культура на рубеже веков, I, Братислава 1999, s. 80–81.*

В ХОРОШЕМ ИЛИ В ПЛОХОМ СМЫСЛЕ
– ОБ ОДНОМ ИЗ СПОСОБОВ ВЕРБАЛИЗАЦИИ АКТА ОЦЕНКИ

IN THE GOOD SENSE AND IN THE BAD SENSE
– ON ONE OF THE WAYS OF VERBALIZING THE ACT OF EVALUATION

PAULINA BORTNOWSKA

ABSTRACT. Structures *in the good sense* and *in the bad sense* are one of the ways of verbalizing the act of evaluation. What is interesting from the psycholinguistic point of view is their potential to activate a “backward” evaluation of concepts that are well established in the system of language that lies hidden in these structures, on the one hand, and the elements of the dynamics of axiomatic processes in the language that reflect social and cultural changes that can be revealed by them, on the other hand.

Keywords: sense, meaning, evaluation, axiomatic semantics

Paulina Bortnowska, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Poznań
– Polska, pkbortnowska@gmail.com

Человек и разные аспекты его языковой и рече-мыслительной деятельности уже долгие годы находятся в центре внимания лингвистических наук. Выявление механизмов классификации и категоризации, в рамках которых происходит процесс приписывания смысла отдельным элементам окружающей действительности, описание процессов интерпретации человеком мира и его составляющих, а также исследование отражения этого процесса и его эффектов в языке – это проблемы, которыми занимаются психолингвистика, социолингвистика, этнолингвистика и когнитивная лингвистика.

В данном контексте стоит, на наш взгляд, обратить внимание на вопрос соотношения понятий значения и смысла и их функционирования в языковом сознании говорящих. Языковое значение, т. е. „свойство знака нести какую-то информацию” [Алефиренко 2003: 19], будучи постоянным и довольно стабильным элементом системы языка, в некоторой степени противопоставляется смыслу, являющемуся актуальной, ситуативно обусловленной и тем самым легко меняющейся „ценностью, значимостью предмета для субъекта” [Алефиренко 2003: 19]. С другой стороны, будучи общеязыковой категорией и „основной единицей сознания” [Алефиренко 2003: 19], значение и его пони-

мание необходимо для субъекта в процессе познания действительности и определения места, занимаемого в ней конкретными объектами. Только тогда человек может верифицировать свои знания и представления об этих объектах и, в итоге, определить для себя их смысл.

С психолингвистической точки зрения, на наш взгляд, интерес представляет наличие в языке разного рода конструкций, в которых вербализируется факт совершения индивидом процесса интерпретации и осмысления результатов процесса познания. *На мой взгляд; по-моему; мне кажется; я считаю, что; я уверен, что* — это лишь некоторые из богатого репертуара средств выражения собственной точки зрения относительно какого-то факта действительности. Среди них особое место занимают конструкции, информирующие не только о самом факте произведения оценки, но и несущие гораздо более объемную информацию о всестороннем восприятии интерпретируемого и оцениваемого явления, а именно: выражения *в хорошем смысле* или *в плохом смысле*.

Появление похожего рода конструкций в высказываниях, на наш взгляд, можно воспринимать как доказательство того, что использующий их автор обладает определенными знаниями метаязыкового характера. Во-первых, употребляя выражения *в хорошем смысле* или *в плохом смысле*, он информирует, что понимает: единицы языка, будучи вербальным отражением фактов окружающего мира, могут обладать разным смыслом. Причем не только или хорошим, или плохим, ситуативно обусловленным, — разным, в зависимости от конкретных условий. Если нужно сообщить, что в данном контексте то или иное слово должно вызывать или хорошие, или плохие коннотации, значит, во-первых, оно обладает как положительным, так и отрицательным коннотативным потенциалом. Во-вторых, употребляя данные конструкции, говорящий связывает категорию смысла с категорией оценки, материальным выражением которых являются слова *хороший* и *плохой*, или их синонимы, напр. *худой*, напр.: *Мне самому такие люди противны и жалки не в хорошем смысле, а в худом, особенно когда они имеют какие-то воображаемые убеждения...*¹

Немаловажным представляется и то, что обсуждаемые конструкции содержат информацию о понимании говорящим места, занимаемого конкретными словами в общей системе языка, осознании их общего лексического значения, самых распространенных рече-текстовых реализаций и определенного, связанного с ними, ассоциативного по-

¹ Этот и все приводимые далее контексты были извлечены из основного подкорпуса Национального корпуса современного русского языка: www.ruscorpora.ru (28.09.2017).

ля. Ведь если нужно сообщить, что в данном контексте, высказывании данное слово появляется в хорошем или в плохом смысле, то такое употребление представляет собой отклонение от нормы, общепринятых правил. Говорящий обладает типичным представлением о данном слове, существующем в сознании других участников процесса общения, и сообщает о том, что намеревается выйти за рамки этого представления, актуализировать новые, неклассические, неожиданные, но все-таки потенциально возможные семы. На наш взгляд, такое языковое поведение может быть мотивировано двумя факторами. С одной стороны, это стремление вербально подчеркнуть новизну и оригинальность собственной интерпретации определенных объектов действительности, но с другой стороны, – это и желание, и стремление к тому, чтобы этот нестандартный прием не остался непонятым, или же в более широкой перспективе, чтобы самого говорящего не обвинили в непонимании употребляемых в речи слов. Именно об этом, как кажется, свидетельствуют появляющиеся в контекстах дополнительные, развернутые пояснения в виде синонимических слов или экземплификаций, ср.: *Оказалось, что она не умеет строить отношения, а ему не хватает умения ее „ломать” (в хорошем смысле слова, то есть управлять ею!); Если вы хотите иметь действительно элитный (в хорошем смысле этого слова, то есть нестандартный, красивый, интеллигентный, если угодно) сад, то перечисленные выше проблемы могут быть решены использованием теневыносливых растений; Обывателю (в хорошем смысле слова обывателю, это слово не ругательное – это обыкновенный человек, такой, как я, как мой менеджер, издатель) – обывателю приятно, что человек ковырялся сначала скальпелем внутри, а теперь он ковыряется... нехорошее слово – „ковыряется”.*

Учитывая эти общие психолингвистические и коммуникативные аспекты употребления в речи конструкций *в хорошем смысле* и *в плохом смысле*, мы проанализировали все помещенные в основном подкорпусе Национального корпуса русского языка контексты, которые содержат конструкции *в хорошем смысле* и *в плохом смысле*².

В результате извлечено 165 контекстов, среди которых 150 содержат фразу *в хорошем смысле*, 9 – *в плохом смысле*, 2 – *не в плохом смысле*, 1 – *и в хорошем, и в плохом смысле*, 1 – *не в хорошем, а в худом смысле*, 1 – *не обязательно в плохом смысле*. На основании анализа собранных контекстов мы попытались найти ответ на вопрос об аксиосемантическом потенциале конструкций *в хорошем смысле* и *в плохом смысле*. Для этого проанализировали те слова, которым авторы собранных высказываний приписывали „хороший” или „плохой” смысл.

² Национальный корпус русского языка: www.ruscorpora.ru (28.09.2017).

Итак, из собранного материала, насчитывающего, как было отмечено, 165 контекстов мы извлекли 158 слов и конструкций (устойчивых словосочетаний, фразеологических или идиоматических единиц разного характера, напр.: *взять в оборот, взять в плен, вынос мозга, высокое самомнение, закрутить гайки, протянуть ноги, социалистический реализм* и др.). Из 158 эксцерпированных единиц 145 появлялись в контекстах исключительно с положительными модификаторами (*в хорошем смысле* или *не в плохом смысле*), 11 — в сопровождении отрицательных модификаторов (*в плохом смысле* и *не в хорошем, а в худом смысле*) и 2 — с двойным модификатором (*и в хорошем, и в плохом смысле*) или же с нечетко выраженным модификатором (*не обязательно в плохом смысле*).

На следующем этапе анализа мы сопоставили полученные текстовые данные с лексикографическими, определили, какие категории слов — с оценочным или с нейтральным значением — преобладают в накопленном материале, а также в случае единиц с оценочным значением, какими оттенками значения они способны обладать согласно лексикографическим данным и какие приписывают им авторы анализируемых высказываний.

О присутствии оценочного компонента значения помещенной в словаре лексической единицы можно судить на основании трех показателей. Самым наглядным и непосредственным является наличие в дефиниции стилистической пометы, означающей, что в данном слове „содержится соответствующая эмоциональная, выразительная оценка обозначаемого явления” [Ожегов 2003: 8]. К таким пометам следует отнести: „(презр.), т. е. презрительное, (неодобр.), т. е. неодобрительное, (пренебр.), т. е. пренебрежительное, (шутл.), т. е. шутливое, (ирон.), т. е. ироническое, (бран.), т. е. бранное, (груб.), т. е. грубое” [Ожегов 2003: 8], напр.: *'скоморох* – разг. **неодобр.** несерьезный человек, потешающий других своими шутовскими выходками³ [Ефремова 2000]. Оценочный компонент значения конкретной лексической единицы может также находить свое материальное выражение в обладающих оценочным значением словах-компонентах словарной дефиниции, напр.: *'врать* – 1. лгать, говорить неправду, 2. действовать неправильно, неверно; фальшивить, 3. выражение несогласия, протеста, уверенности в себе, 4. болтать, говорить вздор' [Ожегов, Шведова 2000]; *'романтика* – то, что содержит идеи и чувства, эмоционально **возвышающие** человека; условия жизни, обстановка, содействующие **эмоционально-возвышенному мироощущению**' [Ожегов, Шведова 2000]. И, наконец, о присутствии оце-

³ Отметим, что среди всех проанализированных слов и выражений лишь слово *скоморох* появилось в словаре с пометой, указывающей непосредственно на оценочный аспект значения.

ночного компонента можно судить на основании ступенчатой верификации значения лексической единицы (о методе ступенчатой верификации значения лексических единиц см. шире: Котцова 2002: 28). Например, в толковании слова „традиционализм” не находим формального выражения оценочности: *‘традиционализм – приверженность к старым традициям’* [Ожегов, Шведова 2000]. Однако уже результаты ступенчатой верификации позволяют обнаружить наличие оценочных сем: *‘приверженность – см. приверженный’* [Ефремова 2000], *‘приверженный – преданный кому-л., чему-л., целиком отдающийся кому-л., чему-л., очень склонный’* [Ефремова 2000], *‘преданный – проникнутый любовью и верностью к кому-л., чему-л.’* [Ефремова 2000], *‘старый – долго бывший в употреблении, 2. достигший старости, 3. старинный, древний, 4. прежний, не современный, устаревший, 5. не являющийся новичком, давно где-нибудь находящийся, живущий, работающий, 6. бывший прежде чего-нибудь другого, предшествующий, 7. уже не действительный, негодный, 8. давний, существующий с давнего времени, долго, 9. о том, что давно известно, не ново’* [Ожегов, Шведова 2000], *‘традиция – 1. то, что перешло от одного поколения к другому, что унаследовано от предшествующих поколений (напр. идеи, взгляды, вкусы, образ действий, обычаи), 2. обычай, установившийся порядок в поведении, в быту’* [Ожегов, Шведова 2000].

Как можно было предполагать, в собранном материале значительно преобладали слова и выражения с вербально выраженными в словарных дефинициях оценочными компонентами – их 104. Среди них, в свою очередь, появлялись преимущественно слова и выражения с отрицательной семантикой – это 54 единицы, такие, как, напр., *авантюра, агрессивный, бюрократ, возмутитель, гастролер, закрутить гайки, консервативный, мещанин, обалдеть, ограниченный, плесень, противный, совать свой нос, сожрать, сумасшествие, тянуть одеяло на себя, честолюбивый* и др. Количество единиц с положительным оценочным значением составило 37, напр., *герой, гибкость, идеальный, классика, нормальный, оригинальный, патриотический, порадовать, профессионализм, реалист, свободный, терпимость, элитный* и др. В случае 13 единиц мы обнаружили их способность передавать как мелиоративную, так и пейоративную оценку, напр., *интеллигент, патриархальный, самолюбие, фанатик, хитрый*.

С точки зрения контекстуальной реализации оценочной семантики этих единиц, подавляющее большинство (95 единиц) получили модификатор с положительным значением. Причем этот квалификатор мог служить как средством сообщения об обратной оценочной семантике конвенционально отрицательно-оценочной единицы, напр.: *Поэтому расслабляться нельзя – манера преподавания главного героя*

очень понравилась – корректная, в то же время **агрессивная в хорошем смысле** этого слова; Опыт работы Николая Дмитриевича главой администрации края позволит ему „закрутить гайки” в администрации президента **в хорошем смысле** этого слова.; Свидетельство аккуратности, порядка и **педантичности в хорошем смысле** слова, которой нам так часто не хватает; Цифровые технологии проникают всюду, они должны все **сожрать** (это я **в хорошем смысле** слова) и определить наше дальнейшее развитие; Мужик он умный, но **упертый, не в плохом смысле**: у него есть принципы, от которых он не откажется – хоть сожги его!; активизации положительного восприятия слов с двойной оценочной семантикой, напр.: Очень русский человек, очень **интеллигент русский** – **в хорошем смысле**, очень с устремлениями влево, но без малейшей грубости, жестокости позднейшей левизны русской; „Каторжане” в форме хаки – энтузиасты и **фанатики в хорошем смысле** слова; Очень светский, образованный человек и весьма хитрый, но **хитрый в хорошем смысле** этого слова; так и усиления мелиоративного оттенка значения модифицируемого слова, напр.: Положительно можно сказать, что это был герой в своем, исключительном роде, и **герой** даже **в хорошем смысле** этого слова; Смотри на жену, как смотрел на невесту, знай, что она каждую минуту имеет право сказать: „Я недовольна тобой, прочь от меня”; смотри на нее так, и она через девять лет после твоей свадьбы будет внушать тебе такое же поэтическое чувство, как невеста, нет, более поэтическое, более **идеальное в хорошем смысле** слова; Цена и условия, которые действительно **порадуют Вас в хорошем смысле**. В проанализированных контекстах мы обнаружили 7 единиц с пейоративным модификатором, причем 3 из них обладали общеязыковой отрицательной семантикой: Тут с неизбежностью возникает совершенно идиотский, даже какой-то **в плохом смысле детский** вопрос – за что?; Мне самому такие люди **противны и жалки не в хорошем смысле, а в худом**, особенно когда они имеют какие-то вообразимые убеждения...; и всего лишь 2 единицы – с двойным или нечетко выраженным модификатором: Китайцы, может быть, немного **хитрее, не обязательно в плохом смысле** этого слова, но хитрее; То, что я много, много более **живой. В хорошем и в плохом смысле**.

Единиц, оценочность которых можно выявить методом ступенчатой верификации значения, в нашем материале выделено 24. Среди них 13 обладали традиционно отрицательной семантикой, напр., авантюризм, бабство, взять в оборот, вынести весь мозг, протянуть ноги, 6 – положительной: академический, антиспамер, быть на ты, демократизация, компромисс, чувство локтя и 5 могли, по лексикографическим данным, передавать как положительный, так и отрицательный виды оценки: интимность, националист, странник, традиционализм, традиционность. С точки зрения текстовой реализации, 22 единицы получили

в контекстах положительные модификаторы, причем как и в случае предыдущей группы, функция модификатора могла сводиться к передаче обратной оценочной семантики модифицируемого слова, напр.: *Умные, сильные телом и духом люди, авантюристы в хорошем смысле этого слова*; *Вчера привела в свою свежкупленную квартиру дизайнера-архитектора, за 15 мин она мне в хорошем смысле этого слова вынесла весь мозг. Стоооолько идей начала набрасывать, я сама бы и близко ничего подобного не смогла б родить в своей нетворческой голове*; *Впрочем, позволить себе роскошь протянуть ноги – в хорошем смысле этого слова – решаются далеко не все театралы*; к выбору нужного оценочного аспекта, напр.: *После „Музыкального магазина” наш оркестр увеличился вдвое, возникла балетная труппа из сорока девушек, и в нашем представлении появилось что-то фундаментальное, солидное, оно утратило легкость, камерность, лиричность, интимность в хорошем смысле слова*; *Теперь это менеджер высочайшего уровня, который, как считает Путин, за это время стал и „националистом” – в хорошем смысле этого слова*; *Также сохранит свое значение книга, личная библиотека – именно потому, что они несут в себе результат личного индивидуального выбора, и в силу их красоты и традиционности в хорошем смысле этого слова*; или же к интенсификации мелиоративного значения: *Но как странно они прогрессируют не в сторону демократизации, в хорошем смысле этого слова, не в сторону осуществления новых методов тюремования*; *Молодые родители с их заботами – тоже „антиспамеры”, но в хорошем смысле слова*. Отрицательный модификатор появился в случае всего лишь 2 единиц, из которых одна обладала традиционно мелиоративным, а вторая – традиционно пейоративным значением: *Павлов прав – совершенно необходимо, превращает, однако, этот последний вопрос в „akademische Frage”, в академический (в плохом смысле этого слова) вопрос*; *Эти мужские штучки не являются украшательством, украшением, бабством в плохом смысле слова, нет!*

Собранный и проанализированный материал насчитывал также 30 единиц, которые, по лексикографическим данным, обладают нейтральным не-оценочным значением. Это такие слова, как, напр., *актерский, английскость, беллетрист, витрина, восточный, еврейский, заниматься, конъюнктура, потомство, резиновый, структурализм, церковность* и др. Любопытно, что подавляющее большинство – 28 единиц – появились в контекстах с положительным модификатором, напр.: *Землетрясение „обнажает сущность людей, лишившихся своего контекста, своей культуры” – это суждение гуманиста, культуролога, беллетриста (в хорошем смысле слова)*; *Но с другой стороны – и „Зоопарк” тоже, только на бытовом уровне, – бытовом не в плохом смысле, а по разрабатываемым темам*; *Не секрет, что страна, покупающая у России большие объемы оружия, должна быть уверена, что РФ будет вести себя предсказуемо, что она не вторгнется*

в зону интересов партнера, будет в хорошем смысле сотрудничать в данном регионе по линии ООН; Я себя чувствую им в хорошем смысле отменным: не нужен при таком много говорящем, талантливо, блестяще, еще один говорящий, нужен молчащий (молчание у Г. как раз слабое место), и молчащего Г. не отменяет; Причем без всяких протоколов, голосования, если хочешь, по-семейному, в хорошем смысле этого слова. Всего лишь 2 единицы этой группы приобрели отрицательную модификацию: А теперь понял, что они на самом деле резиновые. В плохом смысле; Нужно весь этот „дебат“ освободить от „клерикальщины“, „церковности“ в плохом смысле этого слова (оборот Церкви на себя) — от вопросов о „правах“ женщины в Церкви, о том, что она может „делать“, каково ее служение в церковных, то есть клерикальных, структурах. Нельзя, однако, не заметить, что в приведенных выше примерах слов с нейтральным, по словарным данным, значением, ощущается большой коннотативный потенциал. На наш взгляд, этот потенциал связан непосредственно с высокими коннотативными возможностями лексико-семантических полей, к которым можно отнести эти единицы, и контекстов, в которых они функционируют.

Подводя итоги, сделаем несколько обобщающих выводов. Сопоставление лексикографических данных с текстовыми позволяет заметить, что конструкции *в хорошем смысле* или *в плохом смысле* используются говорящими именно для подчеркивания нестандартного, с точки зрения категории оценочности, употребления какой-то лексической единицы в тексте. Причем в большинстве случаев говорящие употребляли именно слова с отрицательной семантикой, как кажется, с целью придать им новый, положительный смысл. Это свидетельствует, на наш взгляд, о существовании определенной тенденции с точки зрения аксиосемантического анализа языка и текста, а именно: тенденции к переосмыслению элементов общепринятой системы ценностей и представлений.

Поэтому приходим к выводу, что на собранный материал стоит посмотреть еще и с точки зрения его семантического анализа. Однако в связи с отмеченным большим семантическим и морфологическим разнообразием собранных примеров мы решили выделить доминирующие тематические (а не — семантические) группы и попытаться на этом основании найти ответ на вопрос, какие сферы человеческой жизни и существования обладают особой способностью стимулировать говорящих к активизации такой нестандартной „обратной“ оценочной семантики, которая вербализируется с помощью выражений *в хорошем смысле* или *в плохом смысле*.

Проведенный семантический анализ как отдельных слов и выражений, являющихся семантической опорой интересующих нас в данной

статье конструкций, так и сопровождающих их контекстов, позволил сделать вывод о том, что большинство из них – 144 единицы – можно отнести к одной из двух основных тематических групп: к сфере широко понимаемой моральной, морально-психической, психической и интеллектуальной деятельности человека или же к сфере общественной жизни человека и ее составляющих.

К первой из названных тематических групп мы отнесли 88 единиц. Среди них были обнаружены следующие группы слов: названия моральных, морально-психических и интеллектуальных качеств человека: *авантюризм, бабство, высокое самомнение, педантичность, профессионализм, романтика, самолюбие, самоуверенность, терпимость, упрямство*; названия лиц по этим качествам: *авантюрист, ведьма, возмутитель, герой, реалист, странник, фанатик*; слова, характеризующие человека и / или другие объекты и факты действительности по этим качествам: *авантюрный, агрессивный, незащищенный, жалкий, идеальный, обреченный, ограниченный, отсталый, провокативный, противный, свободный, скромный, увлеченный, упрямый, хитрый*; названия действий и состояний, связанных со сферой нравственной и интеллектуально-психической жизни человека: *взять в оборот, впечатлить, врать, вынести мозг, завидовать, заводиться, любить себя, порадовать, поражать, протянуть ноги, пугать, совать свой нос, сожрать, тянуть одеяло на себя*; а также отдельные примеры отвлеченных понятий, связанных со сферой нравственности и психики: *авантюра, выгода, плесень, помпа*. Если посмотреть на данные слова с точки зрения морально-психических качеств человека, то доминирующими среди них будут группы, характеризующие эгоизм и высокую самооценку: *высокое самомнение, любить себя, самолюбие, самоуверенность, тянуть одеяло на себя*; смелость, и силу характера, противопоставляющиеся трусости или, наоборот, легкомысленному подходу к риску: *авантюра, авантюризм, авантюрист, бабство, незащищенный, герой, жалкий*; выражающие подчиненность или неподчиненность правилам: *возмутитель, провокативный, свободный*.

Ко второй группе можно отнести слова и выражения, которые своей семантикой связаны с общественной жизнью человека и ее проявлениями на разных уровнях, напр., со сферой этнического и территориального происхождения: *английскость, восточный, еврейский*, общественной и классовой принадлежности: *дама старой закалки, интеллигент, кулак, мещанин, мужик, обыватель, элитный*; профессиональной и экономической сферой деятельности человека: *академический, актерский, бюрократ, гастролер, карьера, конъюнктура, лоббистский, скоморох, служака, эконом*; или же со сферой политики: *демократизация, консервативный, либерально, националист, общественный, патриархальность, патриотический, политик*.

Тематические группировки, как отмечают ученые, выходят за рамки языкового членения понятий, отражают внеязыковые аспекты их функционирования [Котцова 2002: 94]. С точки зрения нашего анализа, этот факт можно воспринимать как своего рода преимущество – выделенные тематические группы позволили заметить именно те сферы внеязыковой действительности, которые привлекают внимание говорящих и поощряют их к переосмыслению накопившихся в ментальном лексиконе носителей языка представлений о некоторых качествах, в частности таких, как эгоизм и уверенность в себе, смелость, трусость и подход к риску, подчиненность или неподчиненность правилам, а также о некоторых сферах жизни человека, связанных с общественной и классовой принадлежностью, экономикой, политикой и профессиональной деятельностью, или же национальным и этническим происхождением.

Употребление фраз *в хорошем смысле* или *в плохом смысле* показывает, что носители языка осознают динамику происходящих в языке семантических процессов и соотносят ее с динамикой общественно-культурных перемен. Они ищут новый подход к старым ценностям, пытаются придавать новый смысл устоявшимся в языке и общем сознании представлениям об определенных явлениях. Говорящие ситуативно актуализируют значения слов, обнаруживая тем самым более широкие процессы аксиосемантического характера.

Обобщенные результаты проведенного анализа позволяют сделать вывод о том, что присутствие конструкций *в хорошем смысле* или *в плохом смысле*, вербально указывающих на динамические процессы в сфере аксиосемантики определенных понятий, дает возможность наблюдать за динамикой социально-культурных перемен – изменений в оценке социальных, политических фактов, а также изменений в системе нравственных ценностей – и с этой точки зрения данный вопрос, на наш взгляд, требует дальнейшего, более подробного изучения.

Библиография

- А л е ф и р е н к о Н. Ф. 2003. *Проблемы вербализации концепта*, Волгоград: Перемена.
- К о т ц о в а Е. Е. 2002. *Лексическая семантика в системно-тематическом аспекте*, Архангельск: Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
- Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный*. 2000. Ред. Т. Ф. Ефремова, т. 1-2, Москва: Русский язык.
- Толковый словарь русского языка*. 2006. Ред. С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова, Москва: ООО „А ТЕМП“.

ПРЕСЛОВУТОЕ КАК БЫ – СЛОВО-ПАРАЗИТ
ИЛИ ПОЛНОЦЕННОЕ ДИСКУРСИВНОЕ СЛОВО?

THE OVERUSED FORM AS IF – A WORD-PARASITE
OR A STANDARD VALUE WORD?

ЛИЛИЯ БЫКОВА

ABSTRACT. The article synthesizes, organizes and in many ways reveals and defines the conventionally invariant and derivative values (senses) of the hyperfrequency particle 'AS IF (КАК БЫ)' using as its material various discourses in the modern Russian language. Anthropological and phenomenological study revealing the pragmatic strategy of the speaker's approach to the texts, substantiated the hypothesis of the permanent dialogical, situational significance of this specific discourse phrase, even in cases when it reveals the physiological aspects of speaking. On the surface, the explanation of the reasons for the high frequency use of 'as if' is based on socio-political factors. At the same time, the "byte of uncertainty" of our time correlates with the categories of contemporary postmodernist consciousness with its freedom from the unambiguous connection of the word with the denoter and, as a consequence, with the loss of uniqueness and certainty.

Keywords: particle, as if, Russian language, semantics, derivate values

Лилия Быкова, Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина,
Харьков – Украина, bliliya@comcast.net

Перед нами стояла трудновыполнимая задача синтезировать и „перекроить” множественные мнения лингвистов и всех интересующихся состоянием норм русского языка нового времени относительно слова-частицы *как бы*, которая теперь на слуху у всех – поистине гиперчастотна в современной устной (более всего) и даже в письменной русской речи. Это „проблемное” слово, широко распространенное во всех сферах общественной жизни и культуры, затронуло едва ли не все жанры – как в сфере бытового общения, так и в профессиональных сообществах; в интеллигентском жаргоне, языках компьютерщиков, политической сфере, художественной литературе, научном стиле речи.

Национальный корпус русского языка фиксирует миллионы словоупотреблений этого слова. Только в корпусе „Поэтический” обнаруживается 67685 вхождений. Естественно, мы ограничимся несколькими наиболее показательными примерами.

Трудно осуществить попытку эксплицировать и систематизировать большое количество терминов и определений, используемых авторами исследований для выявления „растяжимых“ контекстных значений и оттенков этого слова, в котором *как* говорит о сравнении, а *бы*, по мнению академика В. В. Виноградова, является „этимологической подкладкой“, уже глагольной частицей модального, гипотетического, ирреального содержания.

Существует большое количество научных и популярных статей, посвященных этой частице: о ней пишут в общих исследованиях современной культуры речи и состояния норм русского языка. Много заметок, эссе, публицистических и социологических откликов о „литературности“ *как бы* в письменной речи; о связи ее с проблемами коммуникации, языком СМИ, с феноменом языковой игры; о связи с текстовыми категориями, в прагматическом и феноменологическом аспектах.

Нет возможности и, думается, необходимости помещать в список литературы в данной статье свыше 50 библиографических позиций, ограничимся наиболее аналитичными.

Каждому, кто берется за эту „скользкую“ тему, так или иначе придется ответить на вопрос: это слово-паразит или полноправное дискурсивное слово, или же оно может совмещать обе квалификации.

К числу сторонников значимости частицы относятся М. Н. Виротайнен, С. Дончак, Б. Дубин, О. В. Трофимова, А. А. Белов, В. А. Плунгян и др. С большими сомнениями, „частично“ или резкоотрицательно относятся к „мусору“, „опустошенности“, „паразитарности“ *как бы* – спутнику косноязычия: О. А. Лаптева (*как бы*), А. Д. Шмелев, А. Д. Васильев, М. Эпштейн, А. Немзер, В. Познер и др.

Дискурсивные слова – это текстовые категории имплицитной информации, тактики и стратегии говорящего. Они обеспечивают связность текста и самым непосредственным образом отражают процесс взаимодействия говорящего и адресата, позицию говорящего, то, как он интерпретирует факты, о которых сообщает, как оценивает их с точки зрения важности, правдоподобия, вероятности и т. д. В случае *как бы* важно и то, как говорящий оценивает своего адресата.

В качестве общетеоретической основы лингвистического анализа представляется обоснованной (и в этом убеждает огромный фактический материал) концепция известного русского языковеда В. А. Плунгяна [Плунгян 2014], согласно которой в языке не может быть ничего нефункционального, незначимого, пустого. Такой подход является антропологическим, психолингвистическим и, можно сказать, феноменологическим, т. к. проецируется на попытку проникнуть в спонтанно-смысловую жизнь сознания. В. А. Плунгян и его сторонники защищают функциональность любого слова в речи. Там, где противники

как бы не видят ничего, защитники видят многое, что обнажает себя в устной речи. В связи с высказываниями В. А. Плунгяна (иллюкции, эмоциональность, провокация контекста...), основываясь на общих особенностях устной речи, говорения в целом, укажем также, что говорящий с помощью частицы *как бы* может искать нужное слово, обдумывать стратегию предстоящего говорения; может менять ее (паузы обдумывания). Это может быть результат интеллектуальной и языковой компетентности, несостоятельности говорящего (комплекс неполноценности), ограниченности лексикона; желание „замаскировать“ незнание предмета речи. Это может быть попытка оценить сознание адресата (как он отнесется к высказыванию?). В конце концов, это может быть проявление чисто физиологических аспектов говорения: состояние аффекта, возбуждения, растерянности, смущения; пауза, чтобы расслабиться, перевести дух, оставить место для маневрирования, релаксировать языковую память. Действительно, вскрываются речемыслительные процессы, спонтанно-смысловая жизнь сознания (частицу иногда выделяют запятыми). Несколько примеров: „Я сейчас, *как бы*... Это не мое знание, но мое представление“ (А. Венедиктов, „Эхо Москвы“); „Но никто не посягал, никто, *как бы*, так сказать, не говорил об этом“ (П. Гусев, „КСМ Правда“); „Таким образом, мы видим, что, *как бы*, все вот это недовольство – тут это, тут это“ (К. Ремчуков, „Эхо Москвы“); „Но... *как бы* это сказать... ты *как бы* меня иногда смущаешь своей опытностью“ (О. Зуева, „Даша“).

Наиболее очевидным представляется одно из значений *как бы* в собственно поэтических текстах, в которых автор говорит не только об иллюзорном, но и неведомом, невыразимом, требующем неясной семантики, не позволяющей читателю однозначно идентифицировать референт (денотат) и его признаки. Неординарность, неповседневность впечатлений создает как бы „зазор“ между словом и мыслью: непостижимое, иррациональное – не X, но и не Y (*как бы* „у“), „то же, да не то“. А. А. Белов [Белов 2005], исследовавший роль *как бы* в поэзии Ф. Тютчева, проанализировав 30 случаев употребления частицы в 385 текстах, особо выделил эти случаи сложности вербализации, сопутствующие душевному состоянию неопределенности: „Люблю смотреть, когда созданья *как бы* погружены в весне. И мир заснул в благоуханье, и улыбается во сне“ (*Слезы*); „Как сердцу радостно, светло, *как бы* эфирною струею по жилам небо протекло“ (*Проблески*).

Невозможность точной вербализации, неуверенность в точном выражении убедительно подтверждается контекстами неотчетливого, субъективного сенсорного восприятия мира, как саморефлексия перцепции в любых дискурсах: *как бы* сиреневатый (зрительная); *как бы* сладковатый (вкусовая); *как бы* шершавый (осязание); *как бы* свистящий (звук).

Наверное, можно сказать, что условно „инвариантным“ для частицы является смысл *как*, превращающий сравнение в утверждение, и смысл *бы*, перечеркивающий это утверждение. Создается значение неопределенности, условной предположительности, которое можно выразить целым рядом слов: уподобление, недостоверность, приближительность, ненастоящность, фиктивность, „кажимость“, видимость, имитация, иллюзия и даже симулякр (как копия, вообще не имеющая оригинала в действительности). Часто присутствующая ироническая тональность, особенно проявляющаяся в звучащей речи, в унисон сопровождает смысл. Имея в виду, прежде всего, публицистику, исследователи и ревнители культуры речи объясняют гиперчувствительность частицы факторами социально-политическими — нестабильностью общества с его полумерами и полузаконами, говорят о присутствии постсоветского самоограничения безусловности, категоричности — уходом от конкретности, определенности. Возникает мысль о непрочности, виртуальности бытия, что М. Эпштейн выразил формулировкой: „Байт неопределенности и есть суть времени“.

„После Второй мировой войны страна *как бы* процветает“ (М. Барщевский, „Новая газета“); „Сложилось такое впечатление у власти, что, ну да, будет *как бы* не очень, но мы, *как бы* будем балансировать в этой ситуации“ (Е. Осетинская, „Независимая газета“); „Ну, как бы за метро будут платить в основном иногородние“ (К. Ремчуков, „Эхо Москвы“); „...выйти *как бы* из изоляции России“ (Д. Муратов, „Независимая газета“); „Ну, она (Меркель) *как бы* очень всегда интересуется и правозащитными вопросами“ (Д. Муратов, там же); „Тайна переписки у нас *как бы* сохраняется“ (М. Барщевский, „Новая газета“).

Можно сказать, что в новое время масс-медиа изменили отношения между письменной и устной речью: написанное слово может полностью отражать говорение. В этой новой словесности обнаруживается пристрастие к *как бы* у многих очень известных политических деятелей, политиков, публицистов, журналистов, интеллектуалов. О. А. Лаптева [Лаптева 2004] назвала имена известных артистов, мы назовем также имена А. Венедиктова, главного редактора „Эха Москвы“; К. Ремчукова, многолетнего редактора „Новой газеты“, Д. Муратова, редактора „Независимой газеты“; М. Шевченко, М. Барщевского, Л. Радзиховского, Ю. Латыниной, известных не только в России блестящих публицистов; писателя В. Ерофеева. Эту особенность нового языка подметил президент РФ В. Путин, сказав: „Я выразил свою позицию, президент Украины — свою, мы нашли, как теперь принято говорить, *как бы* консенсус“ (из передачи РТР).

Иногда кажется, что „в устах интеллектуалов“ это языковая игра, осознанное отступление от нормы, протест против казенной речи, да-

же насмешка над нормой; шаги в сторону комического, самоиронии и иронии. Подделка под простонародный стиль воспринимается естественно: В. В. Виноградов считал эту частицу просторечной.

„Речь идет как бы о полевых командирах, которые контролируют какие-то здания“ (Г. Павловский, „Эхо Москвы“); „...сейчас как бы немодно вообще воевать. То есть иногда как бы приходится, но, как бы нехорошо. Все говорю как бы, потому что, конечно, там включаются другие силы“ (В. Ерофеев, Радио „Свобода“); „Я не министр культуры. Я вообще как бы к культуре непосредственного отношения не имею“ (М. Барщевский, „Эхо Москвы“).

Как бы способно формировать контексты с прямо противоположными значениями. Так, одни из них (и их огромное количество) не вуалируют неопределенность, а прямо, без обиняков, говорят о действительности – и ложном, обманном ее представлении.

Разговор П. Гусева (редактора „Московского комсомольца“) с ведущим на „Эхе Москвы“: „Ну, он (новый министр культуры) как бы книги пишет“. – „Как бы многие пишут книги“. Ведущий: „Решение вполне как бы законное“. – „Ну, по форме как бы законное, а по сути – издательство“ (А. Венедиктов, „Эхо Москвы“); „Как бы они (молодые люди) несут ответственность за свою судьбу. На самом деле все понимают, что это как бы“ (Д. Муратов, „Эхо Москвы“); „...непонятные военные люди, которые, как бы, не русские войска, а, наверное, марсиане...“ (А. Островский, Радио „Свобода“); „Они как бы работают, а им как бы платят“ (В. Морковкин, *Объяснительный словарь*); „Вроде как бы идеология, а на деле часто по бабкам (Ю. Латынина, „Эхо Москвы“); „Там все уходили от налогов, но как бы не все за это сидят“ (Е. Осетинская, „Новая газета“); „Однако в выданной мне справке значилось: может, находится на территории России, без права работать, т. е. как бы гостевая виза“ (Е. Марков, АиФ).

С другой стороны, выступает стратегия самоограничения безусловности и категоричности, боязнь „сказать лишнее“, стремление уклониться, не брать на себя ответственность за оценку и номинацию явления, события, факта. Частица может ослабить, смягчить значение слова, которое может быть произнесено. Уклончивость, или фигура скромности, или просто вежливость – это определяется контекстом. Здесь особенно важно чувствовать иронию.

„Как-то страна немного как бы устала от нее“ (Ю. Латыниной) – (М. Шевченко, „Эхо Москвы“); „Конечно, Дождь как бы вызвал неудовольствие“ (Г. Тимченко, *Дождь*); Ведущая „Эха Москвы“: „Мы вот тут как бы немножечко поспорили“ (был большой скандал); „Диалог: «Ругает?» – „Нет, журит скорее как бы“ (М. Шевченко, там же); „Либералы в этой ситуации были как бы противниками Путина“ (М. Шев-

ченко, „Новая газета“); „Он (Путин) *как бы* предостерегает законодателей от излишнего рвения” (М. Шевченко, там же); „Власть, *как бы* вроде бы сама это (митинги) разрешила...” (Т. Фельгенгауэр, „Эхо Москвы”).

Для частицы *как бы* органически свойственно участие в контекстах, где говорящий не скрывает притворства, обманного поведения. Роли маски вполне соответствуют слова В. И. Даля об опорных словосочетаниях для одного из значений частицы *как бы* – „принимать вид обманчивый и сомнительный”.

„Курили... ну, то есть я-то не курю, но тоже выходил со всеми, *как бы* покурить, просто так говорят: выйти покурить” (Е. Гришковец, *Одновременно*); „И *как бы* просто так, скажешь: „Что-то звук как-то странно записался” (Е. Гришковец, там же); „Прикинулся водопроводчиком. Он теперь у нас *как бы* водопроводчик” (из устной речи).

Есть контексты, где ярко проявляются межличностные отношения, реакции на слушателя, общую обстановку, ситуацию. Разные социальные роли, робость перед авторитетами, смущение, извинение, стремление оправдаться. В итоге, не найдя дефиниции, нужной вербализации, субъект речи с помощью *как бы* „подставляет” на место нужного слова – „заместителя” (иногда это бывают гиперонимы).

Из устной речи: „Вот этот *как бы* памятник (барельеф) здесь открыли”; „Нам всем дали *как бы* бумагу с вопросами” (анкета социологического опроса); „Ну, они *как бы* вольные участники” (волонтеры); „Господин судья, ваша честь, я их *как бы* и не видел”; „Вот эти *как бы* манипулятивные технологии, которые были применимы Ельциным, стали работать на общество” (А. Фефелов, АиФ); „И все эти фотографии, на которых она такая красивая, станут не просто фотографиями, а *как бы* вот документами эпохи” (Е. Гришковец, *Одновременно*); Инвариантное значение *как бы* по своей природе может выступать синонимом к слову *якобы*. Диалог Д. Муратова и ведущей на „Эхе”: „Зубов – это тот профессор, которого сегодня увольняют из МГИМО?” – „*Как бы* увольняют, говорят, что вроде нет [...]. Но что-то происходит вокруг”; „Нет никакого дела Лепса, а вот по этому братству, где Лепс *как бы* был упомянут в качестве якобы курьера [...].” (А. Венедиктов, „Эхо Москвы”).

Заслуживает особого внимания обращение к синтаксическим фразеологизмам с *как бы*. Существует ситуация, которую назовем эмоциональный псевдовопрос, контекст обратного прочтения.

„А ты *как бы* не знаешь?” (едкая интонация: „Знаешь!”); „А ты *как бы* там и не был?” („Был!”); Насмешливый отказ, возражение: „*Как бы* не так!” („Не так”).

Существует *как бы* вне ирреальной, гипотетической модальности, как маркер приблизительности, подобия, синоним к *вроде* – для имен.

„Так режем всю соломку с торца и получаем *как бы* щеточку [...] цилиндрик заканчивается *как бы* иголочкой” („Соломенные картины”, „Народное творчество”); „Говорят на *как бы* мате – попкорн, семечки, жвачка” (поэтесса И. Кабыш считает язык современной молодежи подобным мату („Литературная газета”).

Из устной речи: „*Как бы* стол будет” (ящик, чемодан), „*Как бы* мех” (из ваты); „*Как бы* книга” (мобильное устройство).

И, наконец, есть контексты, которые воодушевляют хулителей частицы, из-за которых *как бы* награждают множеством уничижительных слов (агрессивное, избыточное, бессмысленное, речевая демагогия и мн. др.). Это контексты, в которых нельзя усмотреть ни одного из установленных значений, где нет неопределенности, сравнения, подобия, где смысл читается абсолютно однозначно, конкретно. Частица сопутствует тому слову, смысл которого нельзя ни ослабить, ни усилить. Сама ситуация является четко и неукоснительно конкретной; не может быть двусмысленности; говорящий как будто ее не предусматривает. Но здесь может проявиться неявный, имплицитный способ передачи информации, о котором убедительно писал В. А. Плунгян (см. выше). Только в устной речи, где ситуация мотивирована, слово в большей мере является действием, где понятны и межличностные отношения участников, где возможно наблюдение за эмоциями, настроениями говорящих и собеседников, можно подметить искренность и неискренность, провокативное употребление, языковую игру [...]. То, что бессмысленно в письменном тексте, может иметь значение или функцию – в устной.

„Мы начали продавать этот *как бы* крем” (реклама); „Завтра мы *как бы* встретимся” (утверждение); „Судья дал ему *как бы* 20 лет”; „Парень лежал на полу *как бы* с проломленной головой”; Ответ студента на экзамене: „Подлежащее и сказуемое *как бы* главные члены предложения” (случай с экзаменатором О. А. Лаптевой); На судебном процессе биологический и официальный отец ребенка: „Я *как бы* отец! (может быть: «А вы, *как бы* не знаете?»)”; „Там и наибольшая плотность *как бы* населения” (невозможно квалифицировать это употребление в выступлении интеллектуала М. Шевченко – „Эхо Москвы”).

Присоединившись к хору тех, кто видит в *как бы* слово-паразит, О. А. Лаптева, наиболее серьезный и обстоятельный исследователь частицы (6), признается в трудности окончательных оценок. И тем не менее, автор полагает возможным усмотреть в этом складывающуюся самоорганизацию движения языка, новую формацию текста (устного и письменного) и даже участие частицы в создании ритмичности преобразований при делимитации поиска необходимого слова.

Вопрос о феномене частицы может быть осмыслен философски. М. Н. Виролайнен в исследовании об исторических метаморфозах

русской словесности [Виролайнен 2007] пишет о том, что **в виртуальной сфере помысленное получает статус действительного**. Она свободна от массы ограничений, существующих как в материальном, так и в идеальном мирах. В частности — от ограничений определенностью, на которую обречено не только все материально воплощенное, но и идеально совершенное. Не связанный определенностью всего воплощенного и состоявшегося, виртуальный мир максимально подвижен, изменчив, текуч; любая данность в нем может быть переиграна, трансформирована [там же: 480–481].

Утрата уникальности, единичности, а значит, и идентичности практически стала едва ли не общим местом современного постмодернистского сознания.

Развивая концепцию М. Н. Виролайнен, Б. В. Дубин в работе, выполненной в русле исследований по социологии современной культуры [Дубин 2004], связывает распространение частицы *как бы* с основами московского концептуализма начала 60-х годов — это слово было фигурой иронии, манифестирующей свободу от однозначной связи слова со своим денотатом, составляло контраст официальной речи, жестко закрепляющей связь между словом и бытием. Сейчас уже однозначно определенное становится неоднозначно неопределенным (*Я как бы пришла*); самоотждественное — подобным чему-то иному. Сослагательность проявляется там, где ей не место, и перестает восприниматься как сослагательность [там же: 340].

Во всем этом М. Н. Виролайнен и Б. В. Дубин видят и проявление коллективного бессознательного. Язык то ли фиксирует, то ли формирует какие-то бессознательные и тем более необратимые процессы.

Библиография

- Б е л о в А. А. 2005. *Функционально-семантический анализ частицы как бы в поэзии Ф. И. Тютчева*. Выпускная квалификационная работа, Череповец: Изд-во Череповецкий государственный университет.
- В а с и л ь е в А. Д. 2003. *Слово в российском телеэфире. Очерки новейшего словоупотребления*, Москва: Флинта-Наука.
- В и р о л а й н е н М. Н. 2007. *Исторические метаморфозы русской словесности*, Санкт-Петербург: Амфора.
- Д о н ч а к С. Б. 2001. *Языковая игра и обманутые ожидания*, [в:] *Критика и семиотика*, вып. 3–4, Красноярск: Красноярский государственный ун-т, с. 78–84.
- Д у б и н Б. В. 2004. *Интеллектуальные группы и символические формулы*, [в:] *Очерки социологии современной культуры*, Москва: Новое изд-во.
- Л а п т е в а О. А. 2004. *Самоорганизация движения языка: внутренние источники преобразований*, (статья вторая), „Вопросы языкознания”, № 5, с. 17–31.

- П л у н г я н В. А. 2014. *О дискурсивных словах, их роли в нашей речи и бесполезности борьбы с ними*. Интервью с лингвистом В. А. Плуногяном. 24 октября 2014, [в:] электронный ресурс: Varusaba.livejournal.com/89916.html
- Т р о ф и м о в а О. В. 1998. *Сочетание „как бы“ в сверхтексте „Литературной газеты“*, [в:] *Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики*, Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, с. 91–98.
- Ш м е л е в А. Д. 1998. *Слова-паразиты и их роль построении дискурса*, [в:] *Русский язык в контексте современной культуры*, Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, с. 151–153.

БЕЗМЕРНО СЧАСТЛИВ. О АДВЕРБИАЛНЫХ ВЫКЛАДНИКАХ
WYSOKIEGO STOPNIA INTENSYWNOŚCI EMOCJI
W JĘZYKU ROSYJSKIM I POLSKIM

БЕЗМЕРНО СЧАСТЛИВ. ON ADVERBIAL MARKERS
OF THE HIGH LEVEL OF EMOTIONS IN RUSSIAN AND POLISH

ZOFIA CZAPIGA

ABSTRACT. The paper is devoted to adverbial markers of the high level of emotions in Russian and Polish. The following types of intensifiers are analysed: *очень, безмерно, крайне, невероятно, невыносимо, необыкновенно, несказанно, сильно, смертельно, страшно, ужасно, чертовски, чрезвычайно; bardzo, nieprawdopodobnie, niewiarygodnie, niezmiernie, niezwykle, ogromnie, okropnie, piekielnie, potwornie, straszliwie, strasznie, szalenie*. They express the level of emotional intensity in a way that is above average. They refer to the emotional state named by an adjective or a participle, an adverb (predicative), or a verb. Most of them serve to intensify both positive and negative emotions.

Keywords: intensity, intensifier, emotion, adverb, Russian language, Polish language

Zofia Czapiga, Uniwersytet Rzeszowski, Rzeszów – Polska, zczapiga@wp.pl

Emocje są językowo zróżnicowane pod względem intensywności, od najsłabszych do najsilniejszych, np. *rozdrażnienie – złość – wściekłość – furia* [Apresjan 1994: 9–10], a te z kolei dodatkowo mogą być określane różnymi intensyfikаторami. Kategoria intensywności uważana jest przez wielu lingwistów za kategorię semantyczną zajmującą miejsce pomiędzy kategorią jakości a ilości [zob. m.in.: Егорова 2009: 224–226; Григорьева; Родионова 2004: 300–313; Straś 2008]. Zbliża się ona do kategorii miary, komparatywności i gradualności, jednak odróżnia ją obecność komponentu ekspresywnego. Intensyfikacja służy bowiem do wydzielenia jakiegoś desygnatu (pojęcia, obiektu) spośród jemu podobnych w drodze subiektywnego ujmowania miary cechy, jakości, stanu, różniącej się od normalnej [Родионова 2005: 154–158]. Intensywność bywa przedstawiana w postaci skali. S. A. Grigorjeva [Григорьева] wyróżnia trzy stopnie: mały stopień, normę i wysoki stopień, co niejako pokrywa się z klasyfikacją R. Grzegorzczukowej [Grzegorzczukowa 1975: 80]: wysoki stopień, średni / przeciętny i mały / niewielki stopień cechy [zob. także Кржижкова 1974: 124; Wołodźko 1984: 80]. Taką mia-

raż można mierzyć intensywność stanów psychicznych człowieka będących reakcją subiekta na bodziec niezależny od jego woli [Zmarzer 1985: 39].

Przedmiotem niniejszego szkicu są wykładniki wysokiego stopnia intensywności przeżywanego stanu emocjonalnego w języku rosyjskim i polskim. Materiał empiryczny został dobrany z internetowych korpusów językowych [*Национальный корпус русского языка; Narodowy Korpus Języka Polskiego*].

Typowym, neutralnym wykładnikiem wysokiego stopnia natężenia emocji jest adverbium *очень / bardzo*, natomiast szeroko używane są synonimiczne przysłówki¹ nacechowane emocjonalnie i stylistycznie: *безмерно, крайне, невероятно, невыносимо, необыкновенно, несказанно, сильно, смертельно, страшно, ужасно, чертовски, чрезвычайно; nieprawdopodobnie, niewiarygodnie, niezmiernie, niezwykle, ogromnie, okropnie, piekielnie, potwornie, przekropnie, straszliwie, strasznie, szalenie* itp. Wyrażają one taki stopień intensywności emocji, który w istotny sposób przewyższa normę. Sens 'stopień powyżej normy' odnosi się w obu językach do stanu emocjonalnego nazwanego:

– przymiotnikiem lub imiesłowem², np. *очень взволнован, влюблен, доволен, рад, раздражен, счастлив, удивлен, безмерно благодарен, влюблен, рад, счастлив, безгранично рад, счастлив, бесконечно рад, весел, счастлив, огорчен, безумно благодарен, влюблен, расстроен, счастлив, крайне взволнован, доволен, опечален, рад, счастлив, удивлен, невероятно влюблен, рассеян, необразимо приятное состояние, невыразимо обрадован, рад, счастлив, необыкновенно рад, расстроен, счастлив, несказанно весел, доволен, оскорблен, рад, счастлив, удивлен, неслыханно поражен, счастлив, сильно взволнован, удивлен, слишком весел, взволнован, влюблен, возбужден, возмущен, восхищен, доволен, испуган, рад, раздражен, счастлив, удивлен, смертельно оскорблен, страшно нервный, несчастлив, обижен, поражен, рад, ужасно рад, расстроен, счастлива, чересчур спокоен, чрезвычайно встревожен, доволен, заинтересован, несчастлив, рад, расстроен, счастлив, чрезмерно возбужден, доволен, злой, мрачен, озабочен, рад, рассеян; **bardzo** рад, smutny, (nie)szczęśliwy, przestraszony, wesoły, zadowolony, zdenerwowany, zły, **absolutnie** zachwycony, **bezzgranicznie** zakochany, **całkiem / całkowicie** szczęśliwy, uspokojony, zadowolono-*

¹ Leksykon synonimów jest bardzo zróżnicowany: rosyjskie słowniki internetowe podają różną ich liczbę, np. 157 synonimów *очень* (<http://synonymonline.ru>), a pełny słownik synonimów języka rosyjskiego nawet 192 (<http://словарь-синонимов.рф>). Natomiast polski internetowy słownik synonimów odnotowuje aż 354 synonimy *bardzo*, lokalizując je w 65 grupach znaczeniowych (<http://synonim.net>) (08.08.2017).

² Wszystkie przytaczane połączenia pochodzą z zasobów internetowych, przy czym w niniejszym szkicu w większości przypadków ujednolicona została forma rodzajowa członu nadrzędnego – podawany jest rodzaj męski. Liczba emotywów przy intensyfikacjach przysłówkowych świadczy o ich preferencjach konotacyjnych.

ny, zdruzgotany, **kompletnie** oszołomiony, zaskoczona, zdziwiony, **nadzwyczaj** ciekaw, **nieopisanie** szczęśliwy, **nieprawdopodobnie** przygnębiony, zazdrosny, **niesamowicie** przestraszony, zakochany, zdenerwowany, zadowolony, **niewiarygodnie** szczęśliwy, ucieszony, **niewypowiedzianie** rad, szczęśliwy, wdzięczny, zły, **niezmiernie** ciekaw, dumny, przygnębiony, podekscytowany, rad, rozżalony, smutny, szczęśliwy, ucieszony, wdzięczny, zadowolony, zaskoczony, zdenerwowany, zdumiony, zdziwiony, **niezwykle** rad, roztargniony, zdenerwowany, zaskoczony, zmartwiony, zadowolony, **ogromnie** szczęśliwy, wdzięczny, zadowolony, zaniepokojony, **okropnie** nieszczęśliwy, szczęśliwy, **piekielnie** rozdrażniony, zadowolony z siebie, zazdrosny, **potwornie** szczęśliwy, nieszczęśliwy, zakochany, wściekły, zły, **szalenie** zakochany, zadowolony, wyęskniony, **zanadto** ciekawy, rozgoryczony, podniecony, zaskoczony, zadowolony, uszczęśliwiony, wstydlivi, zatroskani, **zbyt** zadowolony, szczęśliwy, **zbyt** przerażony, rozdygotany, rozżalony nad sobą, szczęśliwy, wzburzony, zachwycony, zacierzewiony, zgnębiony, **zupełnie** spokojny, szczęśliwy, zgnębiony;

– czasownikiem, np. **очень** боялся, волновался, испугался, нервничал, (об)радовался, скучал, страдал, **безгранично** волнуется, любил, **безмерно** боялся, восхищались, завидовал, любил, обожал, скучал, оскорбил, радуется, расстраивает, удивился, **безумно** жалел, завидовал, надеялся, (по)любил, понравился, стеснялся, **бесконечно** любил, радовался, удивляло, **крайне** удивились, сожалел, **несказанно** гордился, жалею, изумился, (об)радовался, (по)радовало, поразился, удивило, удивился, **невероятно** обрадовались, **невообразимо** скучал, **невыносимо** раздражали друг друга, страдал, **несказанно**, **невыразимо** жалел, любил, скучал, страдал, **неслыханно** удивил, **сильно** горевал, жалел, заволновался, любил, нервничал, пугается, рассердился, расстроился, сомневался, страдал, тосковал, **слишком** боялся, восхищался, любил, радуется(ся), расстраивает(ся), скучал, стеснялся, удивился, **смертельно** влюбился, возненавидели друг друга, боялся, испугался, обиделся, рассорился, ревновал, **страшно** боялся, волновался, жалел, нервничал, обрадовался, расстроился, ревновала, скучал, удивлялся, **ужасно** боялся, гордился, испугался, любил, обрадовался, поразился, разнервничался, разозлился, растерялся, стеснялась, удивляло, жалел, **чересчур** обрадовался, волнуется, **чрезвычайно** заинтересовало, смущало, **чрезмерно** удивил ее, любил, волновался, радовался, увлекся; **bardzo** się bał, denerwował, cieszył, kochał, przestraszył, rozgniewał, wstydzil, wystraszył, zdziwił, żałował, **absolutnie** zachwycił, **bezgranicznie** kochał, **całkiem** się rozweselił, **kompletnie** zaszokował mnie, **ogromnie** się cieszył, bał, kochał, martwił, przeraził, **okropnie** się bał, cierpiał, tęsknił, przestraszył, rozgniewał, wstydzil, wściekł, zakochał, zawstydzil, zirytował, zmartwił, **niesamowicie** zauroczył, zdenerwował go, **niewypowiedzianie** denerwowały go, **niezmiernie** cieszył się, kochali, poweselał, rozczuliło go, śmieszyło, uszczęśliwiło, zaczęło go złościć, zaskoczyło, zdziwił się, żałował; **zupełnie** zadowolilo go, **strasznie** się cieszył, bał, **szalenie** kochał, ucieszył się, **piekielnie** się bał, cierpiał, cieszyło go, denerwowało, (ze)złościł się,

zanadto kocham, kocham(y) się, nienawidził, obawiał się, pogardzał nią, uniósł się, żałował, *zanadto* się nie dziwił, nie rozgniewał, *zbyt / zbyttnio* się bał, kochał, nienawidził, upajali się nadzieją, mógł *zbyttnio* zachwycić;

– przysłówkiem lub predykatywem³, np. *очень* жаль, обидно, (не)приятно, стыдно, *безгранично* жаль, грустно, страшно, *безмерно* жаль, *бесконечно* жаль, *безумно* жаль, *крайне* жаль, *невероятно* приятно, *невообразимо* жалко, приятно, страшно, стыдно, *невыносимо* больно, грустно, жалко, неловко, скучно, сладостно, стыдно, тоскливо, *невыразимо* грустно, жалко, жалостно, печально, приятно, скучно, стыдно, тоскливо, *непередаваемо* жалко, страшно, стало *несказанно* жалко, *слишком* жаль, *смертельно* жалко самого себя, *чертовски* (не)приятно, *чрезвычайно* жаль, (не)приятно, стало *ужасно* жалко, обидно, приятно, стыдно; *bardzo* mi przykro, smutno, wstyd, żal, *niewypowiedzianie* mi głupio, przykro, żal, *niezmiernie* mi przykro, *okropnie* wstyd, *ogromnie*, *potwornie*, *straszliwie*, *strasznie* żal.

Z obserwacji materiału empirycznego wynika, że w obu językach intensyfikacja dotyczy najczęściej takich pozytywnych uczuć i emocji jak szczęście, radość i miłość, a z negatywnych – zdenerwowanie, strach, wstyd i żal⁴. Wyróżnione przysłówki wskazują na intensywność cechy, stanu czy reakcji psychicznej powyżej normy. Przysłówki *абсолютно*, *совершенно*, *совсем*; *całkowicie*, *zupełnie*, *kompletnie* sygnalizują maksymalny, pełny stopień intensywności, tj. taki, który nie może być zwiększony, np.:

Купальной, как и всем остальным, я не только доволен, но **совершенно восхищен** (П. И. Чайковский, *Письма Н. Ф. фон-Мекк*);

Весь вечер он **был абсолютно счастлив** (А. Геласимов, *Год обмана*);

Миша, так тот **совсем влюбился** в Триродова (Ф. К. Сологуб, *Капли крови*);

Byłem tak oszołomiony, zawstydzony, można powiedzieć: **całkowicie zdruzgotany**, że dałem się Kasi wziąć za rękę. Poprowadziła mnie do stolówki jak skrzywdzone dziecko (Z. Nienacki, *Księga strachów*);

I po raz pierwszy zasnąłem **zupełnie spokojny i szczęśliwy** (H. Grynberg, *Życie ideologiczne, osobiste, codzienne i artystyczne*).

Z kolei *слишком*, *чересчур*, *чрезмерно*; *zanadto*, *zbyt*, *zbyttnio* oznaczają nadmierny stopień doznań emocjonalnych, przekroczenie pewnych norm, np.:

³ W literaturze przedmiotu predykatywy określane są różnymi terminami: słowa kategorii stanu, przysłówki predykatywne (предикативы, слова категории состояния, предикативные наречия). Nazywają one stany psychiczne i pełnią funkcję predykatywną w zdaniach bez subiekty wyrażonego formą mianownikową [zob. Moczarz 2005: 15–23].

⁴ Dla wskazania wysokiego stopnia żalu szeroko używane są połączenia intensyfikatorów z predykatywami *жаль*, *жалко*, *żal*, organizującymi typowe, zwłaszcza dla języka rosyjskiego, zdania stanowe z subiektem celownikowym. O modelach zdań stanowych [zob. Цейтлин 1976: 161–181].

– Простите, я виновата., **чересчур обрадовалась** находке и утратила бдительность... (Н. Александрова, *Последний ученик да Винчи*);

Он **был слишком счастлив** в эту минуту, чтоб о ком-либо печалиться (В. Курочкин, *На войне как на войне*);

Чрезмерно любил женщин и всю ту роскошь, которую можно приобрести за большие деньги (А. Бовин, *Пять лет среди евреев и мидовцев*);

Byłem człowiekiem szczęśliwym, **zbyt szczęśliwym**. Idąc za światłem, nie mogłem tak po prostu schodzić z tej drogi, by się pojawiać na zajęciach z dykcji czy wiersza (N. Terentiew, *Zwierzenia kontrolowane*);

Konrad miał bogate doświadczenia [...] Wcale nie **był zbytnio zadowolony**, kiedy Grażyna zawołała Patryka. Zdziwił się nawet, że chłopak wciąż jej słuchał (M. Harny, *Zdrajca*);

– Nic, tęskniłem za tobą strasznie. [...] **Zanadto** cię **kocham**, zdaje się. Nie poznaję siebie (S. Witkiewicz, *Pożegnanie jesieni*).

Typowe dla języka potocznego przysłówki *смертельно, страшно, ужасно, чертовски; diabelnie, ogromnie, okropnie, piekielnie, potwornie, strasznie, straszliwie, śmiertelnie* świadczą o nieobojętnym stosunku emocjonalnym do danego stanu rzeczy i łączą się z leksemami, zawierającymi już w swojej strukturze semantycznej wskazanie na bardzo wysoki stopień cechy, stanu, np.:

– Настя вдруг всхлинула. – Я боюсь, Юрка, я **смертельно боюсь**. Господи, если бы ты только знал, как мне страшно. (А. Маринина, *Стечение обстоятельств*);

И, в-третьих, я тебя **ужасно люблю**, я по тебе **ужасно тоскую**, я вижу тебя во сне и целую миллион раз (Б. Васильев, *Дом, который построил Дед*);

Мальчишка **страшно обрадовался** его звонку и спросил, не сможет ли он на каникулах пристроиться в его съемочную группу (В. Аксенов, *Новый сладостный стиль*);

Tak, to moja wina, moja! Jakże mi **straszliwie żal!** A odrobić już nie można niczego! Zapomnij mi krzywd! Rozstańmy się jak przyjaciele! Dla mnie wszystko się skończyło! (W. Reymont, *Rok 1794*);

Zawsze była brudasem i bałaganiarą, co **piekielnie** mnie **denerwowało** (M. Bukowski, *Wyścig szatana*);

Jakaś ty szczęśliwa, Mirko, jakaś ty **strasznie szczęśliwa!** (M. Dąbrowski, M. Dąbrowska, *Ich noce i dnie*).

Intensyfikacja zwykle wiąże się z oceną: pozytywną bądź negatywną i większość intensyfikatorów łączy się z nazwami zarówno pozytywnych, jak i negatywnych emocji. Niektóre intensyfikatory przysłówkowe, np. *жутко, страшно, ужасно; strasznie, потворно* nie mają jednak charakteru oceniającego, ich pierwotne znaczenie negatywne zostało utracone, stąd możliwe są połączenia *жутко/страшно/ужасно рад; strasznie/потворно/окропно się cieszy*. Są to użycia fakultatywne, potoczne: ‘bardzo, nadzwyczaj, niezmiernie’, a nie ‘prerażająco, okropnie’. W mowie potocznej obu języków wśród intensyfikatorów wyrażających niezwykle natężenie emocji

przeważają te, które prymarnie miały bądź nadal mają odcień pejoratywny, jednak współczesne ich użycie wynika z potrzeby poszukiwania coraz świeższych, mocniejszych i nieutrwalonych form ekspresji, z pominięciem logicznych formuł określających znaczenie tych słów⁵. Przytoczone konstrukcje sygnalizują, że X cieszy się bardzo, niezmiernie.

Leksemy *безгранично, безмерно, бесконечно, беспредельно; крайне, предельно; bezgranicznie, maksymalnie, nadzwyczaj, niezmiernie, ogromnie, skrajnie* również oznaczają bardzo dużą intensywność doznawanej emocji. W ich znaczeniu zawarta jest ocena skalowanego zjawiska: przy *крайне* (= *очень, чрезвычайно*) jest to zwykle ocena negatywna, a przy pozostałych częściach pozytywna, np.:

Тем не менее, я был **безмерно счастлив**: впервые Водила понял меня так, как этого хотел я (В. Кунин, *Кыся*);

Мать и дочь **любили друг друга безгранично**, но сама любовь препятствовала их близости: более всего они боялись причинить друг другу огорчение (Л. Улицкая, *Пиковая дама*);

Он **выглядел крайне расстроенным** (Т. Соломатина, *Сонина Америка*);

Поэтому я был **крайне рад**, когда заседания кончились (А. Ф. Редигер, *История моей жизни*);

Wszystkim nam zrobiło się **niezmiernie smutno** (J. Brzechwa, *Akademia pana Kleksa*);

– Cesarzową wkrótce będziemy mieli w Nilfgaardzie. [...] Cesarz ponoć **ogromnie szczęśliwy**, więc i dla innych pragnie szczęścia (A. Sapkowski, *Wieża Jaskółki*);

Król **bezgranicznie kochał** swą małżonkę, królową, a ona całym sercem kochała jego (A. Sapkowski, *Wieża Jaskółki*);

– **Byłem nadzwyczaj ciekaw**, czy profesor uszanuje moje zaproszenie (J. Broszkiewicz, *Doktor Twardowski*).

Щастіе, мілюсь czy smutek nie mają granic, stąd ich intensywność może wzrastać w nieskończoność (*безмерно счастлив, безгранично любили; bezgranicznie kochał, niezmiernie smutno*), natomiast w kolejnych fragmentach intensywność emocji sięga najwyższych granic i nie może się już zwiększyć (*крайне расстроен, рад; надzwyczaj ciekaw*).

Semantyka intensyfikatorów *невообразимо, невыразимо, непередаваемо, неслыханно, несказанно; nieopisanie, niesatowicie, niewiarygodnie, niewypowiedzianie* itp. wskazuje na tak wysoki stopień doznań emocjonalnych, że nie mogą one być przedstawione lub opisane za pomocą dostępnych środków językowych, że mówiącemu / piszącemu brakuje dostępnych słów do ich wyrażenia, np.:

Невыразимо счастлив такому исходу дела и делюсь с Вами своею радостью (А. Макареня, *И находка ленинградская...*);

⁵ Zob.: [Родионова 2004: 308–309]; źródło elektroniczne: http://pwsz.chelm.pl//poradnia_jezykowa/index_2.php?id_k=5&id_p=84 (07.09.2017).

И было стыдно, **невообразимо стыдно** так встречаться со своей мечтой (Л. Дурнов, *Жизнь врача*);
Sara w odpowiedzi kłoniła głowę, zapłoniona, zmieszana, **niewypowiedzianie szczęśliwa** (Z. Kossak, *Przymierze*);
Znajomy z lotniska krzyknął gromko i spod ziemi wyrósł jeszcze jeden człowiek. Nie ucieszyłem się wcale, bo 1) **niewiarygodnie byłem** już **ucieszony**; 2) zaprag-
nąłem samotności (I. Karpowicz, *Nowy kwiat cesarza*).

Jak widać, duża jest różnorodność adwerbialnych wykładników wysokiego stopnia intensywności przeżywanego stanu emocjonalnego w języku rosyjskim i polskim. Obok neutralnego *очень/bardzo* są to nacechowane stylistycznie synonimiczne intensyfikatory przysłówkowe typu *абсолютно, безгранично, безмерно, бесконечно, крайне, невероятно, невыносимо, невыразимо, неслыханно, необыкновенно, несказанно, сильно, слишком, смертельно, совершенно, страшно, ужасно, чересчур, чертовски, чрезвычайно, чрезмерно; абсолютно безгранично, całkiem/całkowicie, kompletnie, nadzwyczaj, nieopisanie, nieprawdopodobnie, niewiarygodnie, niezmiernie, niezwykle, ogromnie, okropnie, piekielnie, potwornie, straszliwie, strasznie, szalenie, zanadto, zbytnio / zbyt, zupełnie*. Wyrażają one stopień intensywności emocji w sposób istotny przewyższający normę: sygnalizują maksymalny, pełny stopień intensywności, tj. taki, który nie może być zwiększony (*абсолютно, совершенно, совсем; безмерно, безгранично, бесконечно, беспредельно, крайне, предельно; całkowicie, kompletnie, zupełnie; bezgranicznie, maksymalnie, nadzwyczaj, niezmiernie, ogromnie, skrajnie*), oznaczają nadmierny, przekraczający przyjęte normy stopień doznań (*слишком, чересчур, чрезмерно; zanadto, zbyt, збытно*) bądź wskazują na tak wysokie natężenie emocji, że trudno je przedstawić lub opisać dostępnymi środkami językowymi (*невообразимо, невыразимо, непередаваемо, несказанно, неслыханно; неopisanie, niesatowicie, niewiarygodnie, niewypowiedzianie*). Odnoszą się do stanu emocjonalnego nazwanego przymiotnikiem lub imiesłowem, przysłówkiem (predykatywem) i czasownikiem. Większość z nich określa zarówno emocje pozytywne, jak i negatywne.

Bibliografia

- A p r e s j a n J. D. 1994. *Naiwny obraz świata a leksykografia*, „Etnolingwistyka”, t. 6, s. 5–12.
C h u d y k D. 2006. *Semantyka i łączliwość przysłówków gradualnych w języku rosyjskim w porównaniu z ekwiwalentami polskimi (na materiale tekstów literatury pięknej)*, Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego.
G r z e g o r c z y k o w a R. 1975. *Funkcje semantyczne i składniowe polskich przysłówków*, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk: Ossolineum.
M o c a r z M. 2005. *Predykatywy leksykalne w konfrontacji przekładowej*, Lublin: Towarzystwo Naukowe KUL.

- S t r a ś E. 2008. *Kategoria intensywności we frazeologii języka polskiego i rosyjskiego*, Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego.
- W o ł o d ź k o E. 1984. *Przysłówki w języku polskim i rosyjskim*, Warszawa: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne.
- Z m a r z e r W. 1985. *Charakterystyka semantyczna czasowników stanu psychicznego w języku rosyjskim i polskim*, Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego.
- Źródło elektroniczne: http://pwsz.chelm.pl//poradnia_jezykowa/index_2.php?id_k=5&id_p=84 (07.09.2017).
- Е г о р о в а В. Н. 2009. *К вопросу определения интенсивности в современном языкознании*, „Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского”, № 6 (2), s. 224–226.
- Г р и г о р ь е в а С. А. *Степень и количество (русские наречия: очень, весьма, сильно, полностью, целиком)*, [в:] *Труды Международного семинара „Диалог 2001” по компьютерной лингвистике и ее приложения*, [w:] *электронный ресурс: http://www.dialog21.ru/trends/archive_article.asp?param=6668&y=2001&vol=6077* (15.06.2017).
- К р ж и ж к о в а Е. 1974. *Количественная детерминация прилагательных в русском языке*, [в:] *Синтаксис и норма*. Отв. ред. Г.А. Золотова, Москва: Наука.
- Р о д и о н о в а С. Е. 2004. *Интенсивность и ее место в ряду других семантических категорий*, [в:] *Славянский вестник*, вып. 2: К 70-летию В. П. Гудкова, Москва: МАКС Пресс, s. 300–313.
- Р о д и о н о в а С. Е. 2005. *Семантика интенсивности и ее выражение в современном русском языке*, [в:] *Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры*. Ред. А. В. Бондарко, Санкт-Петербург: Наука, s. 150–168.
- Ц е й т л и н С. Н. 1976. *Синтаксические модели со значением психического состояния и их синонимика*, [в:] *Синтаксис и стилистика*. Ред. Г. А. Золотова, Москва: Наука.
- Słownik synonimów języka rosyjskiego*, [w:] *źródło elektroniczne: <http://synonymonline.ru>* (08.08.2017).
- Рeчнy словник синонимов языка rosyjskiego*, [w:] *źródło elektroniczne: <http://словарь-синонимов.рф>* (08.08.2017).
- Słownik synonimów języka polskiego*, [w:] *źródło elektroniczne: <http://synonim.net>* (08.08.2017).

ZWROTY CZASOWNIKOWO-RZECZOWNIKOWE
O TEMATYCE FUTBOLOWEJ
W SŁOWNIKU ROSYJSKO-POLSKIM / POLSKO-ROSYJSKIM

VERBAL-NOMINATIVE LOCUTIONS ON THE FOOTBALL THEME
IN THE RUSSIAN-POLISH / POLISH-RUSSIAN DICTIONARY

YURY FEDORUSHKOV

ABSTRACT. A football lexicon contains a lot of unregistered phrasemes. The text of the article is devoted to the input method of verbal-nominative phrases from the text corpora into the bilingual (Russian-Polish / Polish-Russian) pocket dictionary of soccer.

Keywords: text corpus, verbal-nominative units, regular expressions, phrasemes, lexicon of soccer, lexical qualifiers

Yury Fedorushkov, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Poznań
– Polska, jerfed@amu.edu.pl

W komentarzach piłkarskich do opisu konkretnych sytuacji bezpośrednio podczas meczu używa się wielu czasowników, z których każdy bardzo często stanowi integralną część zwrotu o wysokiej częstotliwości użycia. Olbrzymia liczba takich zwrotów jest wciąż niezannotowana przez leksykografów; jednocześnie zwroty te często mają charakter frazematyczny, terminologiczny oraz posiadają trwałe, również reprodukowalne ekwiwalenty w językach obcych. Idea stworzenia słownika piłkarskiego zawierającego zwroty w języku rosyjskim w parze ze zwrotami w języku polskim pojawiła się zatem niespontanicznie, lecz podczas ciągłego studiowania polskich oraz rosyjskich komentarzy sportowych zarówno w formie pisanej, jak i audiowizualnej. W tekście niniejszym przedstawimy wybrane zagadnienia dotyczące komponowania siatki haseł oraz opiszemy kilka etapów zestawiania treści słownika rosyjsko-polskiego / polsko-rosyjskiego w zakresie piłki nożnej. Artykuł składa się z trzech części: pierwsza zawiera ogólne informacje o słowniku, w drugiej mowa jest o etapach komponowania centralnej siatki haseł, a trzecia zawiera rozważania na temat konkretnych przypadków i dylematów towarzyszących komponowaniu par przekładowych rosyjsko-polskich. W treści artykułu ograniczymy się do opisu części rosyjsko-polskiej słownika (seria etapów A). Nieco szerzej omówimy problem odtwarzalności kategorii gramatycznych członów konstrukcji ba-

danych zwrotów. W ramach opisu badań dotyczących tworzenia par przekładowych (seria etapów B) ograniczymy się do omówienia zasadniczych zagadnień teoretycznych: na przykład, co uważać za parę przekładową oraz jaką taktykę wybrać podczas tak spornej kwestii, jak status frazematyczny potencjalnej jednostki przekładowej. Zasadniczym celem artykułu jest przedstawienie warsztatu badawczego w pracy nad słownikiem.

I. Charakterystyka słownika: oś rosyjska jako centralna siatka haseł

Adnotacja. Autor niniejszego artykułu realizuje projekt dotyczący stworzenia rosyjsko-polskiego / polsko-rosyjskiego słownika o tematyce piłkarskiej. Wydawniczy tytuł słownika – *Mistrzostwa Świata-2018 w Piłce Nożnej w 2018 roku: kieszonkowy słownik piłki nożnej rosyjsko-polski i polsko-rosyjski*. Słownik zawiera podstawowe pojęcia: przeważnie leksemmy (np. *bramka*) i zwroty (*strzelić bramkę*), a także mniej liczne wyrażenia (np. *czerwona kartka*) i frazy (np. *мяч ушел в а́йм*), jednak nie tylko terminy, ale też ogólnie rozumiane słownictwo używane podczas relacji meczów w polskim i rosyjskim socjolekcie futbolowym – zatem również niektóre popularne wyrażenia z żargonu zawodników piłkarskich i kibiców. Docelowa grupa odbiorców – osoby, które zamierzają przyjechać do Rosji na Mistrzostwa Świata w Piłce Nożnej w 2018 roku. W związku z tym treść słownika zawiera także minirozmówki rosyjsko-polskie.

Zacznijmy od formy słownika, danych statystycznych oraz od opisu struktury. Oś rosyjska jest osią podstawową (centralną, wyjściową) względem polskiej siatki haseł, a sam słownik określić można jako kompaktowy lub kieszonkowy, jako że ze względu na skróconą liczbę haseł dobierany jest zasadniczo mniejszy format wydawniczy. W związku z tym ważną rolę odegrały metody oraz przyjęte zasady doboru oraz ograniczenia doboru haseł (stanowiących oś) oraz przykładów ich użycia. Przykłady użycia – to głównie odtwarzalne połączenia wyrazowe. Szczególne miejsce zajęły w słowniku zwroty werbo-nominalne, których ekscerpca była przeprowadzana ze specjalnie w tym celu stworzonej próbki korpusowej (określonej dalej jako „korpus”) o tematyce futbolowej (por. niżej).

Artykuł hasłowy stworzony jest na wzór prezentacji gniazda walencyjnego jednej osi wraz z dodaniem gniazda innej osi. Innymi słowy, traktujemy je jako *translatemy*¹, tj. swojego rodzaju makropary przekładowe. Ostateczna

¹ W sprawie terminu *translatem* (ros. *транслатэма*) zbliżonego do terminu *para przekładowa* odwołujemy się do pozycji [Тюленев 2004: 89]:

Транслатема отражает константу переводческого соответствия плана содержания, обладающего своим конкретным планом выражения на минимальном отрезке оригинала (в ИЯ) [исходящем языке – Y. F.], плану содержания, обладающему своим конкретным планом выражения на минимальном отрезке в ПЯ [переводящем языке – Y. F.]. Таким образом, **транслатема представляет собой целое, состоящее из двух (или даже более – например, при трехстороннем переводе) компонентов** [pogrub. – Y. F.]. Первым компонентом транслатемы является некое содержание, определенным образом выраженное средствами ИЯ; вторым – то же содержание, но выраженное уже средствами ПЯ [тамże].

postać artykułu hasłowego – to makropara przekładowa: pojedynczy artykuł hasłowy wraz z tytułem hasłowym (zob. niżej – fragment 1 – hasło **а́ут**) to w zasadzie część makropary przekładowej wymagający równoległego artykułu hasłowego w języku polskim z tytułem hasłowym **aut** (fragment 2).

а́ут

- **вбра́сывать мяч из а́ута**
- **ввод мяча́ из а́ута**
- **выбива́ть [мяч] в а́ут**
- **мяч ушёл в а́ут**

Fragment 1. Przykład artykułu hasłowego: hasło główne oraz połączenia z użyciem hasła tytułowego

а́ут

- **вбра́сывать [мяч] из а́ута**
- **ввод мяча́ из а́ута**
- **выбива́ть [мяч] в а́ут**
- **мяч ушёл в а́ут**

aut

- **wrzucać [piłkę] z autu**
- **wprowadzenie piłki z autu**
- **wybijać [piłkę] na aut**
- **piłka wyszła na aut**

Fragment 2. Przykład makropary przekładowej rosyjsko-polskiej

Liczba artykułów hasłowych – około 130 w każdej z osi. Artykuły hasłowe są wypełnione przykładami użycia, tj. niemal każdy z artykułów hasłowych poza głównym hasłem zawiera połączenie wyrazowe. Głównie są to kolokacje werbo-nominalne. Połączeń takich jest około 370 w jednej osi. Łącznie mikropar przekładowych jest po 500 w każdej osi. Ogólna liczba translatemów dla obu osi wynosi niewiele ponad jeden tysiąc. Należy w tym miejscu dodać, że oprócz zwrotów w słowniku znalazła się o wiele mniej liczna grupa wyrażen (np. *żółta kartka*²) oraz fraz (np. *мяч ушёл в а́ут*), bez których słownik miałby absolutnie niedozwolone luki.

Trudność podstawowa polegała na wieloetapowej selekcji (ros. *выборка*) materiału. Główna metoda selekcji – ekscerpja oparta o składnię wyrażen regularnych oraz wyniki lematyzacji danych korpusu, wyrażone w tzw. *ankodach*³. Jak już wspomniano, badanie skoncentrowano na automatycz-

² W pewnym sensie w słownictwie piłkarskim dla wyrazu *kartka* lub dla zwrotu *dostać kartkę* zarezerwowane są „domyślne” przymiotniki *żółta* lub *czerwona*.

³ W sprawie lematyzacji wyrazów języka rosyjskiego oraz uzyskania ankodów (ros. *анкоды, аношкинские коды*) – por. publikacja [Fedorushkov 2010]. Ekscerpja zautomatyzowana opiera się właśnie o zastosowanie ankodów – gramatycznych kodów bigramowych obejmujących poszczególne zbiory kategorii gramatycznych dla odpowiednich części mowy. Np. rzeczownikowi *мама* lematyzator przydziela ankod **да** (Mianownik liczby pojedynczej rodzaju żeńskiego), dla słowoformy *мамы* – ankod **дб** (Dopełniacz...), *маму* – **дв** (Celownik...) etc. Ankody uzyskiwane są dzięki zastosowaniu morfoanalityzatora – tzw. *lematyzatora*. Tabela ankodów znajduje się w aneksie dołączonym do pakietu morfoanalizy, zawierającym lematyzator AOT (www.aot.ru – dostęp 25.02.2017).

nym wyszukiwaniu konstrukcji werbo-nominalnych (KWN) ze strukturą V+PREP+N₄. Część werbalna (V) – dowolna słowoforma czasownika, włączając imiesłów przymiotnikowy oraz przysłówkowy; dowolny przyimek (PREP); rzeczowniki dowolnego Rodzaju oraz Liczby w Bierniku (N₄). Aby otrzymać przykłady (ze zlematyzowaną formą czasownika): *послать [мяч] в сетку, опустить [мяч] в сетку, попасть в штангу, идти в обводку, вывести [мяч] на удар, пробить в противоход, сыграть в мяч* należało zastosować szereg filtrów ekscerpcyjnych z zastosowaniem ankodów (por. następny punkt).

Korpus liczy ponad 1 mln wyrazów (okazów) oraz składa się z 10 tomów zdigitalizowanych kopii historycznej encyklopedii z zakresu piłki nożnej – *World Cups. Все чемпионаты мира по футболу* (por. Bibliografia). Autorzy encyklopedii komentują najważniejsze mecze w historii Mistrzostw Świata w piłce nożnej. Osobną kwestię do omówienia stanowi swoisty idiolekt autorski podporządkowujący nie tylko oficjalne terminy, lecz także właściwe profesjolektowi piłkarskiemu leksemy, zwroty, a ponadto nieliczne wyrażenia i frazy w nieoficjalnych warstwach stylistycznych, np. m.in. potoczmy, quasiterminy, wyrażenia z żargonu kibiców itp. Warto tu także wspomnieć, że jądro słownika stanowi leksyka o konkretnej tematyce (por. niżej – punkt II.), skupiającej wokół siebie najbardziej odtwarzalne wyrazy (przeważnie rzeczowniki): *мяч (piłka), ворота (bramka), футбол (piłka nożna), карточка (kartka)* i in. Oprócz zwrotów w słowniku występują także niektóre wybrane wyrażenia (np. dla hasła **kartka**: *жёлта картка, czerwона картка*), bez których trudno wyobrazić sobie najpopularniejszą dyscyplinę sportową. Na temat tagowania wyrazów, zwrotów, wyrażeń i fraz piłkarskich – por. punkt III. Należy wskazać, że ze względu na współwystępowanie wyrazów, wyrażeń i zwrotów (np. *kartka – czerwона картка – показать czerwона картке*) zwrócimy uwagę także wybrane wyrażenia rzeczownikowe.

II. Warsztat badawczy: seria etapów A (obiekty, opis oraz wyniki)

Etapom selekcji materiału wprowadzanego do centralnej siatki hasel poświęcimy osobny rozdział w przygotowywanej obecnie monografii. Zatem ograniczymy się tutaj do skrótowego omówienia procesu komponowania. Seria etapów A – to sporządzenie siatki hasel w osi rosyjskiej. Natomiast serię etapów B na ogół w skrócie można określić jako wzajemne „dopasowanie” rosyjskiej oraz polskiej siatki hasel. Należy zaznaczyć, że etapy A oraz B niejednokrotnie odbywały się jednocześnie bądź też dublowały się nawzajem. Jako że materiał polski nie pochodził z tekstu równoległego (tj. przykładowo przetłumaczonej encyklopedii), wyszukiwanie ekwiwalentów odbywało się w źródłach leksykograficznych, wyszukiwarce PELCRA⁴, a także w kontekstach prasowych oraz internetowych. W celu

⁴ Wyszukiwarka PELCRA bazuje na danych *Narodowego Korpusu Języka Polskiego (NKJP)*. Wyszukiwarka zawiera tzw. Kolokator – moduł umożliwiający wyszukiwanie koloka-

zapewnienia wiarygodności danych zasięgnęliśmy porad specjalistów w tej dziedzinie: leksykografów oraz trenerów piłki nożnej. Niżej przedstawiamy skrótowe opisy jedynie pięciu zasadniczych etapów komponowania rosyjskiej siatki haseł.

A.I. Ekscerpcja ankodowo-regexowa. Zastosowanie ankodów oraz składni REGEX⁵ w filtrach dla KWN o strukturze V+(PREP)+N₄ w korpusie. Niżej podajemy wybrane przykłady filtrów oraz wyników ekscerpcji:

Filtr uwzględniający rzeczowniki rodzaju męskiego (ankod ar):	Filtr uwzględniający rzeczowniki rodzaju żeńskiego (ankod ka):
<code>^.*ка\$</code> <code>^.*яв\$</code> <code>^.*ар\$</code>	<code>^.*ка\$</code> <code>^.*яв\$</code> <code>^.*ка\$</code>
Wynik: 70.	Wynik: 126.
боротьяся за выход	боротьяся за победу
броситься в угол	боротьяся за путевку
ввести в состав	бросаться в атаку
воплотить в гол	бросаться на амбразуру
вывести на удар (2)	ввязаться в борьбу
выйти в финал	верить в победу
выйти в четвертьфинал	вернуть в команду
выходить на матч	вернуться в рамку
выходить на мяч	включаться в борьбу
забивать в упор	войти и игру
зацепиться за мяч (2)	вступать в игру (2)
играть в футбол (24)	вступить в борьбу
идти в отбор	выйти на замену
идти на подкат	выйти на игру
идти на поклон	записать в таблицу
назначить на полуфинал	идти в обводку
назначить на финал (2)	опуститься на землю
нарваться на свисток	перейти в атаку

cji – por. źródło elektroniczne: http://www.nkjp.uni.lodz.pl/help.jsp#wyszukiwanie_kolokacji (15.05.2017).

⁵ W sprawie wyrażeń regularnych (REGEX) w środowisku PERL rozumianych w skrócie jako symbole zastępcze dla innych symboli odwołujemy się do publikacji [Friedl 1997]. Przykładowo zapis filtru `^.*ка$` oznacza polecenie: „odnajdź od początku wiersza dowolny ciąg znaków, który zawiera konkretny ciąg symboli **ка** kończący dany wiersz”. Za pomocą danego filtru można odnaleźć zatem następujący wiersz:

играть ка

поехать на чемпионатъ	переправить в цель (2)
поиграть в футбол	подавать в отставку
поймать на офсайт	подать в отставку
пойти на подкат	подключастся в атаку
пойти на перехват	пойти в атаку
попадать в створ	попасть в руку
попадать в финал	попасть в цель
попасть в створ	попасть в штунгу
попасть в финал	поставить в атаку
пробиться в финал	поставить на по беду
пробиться в четвертьфинал (2)	призвать в команду
пробиться на турнир	пропихнуть в заявку
проехать через центр	рассчитывать на поддержку
пройти на финал	рвануть на помощь
рассчитывать на успех	сажать на банку
среагировать на удар	сбегать в атаку
сходить на футбол	угодить в ногу
сыграть мяч	угодить в сетку
удалить за фол	уйти в отставку (3)
улететь в угол	ходить в атаку
[...]	[...]

W powyższej tabeli podane są jedynie wyniki w postaci form bezokolicznikowych (aspekt: dk, ndk). Czynności lematyzacyjne dla m.in. form osobowych mają znaczący wpływ dla następnego kroku badawczego (por. niżej).

A.I.1. Zawężenie materiału badawczego. Eksperymentalne zawężenie wyników do formy bezokolicznikowej (części werbalnej) w celu rejestracji najbardziej odtwarzalnych form czasownikowych.

Sprowadzenie formy czasownika do formy kanonicznej dało ciekawe spostrzeżenia, które później zostały uwzględnione w końcowych fazach selekcji w celu utworzenia „ostatecznego” surowca materiałowego dla słownika. Przykłady lematyzacji:

играл в футбол → играть в футбол
 выходя на перехват → выходить на перехват

Okazuje się, że KWN *играть в футбол* najbardziej frekwencyjnie realizował się w korpusie za pomocą form *играл* oraz *—* rzadziej *— играли*⁶.

⁶ Sytuacje, gdy w korpusie znajduje się jedynie forma w rodzaju męskim spowodowane są kilkoma czynnikami: autorzy encyklopedii historycznej nie analizowali żeń-

Odtwarzalność kategorii Osoby, Liczby także zostały uwzględnione jako potencjalne przykłady użycia haseł głównych, które przeważnie stanowiły rzeczowniki. Taką formę niekanoniczną należało uwzględnić także w serii etapów B, tj. porównać z odtwarzaniem m.in. form osobowych w przykładach użycie kontekstowych również polskich zwrotów, stanowiących potencjalne ekwiwalenty w stosunku do zwrotów rosyjskich. Dla danego etapu konfrontacji odtwarzalności form czasownika w zwrotach rosyjskich oraz polskich (jako „podobnych” morfoskładniowo par przekładowych) na większych bazach korpusowych (np. NKJP oraz НКРЯ⁷) przewidywane jest rozbudowanie metodologiczne.

A.II. Pierwsza faza selekcji. Podział na kategorie gramatyczne (części werbalnej oraz nominalnej) oraz wstępny podział tematyczny podstawowego materiału badawczego (PMB). PMB stanowiły 2171 konstrukcje o strukturze V+PREP+N₄. Spośród zwrotów *положил на хранение, прогуляться в Америку, плыли в Америку, играть в футбол, выходя на перехват, отвезти в больницу* pozostawiamy jedynie *играть в футбол, выходя на перехват*.

A.III. Druga faza selekcji. Zawężenie do określonej tematyki, np. procesy związane z faulami (*ударил в пах*); operacje z piłką (*сыграл в мяч*) etc.

Zakres tematyczny (wybrane tematy) KWN „podejrzanych o frazematyczność”⁸ ustalamy w poniższej liście obszarów tematycznych do tematu 4 – por. poniższy spis:

1. Tematyka ogólna (*вступил в борьбу, взялся за ум*);
2. Zachowanie piłkarzy podczas meczu (*напращиваясь на карточку*);
3. Logistyka organizacyjno-administracyjna, w tym podróże (*вступил в должность, пробилась в финал*);
4. Procesy podczas meczu:
 - 4.1. np. procesy związane z faulami (*ударил в пах*);
 - 4.2. operacje z piłką (*сыграл в мяч, пробил во вратаря, [игра] шла без ворот*);
 - 4.3. kooperacje pomiędzy zawodnikami (*выдать пас*);
 - 4.4. moment ataku (*прострелить в ворота*);
 - 4.5. zachowanie, czynności bramkarza (*реагировать на удар*);
 - 4.6. strategię kapitana / zawodnika drużyny (*поместил [мяч / круглого] в центр / за линию [обороны / поля]*).

Spośród 862 KWN tylko 744 można uznać za „sportowe”, tj. należące do socjolektu sportowo-piłkarskiego. Przykładowo, kiedy nie wiemy, czy KWN

skiego futbolu, ponadto w zdaniu (np. jako podmiot) występował rzeczownik rodzaju męskiego: *футболист, игрок* (pol. *zawodnik*), *он*, [*imię oraz/lub nazwisko zawodnika*] itp.

⁷ НКРЯ – Национальный корпус русского языка.

⁸ Por. sformułowanie w tytule artykułu autorstwa Piotra Wierzchoń [Wierzchoń 2010].

dotyczy leksyki sportowej, czy mowa jest o procesie gry, czy o otocze logistycznej gry, leksyce ogólnej, to uwzględniamy kontekst, zob.:

влетел	кз
в	яв
сетку	гг

KONTEKST LOSOWY: *На 90-й секунде игры Адальберт Дешу проверил бдительность голкипера ударом метров с тридцати и застал того врасплох: мяч влетел в сетку* <корпус, ТОМ 1, strona 7>

WYNIK: mowa jest o temacie 4.2. (por. powyższa lista tematów).

Zawężamy zakres tematyczny do punktów z powyższej listy obszarów tematycznych: 4.2., 4.3., 4.4. Pojęcie „gotowej formy” jest niezwykle problematyczne w przypadku takich połączeń jak [команда] поехала в Италию, [игроки] поехали в Италию, [команда] поехала в Бразилию, попасть в четвертьфинал. Uznajemy, że są to połączenia o statusie klasy swobodnej, nie należące do podobszarów tematycznych 4.2., 4.3., 4.4. Połączenie *играть в футбол* ze względu na m.in. wysoką odtwarzalność w uznajemy za re-produkt⁹.

Ankod części werbalnej	Ankod części nominalnej: rodzaj żeński	Ankod części nominalnej: rodzaj męski	Ankod części nominalnej: rodzaj nijaki	Przykłady
ка (123)	гг (44)	аг (70)	ег (9)	<i>пойти в подкат, попасть в штангу</i>
кб (2)	гг (0)	аг (2)	ег (0)	<i>играю в футбол</i>
кв (1)	гг (0)	аг (1)	ег (0)	<i>боремся за престиж</i>
кг (1)	гг (0)	аг (0)	ег (1)	<i>идешь на обострение</i>
кд (2)	гг (1)	аг (1)	ег (0)	<i>играете в футбол, верите в победу</i>
ке (35)	гг (12)	аг (13)	ег (0)	<i>идет в обыгрыш</i>
кж (7)	гг (5)	аг (2)	ег (0)	<i>отводят от ворот</i>
кз (394)	гг (235)	аг (146)	ег (13)	<i>вывел на удар</i>

⁹ Decyzje kwalifikacyjne odbywają się w osobnym warsztacie, w którym wykorzystywany jest tzw. *klucz frazematyczny*, przewidujący podział frazemów na idiomy, kolokacje, półkolokacje, a także tzw. *klasę swobodną*. Na temat kwalifikowania zwrotów do statusu frazemów mowa będzie w osobnym artykule. Rzecz jasna, odtwarzalność w korpusie przewiduje odtworzenie zwrotu również w różnych formach czasownikowych części werbalnej. W niniejszym tekście taką odtwarzalność technicznie określamy jako *morfoskładniową*.

ки (32)	гг (12)	аг (16)	ег (4)	[команда] ушла в оборону, вышла в финал, [игра] шла без ворот
кй (3)	гг (0)	аг (3)	ег (0)	[решение] воплотилось в гол
кк (73)	гг (37)	аг (34)	ег (2)	бросились в атаку, встали в оборону, вывели на удар
кл (–)	гг (–)	аг (–)	ег (–)	сядь на место, иди в клуб, части за счет
км (2)	гг (0)	аг (2)	ег (0)	играйте в футбол
кн (12)	гг (5)	аг (7)	ег (0)	выходя на перехват, выбивая за линию, напрашиваясь на карточку
ко (24)	гг (12)	аг (9)	ег (3)	выйдя на замену, отправив на фланг, поставив в стенку

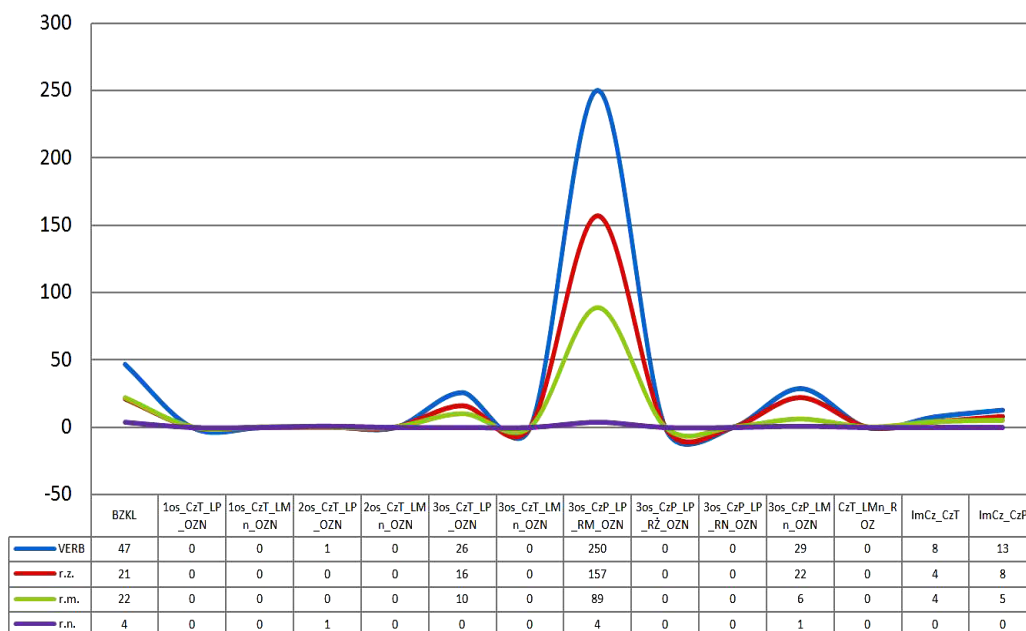
A.IV. Weryfikacja manualno-kontekstowa. Wyniki ekscerpcji: Weryfikacja manualno-kontekstowa. Ograniczenie listy do prawidłowych formalnie przykładów. Po dokładnej weryfikacji multikontekstowej (weryfikacja wybranych zwrotów w kontekstach poza korpusem) pozostawiono jedynie 374 KWN, które odpowiadają podobszarom tematycznym 4.2., 4.3., 4.4. Usunięto połączenia, które występują w pojedynczych kontekstach: *нарвался на противодействие*, *пробралась на мундиаль* oraz in.

Ankod części werbalnej	Ankod części nominalnej: rodzaj żeński	Ankod części nominalnej: rodzaj męski	Ankod części nominalnej: rodzaj nijaki	Przykłady
ка (47)	гг (21)	аг (22)	ег (4)	<i>пойти в подкат</i>
кб (0)	гг (0)	аг (0)	ег (0)	–
кв (0)	гг (0)	аг (0)	ег (0)	–
кг (1)	гг (0)	аг (0)	ег (1)	<i>идешь на обострение</i>
кд (0)	гг (0)	аг (0)	ег (0)	–
ке (26)	гг (16)	аг (10)	ег (0)	<i>идет в обыгрыш</i>
кж (0)	гг (0)	аг (0)	ег (0)	– ¹⁰
кз (250)	гг (157)	аг (89)	ег (4)	<i>вывел на удар</i>

¹⁰ Pominięto formę pluralia tantum *отводят от ворот*.

ки (0)	гг (0)	аг (0)	ег (0)	—
кй (0)	гг (0)	аг (0)	ег (0)	—
кк (29)	гг (22)	аг (6)	ег (1)	<i>бросились в атаку</i>
кл (—)	гг (—)	аг (—)	ег (—)	—
км (0)	гг (0)	аг (0)	ег (0)	—
кн (8)	гг (4)	аг (4)	ег (0)	<i>выходя на перехват</i>
ко (13)	гг (8)	аг (5)	ег (0)	<i>выйдя на замену</i>

Dane tabeli można wyrazić następującym wykresem:

Wykres 1. Czwarty etap selekcji. Selekcja ścisła: usunięcie KWN o klasie swobodnej (nie-frazemy)

Podczas selekcji udało się uzyskać interesujące wyniki dotyczące odtwarzalności określonych kategorii gramatycznych czasowników. Najbardziej odtwarzalne kategorie gramatyczne części werbalnej w ramach odtwarzalności KWN: kategoria Osoby (3 osoba – 3os: 26+250+29), Rodzaj (rodzaj męski – RM: 250), Liczba (liczba pojedyncza – LP: 26+250), Czas (czas przeszły – CzP: 1+250+29+13) oraz Trybu (tryb oznajmujący – OZN). Wszystkie one skumulowały zbitki morfoskładniowe o typie *вышел на удар*, *вышел на перехват* (3os_CzP_LP_RM_OZN):

BZKL	47
2os_CzT_LP_OZN	1
3os_CzT_LP_OZN	26
3os_CzP_LP_RM_OZN	250
3os_CzP_LMn_OZN	29
ImCz_CzT	8
ImCz_CzP	13

KONTEKSTY dla *вышел на перехват*:

KONTEKST 1. *А в обороне у португальцев творился полный беспредел. Жорже Кошта играет так, словно он 15-летний юнец, непонятно каким макаром очутившийся в турнире такого ранга. Сначала он в безобидной ситуации отдает неточную передачу на линии своей штрафной, а затем подставляется под навес Донована с правого фланга. Байя в этот момент **вышел на перехват**, и в ближний угол, куда устремился мяч, попросту не пошел. Автогол № 1. <корпус, ТОМ 7, strona 152>*

KONTEKST 2. *К мячу прыгают Грошич и Ганс Шефер. Но мяч пущен чуть выше и сильнее, чем обычно. Перелетевший через обоих круглый падает на ногу Рану, и тот бьет между двух стоящих на линии ворот венгров. 2:2. Грошич: „Когда я **вышел на перехват**, в меня сразу врезался Шефер. Я сигнализировал судье, но никакой реакции”. <корпус, ТОМ 2, strona 50>*

KONTEKST 3. *Юнець справа от лицевой линии прострелил в штрафную, и Неэдлы головой перевел мяч в ворота. Кресс **вышел на перехват**, но промахнулся мимо мяча. Немцы после пропущенного мяча увеличили темп, центрхав Щепан выдвинулся вперед и точными передачами подхлестывал атакующих Конена. <корпус, ТОМ 1, strona 4>*

W kwestii interpretacji wyników wydaje się, że odpowiedzi należy szukać w intencji przekazu samego tekstu. W tekstach korpusu (*Encyklopedia World Cups. Все чемпионаты мира по футболу*) opisywane są z wysoką szczegółowością mecze, które już się odbyły w historii Pucharów Świata w piłce nożnej. Tym samym mamy do czynienia z historycznością encyklopedyczną. Stąd – przykładowo – wysoka frekwencja kategorii Czasu przeszłego (3os_CzP_LP_RM_OZN).

Zapoznając się z kontekstami użycia KWN dochodzimy do wniosku, że to czynniki pozajęzykowe wpływają na to, że w części werbalnej frekwencyjnie przeważa rodzaj męski, liczba pojedyncza (3os_CzP_LP_RM_OZN). W encyklopedii podane są bowiem opisy strategii pojedynczych piłkarzy. Czasowniki procesualne występują onomazjologicznie – jako że są częścią jednostek terminologicznych oraz quasiterminologicznych użytych w idiolekcie autorskim, w którym niewątpliwie przeważa leksykon specjali-

styczny – profesjolekt piłkarski. Warto przytoczyć w tym miejscu interesującą wniosek:

Zadaniem podstawowym analizy konceptualnej leksykonu specjalistycznego jest ustalenie typów onomazjologicznych jednostek terminologicznych oraz odtworzenie na tej podstawie właściwej proporcji reprezentującej określony typ myślenia zawodowego, ponieważ każdy typ onomazjologiczny posiada własny potencjał dyskursywny [Lukszyn 2005: 394].

Można wysunąć w tym miejscu „ostrożny” wniosek: konceptosfera podobszarów tematycznych 4.2., 4.3., 4.4., wyrażonych za pomocą m.in. opisywanych konstrukcji werbo-nominalnych, oraz klucz gramatyczny idą w parze. Uwypuklony w ten sposób determinizm językowy jedynie potwierdza tezę o specyficznym doborze kategorii gramatycznych w reproductach użytych w konkretnym tekście, o określonej tematyce.

A.V. Odtwarzalność. Odtwarzalność konstrukcji morfoskładniowej a odtwarzalność „wypełnień” znaczeniowych (lakun dla znaczeń, np. synonimicznych, bliskoznacznych, kohiponimicznych) w potencjalnych frazematkach (np. kolokacjach).

Odtwarzalność onomazjologicznej – werbalnej – części wyrażana jest sumą form wyrazów, a zatem masą użycia znaczenia leksykalnego. Odtwarzalność poszczególnych frekwencyjnie wyrażonych KWN w korpusie wprowadzamy do formy kanonicznej. Przykłady:

1. вывел (4) + выведя (1) + вывели (1) + вывести (2) + на + удар (19) = **ВЫВОДИТЬ (8) НА УДАР (19)**
2. решился (7) + решиться (2) + на + удар (19) = **РЕШИТЬСЯ (9) НА УДАР (19)**
3. среагировал (2) + на + удар (19) = **СРЕАГИРОВАТЬ (2) НА УДАР (19)**

Formy powyższych czasowników wyrażone w postaci lemm (*выводить, решиться, среагировать*) w sumie dają także rezultat w postaci 19 wystąpień w stosunku do liczby powtórzeń części nominalnej – rzeczownika *удар*. Dany rzeczownik nie jest jedynym werbalizatorem desygnatu procesu, zatem proces realizacji znaczenia MOŻE odbywać się również za pomocą synonimów. Do wyrazu *удар* należy zatem dodać synonim *прострел*, a nawet wyrazy werbalizujące ten sam proces podczas meczu *пенальти, corner, [внезапная] атака [по воротам]* i in. Innymi słowy, badanie to polega na poszukiwaniu członów konkretnej konstrukcji werbo-nominalnej przy uwzględnieniu kilku kryteriów: poprawność w w obrębie łączliwości leksykalnej, frazematyczność, przynależność do określonej tematyki, stała liczba członów oraz zachowanie kategorii gramatycznych członów. W ten sposób tzw. *zainicjowana walencja* [Тењер 1988, Апресян 1995] otwiera furtkę ku

swoistej „probabilistyczności frazematycznej” danej konstrukcji werbonominalnej, tj. umożliwia poszukiwania „podobnych” frazemów – mianowicie reproductów z innym „wypełnieniem” leksykalnym o takiej samej tematyce.

Każdy z uzyskanych elementów osi objęty jest szczegółową weryfikacją nie tylko w kontekście korpusu, lecz także podlega weryfikacji multikontekstowej (szeroko rozumiane konteksty o tematyce piłkarskiej spoza korpusu) oraz leksykograficznej. Dotyczy to przedostatniego z etapów serii A, mającego na celu ostateczne rozgraniczenie pomiędzy stałą a swobodną klasą uzyskanych zwrotów, tj. pomiędzy produktami a reproductami¹¹. Warto wspomnieć, że weryfikacja przykładów rosyjskich przebiega równoległe z weryfikacją przykładów polskich, tj. równoległe z serią etapów B.

III. Dylematy towarzyszące komponowaniu podczas serii etapów B

Praktyka leksykograficzna pokazuje, że para przekładowa (PP) to nie tylko 'oryginał oraz tłumaczenie', tj. oryginał oraz formalnie poprawne tłumaczenie oryginału (włączając specyfikę tłumaczenia na poziomie składniowym, a nawet w kluczu idiomatycznym, np. kolokacja vs. kolokacja). PP – to raczej wyjściowy oryginał tekstu lektu¹² A oraz ekwiwalent sytuacyjny, konwencjonalnie utrwalony w tekstach (kontekstach użycia) lektu B. Zatem nie zawsze w parze przekładowej obecne jest tłumaczenie dosłowne. Najczęściej korzystamy z „praktyki poprzedniego kontekstu” bądź (rzadziej) tworzymy jakościowo nowy kontekst przy opisie tej samej sytuacji, jednak nawet w tej szczególnej sytuacji korzystamy z analizów (i in. struktur) tak czy inaczej „zakorzenionych” w tym konkretnym lekcie (tj. w konkretnej warstwie języka), „zarezerwowanych” dla oryginalnego opisu konkretnych uzmysłowionych operacji czasoprzestrzennych. Przykładowo zwrot w lekcie A (rosyjski socjolekt piłkarski) KWN *успел на перехват [мяча, паса]* odpowiada polskiemu *zdążył na przechwycenie [piłki, podania]* jedynie formalnie. Formalnie, tj. na poziomie morfoskładni, jest to analogia prawidłowa, lecz w kontekście lektu B (polski socjolekt piłkarski) po prostu nieużywalna, tj. werbalnie sztuczna. Jesteśmy zmuszeni nie „tłumaczyć”, lecz jedynie szukać właściwej analogii, używanej w lekcie B. Najczęściej polskie kon-

¹¹ Opis tego etapu wymaga osobnego omówienia. Obecnie trwają prace nad opisem metodologii poświęconej kwestii takiego rozgraniczenia.

¹² Posługując się terminem *lekt*, mamy na myśli warstwę określonej odmiany językowej: np. lekty ogólnego socjolektu piłkarskiego – profesjolekt piłkarzy / trenerów, oficjalny (terminologiczny) profesjolekt, żargon kibiców. Każda z tych warstw często także zawiera określone podwarstwy, czyli także zawiera lekty – w tym m.in. w skali stylistycznej.

teksty piłkarskie „przewidują” zwrot *dobiegł do podania*, który odpowiada rosyjskiemu *успел на перехват* przy opisie tych samych sytuacji, manewrów gry, w podobnym kontekście etc. W domyśle często oznacza to, że zawodnik dobiegł, tj. zdążył do podania, w tym także zdążył uniemożliwić manewr z piłką zawodnikom drużyny przeciwnej (tj. w momencie podania), czyli zawodnik „przechwycił piłkę” przeciwnika. Problem (w tym także natury przekładowej) polega na tym, że ten sam zwrot – *dobiegł do podania* – używany jest przy opisie sytuacji, gdy zawodnik biegnie na domyślne miejsce spotkania z piłką, którą dośrodkował mu np. bramkarz ze swojej drużyny. W lekcje A *успел на перехват* dotyczy przechwycenia (lub tzw. odbicia) piłki podanej przez przeciwnika do zawodnika swojej drużyny (tj. przy podaniu). Jednoznaczność zwrotu rosyjskiego oraz niejednoznaczność w zwrocie polskim jest oraz pozostaje dylematem przekładowym. Mimo poprawności pary przekładowej *успел на перехват* – *dobiegł do podania* Czytelnik będzie miał podwójne zastrzeżenie. Jednak unikanie (a ostatecznie – usuwanie) takich par przekładowych często przypomina chowanie głowy w piasek, ponieważ mimo braku 100% poprawności o charakterze konotacyjno-denotatywnym¹³ mamy jednak do czynienia z analogią przekładową, opisującą identyczną mikrosytuację lub konkretny manewr podczas meczu. Zatem problem ekwiwalencji (oraz definicji ekwiwalentu) pozostaje, pozostaje również faktem to, że jedynie odpowiednie użycie kontekstowe (opis konkretnej sytuacji w trakcie gry) pozwoli na o s t a t e c z n e doprecyzowanie. Podobnie wyraz *ławka* użyty podczas meczu wcale nie oznacza *ławki sejmowej*, lecz najprawdopodobniej *ławkę rezerwowych*.

Aspekt frazematyczny w dużym skrócie można wyrazić tym, że KWN z zakresu tematyki piłkarskiej należałoby podzielić na frazemy oraz nie-frazemy, tj. połączenia stałe oraz okazjonalne. Frazemy – np. terminy, quasi-

¹³ W sprawie sytuacyjnej (denotatywnej) teorii tłumaczenia – por prace: [Гак 1998], [Catford 1965], [Крылов 2004]. Badacz S. A. Kryłow, omawiając tzw. *pośrednie (drugorzędne) nominacje* (ros. *косвенная, второстепенная номинация*) opisane w pracach rosyjskiego lingwisty W. G. Gaka – kontynuatora idei S. I. Karcewskiego, J. Kuryłowicza – notował: „Существенным доказательством того, что мы имеем дело с косвенным средством В₂ выражения значения С₁, является (а) то, что для выражения данного смысла С₁ обычно используется другое средство В₁ (прямая номинация); (б) то, что данное средство В₂ употреблено в своей вторичной функции (в переносном значении), отличающейся от его первичной функции. Напр., слово *косопалый* является для смысла „медведь” косвенной (а не прямой) номинацией; существенным доказательством этого является (а) то, что обычно для обозначения „медведя” используется слово *медведь*, и (б) то, что прямым значением слова „косопалый” является „ступающий пятками врозь, носками внутрь” [Крылов 2004; rozdział 2.5.1. *Понятия прямой и косвенной номинации*].

terminy oraz in. należy rozpatrywać w kontekście obszaru specyficznego dialektu – profesjolektu. Zatem w warsztacie frazematycznym oraz stosownej klasyfikacji trzeba uwzględnić obszar funkcjonowania w określonej warstwie, przynależności do stylu (w tym – do nacechowania konotacyjnego na poziomie nawet jednego lektu). Wybierzmy przykłady: *ława* oraz *ławka rezerwowych*. W jednym przypadku jest to quasitermin, w drugim – termin sportowy. Zatem *ława* jako quasitermin należy rozpatrywać jako wyraz żargonowy, odnoszący się do szeroko rozumianego socjolektu piłkarskiego (w tym także żargonu kibiców), włączającego wersje potoczne. Posiada on znaczenie terminologiczne, lecz jest nacechowany. W leksyce ogólnej *ława* oznacza m.in. nazwę dla stolików okolicznościowych, tj. rodzaju mebli oraz nacechowany nie jest. Niektórym *ława* będzie się kojarzyć z rodzajem mebli, niektórym – z *ławką rezerwowych*. Dla niezaznajomionych ze slangowym znaczeniem wyraz *ława* będzie po prostu nagonimem, jako że zawiera znaczenie marginalne, różniące się od znaczenia „mainstreamowego”, zanurzonego w warstwie leksyki ogólnej.

W kontekście sportowym wyraz *ława* odpowiada wyrażeniu *ławka rezerwowych*. W związku z tym obiekty tagowania (wyrazy, wyrażenia, zwroty, frazy) należy uzupełniać tagiem wyrażającym przynależność do odpowiedniego socjolektu. Weryfikacja multikontekstowa (wyszukiwarki PELCRA, Google) wykazała, że z poniższych przykładów jedynie dwa ostatnie dotyczą tematyki piłkarskiej:

wrócili do szkolnej *ławy*
 kupić nową *ławę*
 usunąć z *ławy* przysięgłych
 ruszył tyłek z *ławy* sejmowej
 oglądał mecz z *ławy*
 wchodzić z *ławy*

Podczas pracy nad słownikiem wykorzystano narzędzia, pozwalające na tagowanie par przekładowych w kontekście odniesienia się do warstw wewnątrz socjolektu piłkarskiego (np. warstwa żargonowa: żargon piłkarzy / trenerów piłkarskich, żargon kibiców i in.). Użycie odpowiednich tagów w określonej mierze uprościło umieszczenie kwalifikatorów w słowniku. Dwa ostatnie przykłady – niezależnie od tego, czy są frazemami, czy nie są – należy odbierać w kontekście tematyki piłkarskiej, zatem powinny być objęte tagiem np. FUTBOL. Wyraz *ława* zatem miałby przykładowo tag FUTBOL_QT_P (quasitermin, potoczna/żargonowa odmiana), a *ławka rezerwowych* – FUTBOL_T (termin). Analogicznie KWN *бить по воротам / ударить по воротам* w socjolekcie piłkarskim oraz *бить по воротам [кулаком] / ударить по воротам [кулаком]* w znaczeniu dosłownym (warstwa leksyki ogólnej) – musiałyby mieć stosownie różne tagi bądź też kwalifikatory.

Przykładowo kwalifikatorem *żar. pił.*¹⁴ (żargon piłkarski) obciążone są wyrazy *горчичник* oraz żargonowy ekwiwalent w równoległej warstwie lektu B *żółtko* – por. niżej makropara „*горчичник* – *żółtko*” w postaci artykułu hasłowego (fragment 3):

<i>горчичник</i> <i>żarg. piłk.</i> (= жёлтая карточка) → карточка	<i>żółtko</i> <i>żarg. piłk.</i> ; żółty kartonik; żółta kartka
--	--

Fragment 3. Przykład makropary „*горчичник* – *żółtko*”

Ciekawostką jest to, że kolokacja *czerwona kartka* ma także odpowiednik znaczeniowy – swoisty ekwiwalent *czerwony kartonik* (por. niżej – fragment 3), który w warstwie profesjolektu ma również status terminologiczny i występuje w słowniku bez kwalifikatora określającego przynależność do żargonu piłkarskiego (por. niżej artykuł hasłowy „*kartka*” w makroparze „**карточка** – *kartka*”). Przypuszczalnie wyraz *kartonik* nie ma zatem nacechowania stylistycznego, tzn. jest neutralny, bez barwy konotacyjnej. Pytanie, czy przydzielić mu „głębszy” tag FUTBOL_T czy jednak FUTBOL_QT_P?

карточка	<i>kartka</i>
▪ жёлтая карточка (=горчичник <i>żarg. piłk.</i>)	▪ żółta kartka; <i>żółtko</i> <i>żarg. piłk.</i>
▪ красная карточка	▪ czerwona kartka; czerwony kartonik
▪ напроситься на карточку	▪ sprowokować kartkę <i>żarg. piłk.</i>
▪ оспóрить карточку	▪ zakwestionować kartkę
▪ показáть вторóую жёлтую карточку	▪ pokazać drugą żółtą kartkę
▪ получи́ть карточку	▪ dostać kartkę

Fragment 4. Przykład makropary „**карточка** – *kartka*”

Użycie tagów (a nie „klasycznych” kwalifikatorów) jest zasadne ze względu na przewidywaną wersję elektroniczną słownika oraz planowane rozbudowanie siatki haseł podczas reedycji słownika.

Bibliografia

- C a t f o r d J. C. 1965. *A Linguistic Theory of Translation. An Essay in Applied Linguistics*, Oxford: Oxford University Press.
- C h l e b d a W. 2003. *Elementy frazematyki. Wprowadzenie do frazeologii nadawcy*, Łask: Leksem.

¹⁴ Zasadność użycia skróconej wersji kwalifikatorów (w tym *żar. pił.* zamiast *żarg. piłk.*) wynika z kryteriów ekonomiczności kieszonkowego formatu słownika.

- F e d o r u s h k o v Y. 2010. *Metody automatyzacji ekscerpcji konstrukcji atrybutywnych języka rosyjskiego*, [w:] *Na tropach reproduktów. W poszukiwaniu wielowyrzowowych jednostek języka*. Red. W. Chlebda, Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, s. 59-85.
- F r i e d l J. E. F. 1997. *Mastering regular expressions: powerful techniques for Perl and other tools*, Cambridge / Köln / Paris / Sebastopol / Tokyo: O'Reilly & Associates, Inc., [w:] źródło elektroniczne: <http://ww2.ii.uj.edu.pl/~tabor/prII09-10/perl/master.pdf> (12.01.2015).
- Ł u k s z y n J. 2005. *Wiedza zawodowa a leksykon specjalistyczny*, [w:] *Ogród nauk filologicznych*. Red. M. Balowski, W. Chlebda, Opole: Wydawnictwo UO, s. 391-397.
- Na tropach reproduktów. W poszukiwaniu wielowyrzowowych jednostek języka*. 2010. Red. W. Chlebda, Opole: Wydawnictwo UO.
- Na tropach translatów – w poszukiwaniu odpowiedników przekładowych*. 2011. Red. W. Chlebda, Opole: Wydawnictwo UO
- W i e r z c h o ń P. 2010. *Pięć bardzo skutecznych (sprawdzonych) sposobów na masowe wyodrębnianie wielowyrzowowych segmentów podejrzanych o frazematyczność (czyli reproduktów)*, [w:] *Na tropach reproduktów. W poszukiwaniu wielowyrzowowych jednostek języka*. Red. W. Chlebda, Opole: Wydawnictwo UO, s. 87-125.
- А п р е с я н Ю. Д. 1995. *Интегральное описание языка и системная лексикография. Избранные труды*, т. II, Москва: Языки русской культуры.
- Г а к В. Г. 1998. *Языковые преобразования*, Москва: Языки русской культуры.
- К р ы л о в С. А. 2004. *Некоторые особенности лингвистической концепции В. Г. Гака*, [w:] źródło elektroniczne: <http://www.lingvoda.ru/transforum/articles/Krylov.asp> (13.05.2016).
- Т е н ь е р Л. 1988. *Основы структурного синтаксиса*, Москва: Прогресс.
- Т ю л е н е в С. В. 2004. *Теория перевода: Учебное пособие*, Москва: Гардарика.

Zawartość próbki korpusowej

- Т а л и н о в с к и й Б., Ф р а н к о в А. 2010. *World Cups. Все чемпионаты мира по футболу – 1930, 1934, 1938, 1950*, т. I, Киев: Издательский Дом „Украинский Медиа Холдинг”.
- Т а л и н о в с к и й Б., Ф р а н к о в А. 2010. *World Cups. Все чемпионаты мира по футболу – 1954, 1958, 1962*, т. II, Киев: Издательский Дом „Украинский Медиа Холдинг”.
- Т а л и н о в с к и й Б., Ф р а н к о в А. 2010. *World Cups. Все чемпионаты мира по футболу – 1966, 1970*, т. III, Киев: Издательский Дом „Украинский Медиа Холдинг”.
- Т а л и н о в с к и й Б., Ф р а н к о в А. 2010. *World Cups. Все чемпионаты мира по футболу – 1990, 1994*, т. VI, Киев: Издательский Дом „Украинский Медиа Холдинг”.
- Т а л и н о в с к и й Б., Ф р а н к о в А. 2010. *World Cups. Все чемпионаты мира по футболу – 1998, 2002*, т. VII, Киев: Издательский Дом „Украинский Медиа Холдинг”.

- Т а л и н о в с к и й Б., Ф р а н к о в А. 2010. *World Cups. Все чемпионаты мира по футболу – 2006, 2009*, т. VIII, Киев: Издательский Дом „Украинский Медиа Холдинг“.
- Т а л и н о в с к и й Б., Ф р а н к о в А. 2010. *World Cups. Все чемпионаты мира по футболу – 2010 г.*, т. IX, Киев: Издательский Дом „Украинский Медиа Холдинг“.
- Т а л и н о в с к и й Б., Ф р а н к о в А., П а н к р а т о в Е. 2010. *World Cups. Все чемпионаты мира по футболу – 1974, 1978*, т. IV, Киев: Издательский Дом „Украинский Медиа Холдинг“.
- Т а л и н о в с к и й Б., Ф р а н к о в А., П а н к р а т о в Е. 2010. *World Cups. Все чемпионаты мира по футболу – 1982, 1986*, т. V, Киев: Издательский Дом „Украинский Медиа Холдинг“.

НОМИНАЦИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ СТРАТ:
КОННОТАЦИИ И ОЦЕНКА

NOMINATIONS OF SOCIOLOGICAL STRATA:
CONNOTATIONS AND EVALUATION

ОЛЬГА ФРОЛОВА

ABSTRACT. The article examines the semantics of social status nominations in the Soviet and post-Soviet periods. The values of nouns of the nobility, peasants, serfs, merchants, courtiers, and intellectuals are analyzed. Using material from the National Russian Corpus, word combinations with these adjectives are considered, which allows us to reveal the connotations of social status. The adjective 'courtier' has formed the meaning 'close to the power and serving its interests', because it is freely combined with the names of professions whose representatives are deprived of an independent position: journalist, sociologist, director.

Keywords: text corpus, verbal-nominative units, regular expressions, phrasemes, lexicon of soccer, lexical qualifiers

Ольга Фролова, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва – Россия, olga_frolova@list.ru

Изучение общественного устройства находится на пересечении разных гуманитарных дисциплин — истории, права, экономики, политологии, социологии, антропологии, связано с самоидентификацией человека, его стилем жизни и картиной мира (см. [Радаев, Шкаратан 1996; Сушкова-Ирина 2010]). Однако все социальные отношения находят отражение в языке — системе номинаций, речевом этикете и правилах общения. Что же касается системы номинаций социальных страт, то она представляет собой динамично меняющееся семантическое поле, ряд лексем которого помимо прямых формируют метафорические значения.

Метафора, связанная с образностью и оценкой, — один из механизмов формирования новых значений в языке и речи [Арутюнова 1978; Арутюнова 1990; Баранов 2014; Лакофф, Джонсон 2004; *Метафора* 1988]. Метафорой является и понимание общества, структура которого в научном и наивном сознании представляет собой вертикально ори-

ентированную иерархию. Метафоричны сам термин *слой общества*, так же как слово *верхи* и словосочетание *социальные низы*.

Социальная метафорическая микросистема основана на отношении „человек и другие люди” и объединяет метафоры, репрезентирующие непредметный мир как определенную модель, связанную с жизнью человека в обществе, с различными видами его хозяйственной и социальной деятельности [Балашова 2014: 225].

Привлек внимание лингвистов и социальный статус. В работе В. И. Карасика содержание данного термина трактуется максимально широко и определяется „в различных вариантах коммуникативной модели знаковых категорий” [Карасик 2002: 172].

Структура общества складывается исторически, со временем имена социальных групп и статусов формируют оценочные характеризующие значения, что отражается в словообразовании и сочетаемости, однако этот процесс проходит неравномерно. Социальные статусы отражены в номинациях социальных групп, деактуализация прямых значений позволяет извлекать тот или иной признак, приписывая его другому объекту уже без тесной связи с местом в социальной иерархии, отношениями собственности, доминирования и подчинения.

Толковые словари русского языка отмечают переносные значения у ряда слов, называющих социальные статусы. Мы проверили по трем толковым словарям советской и постсоветской эпохи [Ушаков 1996, МАС 1985–1988, БТС 2002], у каких личных существительных этого класса сформированы характеризующие оценочные значения. Результаты отражены в таблице № 1.

Таблица № 1.

№	Личное существительное	Словарь Д. Н. Ушакова	МАС	Большой толковый словарь
1	2	3	4	5
1	Аристократ	+	+	+
2	Барин	+	+	+
3	Боярин	–	–	–
4	Буржуа	–	–	+
5	Буржуй	–	–	+
6	Военный	–	–	–
7	Дворянин	–	–	–
8	Интеллигент	+	–	–
9	Казак	–	–	–
10	Крепостной	–	–	–

11	Крестьянин	—	—	—
12	Купец	—	+	+
13	Мещанин	+	+	+
14	Обыватель	+	+	+
15	Плебей	+	+	+
16	Помещик	—	—	+
17	Поп	—	—	—
18	Придворный	—	—	—
19	Пролетарий	—	—	+
20	Рабочий	—	—	—
21	Ремесленник	+	+	+
22	Священник	—	—	—
23	Холоп	+	+	+
24	Чиновник	+	+	+

Анализ толкований позволяет сгруппировать слова-номинации социальных статусов следующим образом: а) единицы, у которых все словари XX и начала XXI вв. отмечают переносные значения, — *аристократ, барин, купец, мещанин, обыватель, плебей, ремесленник, холоп, чиновник*; б) единицы, лишённые переносных значений, — *боярин, военный, дворянин, казак, крепостной, крестьянин, поп, придворный, священник*; в) единицы, у которых переносные значения отмечаются в первый период советской истории, но более поздние словари их не описывают, — *интеллигент*; д) единицы, у которых переносное значение отмечено во второй половине XX и в начале XXI вв., — *купец*; е) единицы, у которых переносные значения словари фиксируют только с начала XXI в., — *буржуа, буржуй, помещик, пролетарий*.

Прокомментируем данные таблицы: у слова *аристократ* МАС не отмечает переносного значения, но толкует его семантику через однокоренное существительное *аристократия*, которое тот же словарь трактует как многозначное. Только БТС описывает переносное значение у слова *пролетарий*, но сопровождает его пометой *устарелое*.

Наша цель — проанализировать семантику и коннотации номинаций социальных статусов *в отраженном свете*: предполагаем описать поведение в речи прилагательных, являющихся дериватами номинаций социальных статусов: *дворянский, купеческий, придворный, интеллигентный, интеллигентский, крестьянский, крепостной*. Наша гипотеза заключается в том, что сочетаемость с абстрактными существительными, а также с именами, позволяющими интерпретировать контексты, как максимально обобщенные, свидетельствует о формировании коннотаций и у прилагательного деривата, и у производящего личного существительного.

Функционирование прилагательных анализировалось на материале Национального корпуса русского языка. Для выявления динамики были выбраны два подкорпуса, датированные 1918–1991 и 1992–2017 годами. Первый из них охватывал советский, а второй – постсоветский периоды. Данные о частотности употребления прилагательного по НКРЯ отражены в таблице № 2.

Далее для первых ста документов отбирались контексты, которые допускали расширительную интерпретацию принадлежности не к социальной группе, а перенесения признака на другой объект. И наконец, по поиску словосочетания отбирались конструкции с интервалом в одно слово, что позволило определить частотность того или иного словосочетания.

Таблица № 2.

Прилагательное	1918–1991 Объем всего корпуса: 115 645 документов, 23 803 881 предложение, 283 431 966 слов. Объем подкорпуса: 23 210 документов общим объемом 9 546 574 предложения, 106 960 660 слов.	1992–2017 Объем всего корпуса: 115 645 документов, 23 803 881 предложение, 283 431 966 слов. Объем подкорпуса: 45 124 документа общим объемом 8 524 504 предложения, 100 718 300 слов.
<i>дворянский</i>	643 документа, 1 651 вхождение.	614 документов, 1 168 вхождений.
<i>интеллигентный</i>	895 документов, 2 047 вхождений.	1 051 документ, 2 180 вхождений.
<i>интеллигентский</i>	366 документов, 800 вхождений.	312 документов, 500 вхождений.
<i>крепостной</i>	800 документов, 2 737 вхождений.	680 документов, 1 405 вхождений.
<i>крестьянский</i>	1 425 документов, 5 575 вхождений.	985 документов, 2 148 вхождений
<i>купеческий</i>	455 документов, 1 131 вхождение.	346 документов, 555 вхождений.
<i>придворный</i>	533 документа, 2 177 вхождений.	500 документов, 1 081 вхождение.

Прокомментируем построение таблицы. В начале второго и третьего столбцов приведены данные об общем объеме корпуса и объеме вы-

бренных подкорпусов. Под термином *вхождение* понимается контекст, в котором встречается единица. НКРЯ не различает употреблений в прямом и переносном значениях, а показывает общее количество употреблений. Поиск дает результаты со снятой омонимией, поэтому для установления частотности субстантивированных прилагательных *крепостной* и *придворный* данные должны обрабатываться вручную. Некоторые контексты могут интерпретироваться двояко: как относящиеся к представителю той или иной социальной группы или как относящиеся к человеку с чертами поведения группы, к которой он не принадлежит.

Можно предложить две модели употребления прилагательного: 1) *признаком X наделен Y, который входит в группу C*; 2) *признаком X наделен Y, который не входит в группу C, но по признаку Y похож на представителя группы C*. Нас интересует вторая модель.

Для прилагательного *дворянский* количество текстов советского и постсоветского периодов различаются незначительно, однако число контекстов уменьшается примерно на 30 %. Функционирование прилагательного *купеческий* показывает, что сокращается число и текстов, и контекстов. У прилагательного *придворный* количество текстов, в котором данная единица встречается, снижается незначительно, однако частотность падает в два раза. Схожую картину дают и слова *крестьянский* и *крепостной*.

Исходим из того, что сочетаемость прилагательного позволяет эксплицитно выделить признак, который говорящий выделяет из всего сложного комплекса характеристик социального статуса, чтобы дать определение другому объекту.

НКРЯ позволяет определить количество текстов и контекстов, в которых встречается атрибутивное словосочетание с интересующим нас прилагательным. Приводим первое число слева от косой черты: оно обозначает количество документов, а второе, справа от косой черты, – количество контекстов. Определяемые существительные расположены в порядке убывания.

Дворянский

Значение производящего слова *дворянин* словари определяют через принадлежность к социальной группе: „высшее привилегированное сословие (существовавшее в России до революции и состоявшее из помещиков, их потомства и выслужившихся чиновников). || *собир.* Дворяне какой-н. местности (дореволюц. и загр.)” [Ушаков 1996, I: 661], „сословие светских землевладельцев, составлявшее господствующий, привилегированный, эксплуататорский класс в феодальном обществе и отчасти сохранившее свои наследственные привилегии и при капи-

тализме. || Звание дворянина. || *собр. Дворяне* [МАС 1985–1988, I: 371]; „сословие светских землевладельцев, составлявшее господствующий, привилегированный класс в феодальном обществе и отчасти сохранившее свои наследственные привилегии при капитализме. || Звание дворянина. || *собр. Дворяне. Русское дворянство*” [БТС 2002: 242].

Как видим, толковые словари не дают переносного значения слова *дворянин*. Для прилагательного *дворянский* в период 1918–1991 на материале НКРЯ сочетаемость такова: *гнездо* 75/84, *оскудение* 10/10, *привилегии* 9/10, *интеллигенция* 7/13, *достоинство* 6/6, *честь* 6/6, *спесь* 4/5, *косточка* 4/4, *предрассудок* 3/3, *дух* 2/2, *картавость* 2/2, *идеал* 1/1, *фронтдер* 1/1, *порода* 1/1, *осанка* 1/1.

В постсоветский период сочетаемость меняется: *гнездо* 57/73, *достоинство* 12/14, *честь* 12/13, *привилегии* 7/7, *интеллигенция* 4/4, *спесь* 3/4, *косточка* 2/2, *дух* 1/1, *нафос* 1/1, *характер* 1/1, *идентичность* 1/1, *забава* 1/1.

На первом месте стоит словосочетание *дворянское гнездо*, которое со значительным отрывом доминирует и в советский, и в постсоветский периоды. Показательно, что еще до выхода в свет своего одноименного романа И. С. Тургенев употребляет данное словосочетание, ставя его в кавычках, а значит, осознавая его образный характер.

(1) *Лет через пятьдесят, много семьдесят, эти усадьбы, „дворянские гнезда”, понемногу исчезали с лица земли, дома гнивали или продавались на своз, каменные службы превращались в груды развалин, яблони вымирали и шли на дрова, заборы и плетни истреблялись* [И. С. Тургенев, *Мой сосед Радиллов* (1847)] [НКРЯ].

Отметим, что в период 1992–2017 по материалам НКРЯ важнейшие понятия аристократической идентичности *честь* и *достоинство* привлекают к себе большее внимание, а связь дворянства с умственным трудом, напротив, осознается как менее значимая, о чем свидетельствуют показатели сочетаемости.

Прилагательное *дворянский* обозначает принадлежность к дореволюционной аристократии, при этом его функционирование подчеркивает связь с семейным родовым началом (*гнездо*, *косточка*), а также осознанием собственного элитарного статуса (*честь*, *достоинство*).

Крепостной

Значение субстантивированного прилагательного по словарям представлено так: „1. *Прил.*, по знач. связанное с крепостным правом. 2. *в знач. сущ.* крепостной, Крепостной крестьянин, крестьянка” [Ушаков 1996, I: 1509]; „1. Относящийся к общественному строю, при котором помещик распоряжался личностью, трудом и имуществом принадлежавшего ему крестьянина. 2. Принадлежащий помещику на основе права, действующего при таком общественном строе (о крестьянах,

выходцах из крестьян)" [МАС 1985–1988, II: 126]; „1. Относящийся к общественному строю, при котором помещик распоряжался личностью, трудом и имуществом принадлежавшего ему крестьянина. Крепостные отношения. К-ая зависимость (в России с XI в. до 1861 г.; личная, земельная, административная и судебная зависимость крестьян от помещика; крепостное право). Крепостной труд. Крепостные порядки. К-ое право (форма феодальной зависимости крестьян: прикрепление к земле, административное и судебное подчинение власти землевладельца). 2. Принадлежащий помещику на основе права, действующего при таком общественном строе (о крестьянах, выходцах из крестьян)" [БТС 2002: 469].

По данным словарей, у этого субстантивированного прилагательного нет переносного характеризующего значения. Функционирование субстантива и прилагательного *крепостной* требует *ручного* разбора, так как НКРЯ не различает дериваты от существительного *крепость* в значении 'зависимость' и 'оборонительное сооружение'. Данное прилагательное обнаруживает для советского периода такую сочетаемость: *право* 235/466, *зависимость* 35/46, *Россия* 16/23, *рабство* 13/15, *интеллигент* 2/2, *рабское начало* 1/1, а для постсоветского близкую, если не тождественную по определяемым существительным: *право* 206/319, *зависимость* 26/37, *рабство* 11/13, *состояние* 9/12, *Россия* 5/7, *раб* 2/2, *труженик села* 1/1. Для словосочетаний со словами *рабство*, *раб* надо учитывать изменение актуальности прямых и переносных значений. САР-1 так описывает значение слова *раб* – „1) Находящийся в современной зависимости у другого. 2) Инде в Св. пис.: означает челядинца, слугу, служителя; того, который находится у кого-либо в услугах. 3)* употребляется также для означения предавшегося какому-нибудь пороку" [САР-1: 5: 2]. МАС описывает переносное значение иначе: „тот, кто слепо и подобострастно исполняет волю другого" [МАС 3: 574]. Сема несвободы, столь важная для значения прилагательного, актуализируется в контекстах, описывающих историческое, однако не имперское, прошлое страны.

(2) [...] можно было закрутить гайки и создать „мобилизационную экономику" на основе повышения дисциплины **крепостных** тружеников села [Денис Драгунский, *О рабах и свободных* // „Частный корреспондент", 2011] [НКРЯ].

Труженики села – устойчивое выражение советской эпохи. НКРЯ первое упоминание относит к 1929 г. (см. пример 3).

(3) *Враги революции издеваются над нами, над всеми тружениками села и города* [Н. И. Махно, *Воспоминания* (1929)] [НКРЯ].

Разрыв с референциальной сферой, отнесенной в прошлое, обеспечивает переносное употребление прилагательного, как в примере 2,

однако такие употребления остаются в речи, не переходя в систему языка.

Крестьянский

Значение производящего слова в толковых словарях представлено так: „1. Мелкий товаропроизводитель в сельском хозяйстве, владеющий средствами производства и непосредственно прилагающий свой труд в производстве. 2. Лицо, принадлежащее к низшему податному сословию земледельцев (*дореволюц.*)” [Ушаков 1996, I: 1512–1513]; „1. Сельский житель, основным занятием которого является обработка земли. 2. Представитель низшего податного сословия в дореволюционной России” [МАС 1985–1988, II: 128; БТС 2002: 469].

Значение данного прилагательного описывается словарями как номинативное. Тексты советского периода показывают такую сочетаемость: *Россия* 24/42, *мир* 11/12, *привычка* 5/6, *кровь* 5/5, *свобода* 4/5, *Русь* 3/3, *простота* 3/3, *кость* 2/2, *порода* 2/2, *обстоятельность* 2/2, *рассудительность* 2/2, *самосознание* 1/1, *ценности* 1/1, *закваска* 1/1, *вера* 1/1, *опрятность* 1/1. Все определяемые существительные не показывают высокой частотности, однако у прилагательного обнаруживается тенденция выступать в качестве определения к конкретным существительным: *рука* 24/25, *лицо* 19/20, *нога* 2/2, *палец* 2/2.

Для постсоветского периода его сочетаемость такова: *мир* 15/21, *Россия* 14/16, *привычка* 5/6, *Русь* 4/4, *закваска* 4/4, *кровь* 3/3, *простота* 2/2, *скромность* 2/2, *мораль* 2/2, *вера* 2/2, *опрятность* 2/2, *порода* 2/2, *хитринка* 2/2, *мышление* 1/1, *свобода* 1/1, *самосознание* 1/1, *ценность* 1/1, *пляска* 1/1, *песенность* 1/1, *шарм* 1/1. В постсоветский период сохраняется тенденция определять социальный статус по внешним признакам, о чем свидетельствует сочетаемость с существительными, называющими части лица и части тела: *лицо* 19/20, *нога* 4/4, *рука* 4/4, *прищур* 1/1.

Экономические изменения отражены в смене номинаций, прилагательное *крестьянский* соседствует с *фермерский*.

(4) В Москве прошел XIV съезд Ассоциации *крестьянских* (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооператоров России [Александр Гаврилюк. Четырехкратный президент (2003) // „Российская газета”, 2002. 12.15] [НКРЯ].

Сравнение частотности показывает, что *крестьянский* труд, по-видимому, перестает быть столь тяжелым, как в XIX в., о чем свидетельствовал внешний вид кистей рук. Еще одна черта, достойная упоминания: особенности труда и быта крестьянства служат критерием оценки не только человека, но и страны на протяжении и советской, и постсоветской истории, о чем свидетельствует словосочетание *крестьянская Россия*.

(5) „*Крестьянская Россия*“ была своего рода „государством в государстве“, оно имело минимум степеней свободы для себя в механизме абсолютной монархии [Игорь Кленов, *Федерализм: законы и обычаи* (2000) // „Жизнь национальностей“, 2000.03.24] [НКРЯ].

Купеческий

В Словаре Ушакова значение существительного *купец* определяется не отношением к группе, напротив, сословие объясняется через множественное число личного существительного. *Купец* — „Лицо, владеющее торговым предприятием, ведущее торговлю. || Лицо, принадлежащее к купеческому сословию (дореволюц.) [Ушаков 1996, I: 1549]. В МАС развернуто объясняются значения обоих слов: *купечество* — „1. Особый социальный слой, занимавшийся торговлей в условиях господства частной собственности. 2. *собр.* Купцы (см. *купец* в 1 знач.“ [МАС 1985–1988, II: 150], *купец* — „1. Лицо, владеющее торговым предприятием, занимающееся частной торговлей. || В дореволюционной России: лицо, принадлежавшее к купечеству. 2. *Устар.* Покупатель“ [МАС 1985–1988, II: 150]. В БАС *купечество* — „1. В России до 1917 г.: особый социальный слой, сословие, занимавшееся оптовой и розничной торговлей. 2. *собр.* Купцы (2 зн.)“ [БТС 2002: 480–481]; *купец* — „1. Лицо, владеющее торговым предприятием, занимающееся частной торговлей от своего имени; торговец. Ганзейские купцы. Новгородские купцы. Волжские купцы. 2. В России до 1917 г.: тот, кто принадлежал к купечеству. Купец второй гильдии. Происходить из купцов. 3. *Разг.* Покупатель. Я на этот товар не купец! | *Трад.-нар.* О женихе в обряде сватовства“ [БТС 2002: 480].

Значения слова *купец* по словарям МАС и БТС связаны с торговлей, однако роль участника меняется: у Ушакова *купец* — это продавец, а во второй половине XX в. и начале XXI в. словари дают различные стилистические пометы, а слово означает уже только *покупатель*. В начале XXI в. БТС переводит данную номинацию из устаревших в актуальные.

Сочетаемость прилагательного в 1918–1991 такова: *складка* 7/7, *слово* 3/3, *самолюбие* 2/2, *вкус* 2/2, *моветон* 1/1, *шик* 1/1, *блеск* 1/1, *безвкусице* 1/1, *жадность* 1/1, *замашки* 2/2, *размах* 2/3, *ревность* 1/1, *поза* 1/1, *спесь* 1/1. В качестве внешних признаков выделяются *борода* 3/3, *стать* 2/2. В период 1992–2017 г.г. сочетаемость более скудная: *слово* 4/5, *роскошь* 1/1, *шик* 1/1, *вольность* 1/1, *благодать* 1/1, *домострой* 1/1. Внешние признаки остаются теми же: *борода* 2/2, *бородка* 1/1.

Полагаем, что и личное существительное *купец*, и его адъективный дериват стали историзмами, о чем свидетельствует сужение объема значения.

Придворный

В словарях значение описывается так: „1. Прил., по знач. связанное со двором, с пребыванием или службой при дворе (см. двор в 3 знач.). 2. в знач. сущ. придворный, ого, м., и придворная, ой, ж. Лицо, состоящее в штате двора (см. двор в 3 знач.)” [Ушаков 1996, III: 786]; „1. Связанный со двором², с пребыванием или службой при дворе. 2. в знач. сущ. **придворный**, -о г о , м.; **придворная**, -о й , ж. Тот (та), кто входит в число лиц, приближенных к монарху, составляющих его ближайшее окружение” [МАС 1985–1988, III: 405]; „Состоящий на службе при дворе монарха, великого князя | | Связанный с двором монарха, имеющий отношение к нему” [БТС 2002: 976].

В этом случае имеем дело с омонимией, поскольку слово выступает как прилагательное и субстантивированное прилагательное. Словари не отмечают переносных значений. Сочетаемость советского периода: поэт 23/51, интрига 20/21, этикет 18/23, шут 12/12, звездочет 2/2, пиит 7/7, живописец 4/4, церемонии 6/6, интригант 6/6, камарилья 9/9, увеселение 2/4, остроумец 2/2, возня 1/1, забава 2/2, роскошь 2/2, глупец 1/1, коридор 1/1. В постсоветский период интрига 18/18, поэт 10/18, камарилья 6/7, этикет 9/9, архитектор 3/5, церемониал 3/3, челядь 3/3, мудрец 3/3, социолог 2/2, лесть 2/2, пиарщик 2/2, льстец 2/2, подхалим 2/2, уловка 1/1, журналист 1/1, режиссер 1/1, отморозок 1/1, остроумец 1/1. В атрибутивных сочетаниях четко выделяется группа с личными именами.

С нашей точки зрения, появление таких определяемых личных существительных, как пиарщик, журналист, отморозок, социолог, режиссер, называющих профессии, не существовавшие в XIX в., свидетельствует о том, что у прилагательного придворный теряется собственно социальная основа и развивается значение ‘обслуживающий власть’.

(4) Горячо говоря тогда за столом об особом русском пути, о необходимости справедливых репрессий и прочей великодержавной атрибутике, он то и дело бросал робкие, ищущие одобрения взгляды в сторону застольных, среди которых сидели брутальны из ультраправых, крепкие леваки и второстепенные **придворные** из числа недавних футбольных болельщиков [Александр Снегирев, Вера (2015)] [НКРЯ].

(5) У него благодаря **придворным социологам** рейтинг выше президентского [коллективный. Мистер Рейтинг (2015.03.14)] [НКРЯ].

(6) Все ответы давно написаны **придворными пиарщиками** и одобрены к озвучиванию Самим [коллективный. Форум: Навальный: „Могу я сесть?”. Судья: „Можете присесть” (2012)] [НКРЯ].

(7) Однако, когда **придворные математики**, проведя за расчетами бессонную ночь, вывели искомое число, спесь раджи заметно поубавилась [В. Чернов, У сороки на хвосте // „Юный техник”, 2010] [НКРЯ].

(8) И легко можно было догадаться, по чьей указке (или просьбе) для снятия подозрений с Бурлакова в ЗГВ за счет Минобороны РФ была снаряжена большая группа **придворных журналистов** во главе с начальником Управления информации В. Косаревым [Виктор Баранец, Генштаб без тайн. Книга 2 (1999)] [омонимия не снята].

В некоторых случаях употребление прилагательного служит средством дискредитации объекта оценки.

(9) В *Новый год (2001)* по разным каналам телевидения одновременно передавали разные фильмы Рязанова – он же **придворный режиссер** [С. Г. Кара-Мурза, Антисоветский проект (2002)] [НКРЯ].

Интеллигентный / интеллигентский

В словарях значение слова *интеллигент* описывается через отнесение к социальной группе и учете характера занятости. *Интеллигенция* – „1. Общественный слой работников умственного труда, образованных людей (книжн.). 2. собир. Люди этого слоя” [Ушаков 1996, I: 1215]; „1. Социальная группа, состоящая из людей, обладающих образованием и специальными знаниями в области науки, техники, культуры и профессионально занимающихся умственным трудом. 2. собир. Люди, принадлежащие к этому общественному слою; интеллигенты” [МАС 1985–1988, I: 671]; „1. Социальная группа, состоящая из образованных людей, обладающих большой внутренней культурой и профессионально занимающихся умственным трудом. 2. собир. Люди, принадлежащие к этой социальной группе, интеллигенты” [БТС 2002: 395]. Только словарь Ушакова дает отрицательно маркированное переносное значение слова *интеллигент*: „как человек, социальное поведение которого характеризуется безволием, колебаниями, сомнениями (*презрит.*)” [Ушаков 1996, I: 1215].

Согласно НКРЯ первое употребление прилагательного *интеллигентный* относится к 1860-м г.г., а *интеллигентский* – к 1890-м г.г. Начиная со Словаря Ушакова, их семантика описывается так: *интеллигентный* – „образованный, культурный, присущий интеллигенции” [Ушаков 1996, I: 1215] и *интеллигентский* – „свойственный интеллигенту (во 2 знач.) [Ушаков 1996, I: 1215].

Прилагательное *интеллигентский* дает значительно более разнообразную сочетаемость: для советской эпохи – *вера* 5/5, *штучка* 4/5, *душа* 4/4, *предрассудок* 4/4, *мягкотелость* 4/4, *расхлябанность* 3/4, *прекраснодушие* 3/3, *привычка* 3/3, *дряблость* 2/2, *идеализм* 2/2, *рефлексия* 2/2, *чистоплюйство* 2/2, *чувствительность* 2/2, *комплекс* 1/2, *безответственность* 1/1, *болезненность* 1/1, *выверт* 1/1, *гамлетизм* 1/1, *гниль* 1/1, *гнильца* 1/1, *грубость* 1/1, *демагогия* 1/1, *душонка* 1/1, *занидство* 1/1, *замашки* 1/1, *мерка* 1/1, *мечта* 1/1, *неряшливость* 1/1, *попустительство*

1/1, порядочность 1/1, празднословие 1/1, принцип 1/1, самобичевание 1/1, свободомыслие 1/1, слабость 1/1, слонтяй 1/1, соблазн 1/1, сотворение кумиров 1/1, сочувствие 1/1. чувство вины 1/1, чушь 1/1.

Для постсоветского времени — комплекс 6/6, кухня 6/6, замашки 5/5, штучка 5/5, профессия 4/4, чувство 4/4, чувство вины 4/4, речь 3/4, дискурс 2/4, гнильца 2/2, жаргон 2/2, игра 2/2, мифология 2/2, оппозиция 2/2, подсознание 2/2, привычка 2/2, самоидентификация 2/2, сомнение 2/2, сопля 2/2, страсть 2/2, страх 2/2, тусовка 2/2, рефлекс 1/4, чистоплюйство 2/2, амикошонство 1/1, безвременье 1/1, бла-бла 1/1, бонтон 1/1, борение за правду 1/1, дилетантизм 1/1, добродетель 1/1, домысел 1/1, закваска 1/1, закомплексованность 1/1, матерщинца 1/1, метания 1/1, натура 1/1, несогласие 1/1, оппозиционность 1/1, своеволие 1/1, склонность витать в эмпиреях 1/1, служение 1/1, скорбь 1/1, скромность 1/1, смесь 1/1, тщеславие 1/1, тупик 1/1, уклончивость 1/1, чувство юмора 1/1, утопист 1/1, язычество 1/1.

Кроме значительного разнообразия, следует отметить большое количество отрицательно маркированных единиц, которые коррелируют с толкованием семантики существительного *интеллигент* у Ушакова.

Прилагательное *интеллигентный* ведет себя иначе: в советскую эпоху его сочетаемость такова: *лицо* 67/78, *вид* 48/55, *голос* 11/12, *манера* 5/5, *хлопик* 4/4, *речь* 2/2. Для постсоветского времени сочетаемость несколько меняется по частотности: *вид* 57/59, *лицо* 35/38, *голос* 9/9, *манера* 9/9, *тон* 5/6, *профессия* 4/4, *речь* 4/4, *клиент* 2/2, *диалог* 1/1, *слонтяй* 1/1, *улыбка* 3/3, *обращение* 1/1, *привычка* 1/1. В советское время образованность и культурность человека определяется по лицу, после 1991 г. восприятие становится более целостным, поэтому на первое место выходит по частотности словосочетание *интеллигентный вид*.

Как видим, прилагательное *интеллигентский* описывает признаки мировосприятия, эмоциональную сферу, а *интеллигентный* — манеру поведения и внешность. Отметим важное для быта советского времени словосочетание *интеллигентские кухни*, которое НКРЯ отражает только в постсоветское время.

(10) *Блат противоречил интеллигентским принципам* Милия Алексеевича, но принцип не отвергал исключения... [Юрий Давыдов, *Синие тюльпаны* (1988–1989)] [НКРЯ].

(11) *Поднимаясь по лестнице, проходишь мимо черно-белых фотографических портретов. Лица по большей части умные, интеллигентные* [Юлия Рахаева, *Как Любимов водку на боржоми заменил. Советская цензура в борьбе за нравственность* (2002) // „Известия”, 2002.05.26] [НКРЯ].

Подведем итоги. Нами рассмотрены прилагательные *крепостной*, *крестьянский*, которые отмечены коннотациями, а не сформированными характеризующими значениями. Существительное *купец* в переносном

значении сузило объем. Наиболее чувствительным в отражении социальной проблематики оказываются прилагательные *интеллигентный* и *интеллигентский*, в которых дифференциация семантики отражена в словообразовании. Самый большой потенциал в формировании характеризующего значения показывает прилагательное *придворный*, обнаруживающее сочетаемость с широким кругом названий профессий, поэтому можно говорить о том, что значение прилагательного переосмыслено как 'близкий к власти и обслуживающий ее интересы'.

Библиография

Принятые сокращения

- БТС — Большой толковый словарь русского языка.
МАС — Словарь русского языка в четырех томах.
НКРЯ — Национальный корпус русского языка.
САР — Словарь Академии Российской.

Словари

- Большой толковый словарь русского языка*. 2002. Ред. С. А. Кузнецова, Санкт-Петербург: Норинг.
Словарь Академии Российской: в 6-ти т. 1789–1794, Санкт-Петербург.
Словарь русского языка: в 4-х т. 1985–1988. Ред. А. П. Евгеньева, Москва: Русский язык.
Толковый словарь русского языка: в 4-х т. 1996. Ред. Д. Н. Ушаков, Москва: Terra-Terra.

Литература

- А р у т ю н о в а Н. Д. 1990. *Метафора и дискурс*, [в:] *Теория метафоры*. Вст. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой, Москва: Прогресс, с. 5–32.
А р у т ю н о в а Н. Д. 1978. *Функциональные типы языковой метафоры*, [в:] „Известия Академии наук СССР. Сер.: Литературы и языка”, т. 37, № 4, с. 333–343.
Б а л а ш о в а Л. В. 2014. *Русская метафорическая система в развитии XI–XXI вв.*, Москва: Рукописные памятники Древней Руси: Знак.
Б а р а н о в А. Н. 2014. *Дескриптивная теория метафоры*, Москва: Языки славянской культуры.
К а р а с и к В. И. 2002. *Язык социального статуса*, Москва: Гнозис.
К р я ч к о В. Б. 2009. „Intelligent” и „интеллигент”: этнокультурные характеристики. Межвуз. сб. науч. ст. ВолгГТУ, [в:] „Известия ВолгГТУ. Сер.: Новые образовательные системы и технологии обучения в вузе”, вып. 6, Волгоград, № 10, с. 72–75.
Л а к о ф ф Дж., Д ж о н с о н М. 2004. *Метафоры, которыми мы живем*, Москва: Едиториал УРСС.
Метафора в языке и тексте. 1988. Отв. ред. В. Н. Телия, Москва: Наука.
Национальный корпус русского языка, [в:] электронный ресурс: <http://ruscorpora.ru/>

- Радаев В. В., Шкаратан О. И. 1996. *Социальная стратификация*, Москва: Аспект Пресс.
- Сущкова - Ирина Я. И. 2010. *Динамика социальной стратификации и ее представленность в картинах мира*, [в:] электронный журнал „Знание. Понимание. Умение”, № 4.
- Культурология*, [в:] электронный ресурс: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/4/Sushkova-Irina/>

ДРАГОЦЕННОСТИ РЮРИКОВИЧЕЙ ПО ПАМЯТНИКАМ
ПИСЬМЕННОСТИ (ЭЛЕМЕНТЫ ОДЕЖДЫ)

RURIK DYNASTY HEIRLOOMS ON THE BASIS OF WRITTEN SOURCES
(ITEMS OF CLOTHING)

BOŻENA HRYNKIEWICZ-ADAMSKICH

ABSTRACT. The aim of the article is to present the names of the valuables in testaments of the Russian great and appanage princes of the 14th-16th century. Special attention has been paid to clothing terminology (names of textiles, colours and dyes, individual garments, clothing details). Lexicographical and etymological data, as well as a semantic classification of dress and clothing detail names are provided. According to Jean Baudrillard, far from the primary status of an object being a pragmatic one, it is the sign exchange value which is fundamental. Thereupon, the attempt to present the social meaning and the unconscious discourse of the valuables mentioned in the testaments of the Rurik dynasty members is also made in this article.

Keywords: testaments of the Russian great and appanage princes, dress and clothing details names, 14th-16th century, sign exchange value of an object

Bożena Hrynkiewicz-Adamskich, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Poznań – Polska, bhrynk@amu.edu.pl

В 1950 году были опубликованы *Духовные и договорные грамоты русских великих и удельных князей XIV–XVI вв.* Во включенных в названное собрание актах последней воли содержатся распоряжения, касающиеся как недвижимого, так и движимого имущества. Духовные грамоты представителей княжеского сословия являются важным источником информации о материальной культуре средневековой Руси, в частности о драгоценностях династии Рюриковичей. В упомянутых документах засвидетельствованы многочисленные названия элементов мужской и женской княжеской одежды, древних тканей, ювелирных изделий, столовой посуды и др.

Естественно, отобранный материал может быть проанализирован с точки зрения семантики названий завещаемых предметов. Стоит однако подчеркнуть, что учет контекста, в котором данные названия появляются в памятниках письменности, позволяет реконструировать социальную семантику вещей, именуемых с использованием этих назва-

ний. Поэтому перед тем, как приступить к лингвистическому анализу данной лексики, нам показалось целесообразным остановиться на описании социального значения передаваемых по наследству княжеских драгоценностей¹.

Несметное количество вещей сопровождает человека в течение всей его жизни. Человек не может обойтись без них. В силу названного обстоятельства между предметами и людьми устанавливаются многоплановые взаимоотношения. Искусственно сотворенный человеком материальный мир окружающих его предметов представляет собой своего рода „вторую реальность“, овеществленную составную культуры. В иерархически организованных человеческих общностях каждое лицо занимает определенное положение, отражающее его статус. Соответственно, предметы образуют параллельную систему показателей социального ранга своих хозяев. Согласно Жану Бодрийяру [Baudrillard 1981: 48–49], на всех социальных уровнях, независимо от степени развития человеческих общностей, люди проявляют стремление к созданию постоянных доказательств своей значимости и продлению в предметах (и в детях) достигнутого собой статуса. Данная тенденция обусловлена тем, что предметам, как правило, свойственна инертность. Многие из них отличаются долговечностью. Вещи разделяют свою судьбу с судьбами своих собственников. Именно поэтому они обладают способностью аккумулировать в себе сущность прошлого лиц, которым они принадлежат, в том числе закреплять социальный статус владельца и его преемников. Более того, ценность передаваемых в качестве наследства предметов повышается в результате названного действия [Baudrillard 1968: 89–102]. Наследственные княжеские наряды и украшения свидетельствовали о вечности и нерушимости социального положения достигнутого их обладателями².

В этой связи Ж. Бодрийяр обращает внимание на тот факт, что как в первобытных, так и в современных обществах предметы совмещают

¹ Проблематике общественного значения вещей посвящена работа: [Barański 2007].

² В современных обществах осуществимым стало передвижение индивида от одной социальной позиции к другой. Все же, несмотря на то, что статус людей приобрел возможность изменяться, и допустимым стал их подъем в общественной иерархии, вещи продолжают свидетельствовать о положении, достигнутом их владельцем. Предметы выполняют функции знаков социальной дифференциации представителей отдельных слоев, однако вследствие названных процессов они стали подлежать требованиям моды. В настоящее время ощутимым доказательством социальной значимости человека является его способность следовать моде и учитывать ее актуальные тенденции в разных сферах жизни. Подробно об этом см. [Baudrillard 1981: 49–52].

в себе две функции: экономическую и знаковую [Baudrillard 1981: 30]. Для освещения данного вопроса существенное значение имеют наблюдения Бронислава Малиновского, в свое время описавшего существование у жителей островов Тробриан двух классов предметов, на которых выполнялись две параллельные системы обмена, называемые на киривинском языке *кула* (*kula*) и *гимвали* (*gimwali*). Проанализированная Малиновским система символического обмена *кула* основывалась на обращающемся даре наручных браслетов из белых раковин *мвали* (*mwali*) и длинных ожерелий из дисков красных раковин *соулава* (*soulava*), осуществляемом для поддержания ранга и статуса ее участников [Malinowski 1932: 81–83]. Данная система церемониального обмена представляла собой традиционный общественный институт. Вокруг нее организовалась социальная иерархия значимости триобрианцев. Даже временное владение названными предметами приносило престиж, хотя, с современной точки зрения, их объективная стоимость была относительно невысокой. Участвующие в системе *кула* украшения обладали статусом чистого знака престижа. В свою очередь, суть системы *гимвали* заключалась в бартерном обмене обычными благами, в основном вещами первой необходимости: деревянной посудой, корзинами, рыбой, ямсом, таро, кокосовыми и бетельными орехами и др. [Malinowski 1932: 96, 189–191, 362–364]. Антропологами и социологами подчеркивается, что прагматический статус не является первичным статусом предмета. Фундаментальной оказывается — и в настоящее время — не полезность и потребительная стоимость предмета, а его знаковая меновая стоимость [Baudrillard 1981: 29].

По мнению Торстейна Веблена [Veblen 2008: 14–18], в основе представленного иерархического порядка ценностей лег тот факт, что в примитивных общностях противопоставлялись друг другу два типа человеческой активности:

1. борьба, военное искусство, героические подвиги,
2. производственная деятельность.

Различие между названными видами деятельности было непосредственно связано с фактором пола. Как правило, военным делом и охотой занимались мужчины, остальные работы осуществлялись женщинами, иногда также пленными и рабами. При выполнении мужских занятий по настоящему проявлялись сила, ловкость, могущество. Следовательно, они стали признаваться лучшими, более достойными, чем повседневный женский производственный труд. Постепенно наглядным доказательством социальной значимости и престижа стали военные трофеи, накопленное имущество, богатство. Производственные действия выполнялись не только женщинами, но также лицами, находящимися в полной власти хозяина. Эти действия, а заодно и блага,

изготавливаемые в их результате, расценивались ниже, чем героические поступки и военные добычи. Со временем показателями принадлежности к привилегированному сословию стали:

1. отказ от производственного труда, а впоследствии демонстративное безделье и праздное время препровождение,
2. показная расточительность и престижное потребление³.

Материал анализируемых духовных грамот позволяет сделать вывод о том, что в средневековой Руси важнейшую составную движимого имущества и предмет наследования представляли:

1. драгоценные княжеские наряды и украшения, подчеркивающие именовитость, знатность, а заодно и праздность их владельцев,
2. золотая и серебряная посуда и столовые приборы, применяемые при демонстративном потреблении пищи представителями социальной элиты.

Как видно, названные категории материальных ценностей служат, главным образом, демонстрации престижа княжеского рода. С их помощью подтверждалась принадлежность к правящему сословию. Согласно Т. Веблену [Veblen 2008: 128–141], престижность отдельных классов предметов обычно связана с наличием у них пустяковых, бесполезных или декоративных элементов, не выполняющих существенных функций. Избыточность украшений, низкая функциональность и неприменимость в повседневной жизни, а также высокая стоимость, а в связи с этим малодоступность становятся источником их социального значения. Такие предметы превращаются в атрибуты принадлежности их обладателя к элите, высшему привилегированному слою общества.

1. Одежда

Общеизвестно, что, кроме утилитарного назначения, одежда обладает знаковыми функциями. Согласно Светлане М. Толстой [2004: 523], одежда — это

наиболее семиотизированная подсистема предметного кода культуры [...], служащая маркером пола, возраста, семейного, социального, сословного, имущественного положения, этнической, региональной, конфессиональной принадлежности, рода занятий человека, его ритуальных ролей⁴.

По справедливому замечанию Умберто Эко [Есо 2008: 105–106], в древних феодальных обществах разница между богатыми и бедными была

³ Праздность и расточительность продолжают свидетельствовать о легитимности и социальном превосходстве представителей элит. О функционировании механизмов расточительности в современной России см. [Paniuszkin 2013].

⁴ См. также [Bogatyriew 1975].

более заметной, чем в современных демократических обществах. Малгожата Можджиньска-Навотка [Możdżyńska-Nawotka 2002: 23] обращает при этом внимание на факт, что в Средневековье одежда представителей отдельных сословий различалась не столько покроем, сколько качеством ткани и отделкой. Упомянутые авторы подчеркивают, что в названный период одежда простолюдинов изготавливалась из некрашенных льняных, шерстяных и полшерстяных тканей на пеньковой основе, главным образом, естественной расцветки, т. е. серых и коричневых цветов. В свою очередь, княжеская одежда — как мужская, так и женская — производилась из драгоценных узорчатых материалов. Данные изученных источников показывают, что для пошива княжеских нарядов на Руси применялись преимущественно разноцветные иноземные шелковые ткани, цельные и протканые золотом или серебром, и лучшие сорта сукна из высококачественной шерсти. В духовных грамотах русских великих и удельных князей XIV–XVI вв. упоминаются следующие их названия:

АКСАМИТ (АКСАМИТЬ, ОКСАМИТЬ) ‘шелковая ткань в виде бархата’ [Срезн. 1: 13]. Из греч. ἑξάμιτος — то же, первоначально ‘из шести нитей’ [Фасмер 1: 66]. Ср. польск. **aksamit** (**examit**, **jaksamit**, **ksamit**) ‘gładka lub wzorzysta tkanina z krótką okrywą włókienną, ciętą, pętelkową lub mieszaną, jedwabna, wełniana, lniana, bawełniana lub z połączenia dwóch surowców, zbudowana z dwóch osnów lub dwóch wątków (aksamit osnowowy lub wątkowy), używana na stroje świeckie i szaty liturgiczne’ [Turnau 12].

(спорок аксамит зелен, пдзвици золоты з жемчюги [Гр. 302]; кортел соболеи, а вошва аксамит синь [Гр. 312]; кортел соболеи, а вошва аксамит чернь [Гр. 312]; кортел горнастаен, а вошва аксамит зелен [Гр. 312]; кортел белин, а вошва аксамит син(ь) [Гр. 312]; кортел белин, а вошва аксамит чернь [Гр. 312]; кортел квнеи, а вошва аксамит червьчат [Гр. 312]; кортел горнастаен, вошва аксамит син(ь) [Гр. 312]; лътник червьчат, а вошва аксамит син(ь) [Гр. 312]; лътник камка зелена, вошва аксамит багран [Гр. 312]; лътник камка желта, вошва аксамит багран [Гр. 312]; ш868 пахи рыс(ь)и с ѡксамитѡм [Гр. 312])

АТЛАС (ОТЛАСЬ, АТЛАСЬ) ‘шелковая, глянцевоитая гладкая ткань’ [Срезн. 2: 758]. Из польск. atlas — то же или нем. Atlas, которое восходит к араб. atlas ‘гладкий’ [Фасмер 1: 96]. Ср. польск. **atlas** (**hatlas**) ‘jednostronnie błyszcząca, gładka lub wzorzysta tkanina jedwabna lub półjedwabna, z lnianym lub bawełnianym wątkiem, wykonana splotem atlasowym regularnym lub nieregularnym, używana na szaty liturgiczne, suknie, lżejsze żupany, podszewki, obicia’ [Turnau 16–17].

(одејло на **отласъ** на синъ шито серебром да золотом, да грива сажена [Гр. 302]; лѣтник **отласен**, вошва камка зелена з золотом [Гр. 312]; лѣтник **отлас** червѣчет без вошвы [Гр. 350]; двѣ вошвы на **отласъ** на черном шиты золотом да серебром [Гр. 350]; шуба рускаѧ **отлас** червѣчат венежитции [Гр. 407]; за шубу за собол(в)ю восемь рублов, а **отлас** на шубе червчат венежитции [Гр. 407]; ментена **отлас** вишневе венежитции на черевех на бѣльих [Гр. 411])

БАРХАТ (БАРХАТЪ, БАРХОТЪ) ‘ткань шелковая или бумажная, тканая двойным утком с ворсом и без ворсу, barchanus’ [Срезн. 1: 43]. Согласно М. Фасмеру [1: 129], ближе всего в фонетическом отношении к вост.-слав. слову **бáрхат** стоит ср.-в.-н. barchât или нов.-в.-н. Barchent. По его мнению, начальное ударение тоже говорит о западном, а не о восточном происхождении, хотя первоисточником этого слова является араб.-тюрк. barrakan. Ср. польск. **barchan** (**barchwa**) ‘miękka tkanina rólwełniana, lniano-bawełniana lub bawełniana, rzadziej czysto wełniana, grubsza od flaneli, o splocie skośnym, ewentualnie atłasowym, lewostronnie drapana, barwiona w żywe kolory lub drukowana, używana na lżejszą odzież, podszewki, ciepłą bieliznę, szlafroki, spódnice, ubranka dziecięce itp.’ [Turnau 19].

(шуба кована **бархат** червѣчат [Гр. 312]; шуба на соболѣхъ, **бархот** червѣчет з золотом, рускаѧ [Гр. 350]; шуба на соболех рѣскаѧ **бархот** дикъ з золотом [Гр. 350]; шуба на соболех, **бархат** зелен [Гр. 352]; кожух **бархат** на соболех, шит золотом да серебром [Гр. 352]; кожух на черевех на белиных, **бархат** червчат [Гр. 352]; шуба **бархат** лазорев с золотом на рѣсех рускаѧ ж [Гр. 407]; за шубу **бархат** чернь на черевех на бѣльих шесть рублов [Гр. 407])

ЗУФЬ (З8ФЬ, З8ФЬ) ‘шерстяная ткань’ [Срезн. 1: 999; СлРЯ 6: 70].

ЗУФНЫЙ, ЗУФЯНЫЙ – прилаг. к ЗУФЬ [СлРЯ 6: 70].

(опаиен зуфен [Гр. 407]; опаиен зуфен [Гр. 407]; охабен зуфен [Гр. 407])

КАМКА ‘шелковая цветная ткань с узорами’ [Срезн. 1: 1186–1187]. Русское название камка заимствовано из тат., казах., кирг., алт. kamka ‘ткань из шелка, похожая на атлас’, тур., крым.-тат., кит. происхождения [Фасмер 2: 174–175]. Ср. польск. **kamka** ‘tkanina z aksamitu z wzorem na złotym tle’; ‘rosyjska nazwa adamaszku’ [Turnau 79].

(терлик **камка** голѣба с пѣдвѣциами [Гр. 312]; спорок **камка** зелена [Гр. 350]; спорок **камка** рудожелта [Гр. 350]; спорок **камка** червѣчетата [Гр. 350]; спорок **камка** желта [Гр. 350]; спорок **камка** ала [Гр. 350]; лѣтник **камка** голуба без вошвы [Гр. 350]; лѣтник **камка** червѣчета без вошвы [Гр. 350]; шуба на соболѣхъ **камка** бела венежитцаѧ рускаѧ [Гр. 350]; лѣтник **камка** голуба без вошвы [Гр. 350]; шуба **камка** лазорева золотом на соболех [Гр. 352]; кожух, **камка** есъев корень⁵ [Гр. 352])

⁵ Иессеев корень (Иессеево древо, Иессеева лоза) – иконографический мотив, представляющий собой аллегорическое изображение родословия Иисуса Христа.

КАМЧАТЫЙ (КАМЧАТЫИ) — сделанный из камки [Срезн. 1: 1187; СлРЯ 7: 50].

(вои́ва *камчата* оузоръ татарьскои [Гр. 350]; кожух *камчат* на черевех на лис(в)ихъ [Гр. 352])

КАРА ‘название ткани’ [СлРЯ 7: 69].

КАРЯНЫЙ — прилаг. от **КАРА** [СлРЯ 7: 85].

(лѣтник *карань* без вои́вы [Гр. 350])

ОБИРЬ ‘шелковая ткань’ [Срезн. 2: 509].

(кожухъ *желтаа обирь* с женчугомъ [Гр. 8]).

ОБЪЯРЬ, ОБЪЯРЬ (ОБЪЯРЬ, ОБЪЯРЬ) (ж. р.) ‘плотная шелковая ткань без узоров или с узорами, вытканными теми же или другими (серебряными, золотыми) нитями; муар’ [СлРЯ 12: 208]; ‘плотная шелковая ткань с золотыми или серебряными струями и с разными узорами’ [Срезн. 2: 570]. Обычно объясняют из тур.-перс. *ābdār* ‘блестящий, водянистый’, причем предполагается влияние слова *мухояр*. Источником послужило перс. *āb* ‘вода’, *-dār-* ‘державший’ [Фасмер 3: 111].

(лѣтник *объяри* полосат, а вои́ва аксамит чернь [Гр. 312])

ОБЪЯРИННЫЙ, ОБЪЯРИННЫЙ (ОБЪЯРИНЬНЫИ) ‘сделанный, сшитый из обяри’ [СлРЯ 12: 208].

(опашен *объяринен* голуб [Гр. 351])

СКОРЛАТ (СКОРЛАТЬ, СКАРЛАТЬ, ШКОРЛАТЬ) ‘название дорогой ткани’ [Срезн. 3: 381–382]; ‘сорт сукна, изготовлявшегося во Франции, первоначально только алого цвета’ [СлРЯ 24: 240]; ‘пурпурная ткань’ — из ит. *scarlatto*, ср.-лат. *scarlatum* — то же, которое считают словом восточного происхождения [Фасмер 3: 634]. Ср. польск. *szkarłat* (*szarłat*) — 1. tkanina lub ubiór o ciemnoczerwonej barwie uzyskanej w wyniku farbowania kermesem lub koszenilą; 2. kolor ciemnoczerwony o czystym głębokim tonie [Turnau 177].

(двѣ шубы *скорлат* червьчет, одна без тавты [Гр. 350]; опашен *скорлат* червьчет без пугвиць [Гр. 350])

СКОРЛАТНЫЙ (СКОРЛАТЬНЫИ) ‘изготовленный из скорлата’ [Срезн. 3: 381–382; СлРЯ 24: 240]

(*скорлатное* портище сажено з бармами [Гр. 8]; опашень *скорлатень* сажень [Гр. 16]; однорядка *скорлатна*, строка сажона жемчѣгом гурмыским, а пугвицы оу нее лалцы и плохое камен(в)е з жемчѣшки [Гр. 411])

СУКНО (СВКЪНО) — 1. ‘шерсть; ткань из шерсти’; 2. ‘кусочек сукна определенной меры’; 3. ‘одежда из шерстяной ткани, грубая одежда’ [Срезн. 3: 615]. По Фасмеру [3: 799], слово **сукно** связано с *сукать*

‘крутить веревку, нить’ [Фасмер 3: 798], *сучить, скать* ‘сучить (нитки), раскачивать тесто’ [Фасмер 3: 635]. Ср. польск. **sukno** – 1. ‘zwarta, gładka tkanina wełniana ze zgrzebnej wełny, niekiedy o osnowie z wełny czesankowej, powierzchniowo zamknięta na skutek folowania, używana jako cięższa tkanina odzieżowa’; 2. ‘odzież uszyta z sukna’ [Turnau 172].

(шуба лис(ь)ла с сѡкном с червьчатым [Гр. 312]; за четыре сукна [Гр. 351]; за два сукна [Гр. 351])

СУКНО ИПСКОЕ (ИПЬСКОЮ С8КНО) ‘сорт фландрского сукна (названный по г. Ипру)’ [СлРЯ 6: 248]. См. также **ИПСКИЙ** (ИПЬСКИЙ) – ‘ипрский, иперский’ (прилаг. от Ипр) [Срезн. 1: 1110–1111].

(шуба червьчетама ипскама [Гр. 350])

СУКНО ЛУНДСКОЕ (Л8НЬСКОЮ С8КНО) ‘сорт английского сукна’ [СлРЯ 8: 305–306]. См. **ЛУНДСКИЙ**, **ЛУНСКИЙ** (Л8НЬСКИЙ) – 1. ‘лондонский’; 2. ‘сшитый из лундского сукна’ [СлРЯ, там же]; 3. ‘английский’ [Срезн. 2: 55].

(шуба свѣтлозелена лунскама [Гр. 350])

ТАФТА ‘вид шелковой ткани’ [Срезн. 3: 928]. Заимствовано через ит. taffetà ‘тафта’ из нов.-перс. tāftā ‘сотканное’: tāften ‘ткать, прясть’ [Фасмер 4: 29]. Ср. польск. **tafta (tawta)** ‘lekka, sztywne, ścisła, szeliszcząca, połyskliwa tkanina jedwabna, przeważnie jednobarwna, czasem mieniąca się (rezultat różnicowania barw osnowy i wątku), także tkana w pasy, kratki lub drobnowzorzysta, używana na suknie i podszewki’ [Turnau 185].

(шуба цини без тавты ж [Гр. 350]; двѣ шубы скорлат червьчет, одна без тавты [Гр. 350]; шуба белоголуба без тавты ж [Гр. 350])

ЦИНИ ‘вид ткани’ [Срезн. 3: 1441]. Возможно, первоначально, **цини** ‘китайская материя’ – из тур., чагат. Ćin ‘Китай’ [Фасмер 4: 302].

(лѣтник цини голѣбы, вошива аксамит чернь [Гр. 312]; шуба цини без тавты ж [Гр. 350])

ШЕЛК (ШЕЛКЪ, ШОЛКЪ) – 1. ‘шелковица’; 2. ‘шелковая нить’; 3. ‘шитье, вышивка шелком; шелковая ткань’ [Срезн. 3: 1586]. Согласно Фасмеру [4: 423–424], ввиду наличия ш- в слове **шѣлк** можно предполагать происхождение с Запада. Первоисточником является др.-сканд. silki ‘шелк’, др.-анг. sioluc, д.-в.-н. silecho (IX в.) из лат. sēricus ‘шелковый’ от лат. sēres, греч. Σηρες ‘Китай’, ‘китайцы’. Неприемлима гипотеза о заимствовании др.-русс. слов из какого-либо вост. языка ввиду наличия ш- и л-, а также слав. происхождение др.-сканд. silki, др.-анг. sioluc.

(подволока на червьць жолть **шолкъ** [Гр. 312]; постела шита **шолки** на аль камкъ [Гр. 312]; дрѹгое възголов(ь)е камка на червьци бѣл **шолк** [Гр. 312]; одѣяло кѹн(ь)е на червьць **шолкъ** бѣль [Гр. 312]; кожух на черевех на белинных, камка бурскаа **тежолая**, на червьчетъ желть **шолкъ** [Гр. 350]; вошва на серебрь бархочена золотом да **шолком** [Гр. 350])

ШИДА 'шелк, шелковая ткань' [Срезн. 3: 1592].

ШИДЕНЬИЙ (ШИДЕНЬИИ) 'шелковый' [Срезн. 3: 1592-1593].

(сорочка **шидена** сажена з дробницею [Гр. 312]; ларець желть с сорочками с **шидеными** [Гр. 312])

Знак отличия князей в древнерусском обществе представляла также одежда определенных цветов, в частности разных оттенков красного⁶. В анализируемых документах засвидетельствованы названия следующих цветов княжеских нарядов:

АЛЫЙ (АЛЫИ) 'яркий, светло-красный' [Срезн. 1: 20]; 'ярко-красный' (Фасмер 1: 73). Из тур., крым.-тат. al 'светло-розовый', тат., кыпч., казах., чагат., уйг. al 'алый' (Фасмер, там же).

(спорок камка **ала** [Гр. 350])

БАГРЯНЫЙ (БАГРЯНЫИ) 'червлённый, purpureus' [Срезн. 1: 39].

(шѣба **багрна** [Гр. 312]; лѣтник камка зелена, вошва аксамит **багрн** [Гр. 312])

БЕЛОГОЛУБОЙ (БѢЛОГОЛѢБЫИ) [Срезн. 1: 218].

(шуба **белоголуба** без тавты ж [Гр. 350])

БЕЛЫЙ (БѢЛЫИ) 'albus, λευκός' [Срезн. 1: 218-219].

(шѣба **бела**, да дрѹгаа шѣба **бела** [Гр. 312]; подволока **бела** [Гр. 312]; шуба на собольхъ камка **бела** венецицкаа рускаа [Гр. 350])

ВИШНЕВЫЙ (ВИШЬНЕВЫИ) — прилаг. от вишня [Срезн. 1: 546].

(ментена отмас **вишне** венецицкои на черевех на бѣлых, а круживо оу нее сажено жемчвгом гурмыским на бели с добницею [Гр. 411])

ГОЛУБОЙ (ГОЛѢБЫИ) [Срезн. 1: 546].

(терлик камка **голѣба** с пѣввицами [Гр. 312]; лѣтник цини **голѣбы**, вошва аксамит чернь [Гр. 312]; лѣтник камка **голуба** без вошвы [Гр. 350]; шапен обьяринен **голуб** [Гр. 351])

ЖЕЛТЫЙ (ЖѢЛТЫИ) 'flavus' [Срезн. 3: 886-887].

(подволока на червьць **жолть** шолкъ [Гр. 312]; подволочка **желта** [Гр. 312]; спорок камка **жолта** [Гр. 350])

⁶ О символическом значении света и отдельных цветов и эстетических потребностях европейцев в Средневековье см. [Есо 2008: 99-129].

ЗЕЛЕНЬИЙ (ЗЕЛЕНЬИИ) [Срезн. 1: 969].

(шуба *зелена* [Гр. 312]; льтник камка *зелена*, вошва аксамит *багран* [Гр. 312]; льтник *отласен*, вошва камка *зелена* з золотом [Гр. 312]; шуба на соболех, *бархат зелен* [Гр. 352])

ЛАЗОРЕВЫЙ (ЛАЗОРЕВЫИ) 'голубой, синий' [Срезн. 2: 4].

(шуба камка *лазорева* золотом на соболех [Гр. 352])

РУДОЖЕЛТЫЙ (Р8ДОЖЬЛТЫИ) 'красновато-желтый' [Срезн. 3: 188].

(шуба *р8дожелта* [Гр. 312]; *опашен р8дожелть* с п8звигами [Гр. 312]; спорок камка *рудожелта* [Гр. 350])

СВЕТЛОЗЕЛЕНЬИЙ – СВЪТЛЫИ 'ясный, светлый' [Срезн. 3: 299–300] + ЗЕЛЕНЬИИ (см. выше **ЗЕЛЕНЬИЙ**).

(шуба *свѣтлозелена* лунская [Гр. 350])

СИНИЙ (СИНИИ) 'темно-голубой' [Срезн. 3: 356–357].

(кортел *соболеи*, а вошва аксамит *синь* [Гр. 312]; кортел *белин*, вошва аксамит *син(ь)* [Гр. 312])

ЧЕРВЧАТЫЙ (ЧЪРВЪЧАТЫИ) 'красный' [Срезн. 3: 1558].

(*поясъ золотъ* с крюкомъ на *червчатъ* шелку [Гр. 8]; *поясъ золотъ* на *червчатъ* тласмъ [Гр. 221]; шуба *собол(ь)я* камка *червчатата* с п8звигами [Гр. 312]; шуба *кована* бархат *червчат* [Гр. 312]; кортел *квнеи*, а вошва аксамит *червчат* [Гр. 312]; шуба *лис(ь)я* с с8жнѡм с *червчатым* [Гр. 312]; шуба *червчатата* [Гр. 312]; льтник *червчат*, а вошва аксамит *син(ь)* [Гр. 312]; шуба на соболѣхъ, бархот *червчет* з золотом, *рузскаа* [Гр. 350]; *двѣ* шубы *скорлат червчет*, *одна* без *тавты* [Гр. 350]; *опошен* *скорлат червчет* без *пугвиць* [Гр. 350]; льтник камка *червчета* без *вошвы* [Гр. 350]; льтник *отлас червчет* без *вошвы* [Гр. 350]; спорок камка *червчетата* [Гр. 350]; *сорочка* *шита червчета*, *рукава* *сожаны* [Гр. 350]; *кужух* на *черевах* на *белиных*, бархат *червчат* [Гр. 352]; *червчату* *япончу* *бурскую* [Гр. 353]; *пояс* *золот* на *тесмъ* на *червчетои* [Гр. 406–407]; шуба *русскаа* *отлас червчат* *венедитцои* з *золотом* на *соболех* [Гр. 407]; шубу *бархат червчат* з *золотом* на *соболех* *круги великие*, да шубу *бархат чернь* с *серебром* на *соболех*, а *обе шубы татарские* [Гр. 407]; за шубу за *собол(ь)ю* *восмь рублов*, а *отлас* на шубе *червчат* *венедитцои* [Гр. 407]; *запуш(ь)е* *подволочное*, *сажено* *жемчвгом* *гурмыским* з *дробницюю* на *бели* на *камкѣ* на *червчатои* [Гр. 410])

ЧЕРЛЕНЬИЙ (ЧЪРЛЕНЬИИ) 'красный' [Срезн. 3: 1558].

(*кожухъ черленыи* *женчужьныи* [Гр. 8])

ЧЕРНЬИЙ (ЧЪРНЬИИ) [Срезн. 3: 1562–1564].

(льтник *цини* *голвбы*, вошва аксамит *чернь* [Гр. 312]; за шубу *бархат чернь* на *черевах* на *бѣлых* *шесть рублов* [Гр. 407]; *пояс* на *тласмъ* на *чорнои*, *оковы* *золоты* и с *наконечником* и с *крюком* [Гр. 411])

Княжеские наряды щедро украшались самоцветами и прочими драгоценными материалами (нашивками, лоскутьями дорогих тканей, вшиваемых в другие ткани, кружевами). Широко использовались вся-

кого рода цепи и пояса, обычно изготавливаемые из золота, реже из серебра. Естественно, для князей проиобретение такого типа аксессуаров представляло один из способов вложения капитала⁷. Лицами обоих полов применялись многочисленные изысканные ювелирные украшения. Стоит подчеркнуть, что в употреблении драгоценных камней не было никакой практической необходимости. Они являлись, прежде всего, показателями принадлежности к аристократическому сословию, богатства и власти их обладателей. Как кажется, отличительной особенностью камней, ключевой для приобретения ими особого статуса, являлась их необыкновенная красота и прочность. В свою очередь, для возникновения суеверных представлений о самоцветах существенную роль сыграл тот факт, что их добывают из недр земли или из морских глубин. Именно в связи с этим они наделялись сверхъестественными чертами⁸. Самоцветам приписывались целебные и магические свойства, и поэтому они служили амулетами и талисманами.

В исследуемых документах подтверждено распространение на Руси нижеперечисленных драгоценных камней:

БИРЮЗА (БЕРЮЗА, БИРЮЗА) — минерал, отличающийся небесно-голубым, голубовато-, яблочно- и серовато-зеленым цветом и восковым блеском. Бирюза была известна в Древнем Египте, в Средней Азии, в Индии и на Кавказе. Наибольшей популярностью пользовалась бирюза в мусульманском мире. В Европе XV–XVI вв. кольца с бирюзой носили преимущественно мужчины и она считалась талисманом против ушибов при падениях [СлКС 24]. Название заимствовано через тур. *piruzā* — то же, *firūza* из перс. *pirōze*, авест. **paīturaōcah-* [Фасмер 1: 167–168].

[четырёхнацат(ь) жиковин с лалом, и съ *ахонтцом*, и з *берюзами*, и з *жемчшки*, и с *перелеотми*, и с *плохим камен(ь)ем* (Гр. 411)]

ЖЕМЧУГ (ЖЕМЧҪҪҪҪҪ, ЖЕНЬЧҪҪҪҪ, ЖҪҪҪҪҪҪҪ, ЖОМЧҪҪҪҪ) (ед. ч. жемчужина) — жемчуг с древности традиционно причисляется к драгоценным камням, хотя их долговечность как будто несопоставима: жемчуг с течением времени теряет блеск, тускнеет и трескается. Первые упоминания о жемчуге на Руси датируются X в. В XIII–XVIII вв. он был излюбленным камнем для украшения одежды, женских головных уборов, одеяний священников, церковной утвари и предметов обихода [СлКС 42–43]. Согласно Фасмеру [2: 46], русское *жемчуг*, диал. *зёмчуг*, является специфически вост.-слав. словом, восходящим к др.-тюрк. *jāncū* 1. 'жемчуг', 2. название Сырдарьи, чагат. *jāndžü*, вероятно кит. происхождения. Ближай-

⁷ В среднековой Польше цепь являлась атрибутом рыцарства [Bartkiewicz 1979: 17].

⁸ Шире об этом см. [Barthes 2006: 59–64].

шим источником русского слова могло быть др.-чув. (волжско-булг.) *žinžü (откуда и венг. gyöngy 'жемчуг'); ср. уйг. jīnžü, jōnžü, тур., азерб. indži, чув. əndžə, куманд., леб. činči.

(*попась* болиши с **женцугомь** с каменьемъ [Гр. 7]; *кожухъ черленыи женчужьныи* [Гр. 8]; *попась золотъ фразьский с женцугомь* с каменьемъ [Гр. 8]; *кожухъ желтаа обирь с женцугомь* [Гр. 8]; *бугаи соболии с наплечки съ великимъ женцугомь* с каменьемъ [Гр. 8]; *2 кожуха с аламы с женцугомь* [Гр. 8]; *сабла золота, обазь зол(о)та, и серга с женцугомь* [Гр. 16]; *чечакъ зол(о)тъ с каменьемъ с женцуги* [Гр. 16]; *попась великии зол(о)тъ с каменьемъ с женцуги* [Гр. 16]; *аламъ малыи с женцуги* [Гр. 16]; *наплечки зол(о)ты с круги с каменьемъ с женцуги* [Гр. 16]; *попась золот новыи с каменьемъ съ жомчюгомъ без ремени* [Гр. 36]; *дрвгои вгьнок низан великим жемчюгомъ* [Гр. 312]; *ожерелье зожоно, а исподнеи рад снизон, да четыре оу нег(о) пвгвицы жемчюжны, да платнатдат(ь) пугвицъ сгьнчетых золочены з жемчюгы невелики, да четыре жемчюгы пвгвичные, да три тысячи зерен жемчюгу мелкаго* [Гр. 349]; *вошва на ѿдну накапку шита золотом да сожана была жемчюгом, да жемчюг с нее снизан, а осталоса ег(о) немного* [Гр. 350]; *колпак, полки сожаны жемчюгом, да три оу нег(о) пугвицы ахонты жемчюги и не пришиты* [Гр. 349]; *сажен(ь)а накапки женские, сажены жемчвгом гурмыским, на бели, на платцгъх* [Гр. 410]; *запуш(ь)е подволочное, сажено жемчвгом гурмыским з дробницюю на бели на камкъ на червчатои* [Гр. 410]; *сажен(ь)е швбы женские, сажено жемчвгом гурмыским з дробницюю на бели* [Гр. 410]; *манисто золото: лгьска, да три цаты съ ахонты, и з жемчвжинами, и с плохим камен(ь)ем* [Гр. 410]; *чело кичное золото съ ахонты, и з жемчвги, и з жемчужинами, и с плохим камен(ь)ем* [Гр. 410]; *ѡжерел(ь)е на цках на золотых, розрушано, съ ахонты, и з жемчвги, и с плохим камен(ь)ем въ трехнатцати жереб(ь)гъх, и с придгьльными жереб(ь)и* [Гр. 410]; *ѡжерелецо сажоно жемчвгом гурмыским и новгородцким* [Гр. 410]; *ѡднорядка скорлатна, строка сажона жемчвгом гурмыским, а пугвицы оу нее лалцы и плохое камен(ь)е з жемчвшки* [Гр. 411]; *крвживо с рукава шубы руские, сажено жемчвгом гурмыским* [Гр. 411]; *жемчвгв полчетверты гривенки без семи золотников, да восемь зерен новгородцких* [Гр. 411]; *маллики съ ахонты, и з жемчвги* [Гр. 411]; *ментена ѡтлас вишнев венецицкои на черевех на бгьльих, а круживо оу нее сажоно жемчвгом гурмыским на бели з добницюю* [Гр. 411]; *колпак столбун, полицы сажоны жемчвгом гврмыским* [Гр. 411]; *четырьнатцат(ь) жиковин с лалом, и съ ахонтцом, и з берюзамы, и з жемчвшки, и с перелеѡтми, и с плохим камен(ь)ем* [Гр. 411]; *чоботы тимовы, по швом сажоны жемчвгом гурмыским, и в носкгъх и в каблвкгъх сажены жемчвгом гврмыским* [Гр. 411])

ИЗУМУРУД (ИЗ8МР8ДЪ) — ярко-зеленая, темно-зеленая, меньше травяно-зеленая прозрачная разновидность берилла, причем темно-зеленые его образцы ценятся дороже алмаза. Известен с древности, используется для вставок в сами дорогие украшения. В старину изумруд считался могущественным талисманом. По старинным русским поверьям изумруд — это камень мудрости, хладнокровия и надежды [СлКС 44–45]. Русское название изумруд предположительно заимствовано через тур. zümrüt — то же, также перс.-араб. zumurrud из греч. ομόραυδος [Фасмер 2: 123–124].

(двадцат(ь) и три жиковины женских золоты съ *яхонты*, и с *лалцы*, и с-*ызьмруты*, и з жемчвики, и с плохим каменеицом [Гр. 410])

ЛАЛ (ЛАЛЬ) — до XIII в. общее славянское название красного прозрачного камня — рубина, шпинели, граната пироба, турмалина; в XIII–XVIII вв. русское название красной благородной ювелирной шпинели – драгоценного камня, по цвету близкого к рубину, но уступающего ему по твердости и блеску [СлКС 60; СлРЯ 8: 167]. Российскую императорскую корону (изготовленную в 1762 г.) венчает крупная ярко-красная шпинель массой 398,7 карата [СлКС 99]. Слово лал (др.-русск. *лаль*) заимств. из тур., крым.-тат., кыпч. (перс.) *lal* — то же [Фасмер 2, 453].

(*вънець ц(а)рскои з городы, да съ яхонты, да с лалы, да з зерны с великими* [Гр. 312]; *расы съ яхонты да с лалы* [Гр. 312]; *двои серги яхонты, а третьи лалы* [Гр. 352]; *одиннатцат(ь) запонок с переперы, съ яхонты, и с лалы, и з жемчвгом, и с плохим камен(ь)ем* [Гр. 410]; *однорядка скорлатна, строка сажона жемчвгом гурмыским, а пугвицы оу нее лалцы и плохое камен(ь)е з жемчвики* [Гр. 411])

ПЕРЕЛИВТ, ПЕРЕЛЕВТЬ (ПЕРЕЛЕФТА, ПЕРЕЛЕФТЬ) ‘сорт камня халцедона, в котором разноцветные слои постепенно переходят один в другой и переливаются’ [Срезн. 2: 909]. Поделочный камень. Его окраска обусловлена примесями [СлКС 72]. Обычно производят от *пере-* и *лить*; ср. *переливаться* (о блеске) [Срезн., там же]. По всей вероятности, назван по переливчатости цвета слоев. Фасмер [3: 238] считает этимологию слова *перелифть, перелефть* неясной.

(*перстен(ь) с перелефтою золот* [Гр. 352]; *перстен(ь) с перелефтью оу облаза* [Гр. 352]; *четырьнатцат(ь) жиковин с лалом, и съ яхонты, и з берюзами, и з жемчвики, и с перелефти, и с плохим камен(ь)ем* [Гр. 411])

СЕРДОЛИК (СЕРДОЛИКЪ, СЕРЕДОЛИКЪ) ‘полудрагоценный камень’ [СлРЯ 24: 78]; ‘оранжевый, оранжево-красный, буро-красный халцедон’ [СлКС 81]. По древним поверьям красный сердолик предохраняет от ссор и споров, усмиряет лихорадки и нервные болезни, укрепляет зубы и т. д. Он считается вообще чрезвычайно счастливым и оздоравливающим камнем [СлКС, там же]. Из греч. *σαρδόνις* — то же [Фасмер 3: 605]. Назван по г. Сардис в древней Малой Азии [СлКС, там же].

СЕРДОЛИКОВЫЙ, СЕРДОЛИЧНЫЙ (СЕРДОНИЧЬНЫЙ) ‘слеланный из сердолика; отделанный, украшенный сердоликом’ [СлРЯ 24: 78; Срезн. 3: 335].

(*попась сердоничень золотомь оковань* [Гр. 7])

ЯХОНТ (ЯХОНТЬ) — общее старорусское название ювелирных разновидностей корунда [СлКС 102]. Его цвет очень разнообразен,

обычно синевато- или желтовато-серый, но может быть и очень чистым, ярким. Прозрачные разновидности красивого цвета имеют собственные названия, напр.: рубин – красный; сапфир – синий; индиго-сапфир – темно-синий; лейкосапфир – бесцветный; хлоросапфир – зеленый [СлКС, там же]. Слово *яхонит* заимствовано через ст.-польск. *jachant* из ср.-в.-н. *jâchant* от ср.-лат. *hyacinthus*, греч. ὑάκινθος, которое считают эгейским элементом [Фасмер 4: 570].

(вгънецъ ц(а)рскои з горюды, да съ *яхонты*, да с лалы, да з зерны с великими [Гр. 312]; расы съ *яхонты* да с лалы [Гр. 312]; двои серги *яхонты*, а третьи лалы [Гр. 352]; ѿдиннатцат(ь) запонок с переперы, съ *яхонты*, и с лалы, и з жемчгом, и с плохим камен(ь)ем [Гр. 410]; три переперы кичные серебряны золочоны съ *яхонты* и с плохим камен(ь)ем [Гр. 410]; серги болише *яхонты* сини з зерны з гурмыскими [Гр. 410]; дрвгие серги троини *яхонты* сини и лалы з зерны з гурмыскими и с новгородцкими [Гр. 410]; дватцат(ь) и три жиковины женских золоты съ *яхонты*, и с лалы, и с-ыздмруты, и з жемчвики, и с плохим каменеицом [Гр. 410]; манисто со кр(е)сты, и иконы, и прониски, да восемь *яхонтов*, да дватцат(ь) и два зерна гурмыских колточных [Гр. 410]; два чичака золоты, ѿдин грановит, а на ѿбгъих *яхонты* сини да зерна гурмыские [Гр. 410–411])

На повышение стоимости одежды влияло использование мехов для ее отделки или в качестве подкладки⁹. В изучаемый период меховая одежда и головные уборы должны были не только защищать от зимнего холода, но также являлись знаком богатства и предметом роскоши. К ценнейшим носимым князьями мехам принадлежали **МЕХА СОБОЛЪИ** (*шуба собол(ь)а аксамит син(ь) з золотом да с пѣгвицами* [Гр. 302]; *кожух на соболъхъ, камка бурскаа з золотом* [Гр. 350]) и **ГОРНОСТАЕВЫ** (*кортел горнастаен, а вошва аксамит зелен* [Гр. 312]; *кортел гѡрнастаен, вошва аксамит син(ь)* [Гр. 312]). В исследуемых духовных засвидетельствовано также использование **БЕЛЧЬИХ** (*кожух на черевех на белинных, камка бурскаа тежолата, на червьчетъ желтъ шолкъ* [Гр. 350]; *кортел белин, а вошва аксамит син(ь)* [Гр. 312]; *кортел белин, а вошва аксамит чернъ* [Гр. 312]), **КУНЬИХ** (*шуба на куняцах, камка бурскаа з золотом да с серебром* [Гр. 350]; *кортел кѡнеи, а вошва аксамит червьчат* [Гр. 312]), **ЛИСЬИХ** (*шуба лис(ь)а с сѡнком с червьчатым* [Гр. 312]; *кожух камчат на черевех на лис(ь)ихъ* [Гр. 352]) и **РЫСЬИХ** (*шуба пахи рыс(ь)и с ѡксамитом* [Гр. 312]; *шуба бархат лазорев с золотом на рысех рускаа ж* [Гр. 407]) **МЕХОВ** для пошива княжеских нарядов. Иногда использовался мех из горлышек (*шубу горлатну* [Гр. 351]) или с брюха животного¹⁰ (*кужух на черевех на белиных, бархат червьчат* [Гр. 352]; *за шубу бархат чернъ на черевех на бѣльих шесть*

⁹ Ср. [Bartkiewicz 1979: 39].

¹⁰ Черевие 'мех с брюха животного' [Срезн. 3: 1499].

рублов [Гр. 407]; ментена *отлас вишнева венецицкои на черевех на бѣльих, а круживо оу нее сажоно жемчвгом гурмыским на бели з добницюю* [Гр. 411]). Головные уборы также нередко оторачивались мехом (примером может служить шапка Мономаха с соболиной опушкой). Как следует из приведенных названий, декоративный эффект подчеркивали изысканные цветовые сочетания. Меховая подкладка или опушка тщательно подбирались к цвету ткани наряда.

В исследуемых духовных грамотах представлены следующие обиходные названия одежды и ее элементов¹¹:

А. Общие названия одежды

ОДЕЯЛО (ОДЪЛО, ОДЪАЛО, ОДИАЛО) 'одежда; покрывало' [Срезн. 2: 627; СлРЯ 12: 275]. От др.-русск., ст.-слав. *одѣати*, итер. от *одѣти*, *дѣти* [Фасмер 3: 121]. Глагол *oděti* (: -*děti ded'q 'ponere, collocare' i *ob(ь)- 'circum, circa'), вместе со старым дериватом *oded'a и младшим — *oděnyje (рядом с которыми основанные на форме имперфекта *odějati — odějanyje, oděja), относились к действию надевания, накидывания одежды, по всей вероятности, скорее верхней, из жесткой ткани (в роде шубы, плаща), чем из мягкой, прилегающей к телу [Wojtyła-Świeżowska 2002: 232]. Ср. совр. *одеяло* 'постельная принадлежность для укрывания тела'.

(одеяло на отласъ на синь шито серебром да золотом, да грива сажена [Гр. 302]; *одеяло на отласе на сине, шито серебром да золотом, да грива сажена* [Гр. 308]; *одеяло на отласъ на сине, шито серебром да золотом, да грива сажена* [Гр. 310]; *одѣяло кдн(ь)е на червьць шолкъ бѣль* [Гр. 312])

ПЛАТЬЕ (ПЛАТИЕ) 'одежда' [Срезн. 2: 955]. Старинное собир. существительное от *плат* [Фасмер 3: 275]. Ср. совр. *платье* — 1. '(мужская и женская) одежда, носимая поверх белья'; 2. 'женская цельная одежда, надеваемая поверх белья'.

(платье мужское и женское [Гр. 350]; *женскаг(о) плат(ь)я* [Гр. 350]; *платье и суды* [Гр. 352]; *саженово моег(о) плат(ь)я* [Гр. 411])

ПОРТ (ПОРТЬ, ПЪРТЬ, ПЪРЬТЬ, ПРЬТЬ) — 1. 'кусок ткани, лоскут'; 2. 'покрывало'; 3. 'платье, одежда'; 4. 'риза священническая'; 5. 'пелена; оболочка'; 6. 'нить' [Срезн. 2: 1752–1753]; 'грубая ткань (пеньковая, льняная)' [Фасмер 3: 334]; мн. ч. **ПОРТЫ** (ПЪРТЫ, ПЪРТОВЕ) 'платье, одежда' [Срезн., там же]; 'штаны из грубого полотна' [Фасмер, там же]. Праслав. *ръгть связано с *пороть*. Менее вероятно заимствование из тюрк., ср. тур. *purty* 'изношенное, разодран-

¹¹ Данное деление опирается на семантическую классификацию названий элементов одежды в др.-польск. языке, предложенную в работе: Borejszo 1990: 34–44.

ное платье, трапье'. Недостоверно также сближение с лит. *spartas* 'завязка' [Фасмер, там же].

(*порты саженьы* [Гр. 25])

ПОРТИЩЕ (ПОРТИЩЕ, ПЪРТИЩЕ) — 1. 'отрезок, кусок ткани'; 2. 'одежда, платье'; 3. 'одеяние'; 4. 'нить' [Срезн. 2: 1752–1753].

(*скорлатное портище сажено з бармами* [Гр. 8]; *круживо на портищо шито золотом да серебром* [Гр. 350])

Б. Названия конкретных фасонов и элементов одежды, носимой на Руси¹²

I. Названия одежды общего назначения

1. Названия видов верхней одежды

— мужской

ВОТОЛА 'одежда верхняя' [Срезн. 1: 307; СлРЯ 3: 73]; см. диал. ряз. *вотоль* и *батула* 'одеяло, вытканное из хлопьев'; тамб. *вотола* 'грубая крестьянская ткань из льна и поскони' [Срезн. 1: 307; Фасмер 1: 358]. Ср. ср.-нж.-н. *wât* 'одежда' [Фасмер, там же]. Ср. польск.

¹² При лексикографической и этимологической разработке материала использовались данные словарей русского и польского языков. Это оправдано историческими причинами. Как известно, в 1385 году в замке Крево было заключено соглашение о династическом союзе между литовским и польским государствами. Впоследствии подписывались очередные договоры, уточнявшие условия Кревской унии (Виленско-Радомская уния 1401 г., Городельская уния 1413 г., Гродненская уния 1432 г., Краковско-Виленская уния 1499 г., Мельницкая уния 1501 г.). Подписание акта об окончательном объединении Королевства Польского и Великого княжества Литовского и создании федеративного государства Речь Посполита Обоих Народов имело место в 1569 г. в Люблине. Стоит подчеркнуть, что Великое княжество Литовское являлось организмом с полиэтническим составом населения. Большинство в нем составляли русины, т. е. восточные славяне. На востоке оно соседствовало с Великим княжеством Московским. Данные обстоятельства не могли не отразиться на характере местной материальной культуры. В конце XV и на протяжении всего XVI столетий среди польско-литовских нарядов наблюдаются элементы одежды, носимой русскими боярами. Это свидетельствует об оживленных соседских контактах с русскими землями, в особенности приграничных литовских территорий, откуда восточное влияние распространялось далее в западном направлении. Немаловажную роль в данном процессе сыграло распространение идеологии сарматизма среди польско-литовской шляхты. Названия многочисленных нарядов появляются в одинаковом звучании в русских памятниках письменности конца XV–XVI вв. и относящихся к названному периоду инвентарях на польском языке. Выступление одних и тех же названий и покроя элементов одежды в русских и польских документах является доказательством интенсивного обмена в области моды. Подробно об этом см. [Gutkowska-Rychlewska 1968: 295, 380, 387–388, 392, 395].

wotoła (watoła) — 1. 'wkładane przez głowę okrycie noszone na Rusi od średniowiecza do XVII w.'; 2. 'gruba, zgrzebna tkanina z wyczesków lnianych lub konopnych, wytwarzana na wsi ruskiej' [Turnau 199].

(*вотола сажена* [Гр. 36])

КОЖУХ (КОЖ8ХЪ, КОЖЮХЪ) 'шуба, pellicium' [Срезн. 1: 1246], 'верхняя одежда из шкур животных; верхняя меховая одежда, шуба' [СлРЯ 7: 221–222]. Слово **кожух** является производным от *кожа* [Фасмер 2: 277]. Ср. польск. **kożuch** 'окрытие, najczęściej ze skór owczych lub baranich, szyte futrem do wewnątrz, także pokryte tkaniną' [Turnau 97].

(*кожухъ черленыи женчужьныи* [Гр. 8]; *кожухъ желтаѧ обирь с женчугомь* [Гр. 8]; 2 *кожуха с аламы с женчугомь* [Гр. 8]; *кожѸх соболѧи с камкою да с пѣввицами* [Гр. 312]; *кожух на черевех на белинных, камка бурскаѧ тежолѧѧ, на червьчетѣ желть шолкъ* [Гр. 350]; *кожух бархат на соболѧх, шит золотом да серебром* [Гр. 352]; *кужух на черевех на белиных, бархат червьчат* [Гр. 352]; *кожух камчат на черевех на лис(ѡ)ихъ* [Гр. 352]; *кожух, камка естѣв корень* [Гр. 352]; *кожух на соболѧхъ, камка бурскаѧ з золотом* [Гр. 350])

МЕНТЕНА (МЕНТЕНѧ) 'мужское платье' [Срезн. 2: 128]; 'название мужской одежды (накидка, длинное верхнее платье без рукавов на меху)' [СлРЯ 9: 88]. Ср. тур. *mintan* 'жилет, куртка', азерб. *mintänä* 'женская куртка'. Предполагают происхождение от лат. *mantile* и родственных при посредстве венг. *mente* 'плащ' [Фасмер 2: 598]. Ср. польск. **mente (mentyk)** 'wierzchni kaftan o prostym stroju, rozszerzany klinami, zwykle z tyłem dłuższym od przodu, ozdobnym kołnierzem, rękawami sięgającymi niekiedy tylko łokci, noszony do węgierskiego stroju narodowego od XV do XIX w.' [Turnau 114].

(*ментена ѡтлас вишнев венецицкои на черевех на бѣлых, а круживо оу нее сажоно жемчѡгом гурмыским на бели з добницю* [Гр. 411])

ОДНОРЯДКА (ОДНОРАДЪКА) 'верхняя широкая одежда, длиною до пят, без воротника, с длинными, суживающимися к запястью рукавами, под которыми сделаны прорехи' [Срезн. 2: 619–620]; 'верхняя одежда из шерстяной ткани без подкладки' [СлРЯ 12: 298]. Ср. польск. **jednoradek (jednoratka, jenoradek)** 'długie okrycie męskie z grubej tkaniny, zapinane na jeden rząd guzów, często podszywane futrem' [Turnau 74].

(*ѡдноратку* [Гр. 351]; *ѡднорадка скорлатна, строка сажона жемчѡгом гурмыским, а пугвицы оу нее лалцы и плохое камен(ѡ)е з жемчѡшки* [Гр. 411])

— женской

ДУШЕГРЕЯ (Д8ШЕГРЪѧ, Д8ШОГРЪѧ) — см. уменьшит. **ДУШЕГРЪЙКА** 'род короткой куртки' [СлРЯ 7: 345].

(*д(у)шогрѧѧ моя лис(ѡ)ѧ* [Гр. 350])

КОРТЕЛ (КОРТЕЛЬ, КОРТЕЛЬ) 'женская одежда, покроем подобная летнику, только на меху' [Срезн. 1: 1291-1292; СлРЯ 7: 345]. Слово **кортел**, **кортель** заимствовано из др.-шв. *kurttil*, *kiurttil* 'короткая одежда', др.-исл. *kyrtill* [Фасмер 2: 339]. Ср. польск. **kortel** (**cortel**, **kortyl**) 'kobiece okrycie z rękawami, podszyte futrem, zapinane na guzy lub zapony, noszone w XV w., szyte z drogich tkanin jedwabnych, z rękawami kroju rosyjskiej wersji letnika, obszywanymi złotogłowiem lub obramowaniem z pereł i klejnotów' [Turnau 95].

(*кортел* соболеи, а вошва аксамит синь [Гр. 312]; *кортел* соболеи, а вошва аксамит чернь [Гр. 312]; *кортел* горнастаен, а вошва аксамит зелен [Гр. 312]; *кортел* белин, а вошва аксамит син(ь) [Гр. 312]; *кортел* белин, а вошва аксамит чернь [Гр. 312]; *кортел* кднеи, а вошва аксамит червьчлт [Гр. 312]; *кортел* горнастаен, вошва аксамит син(ь) [Гр. 312]; *кортел* горнастаен без пвхв [Гр. 350]; на бълках *кортел* твѣта голуба [Гр. 350])

ПОДВОЛОКА (ПОДЪВОЛОКА) — 1. 'легкая нарядная женская одежда в виде пелеринь'; 2. 'край, обшивка подола' [Срезн. 2: 1053-1054; СлРЯ 15: 239].

(*подволока* на червьць жолтъ шолкъ [Гр. 312]; *подволока* бела [Гр. 312]; *подволока* камка на золотъ [Гр. 312]; *подволока* камка зелена без пухв [Гр. 350]; *подволока* камка бѣла без пухв [Гр. 350]; *подволока* камка жолта без пухв [Гр. 350]; *подволока* камка зелена без пвхв [Гр. 350])

ПОДВОЛОЧКА (ПОДЪВОЛОЧЬКА) — уменьшит. от ПОДВОЛОКА (ПОДЪВОЛОКА) [Срезн. 2: 1054].

(*подволочка* желта [Гр. 312])

— для обоих полов

ЕПАНЧА, ЯПАНЧА — 1. 'род накидки, плащ, широкое длинное верхнее платье без рукавов' [СлРЯ 5: 52]; 2. 'накидка, покрывало, полость в санях или повозке' [Срезн. 1: 828; СлРЯ, там же]. Из тур. *jarundža* 'накидка с капюшоном, попона', крым.-тат. *jarundžu* — то же [Фасмер 2: 20-21], *jarundža* 'род воротника или плаща грубой работы', сев.-тюрк. *jarunča* — то же [Фасмер 4: 558-559]. Ср. польск. **orończa** (**oroncza**, **orońca**, **oruńcza**, **oruncja**) 'okrycie ochronne pochodzenia wschodniego, początkowo kloszowe, wkładane przez głowę, z otworami na ręce i kapturem zaopatrzonem w ochraniający ramiona kołnierz, szyte z barwnego sukna lub jedwabiu, bramowane futrem, najtańsze modelowane z filcu; od XVI w. były otwarte z przodu i luźne' [Turnau 128].

(*червьчату* *япончу* бурскую [Гр. 353])

ОПАШЕНЬ (м. р.) 'верхняя одежда с рукавами' [Срезн. 2: 679-680]; 'мужская и женская верхняя летняя одежда свободного покроя с ру-

кавами и на подкладке, носилась чаще в накидку' [СлРЯ 13: 11]. Фасмер [3: 143] возводит слово **опашень** от *пахать, пахнуть, наопаишу* 'внакидку'. Ср. польск. **opaszeń** 'okrycie o prostym kroju, wydłużonej linii, z kołnierzem dłuższym z przodu, klinami od pasa i rozporkami dla poszerzenia ubioru u dołu, z rękawami sięgającymi poza dłoń, nie zszytymi od strony pleców, zwisającymi lub związanymi na plecach' [Turnau 128].

(*опашень скорлатень сажень* [Гр. 16]; *опаишен рвдожелть с пвгвицами* [Гр. 312]; *опоишен скорлат червчет без пугвиць* [Гр. 350]; *опаишен обьяринен голуб* [Гр. 351]; *опаишен камчат дик венецицкои* [Гр. 351]; *опаишен зуфен* [Гр. 407]; *опаишен зуфен* [Гр. 407])

ОХАБЕНЬ (ОХАБЕНЬ, ОХОБЕНЬ, ОХОПЕНЬ) 'верхняя длинная одежда с прорезами под рукавами и с четверугольным откидным воротником' [Срезн. 2: 836]; 'мужская верхняя одежда, длинная, широкая, с крупными пуговицами, с длинными (до подола) откидными рукавами и прорехами у пройм для рук, с большим четырехугольным откидным воротником, спускавшимся ниже лопаток' [СлРЯ 14: 80]. Фасмер [3: 175] считает **охабень** производным от *охабить* 'охватить'. Ср. польск. **ochopień** (ochabień, ochapień, ochopnia) 'męskie lub kobiece długie do ziemi zimowe okrycie podszyte futrem o prostym kroju, zapinane z przodu na guzy i szerokie pętlce, z ogromnym, czworokątnym, stojącym lub odkładanym kołnierzem, sięgającym nawet do połowy pleców, ze zwisającymi do połowy łydki rękawami, niekiedy zawiązywanych na plecach' [Turnau 126].

(*охабен зуфен* [Гр. 407])

ШУБА (Ш8БА) ' меховое верхнее платье' [Срезн. 3: 1598]. По мнению Фасмера [4: 482], акцентологические отношения разноречивы, что было бы понятно для заимствованного слова. Предполагают заимствование через ср.-в.-н. *schûbe, schoube* 'длинное и просторное верхнее платье', нов.-в.-н. *Schaube* из ит. *giubba* от араб. *ġubba* 'верхняя одежда с длинными рукавами'. Ср. польск. **szuba (czuba, suba, subczy, subczyisko, suppycza)** 'luźne okrycie wierzchnie szyte prostym krojem, niemal zawsze podbite futrem, z futrzanym kołnierzem i szerokimi rękawami, noszone przez mężczyzn i kobiety, od XV w. rozcinane z przodu, zapinane na guzy i pętlce; rosyjskie szuby miały leżący lub okrągły kołnierz, rozszerzano je ozdobnymi plisami, a najdroższe (podobnie jak litewskie) haftowano przy brzegach perłami' [Turnau 181].

(*ш8ба собол(ь)а аксамит син(ь) з золотом да с пвгвицами* [Гр. 302]; *ш8ба собол(ь)а камка червьчата с пвгвицами* [Гр. 312]; *ш8б8 пахи рыс(ь)и с оксамитом* [Гр. 312]; *ш8ба кована бархат червьчлт* [Гр. 312]; *ш8ба камка мисюрская* [Гр. 312]; *шуба червьчата* [Гр. 312]; *ш8ба зелена* [Гр. 312]; *ш8ба багряна* [Гр. 312]; *ш8ба рвдожелта*

[Гр. 312]; *шуба* бела, да дрвгана *шуба* бела [Гр. 312]; *шуба* лис(в)а с свкном с червчатим [Гр. 312]; *шуба* на соболъхъ, бархот червчет з золотом, рускаа [Гр. 350]; *шуба* на соболъхъ, камка бурскаа з золотом, тежолоа [Гр. 350]; *шуба* на куницах, камка бурскаа з золотом да с серебром [Гр. 350]; две *шубы* скорлат червчет, одна без тавты [Гр. 350]; *шуба* белоголуба без тавты ж [Гр. 350]; *шуба* цини без тавты ж [Гр. 350]; *шуба* червчетаа ипскаа [Гр. 350]; *шуба* свѣтлозелена лунскаа [Гр. 350]; *шуба* багреци [Гр. 350]; *шуба* на соболех рвскаа бархот дикъ з золотом [Гр. 350]; *шуба* на соболъхъ камка бела венецицкаа рускаа [Гр. 350]; *шубу* горлатну [Гр. 351]; *шуба* камка лазорева золотом на соболех [Гр. 352]; *шуба* на соболех, бархат зелен [Гр. 352]; *шуба* собольа гола поношена [Гр. 352]; за *шубу* бархат чернъ на червех на бълых шесть рублов [Гр. 407]; за *шубу* за собол(в)ю восемь рублов, а отлас на шубе черчат венецицои [Гр. 407]; сажен(в)е *шубы* женские, сажено жемчвгом гурмыским з дробницю на бели [Гр. 410]

2. Названия видов исподней одежды

– мужской

ТЕРЛИК (ТЕРЛИКЪ) ‘узкий исподний кафтан’ [Срезн. 3: 852], ‘узкий кафтан с талией и короткими рукавами’ [Фасмер 4: 48]. Слово **терлик** заимствовано из тюрк., ср. тур. *tärlik* ‘вид куртки без рукавов’, казах. *terlik* ‘кошма под чепраком’ (Фасмер, там же). Ср. польск. **terlik (terliszek)** ‘spodni kaftan męski różnej długości, początkowo wkładany przez głowę, bez kołnierza, wąski, z przecięciem w talii, rozszerzany klinami od pasa, o rękawach sięgających nieraz tylko do łokcia, natomiast przy prostym kroju z wąskiej tkaniny, przy rozcięciu z przodu zapinany na guzy’ [Turnau 187].

(*терлик* камка голѣба с пѣвцицами [Гр. 312])

– женской

ЛЕТНИК (ЛѢТЬНИКЪ) ‘род женской одежды’ [СлРЯ 8: 217], ‘легкая женская одежда, надевавшаяся на рубашку под верхнее платье’ [Срезн. 2: 80]. Ср. польск. **letnik (liechnik, lyjetnik)** ‘w okresie od XV do XVII w. podstawowy typ jednoczęściowej sukni kobiecej, bywał bez rękawów, z krótkimi lub długimi rękawami, dopasowany albo luźny, szyty z tkanin wełnianych, jedwabnych i płótna, czasem pocieplany futrem, noszony przez cały rok; wobec braku danych o zapięciach należy przypuszczać, że wkładano go przez głowę’ [Turnau 105].

(*лѣтник* обьяри полошат, а вошва аксамит чернъ [Гр. 312]; *лѣтник* червчат, а вошва аксамит син(в) [Гр. 312]; *лѣтник* цини голѣбы, вошва аксамит чернъ [Гр. 312]; *лѣтник* камка зелена, вошва аксамит багрян [Гр. 312]; *лѣтник* отласен, вошва камка зелена з золотом [Гр. 312]; *лѣтник* камка желта, вошва аксамит багрян [Гр. 312]; *лѣтник* камка голуба без вошвы [Гр. 350]; *лѣтник* камка червчета без вошвы [Гр. 350]; *лѣтник* отлас червчет без вошвы [Гр. 350]; *лѣтник* карланъ без вошвы [Гр. 350])

— для обоих полов

СОРОЧКА (СОРОЧЬКА) 'исподняя рубашка' [Срезн. 3: 467]; 'вид легкой женской и мужской одежды, обычно надеваемой на тело под верхнюю одежду или без нее; сорочка, рубашка как нарядная одежда шилась из дорогих тканей, украшалась вышивкой, жемчугом' [СлРЯ 26: 185]. Балт. соответствия — лит. *šarkas* 'одежда, суконный кафтан рыбаков' наряду с *švarkas* 'пиджак, халат', лтш. *švārks* 'сюртук, пиджак' — как будто говорят об исконном родстве. Согласный *-v-* в последних словах может быть объяснен влиянием лит. *švaigūs* 'чистый, опрятный'. Прочие связи отсутствуют. Ввиду наличия лит. *ш-* трудно предположить заимствование из др.-герм. [Фасмер 3: 724–725]. Ср. польск. **soroczka** — 1. 'koszula'; 2. 'w Rosji wierzchnia suknia domowa nakładana na suknię spodnią' [Turnau 167].

(сорочка шидена сажена з дробницею [Гр. 312]; четыре сорочки красны [Гр. 312]; сорочка шита червчета, рукава сожаны [Гр. 350])

3. Названия головных уборов

— мужских

КАПТУРЪ (КАПТЪРЪ, КАПЪТЪРЪ) 'теплая шапка в роде камилавки' [Срезн. 1: 1194–1195]; **КАПТУРА́ (КАПТЪРА)** 'головной платок, кашюшон' [Фасмер 2: 187–188]. Распространенное объяснение от ит. *sarrago, sarago* 'клобук, кашюшон' не объясняет *-т-*. Не лишено погрешностей и произведение из сев.-гюрк. *kaptur, kapturyai* 'мешок' [Фасмер, там же]. Ср. польск. **kaptur (kaptor, kaptura)** 'nakrycie głowy chroniące przed deszczem, wiatrem, chłodem, często połączone z różnej długości peleryną' [Turnau 82].

(каптуръ соболей [Гр. 350])

КОЛПАК (КОЛПАКЪ) 'высокая шапка' [Срезн. 1: 1258]. Заимствовано из тур., тат., крым.-тат., казах. *капак* 'шапка' [Фасмер 2: 297]. Ср. польск. **kolpak (kulpak)** 'wysokie nakrycie głowy męskie i kobiece, o cylindrycznym kształcie, z filcu, futra lub sukna, z szeroką futrzaną opuszką' [Turnau 91].

(колпак, полки сожаны жемчюгом, да три оу нег(о) пугвици пахонты жемчюги и не пришиты [Гр. 349]; колпак ординскои [Гр. 407]; колпак столбун, полицы сажоны жемчвгом гврмыским [Гр. 411])

ШАПКА (ШАПЪКА) 'мужской головной убор' [Срезн. 3: 1581]. Обычно предполагают заимствование через ср.-в.-н. *scharpēl* от ст.-франц. *chapel, chape* из лат. *sarra*. При этом обращает на себя внимание отсутствие зап.-слав. форм на *š-*, там известно только начальное *č-*. Русск. слово могло быть заимствовано через польск. *czar-*

ка, причем русск. *ш-* субституировано вместо польск. *cz-*. Заимствование слова *шапка* непосредственно из ст.-франц. *chape* во времена Анны Ярославны, дочери Ярослава Мудрого, — Anna Regina — сомнительно, потому что франц. *ch* вплоть до XIII в. произносилось как *tš*. [Фасмер 4: 406]. Ср. польск. **czapka (czapczyk, czapczyzna, czapczyisko, czapica, czepek, szapka)** 'nakrycie głowy różnych kształtów, bez ronda, niekiedy z daszkiem, najczęściej z filcu, ale i z tkanin, dzianin i skóry' [Turnau 41].

(*шапка золотая* [Гр. 8]; *шапка зол(о)та* [Гр. 16]; *шапку зол(о)тую* [Гр. 25]; *шапка золот(а)* [Гр. 36]; *шапка золота* [Гр. 57]; *шапку золотую* [Гр. 61]; *шапка* [Гр. 197]; *две шапки казаньскиа* [Гр. 350]; *шапкою мономаховскою, и всем чином царским, что прислал прародителю нашему, царю и великому князю Владимиру Мономаху, царь Константин Мономах из Царяграда* [Гр. 433]; *всеми шапками царскими и чином царским, что аз промыслил, и посохи, и скатерть, а по немецки центурь* [Гр. 433])

— женских

НАКАПКА (НАКАПЪКА) 'головное женское покрывало, род фаты' [Срезн. 2: 291–292].

(*накапки сажоны, да воиша на одну накапку шита золотом да сожана была жемчюгом, да жемчюг с нее снизан, а осталося ег(о) немного* [Гр. 350]; *сажен(ь)а накапки женские, сажены жемчвгом гурмыским, на бели, на платцѣх* [Гр. 410])

ЧЕЛО (ЧЕЛО, ЧОЛО) 'женский головной убор' [Срезн. 3: 1489]. Ср. польск. **czółko (czółeczko, czólenko)** 'opaska lub mały czepeczek damski' [Turnau 43].

(*чело* [Гр. 8]; *чело кичное золото съ ѡхонты, и з жемчвги, и з жемчужинами, и с плохим камен(ь)ем* [Гр. 410])

4. Названия одежды для рук

ЗРУКАВЪЕ (ЗАРѠКАВИЕ) — 1. 'украшение, отделка на рукаве'. 2. 'браслет, запястье'. 3. 'часть доспеха' [СлРЯ 5: 290]. Ср. польск. **zarękawie (zarękawie, zarękawek, zarękawi, zarękawie)** — od XVI w.: 1. 'część ubioru używana jako osłona rąk, rodzaj mufki, rzadziej rękawic'; 2. 'część zbroi osłaniająca ręce od łokcia do dłoni' [Turnau 202].

(*зарѡкавьем* [Гр. 308])

5. Названия одежды для ног

5.1. Названия элементов одежды для ног

НАКОЛЕНОК (НАКОЛЪНОКЪ), мн. ч. **НАКОЛЪНКИ** — 1. 'часть одежды, прикреплявшаяся к ногавицам и прикрывающая колени'; 2. 'часть воинского доспеха: несколько соединенных вместе ме-

таллических полос, защищавших колени' [СлРЯ 10: 121–122]. Ср. польск. **nakolanki** — 1. 'część zbroi płytowej chroniąca kolana, czasem golenie'; 2. 'w XVI w. jakaś część spodni, zapewne przepaska na kolanach' [Turnau 121].

(наколенки [Гр. 407])

5.2. Названия обуви

ЧЕБОТ (ЧЕБОТЬ, ЧОБОТЬ) 'башмак на каблуках с острыми загнутыми вверх носками' [Срезн. 3: 1486]; 'сапог с каблуком и загнутым носком, сапог с высоким голенищем' [Фасмер 4: 370–371]. Обычно считают заимствованием из тюрк., ср. тат. 'лыковый лапот', чув. *śábaDa* — то же, которое производится из перс. [Фасмер, там же]. Ср. польск. **choboty (czoboty)** 'buty bez obcasów, z cholewami z barwnego safianu' [Turnau 37].

(*чоботы* тимовы, по швом сажоны жежчвгом гурмыским, и в носкъх и в каблвкъх сажены жежчвгом гврмыским [Гр. 411])

6. Названия деталей швейных изделий и аксессуаров, дополняющих одежду человека

6.1. Названия воротников

НАПЛЕЧКИ (НАПЛЕЧЬКИ) 'отложной воротник, прикрывавший плечи' [Срезн. 2: 309].

(*бугаи соболии с наплечки съ великимъ женчугомъ с каменьямъ* [Гр. 8]; *наплечки зол(о)ты с круги с каменьямъ с женчуги* [Гр. 16]; *наплечки* [Гр. 36])

ОЖЕРЕЛЬЕ (ОЖЕРЕЛИЕ) — 1. 'ворот, прорез для горла в одежде'; 2. 'стоячий и отложной воротник одежды, пришитый или пристяжной'; 3. 'оплечье риз и стихарей'; 4. 'нашейное украшение, ожерелье' [Срезн. 2: 836]; 'воротник различного вида и назначения; украшение (преимущественно из жемчуга, иногда золота с драгоценными камнями, на текстильной основе, имеющее вид воротника, ошейника, а также иной формы; парадное оплечье царей (бармы); пелерина' [СлРЯ 12: 299]. Производное от *жерело* 'отверстие, устье, пасть' [Фасмер 3: 124–125]. Ср. польск. **orzędzie (ożędzie, hożędzie, oźzędle)** 'kołnierz' [Turnau 129].

(*ожерелье* [Гр. 8]; *ωжерел(ъ)е с великими лхонты сажено, з зерны с великими* [Гр. 312]; *дрвгое ωжерел(ъ)е пристъжное с передци низано* [Гр. 312]; *того ж ωжерел(ъ)а запастъ великим жемчугом низано* [Гр. 312]; *ожерел(ъ)е сожено с пугвицами с болиими* [Гр. 349]; *ожерелье зожно, а исподней рад снизон, да четыре оу нег(о) пвгвицы жемчюжны, да платнатдат(ъ) пугвиц сънчетых золочены з жемчюгы невелики* [Гр. 349]; *ωжерел(ъ)е на цках на золотых, розрушано, съ лхонты, и з жемчвги, и с плохим камен(ъ)ем въ трехнатцати жереб(ъ)гх, и с придгълными жере-*

б(ь)и [Гр. 410]; *ωжерелецо* сажоно жемчвгом гурмыским и новгородцким [Гр. 410]; с *ожерел(ь)а* с мѣсково зерен гврмыских сто и деваносто и два зерна [Гр. 411])

6.2. Названия вшивок, вставок, кружев, бахромы

ВОШВА 'лоскут дорогой ткани, вшитый в другую ткань' [Срезн. 1: 308]; 'кусок ткани или кожи (часто вышитый, униженный драгоценными камнями), пришиваемый для украшения к другой тнани, платью, конскому прибору' [СлРЯ 3: 77–78].

(*вошва* бархот чернь сожона з золотом [Гр. 350]; *двѣ вошвы* на отласть на черном шиты золотом да серебром [Гр. 350]; *вошва* на белѣ камкѣ шита золотом [Гр. 350]; *двѣ вошвы* шиты золотом да серебром бархочены [Гр. 350]; *вошва* на зеленои камкѣ шита золотом да серебром [Гр. 350]; *двѣ вошвы* полосаты шиты золотом да серебром [Гр. 350]; *вошва* на серебрѣ бархочена золотом да шолком [Гр. 350]; *вошва* бархат чернь з золотом [Гр. 350]; *вошва* камчата оузурѣ татарьскои [Гр. 350])

КРУЖИВО (КРѠЖИВО) 'кружево' [Срезн. 1: 1334]. Судя по древности свидетельств, слова **крѠжево**, **крѠживо** скорее образованы от круг, чем заимствованы. Ср. образование прядиво. Невероятно заимствование из нем. kraus(e) 'курчавый' [Фасмер 2: 385].

(*крѠживо* кожвиное нецѣло з зарѣкав(ь)емѣ [Гр. 302, 308]; *крѠживо* кожушное нецѣло з зарѣкавѣем [Гр. 310])

ПЕРЕПЕР (ПЕРЕПЕРЪ, ПЕЛЕПЕЛЪ) — 1. 'отдельное шитое украшение' [Срезн. 2: 912]; 2. 'золотая монета' [Срезн., там же; Фасмер 3: 239]. Из греч. [Фасмер, там же].

(*три переперы* кичные серебряны золочоны съ *пхонты* и с плохим камен(ь)ем [Гр. 410]; *одиннатцат(ь)* запонок с *переперы*, съ *пхонты*, и с лалы, и з жемчвгом, и с плохим камен(ь)ем [Гр. 410])

РЯСА (РАСА) 'бахрома' [Срезн. 3: 237]; 'шнур, бахрома' [Фасмер 3: 538]; 1. мн. ч. 'украшение в виде низанных подвесок, поднизей (из золота, драгоценных камней, жемчуга)'; 2. мн. ч. 'серьги; подвески к серьгам'; 3. 'круглая подвеска' [СлРЯ 22: 292]. По мнению Фасмера [3: 538], вероятно, из *rędsā?, связанного с rędъ, ręditi (см. ряд, рядить). Не связано с ремье, а также с решето. Едва ли связано с др.-инд. rāṣanā 'кусок, пояс'.

(*расы* съ *пхонты* да с лалы [Гр. 312])

ЧЕЛКА (ЧЕЛКА, ЧОЛКА) 'кисть на знамени; бунчук' [Срезн. 3: 1487].

(*челка* низана великим жемчюгом [Гр. 312])

6.3. Названия материалов для отделки одежды (обшивки, опушки)

ГРИВА 'обшивка одеял спальных и санных' [Срезн. 1: 588].

(*грива* сажена [Гр. 302]; *грива* сажена [Гр. 308]; к одѣалу *грива* сожена [Гр. 350])

ЗАПУШЬЕ (ЗАПШИИЄ) ‘кайма, опушка’ [СлРЯ 5: 283]. Ср. польск. **opucha (opuszka)** ‘obramowanie i wyłogi ubioru’ [Turnau 128].

(*запви(ъ)е подволочное сажено* [Гр. 302, 308]; *запуш(ъ)е подволочное сажено* [Гр. 310]; *запуш(ъ)е подволочное, сажено жемчѣгом гурмыским з дробницею на бели на камкъ на червчатои* [Гр. 410])

ТЕСЬМА́, ТЯСМА ‘узкая тканая или плетеная полоса, в роде ленты’ [Даль 4: 413]. Заимствовано из тур., тат., чагат. **tasma** ‘лента, тесьма, ремень’ [Фасмер 4: 52]. Ср. польск. **taśma (tasiemka)** ‘róznej szerokości pasek produkcji pasamoniczej, pleciony lub tkany z wełny, bawełny, jedwabiu, lnu’ [Turnau 186].

(*погасъ золотъ на червчатъ тасмь* [Гр. 221]; *погасъ золотъ на синь тасмь* [Гр. 221]; *погасъ золотъ невелик на червчатъ тасмь* [Гр. 221]; *погасъ золот на тесмоу на червчатои, а весу полтрет(ъ)и гривенки и полиеста золотника, и с тесмою* [Гр. 406–407]; *погас на тасмь на чернои, ѡковы золоты и с наконечником и с крюком* [Гр. 411])

6.4. Названия приспособлений для соединения частей одежды

ЗАПОНА (ЗАПОНА, ЗАПАНА) – 1. ‘застежка’; 2. ‘завеса’ [Срезн. 1: 938].

См. также **зѡпонка** ‘застежка на рукаве’ [Фасмер 2: 79]. Ср. польск. **zapona (zaponica, zaponka, zaponnica)** ‘ozdobne zapięcie, klamra, broszka, agrafka, naszyjnik, naramiennik, łańcuch na szyję, wisior, zawieszenie, bransoleta, ozdobna sprzączka, klamra’ [Turnau 201].

(*одиннатцат(ъ) запонок с переперы, съ ѡхонты, и с лалы, и з жемчѣгом, и с плохим камен(ъ)ем* [Гр. 410])

КАПТОРГА ‘вид металлического украшения у пояса’ [СлРЯ 7: 67]; ‘пряжка, застежка, (украшающая пояс)’ [Фасмер 2: 187]; ‘вид металлического украшения у пояса; металлический футлярчик у пояса’ [Добродромов 2008: 21–22]. Неясно [Фасмер, там же].

(*погасъ золотъ с капторгами* [Гр. 7])

ПУГВИЦА, ПУГОВИЦА (ПѠГВИЦА, ПѠГЪВИЦА) – 1. ‘шарообразное украшение, шарик, кружок’; 2. ‘пуговица’ [Срезн. 2: 1723; СлРЯ 21: 40]. Слова **пѡговица, пѡговка** обычно сравнивают с лтш. **puõga, puõgs** ‘пѡговица’, др.-инд. **puñjas** (м. р.) ‘куча, ком, масса’. Менее вероятно предположение о заимствовании из гот. **puigs** ‘мешок, кошелек’, др.-исл. **rungr** – то же [Фасмер 3: 400–401]. Ср. польск. **paõwica (paõwiczka, puõawica)** ‘kulka ze szlachetnego metalu, kości, skóry, służąca jako zapięcie, ozdoba, guz’ [Turnau 135].

(*кожѣх собѡлеи с камкою да с пѡгвицами* [Гр. 312]; *ожерелье зожно, а исподнеи рад снизон, да четыре оу нег(о) пѡгвицы жемчюжны, да пятнатцат(ъ) пугвиц стичетых золочены з жемчюгы невелики* [Гр. 349]; *колтак, полки сожаны жемчюгом, да три оу нег(о) пугвици ѡхонты жемчюгы и не пришиты* [Гр. 349];

ожерел(ь)е сожено с пугвицами с болишии [Гр. 349]; пугвици женьскиа шубныа серебряны золочены [Гр. 350])

ТУЗЛУК (Т8ЗЛ8КЪ) ‘украшение на поясе’ [Срезн. 3: 1035; Фасмер 4: 116]. Считается заимствованным из тюрк. Произведение из сев.-тюрк. *tursuk* ‘кожаный бурдюк, мех’ неубедительно [Фасмер, там же]. (*поясь* золот с калитою да с тузлуки [Гр. 36])

6.5. Названия поясов, опоясок, перевязей

ОБЯЗЬ (ОБАЪЗЬ) ‘перевязь’ [Срезн. 2: 591]; ‘пояс для ношения сабли’ [СлРЯ 12: 221].

(сабля зол(о)та, облязь зол(о)та, и серга с женчугомъ [Гр. 16])

ПОЯС (ПОЯСЪ) ‘перевязь по стану, пояс, опояска’ [Срезн. 2: 1339–1340; СлРЯ 18: 91]. Праслав. **po-jaъ* – обратное производное от *ro-ja-sati*, ср. др.-русск. *опоясать* от **jasati* [Фасмер 3, 351]. Ср. польск. *pas* (*cingulum, pasek, pasz*) ‘*dobatek do odzieży pełniący funkcję modelującą i dekoracyjną, wyrabiany różnymi technikami skórniczymi, metalowymi i włókienniczymi*’ [Turnau 133].

(3 поясы золоты [Гр. 7]; поясь болиши с женчугомъ с каменьяемъ [Гр. 7]; поясь золотъ с капторгами [Гр. 7]; поясь сердоничень золотомъ окованъ [Гр. 7]; поясь золотъ фразьскии с женчугомъ с каменьяемъ [Гр. 8]; поясь золотъ с крюкомъ на червчатъ шелку [Гр. 8]; поясь золотъ ц(а)р(е)вьскии [Гр. 8]; поясовъ серебряныхъ [Гр. 8]; поясь великии зол(о)тъ с каменьяемъ с женчуги [Гр. 16]; поясь зол(о)тъ с крюкомъ [Гр. 16]; поясь зол(о)тъ с каменьяемъ с женчуги [Гр. 16]; поясь зол(о)тъ сточныи [Гр. 16]; по поясу по зол(о)ту [Гр. 16]; поясь золот велик(и) с каменьяем без ремени [Гр. 36]; поясь золот съ ременемъ Макарова дъла [Гр. 36]; поясь золот новыи с каменьяемъ съ жомчюгомъ без ремени [Гр. 36]; поясь золот Шышкина дела [Гр. 36]; поясь золот старыи новгородскии [Гр. 36]; поясь золот с каменьяемъ пьгии [Гр. 36]; поясь золот с калитою да с тузлуки [Гр. 36]; поясь золот татаоуръ [Гр. 36]; поясь золот, с каменьяемъ [Гр. 57]; другии поясь золотъ с каменьяемъ же [Гр. 57]; полс золот с каменьяемъ [Гр. 61]; другии полс мои на чепех с каменьяемъ [Гр. 61]; третей полсъ [...] на синем ремени [Гр. 61]; полс золот с каменьяем, на чепех, без ремени [Гр. 75]; полс золот на черпъчати ремени [Гр. 75]; полс золот с каменьяемъ без ремени [Гр. 75]; пояз золот болюи с каменьяемъ [Гр. 197]; пояз золот на червчатъ ремени [Гр. 197]; поясь золотъ на червчатъ тасмъ [Гр. 221]; поясь золотъ на синь тасмъ [Гр. 221]; полс золотъ невелик на червчатъ тасмъ [Гр. 221]; пояс золот [Гр. 275]; полс золот на чернъ ремени [Гр. 276]; полс золот болюи [Гр. 276]; полс золот [Гр. 350]; полс [Гр. 351]; полс золот на тесмъ на червчетои, а весу полтрет(ь)и гривенки и полишета золотника, и с тесмою [Гр. 406–407]; поясь золот на вертлизь рѣзан с чернью [Гр. 411]; полс на тасмъ на чорнои, оковы золоты и с наконечникомъ и с крюкомъ [Гр. 411])

РЕМЕНЬ – 1. ‘полоса кожи’; 2. ‘завязка’; 3. ‘ременная плеть’ [Срезн. 3: 114; СлРЯ 22: 142].

(*третей поасъ [...] на синем ремени* [Гр. 61]; *поас* золот на черпчати *ремени* [Гр. 75]; *поаз* золот на червьчатъ *ремени* [Гр. 197]; *поас* золот на чернь *ремени* [Гр. 276])

ТАТАУР (ТАТА8РЪ, ТАТАОУРЪ) 'широкий, иногда шитый золотом боярский пояс; пояс священников, монахов' [Даль 4: 403]; 'ременный пояс с металлическими наконечниками' [Срезн. 3: 925]. Заимствовано из монг. *tatagur*, калм. *tatür* 'подпруга, вожжи' [Фасмер 4: 27].

(*поасъ* золот *татаоуръ* [Гр. 36])

6.6. Названия подшивок, подкладок, верхов

СПОРОК (СЪПОРЪКЪ) 'отпоротый от подкладки верх (одежды, головного убора)' [СлРЯ 27: 71]; 'отпоротый верх (напр., шубы)' [Фасмер 3: 737]. От *пороть* [Фасмер, там же].

(*спорок* аксамит зелен, *пвѣвици* золоты з жемчюги [Гр. 302]; *спорки* льтъничныа [Гр. 350]; *спорок* камка зелена [Гр. 350]; *спорок* камка рудожелта [Гр. 350]; *спорок* камка червьчетата [Гр. 350]; *спорок* камка желта [Гр. 350]; *спорок* камка ала [Гр. 350]; *спорок* камка зелена [Гр. 350])

6.7. Названия ювелирных украшений

– названия шейных украшений

ГАЙТАН (ГАИТАНЪ) 'шнурок' [Срезн. 1: 508; СлРЯ 4: 8].

(*манисто* на *гаитанъ* [Гр. 349])

ГРИВНА – 1. 'ожерелье, torques', 2. 'кольцо, обручъ' [Срезн. 1: 588]; 1. 'ожерелье, кольцо, гирия, монета', 2. 'фунт, золотая или серебряная нашейная медаль' [Фасмер 1: 458]. Производное от *грива* [Фасмер, там же].

(*гривну* [Гр. 8])

ЗАНОЗОК (ЗАНОЗОКЪ) 'нитка, шнур, на которые что-л. нанизывается' [СлРЯ 5: 251–252].

(*трои заноскы* золоты [Гр. 312])

ЛЕСКА (ЛЪСКА) – 1. 'плетеная цепочка'; 2. 'посох' [СлРЯ 8: 212].

(*манисто* золото: *лъска*, да три цаты съ *яхонты*, и з жемчвжинами, и с плохим камен(ь)ем [Гр. 410])

МАЯЛЬНИК (МАГЪЛЬНИКЪ) 'подвеска' (СлРЯ 9: 50).

(*магълники* съ *яхонты*, и з жемчвги [Гр. 411])

МОНИСТО, **МАНИСТО** (ср. р.), **МАНИСТА** (ж. р.) 'женское швейное металлическое украшение' [СлРЯ 9: 260]; 'ожерелье (из жемчуга, монет)' [Фасмер 2: 650]. Производное от и.-е. **monī* 'шея', подобно лат. *monīle* 'ожерелье; конская грива', ср. др.-инд. *manuā* 'затылок', д.-в.-н. *mana* 'грива', д.-в.-н. *menpi* 'ожерелье', ирл. *muintore*

‘ожерелье’, *muinēl* ‘шея’. Образование на *-isto* выделяется своим своеобразием [Фасмер, там же]. Ср. польск. **naszyjnik (monile)** ‘ozdoba noszona na szyi’ [Turnau 122].

(*монисто* *новоје* [Гр. 8]; на *манистъ* *икѡна животворѡцаг(о) древа, ѡкована золотом з зерны с великими* [Гр. 312]; *манисто* *большое золото* [Гр. 349]; *манисто* *на гаитанъ* [Гр. 349]; *манисто* [Гр. 351]; *манисто* *золото: лѣска, да три цаты съ ѡхонты, и з жемчѡжинами, и с плохим камен(ѡ)ем* [Гр. 410])

ЦАТА (ЦАТА, ЦАТА) — 1. ‘мелкая монета’; 2. ‘доска, дощечка’; 3. ‘украшение’ [Срезн. 3: 1434–1436].

(*манисто* *золото: лѣска, да три цаты съ ѡхонты, и з жемчѡжинами, и с плохим камен(ѡ)ем* [Гр. 410])

ЦЕПЬ (ЧЕПЬ, ЦЪПЬ) ‘цепь, цепочка (украшение)’ [Срезн. 3: 1499].

(4 *чепи* *золоты* [Гр. 7]; *чепь* *золоту врану*¹³ *с кр(е)стомъ золотымъ* [Гр. 16]; *чепь* *золоту колчату* [Гр. 16]; *чепь* *великую зол(о)ту с кр(е)ст(о)мъ* [Гр. 16]; *чепь* *зол(о)ту врану, а другаѡа огнивчата с кр(е)сты* [Гр. 16]; *по чепи* *имъ по зол(о)тѡ* [Гр. 16]; *чепь* *золот(а)* [Гр. 36]; *чепь* *хресчатую* [Гр. 61]; *чепь* *золота* [Гр. 275]; *чепь* *золота медвѣдки*¹⁴ [Гр. 276]; *чепь* *золота малаѡа* [Гр. 76]; *чепь* *золота большаѡа* [Гр. 276]; *чеп(ѡ)* *золотѡ* [Гр. 312]; *чепь* *золота* [Гр. 350]; *дѡвѡ чепи* *золоты, ѡдна врана, а дрѡгаѡа огнивчата с колотками* [Гр. 411])

ЦКА — 1. ‘доска’; 2. ‘металлическая пластинка’; 3. ‘шитые шкурки, цельный мех’ [Срезн. 3: 1441].

(*ожерел(ѡ)е на цках* *на золотых, розрушано, съ ѡхонты, и з жемчѡги, и с плохим камен(ѡ)ем въ трехнатцати жереб(ѡ)гѡх, и с придѡльными жереб(ѡ)и* [Гр. 410])

— названия ушных украшений

КОЛТКИ — то же, что **КОЛТЫ** ‘серьги с подвесками’ [СлРЯ 7: 254].

Ср. польск. *kolczyk (kolstka, koltek, tołtek)* ‘ozdoba zawieszana w przekłutym uchu’ [Turnau 90].

(*колтки* *золоты съ ѡхонты* [Гр. 312])

КОЛТОЧНЫЙ (КОЛТОЧЬНЫЙ) — прилаг. от **КОЛТКИ**.

(*дѡвѡцѡт(ѡ) и дѡѡ зерна гурмыских колточных* [Гр. 410])

СЕРЬГÁ ‘(ушное) украшение’ [Срезн. 3: 340]. В случае слова **серьгá** предполагают преобразование из др.-русск. *усерязь*, однако трудно понять появление вторичного *-г-* в великорусском. Правильнее считать, что слово заимств. из др.-чув. **šürüü* ‘кольцо’, чув. *šəgə*, *šəgə* ‘кольцо’ [Фасмер 3: 611–612].

(*саблѡ* *зол(о)та, обѡзъ зол(о)та, и серга* *с женчугомъ* [Гр. 16]; *трои серги, двои ѡхонты, а трет(ѡ)и лалы, а тѡх серег* *камен(ѡ)е з жемчюги на калпаки оу с(ѡ)на оу моег(о), оу Ивана, а что жемчюгѡ и камен(ѡ)ѡа на том калпакѡ* [Гр. 349]; *двои*

¹³ Враный ‘плетеный, витой’ [СлРЯ 3: 100].

¹⁴ Мѣдведко ‘о деталях украшений’ [СлРЯ 9: 55].

серги, одни *пaxonты*, а др~~в~~гит~~а~~ лалы, а т~~ь~~ *серги* оу с(ы)на оу моег(о), оу Ивана, оу ожерель~~а~~ оу б~~ь~~лого в пугвицах [Гр. 349]; двои *серги* *пaxonты*, а трет~~ь~~и лалы, а то камень и жемчуги на калпац~~ь~~ на моем [Гр. 352]; *серги* болии *пaxonты* сини з зерны з гурмыскими [Гр. 410]; др~~у~~гие *серги* троини *пaxonты* сини и лалцы з зерны з гурмыскими и с новгородцкими [Гр. 410]

СЕРЕЖКА (СЕРЕЖЬКА) — уменьшит. от СЕРЬГА [Срезн. 3: 339].

(*сережки* невелики, *пaxonты* лазоревы [Гр. 349]; трет(ь)и *серешки* лалцы з зерны с новгородцкими [Гр. 410])

— названия украшений, носимых на руках

ЖИКОВИНА ‘перстень’ [Срезн. 1: 873]; ‘перстень с печатью’ [Фасмер 2: 54]. Неясно [Фасмер, там же].

(семнатцать *жиковин* золотых [Гр. 312]; дватцат(ь) и три *жиковины* женских золоты с~~ь~~ *пaxonты*, и с лалцы, и с-ызвмруты, и з жемчвшки, и с плохим камененцом [Гр. 410]; четырьнатцат(ь) *жиковин* с лалом, и с~~ь~~ *пaxonтцом*, и з берюзами, и з жемчвшки, и с перелеотми, и с плохим камен(ь)ем [Гр. 411])

ЗАПЯСТЬЕ, ЗАПЯСТИЕ (ЗАПАСТЬЕ) — 1. ‘запястье’. 2. ‘обшивка, нарядная отделка на рукавах или рукавицах у запястья’. 3. ‘браслет’ [СлРЯ 5: 284].

(того ж ожерел(ь)а *запастье* великим жемчюгом низано [Гр. 312]; ожерелеиноу жемчюг и передцевои и з *запастьем* [Гр. 349])

НАПАЛОК (НАПАЛОКЪ) ‘перстень’ [Срезн. 2: 305]; ‘толстое кольцо (из кости, рога или камня), круглой или несколько изогнутой формы, для защиты большого пальца при стрельбе из лука (у персов, монголов, турок и других народов Востока); возможно, также кольцо-украшение (из золота)’ [СлРЯ 10: 165].

(*напалок* золот [Гр. 352]; *напалок* [Гр. 411])

ОБРУЧЬ (ОБРУЧЬ) — 1. ‘запястье, браслет, украшение в форме кольца, носимое на руке’; 2. ‘кольцо’; 3. ‘пояс’ [Срезн. 2: 550–551; СлРЯ 12: 164–165]. Из *obrŭčь ‘запястье, браслет, кольцо’ от *рука* [Фасмер 3: 108]. Ср. польск. *obręcz (obrączka, obręcz, obrunczka)* — 1. ‘w XV–XVI w. ozdobna obrączka metalowa noszona na szyi, palcu lub ręce’; 2. ‘pas metalowy rozpowszechniony od XIV w. w stroju kobiet i mężczyzn, złożony z segmentów blaszanych lub odlewanych z reliefem, połączonych łańcuszkiem, albo ze skóry nabijanej metalowymi segmentami, niekiedy wykonywany też z połączanego srebra’ [Turnau 125].

(14 *обручи* [Гр. 8]; два *обрвча* золоты [Гр. 349]; три *обручи* золоты [Гр. 349]; три *обручи* [Гр. 351])

ПЕРСТЕНЬ (ПРЬСТЕНЬ, ПЬРСТЬНЬ, ПРЬСТЬНЬ) — 1. ‘перстень’. 2. ‘запястье’. 3. ‘кольцо’ [Срезн. 2: 1772]; 1. ‘кольцо с драгоценным камнем или гравировкой (печаткой)’. 2. ‘запястье, браслет’ [СлРЯ 15: 13–14].

(*семнацат(ь) перстнеи золотых* [Гр. 349]; *два перстна золоты съ ѡхонты* [Гр. 350]; *перстен(ь) с перелефтою золот* [Гр. 352]; *перстен(ь) с чевцом* [Гр. 352]; *перстен(ь) съ ѡхтом* [Гр. 352]; *два перстна золоты* [Гр. 352]; *перстен(ь) с перелефтою* [Гр. 352]; *перстнеи моих золотых* [Гр. 411])

— названия прочих украшений, изготовленных из цветных металлов и драгоценных камней

КОЛОДКА (КОЛОДКА, КОЛОТКА) 'подвески (колтки) в виде брусочков на украшениях' [СлРЯ 7: 246–247].

(*двѣ чепи золоты, одна врана, а дрвгаш ѡгнивчата с колотками* [Гр. 411])

ПРОНИЗКА (ПРОНИЗЪКА) 'буса, просверленное украшение для низывания' [Срезн. 2: 1550], 'небольшой предмет с отверстием (жемчужина, бусина, камень и т. п.), который помещался между жемчужных зерен, звеньев цепочки и т. п.' [СлРЯ 20: 181–182].

(*восмь пронизок золотых* [Гр. 349]; *прониски* [Гр. 410])

6.8. Названия аксессуаров и украшений, являющихся великокняжескими регалиями

АЛАМ (АЛАМЬ) 'нагрудье, пристегиваемое к пальто, pectorale' [Срезн. 1: 14]; 'украшение (металлическая бляха или кусок ткани, шитой жемчугом), пристегиваемое к верхнему платью' [СлРЯ 1: 27]. Фасмер [1: 68] считает слово алам заимствованным из кыпч., тур. **alam**, тат., крым.-тат., азерб., туркм. *alām* 'маленькое знамя, флажок'.

(*аламъ женчужныи* [Гр. 16]; *аламъ малыи с женчуги* [Гр. 16]; *аламъ* [Гр. 36])

БАРМЫ (БАРЬМЫ) (мн. ч.) 'оплечье великокняжеское со священными изображениями, humerale' [Срезн. 1: 42]; 'драгоценное оплечье, украшение княжеского или царского наряда, с конца XV века одна из необходимых регалий при коронации' [СлРЯ 1: 74]; 'наплечные и нагрудные украшения великих князей' [Фасмер 1: 127–128]. Слово вряд ли было заимствовано из др.-исл. *barmr* 'край, берег'; ср. ср.-в.-н. *brēm* 'опушка, обшивка', шв. *bräm* 'борт' [Фасмер, там же].

(*бармы* [Гр. 16]; *бармы* [Гр. 36]; *бармы* [Гр. 57]; *бармы* [Гр. 61]; *бармы* [Гр. 197])

БУГАИ (Б8ГАИ) 'древняя великокняжеская верхняя одежда' [Даль 1: 135]; 'верхнее платье на меху' [Срезн. 1: 190; СлРЯ 1: 343].

(*бугаи соболии с наплечки съ великимъ женчугомъ с каменьемъ* [Гр. 8])

ВЕНЕЦ (ВѢНЬЦЬ) 'корона; царский венец' [Срезн. 1: 488]; 'драгоценный головной убор; царский венец — корона, венец для поставления на царство, коронации, знак власти' [СлРЯ 2: 73].

(*вънець ц(а)рскои з городы, да съ ѡхонты, да с лалы, да з зерны с великими* [Гр. 312])

ВЕНОК (ВЪНЪКЪ, ВЪНОКЪ) — см. **ВЕНЕЦ** [Срезн. 1: 487].

(дрвгои *вънок* низан великим жемчюгом [Гр. 312])

КОЦ (КОЦЪ, КОЧЬ, КОЦА) ‘попона?’ [СлРЯ 7: 387]; ‘епанча’ [Срезн. 1: 1305]; диал. ‘стриженный ковер’, курск., смол. [Даль 2: 182]; ‘княжеская одежда; модное верхнее платье’ [Фасмер 2: 356]. Как и польск. *кос* ‘одеяло’, заимствовано из н.-в.-н. *kozso*, *chozso* ‘грубошерстяная ткань, одеяло, одежда’, ср.-в.-н. *kozze*, н.-в.-н. *Kotze*, др.-сакс. *kot(t)* ‘шерстяной плащ, кафтан’ [Фасмер, там же]. Ср. польск. *kos* ‘w średniowieczu płaszcz książąt ruskich w typie orończy’ [Turnau 89].

(*коць великий с бармами* [Гр. 8])

ПАНАГИЯ (ПАНАГИЯ, ПАНАГЪЯ, ПОНАГИЯ) ‘наперсное украшение с изображением Богородицы (Παναγία — наименование Богородицы)’ [Срезн. 2: 873]; 1. ‘посвященный богородице — отсюда по только ей принадлежащему эпитету *παναγία* ‘пресвятая’ — хлебец (просфора), который раздавали участникам трапезы (в монастырях, мирских домах, в царском дворце)’; 2. ‘сосуд для посвященной богородице просфоры, который мог быть оформлен либо как настольный, либо как медальон для ношения на груди; обычно на донной поверхности было изображение Богоматери Знамения (иначе — Воплощения), а изнутри крышки — Троица рублевского типа; этот сосуд мог использоваться для хранения мощей’; 3. ‘нагрудный медальон, оформленный либо как сосуд для просфоры, либо как мощевик, либо как иконка „под хрусталем” (знак архиерейского достоинства)’ [СлРЯ 14: 143].

(*панагья* золота з жемчюги [Гр. 349])

ПОСОХ (ПОСОХЪ) — 1. ‘палка, трость’; 2. ‘посох; палка, употреблявшаяся для опоры’ [Срезн. 2: 1052; СлРЯ 17: 208]; ‘посох, жезл как символ власти (царя, архиерея)’ [СлРЯ, там же]. Ср. польск. *posoch* ‘berło książąt ruskich w kształcie długiej laski z krzyżykiem’ [Turnau 145].

(*всеми шапками царскими и чином царским, что аз промыслил, и посохи, и скатерть, а по немецки центурь* [Гр. 433])

II. Названия одежды специального назначения

1. Названия воинских доспехов

1.1. Названия одежды, защищающей туловище

СНАСТЬ — 1. ‘вооружения, доспехи’, 2. ‘убор, сбруя’ [Срезн. 3: 452; СлРЯ 25: 246]; 3. ‘украшение’ [Срезн., там же].

(*снасть* золота [Гр. 36])

1.2. Названия воинских головных уборов

ЧЕЧАК, ЧИЧАК, ШИШАК (ЧЕЧАКЪ, ЧИЧАКЪ, ШИШАКЪ) [Срезн. 3: 1515, 1534]; 'шлем, каска с гребенем или хвостом' (Даль 4: 656). Считают заимствованным из венг. *sisak* 'шишак' [Фасмер 4: 445]. Ср. польск. *szyszak (syszak)* 'hełm średniowieczny, zwykle sferycznie stożkowy, mający na szczycie dzwonu szysz, tj. tuleję z pióropuszem' [Turnau 183].

(*чечакъ* зол(о)тъ с каменемъ с женчуги [Гр. 16]; *чечакъ* зол(о)тъ с каменемъ с женчуги [Гр. 16]; два *чичака* золоты, один грановит, а на обѣих *пaxonты* сини да зерна гурмыские [Гр. 410–411])

1.3. Названия оружия

САБЛЯ (САБЛѦ) – 1. 'ручное холодное оружие (небольшой подручный меч в роде кинжала)' [Срезн. 3: 238–239]; 2. 'рубящее оружие с длинным изогнутым клинком, острым по выпуклой стороне' [Срезн., там же; СлРЯ 23: 10].

(*сабля* золота, обазь зол(о)та, и серга с женчугомъ [Гр. 16]; *сабля* золота, обазь зол(о)та [Гр. 16]; *саблю* булатну гирѣискую [Гр. 351]; *саблю* булатну гирѣискую [Гр. 407])

Изученная категория элементов и деталей одежды тесно связана с аристократическим сословием древнерусского общества. В период феодализма одежда наглядно отражала общественное положение лица, его имущественное состояние, социальную значимость. Как было сказано, кроме чисто практического назначения, княжеская одежда выполняла также культурно-символическую функцию. Парадные цветные наряды и украшения из золота, серебра и драгоценных камней особым образом выражали превосходство и могущество великих и удельных князей и членов княжеских родов. Они служили показателем их сословного и имущественного положения. Посредством такого типа одежды члены правящего сословия демонстрировали подданным свой достаток, благополучие и расточительность. Функция предметов роскоши заключалась в выделении владельца из общей массы людей. Праздничные княжеские наряды в определенной степени из-за своей значительной стоимости, как правило, передавались от поколения к поколению, превращаясь со временем в наследственное имущество, вековую собственность. Источником социального значения названных предметов являлась их недоступность для представителей зависимого населения и неприменимость в повседневной жизни. Они обладали статусом знаков престижа. Их аристократический характер основывался на демонстративности и роскоши. Парадные наряды и ювелирные изделия представляли осязаемое доказательство социальной значимости династии Рюриковичей.

Библиография

- Д о б р о д о м о в И. Г. 2008. *Древнерусский гапак „капторга“ в лексикографическом и этимологическом освещении*, „Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. III: Филология“, вып. 1 (11), с. 18–26.
- Т о л с т а я С. М. 2004. *Одежда*, [в:] *Славянские древности. Этнолингвистический словарь в пяти томах*, т. 3. Отв. ред. Н. И. Толстой, Москва: Международные отношения, с. 523–533.
- B a r a ń s k i J. 2007. *Świat rzeczy. Zarys antropologiczny*, Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego.
- B a r t h e s R. 2006. *The Language of Fashion*. Translated by A. Stafford, Oxford–New York: Berg.
- B a r t k i e w i c z M. 1979. *Polski ubiór do 1864 roku*, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, Wydawnictwo.
- B a u d r i l l a r d J. 1968. *Le système des objets*, Paris: Denoël/Gonthier.
- B a u d r i l l a r d J. 1981. *For a Critique of the Political Economy of the Sign*. Translated with an Introduction by Ch. Levin, Candor (NY) USA: Telos Press Ltd.
- B o g a t y r i e w P. 1975. *Funkcje stroju ludowego na obszarze morawskostowackim*, [в:] *Ero że, Semiotyka kultury ludowej*. Wstęp, wybór i opracowanie M. R. Mayenowa, Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, с. 26–96.
- B o r e j s z o M. 1990. *Nazwy ubiorów w języku polskim do roku 1600*, Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM.
- E s o U. 2008. *Historia piękna*. Тłум. А. Kuciak, Poznań: Dom Wydawniczy REBIS.
- G u t k o w s k a - R y c h l e w s k a M. 1968. *Historia ubiorów*, Wrocław–Warszawa–Kraków: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, Wydawnictwo.
- M a l i n o w s k i B. 1932. *Argonauts of the Western Pacific. An Account of Native Enterprise and Adventure in the Archipelagoes of Melanesian New Guinea*, London: George Routledge & Sons, Ltd., New York: E. P. Dutton & Co.
- M o ż d ż y ń s k a - N a w o t k a M. 2002. *O modach i strojach*, Wrocław: Wydawnictwo Dolnośląskie.
- P a n i u s z k i n W. 2013. *Rublowka*. Тłум. А. Sowińska, Warszawa: Agora SA.
- V e b l e n T. 2008. *Teoria klasy próżniaczej*. Тłум. J. Frenzel-Zagórska, Warszawa: Warszawskie Wydawnictwo Literackie MUZA SA.
- W o j t y ł a - Ś w i e ż o w s k a M. 2002. *O słowiańskim odziewaniu się*, [в:] *Dzieje Słowian w świetle leksyki*. Ред. J. Rusek, W. Boryś, L. Bednarczuk, Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, с. 231–238.

Список используемых сокращений

1. Источники

- Гр. — *Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.* 1950. Отв. ред. С. Б. Бахрушин, Москва–Ленинград: Издательство Академии Наук СССР.

2. Словари

- Даль — Д а л ь В. И. 1981–1982 (1881–1882). *Толковый словарь живого великорусского наречия*, т. I–IV, Москва: „Русский язык”.
- СЛКС — К у л и к о в В. Ф., Б у к а н о в В. В. 1988. *Словарь камней-самоцветов*, Ленинград: „Недра”.
- СлРЯ — *Словарь русского языка XI–XVII вв.* 1975–2015, т. 1–30, Москва: „Наука”.
- Срезн. — С р е з н е в с к и й И. И. 1893–1912. *Материалы для словаря древнерусского языка*, т. 1–3, Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук.
- Фасмер — Ф а с м е р М. 1986. *Этимологический словарь русского языка*, т. 1–4, Москва: „Прогресс”.
- Turnau — T u r n a u I. 1999. *Słownik ubiorów. Tkaniny, wyroby pozatkackie, skóry, broń i klejnoty oraz barwy znane w Polsce od średniowiecza do początku XIX w.*, Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Semper.

3. Языки и диалекты

авест. — авестийский, Авеста	курск. — курский
азерб. — азербайджанский	кыпч. — кыпчакский
алт. — алтайские языки	лат. — латинский
араб. — арабский	леб. — лебединский диалект горноалтайского языка
арханг. — архангельский	лит. — литовский
балт. — балтийский	лтш. — латышский
венг. — венгерский	монг. — монгольский
волжско-булг. — волжско-булгарский	нем. — немецкий
вост. — восточный	нов.-в.-н. — нововерхненемецкий
вост.-слав. — восточнославянский	нов.-перс. — новоперсидский
гот. — готский	польск. — польский
греч. — греческий	перс. — персидский
д.-в.-н. — древневерхненемецкий	праслав. — праславянский
др.-анг. — древнеанглийский	ряз. — рязанский
др.-герм. — древнегерманский	сев.-тюрк. — севернотюркские языки
др.-инд. — древнеиндийский	смол. — смоленский
др.-исл. — древнеисландский	ср.-в.-н. — средневерхненемецкий
др.-русс. — древнерусский	ср.-лат. — среднелатинский
др.-сакс. — древнесаксонский	ср.-нж.-н. — средненижненемецкий
др.-сканд. — древнескандинавский	ст.-польск. — старопольский (древнепольский)
др.-тюрк. — древнетюркский	ст.-франц. — старофранцузский
др.-чув. — древнечувашский	тамб. — тамбовский
др.-шв. — древнешведский	тат. — татарский
зап.-слав. — западнославянский	тур. — турецкий
и.-е. — индоевропейский	туркм. — туркменский
ирл. — ирландский	тюрк. — тюркский
ит. — итальянский	уйг. — уйгурский
казах. — казахский	
калм. — калмыцкий	

кирг. — киргизский	франц. — французский
кит. — китайский	чагат. — чагатайский
крым.-тат. — крымско-татарский	чув. — чувашский
куманд. — кумандинский	шв. — шведский

4. Прочие сокращения

диал. — диалектный	прилаг. — прилагательное
ед. ч. — единственное число	собир. — собирательное
ж. р. — женский род	ср. р. — средний род
итер. — итеративный	сущ. — существительное
м. р. — мужской род	уменьшит. — уменьшительный
мн. ч. — множественное число	

КУЛЬТУРНЫЕ МОТИВЫ В ПОЛЬСКОМ ПЕРЕВОДЕ
КУДА Ж НАМ ПЛЫТЬ? Б. АКУНИНА

CULTURAL MOTIFS IN THE POLISH TRANSLATION
WHERE SHALL WE GO? BY BORIS AKUNIN

JOLANTA JÓŹWIAK

ABSTRACT. The aim of the paper is to present the results of translators' individual choices in the process of conveying cultural-background elements to the target culture. The source material were taken from novel *Where shall we go?* by Boris Akunin and its translation into Polish.

The possibility of transferring specific values such as cultural connotation is discussed in the context of potential readers' reactions.

Keywords: translation, Boris Akunin, cultural-backgrounds elements, cultural connotation

Jolanta Józwiak, Uniwersytet Kazimierza Wielkiego, Bydgoszcz – Polska,
jjozwiak@poczta.onet.pl

Результаты работы переводчика, являющегося посредником между представителями разных культурных пространств, оцениваются читателями и критиками перевода. С перспективы получателя переводческого варианта любого текста особо привлекательными являются те моменты, в которых встречаются элементы, указывающие прямым или косвенным образом на культурную принадлежность. Следует подчеркнуть, что имеются в виду единицы, связанные не только с культурой оригинала и культурой перевода, но также с другими культурными пространствами.

Культурная коннотация как сама по себе ценность проявляется на разных уровнях. Рассматривая компоненты текста, называемые потенциальными носителями чуждости, способные активизировать восприятие чуждости в процессе предполагаемой и фактической рецепции текста, Роман Левицкий указывает на имена собственные, адресативные названия, реалии, словообразовательные, морфологические, синтаксические, графические элементы, а также на жанровые особенности текста [Lewicki 2000: 45].

В статье рассматриваются некоторые из вышеперечисленных элементов, которые идентифицируются читателями перевода как чужие,

иные, однако не всегда их сильная культурная обусловленность позволяет сохранить сходство реакции и ассоциаций у получателей оригинала и перевода [ср. Wojtasiewicz 1996: 22]. Кроме того, надо помнить, что единицы выполняют в тексте разные функции и выступают в контекстуальном окружении, сильно влияющем на их восприятие.

Иллюстративным материалом послужили примеры, почерпнутые из современной русской прозы, а именно из опубликованного в сборнике *Планета вода* (продолжении акунинской серии романов о приключениях Эраста Петровича Фандорина) текста *Куда ж нам плыть?*, жанр которого, по словам Акунина, изобретен им самим и определяется автором в подзаголовке как *идиотический роман*. Избранный материал в ходе анализа сравнивался с переводом на польский язык, сделанным Александрой Окуневской-Стронкой *Dokąd płyniemy? (Planeta woda)*, а поджанр был переведен как *kryminał absurdalny*.

Следует подчеркнуть, что роль переводчика невозможно переоценить, если речь идет о передаче культурных ценностей с помощью языковых средств другого языка, потому что для достижения удовлетворяющего эффекта нужно особое чутье. В литературе по теории и практике перевода многократно подчеркивается, что переводчики должны обладать компетентностью, охватывающей различные аспекты языкового и внеязыкового характера. В контексте оцениваемых читателями и критиками результатов переводческих решений относительно передачи культурно обусловленных элементов можно говорить о культурной или языково-культурной компетентности. Подходящую для переводческих рассуждений дефиницию, хотя сформированную в ходе анализа культурно-национальной специфики идиом, можно найти в известной работе В. Н. Телия по русской фразеологии. По словам исследовательницы, „[к]ультурная компетенция не совпадает с языковой: переключение языковой компетенции в культурную основано на интерпретации языковых знаков в категориях культурного кода. Владение такого рода интерпретацией и есть культурно-языковая компетенция” [Телия 1996: 227].

Приведенное утверждение прямо касается описания культурно-национальной коннотации фразеологизмов, но можно его понимать значительно шире. Ведь переводчик все время имеет дело с интерпретацией языковых знаков оригинала, выявляет сходства и различия в переводческих парах, а потом, выбирая самый подходящий вариант, еще вынужден предвидеть возможную интерпретацию фрагмента читателями инокультурного варианта произведения.

Первым моментом, в котором переводчик выбранного нами детектива Б. Акунина сталкивается с проблемой идентификации культурного кода и сохранением культурных ценностей, является само

заглавие. Трудно не подозревать намеренного сходства заглавия *Куда ж нам плыть?* с одной из строк известного стихотворения А. С. Пушкина *Осень*, если автором подвергающегося анализу текста является Б. Акунин, неоднократно позволивший узнать себя как стилизатора (стилиста) и предлагающий читателям многонаправленную интертекстуальную игру. У переводчицы были два основных выхода из сложившейся ситуации: во-первых, доверить читателям, их компетентности, позволяющей идентифицировать фрагмент, а вернее всего, его соответствие в переведенном на польский язык параллельном тексте, и, во-вторых, обеспечить текст сноской, указывающей на сходство.

В общем-то, результаты свидетельствуют в пользу первой возможности, но неоднозначно. Оказывается, что в переводе знаменитого польского поэта Юлиана Тувима анализируемая фраза в строке звучит „Płynię. Nam dokąd płynąć?...”, повторяя русскую синтаксическую конструкцию и отличаясь от современного перевода фразы вне стихотворения, т. е. „Dokąd płyniemy?”. Поскольку нет других намеков на интертекст, трудно оценить, прочитал ли сам переводчик заглавие в интертекстуальном контексте, так как нет прямого отнесения к варианту Тувима, а переводчик предлагает собственный современный вариант фразы, лишенный структурной интерференции. Так или иначе, проблема интертекстуальной компетенции осталась в ведении читателей. Однако следует отметить, что знание творчества А. С. Пушкина намного больше в русскоязычной аудитории, чем в польской. Нельзя также забывать об ассоциациях с заглавием книги известного историка Евгения Анисимова *Куда ж нам плыть? Россия после Петра Великого*, изданной в 2009 году. В книге описаны события из далекого прошлого России, но исходный вопрос остается актуальным и в современном мире.

Заглавный вопрос в качестве композиционной рамки появляется в самом конце произведения Акунина и должен быть последовательно сохранен в таком же виде, как в заглавии. В польском варианте стилистический прием повторяется с учетом графического выделения местоимения курсивом (в польском варианте дополнительные пробелы с обеих сторон), что придает фрагменту более конкретный внутренний смысл, ср.:

– Очень возможно. – В узких глазах картавого блеснула ироническая искорка. – Воспользуемся случаем потолковать наедине и начистоту. А идиоты пускай себе плавают, чегт с ними... Ну те-с, батенька Иосиф Виссарионович, скажите: куда ж нам плыть? [КП: 414];

– Bahdzo możliwe. – W wąskich oczach „Ijicza” błysnęła ironiczna iskierka. – Wykorzystajmy okazję, żeby pohozmawiać w cztehy oczy i bez oghódek. A idioci niech sobie pływają, czoht z nimi... No więc, Iosifie Wissahionowiczu, dohodziestu: a dokąd my płyniemy? [DP: 471].

В приведенном фрагменте внимание привлекает не столько упомянутая фраза интертекстуального характера, сколько графический облик слов, высказываемых участниками диалога, поручившими совершение кражи, которыми в конце повести оказались известные исторические лица, а вернее всего, их художественные аналоги.

Следует также обратить внимание на запись имени и отчества, так как, по мнению Д. Урбанэк, это один из самых выразительных моментов, в которых обнаруживается выбор переводческой стратегии и интерпретационные намерения переводчика [Urbanek 2004: 159]. Использованный переводчиком облик имени *losif Wissarionowicz* – это современный, а не традиционный транскрибированный вариант. Трудно, однако, считать его закрепленным в памяти поляков в отличие от адаптированного полонизированного варианта *Józef Stalin*, что, безусловно, еще углубляет разницу в восприятии в обоих культурных кругах.

Отметим, что указание на первоисточники героев происходит не прямо, хотя и весьма выразительно. Можно сказать, что тайна раскрывается перед глазами читателей постепенно в ходе фандоринского расследования. В анализируемом произведении впервые появляется только замечание, что преступление не типично для Ружевица. Потом Эраст Петрович слышит его разговор по телефону, из которого следует, что убийца должен передать деньги некому Кобачевскому. В дальнейшем во время второй встречи сыщика с бандитом появляется вывод о политическом характере преступления, а, в конце концов, Фандорин прислушивается к разговорам во время встречи политэмигрантов, революционеров, и тут мы узнаем, с кем имеем дело, но также поэтапно.

В тексте сначала появляется заметка о характерных и общеизвестных чертах внешнего вида и особенностях произношения участников упомянутой встречи. Фрагмент не вызывает особых трудностей с точки зрения подбора языковых средств в переводе, ср.:

Там „окопались” какие-то соглашатели, на которых бранился картавый лысый господин с бородкой, а его сосед, довольно молодой мужчина с длинными усами и кавказским выговором, мягко возражал [КП: 408];

„Okopali się” tam jacyś ugodowcy, na których wyrzekał grasejący łysy jegomość z bródką, a jego sąsiad, dosyć młody mężczyzna z długimi wąsami i kaukaską wymową, łagodnie oponował [DP: 465].

Единственную оговорку можно было бы сделать относительно перевода слова *картавый*, в разговорной речи обозначающего того, кто неправильно, нечисто произносит /р/ или /л/ [http://www.efremova.info/word/kartavyj.html#.WS_nBri8qL8]. Вполне адекватное по семантике подобранное переводчиком соответствие *grasejący* (грассирую-

пций) является, однако, термином, и можно предположить, что оно не закреплено в сознании среднего носителя языка как обозначение подобного навыка. Кажется, что в данной ситуации, может быть, более однозначным для потенциального получателя информации оказался бы описательный способ перевода с использованием разговорного определения черты, вроде *mówiący z tak zwanym francuskim „r”*.

Шансы идентификации персонажей на данном этапе ни в коем случае не одинаковы из-за другого культурного и политического наследия. В русскоязычном кругу в контексте выступления против власти и революции уже после такой краткой заметки появляются предполагаемые автором ассоциации, которые дополнены акцентом на отличительные и распознаваемые русскоязычными читателями признаки произношения. В польской среде не так сильно закреплено в сознании получателей представление о деятельности революционеров в России, хотя и известных во всем мире, не говоря уже об особенностях их речи.

Следует подчеркнуть, что до самого конца в тексте не появляются фамилии героев. Возможно, это и символично, потому что в историю они вошли под псевдонимами, и только иногда упоминаются их настоящие фамилии. При описании встречи в последнем разделе называются лишь имена и отчества: *Володя*, только отчество *Ильич*, *Владимир Ильич* и *Иосиф Виссарионович*, именующийся в остальных случаях кавказцем. Характерно, что упоминавшиеся только один раз в конце повести сочетания имени и отчества записаны с учетом особенностей произношения обоих персонажей, т. е. *Владимир Ильич*, *Иосиф Виссарионович*, согласно принятому способу отражения элементов языковой характеристики. Упомянутая манера, касающаяся нечистого произношения звука /р/, отражается в тексте многократно. При создании речевого портрета персонажей, являющихся в вымышленном литературном мире предшественниками Ленина и Сталина, автор использовал предварительные знания воспринимателей текста. Во внетекстовой действительности Владимир Ильич Ленин неправильно произносил *р*, а Иосиф Виссарионович Сталин был грузинской национальности, в связи с чем говорил по-русски с выразительным акцентом, не смягчая согласных перед звуком [е]. Поэтому реплики одного из участников встречи конспираторов содержат графическую замену *р* → *г*, ср.:

– Может быть, лучше кто-нибудь из товагицей депутатов нашей поганой Думы? – стал отнекиваться картавый „Ильич”. Огатор из меня, как вам известно, неважнецкий [КП: 408]

ИЛИ

– Ну его к чегту, ваш двенадцатый. Год был говёный, на гадость буржуазии. Лично я символически пойду пговожу его в отхожем месте [КП: 409].

В польском переводе попытка отразить манеру происходит с помощью замены $r \rightarrow h$, применяемой в соответствующих принятому принципу, а не в последующих, соответствующих оригинальным единицам, словах. Как утверждает Р. Левицкий, в подобных случаях всякие искажения речи, выполняющие в тексте определенную функцию, могут в переводе передаваться в „непараллельных единицах текста перевода” [Lewicki 1986: 141], и именно с такой ситуацией встречаемся в рассматриваемом фрагменте. В результате отсутствия стилизации в одних местах и компенсации в других текст не всегда получает один и тот же оттенок, ср.:

– Może lepiej ktośyś z towarzyszy delegatów naszej wstętej Dumi? – Gra-sejujący „Ijicz” zaczął się wymawiać. – Mahny ze mnie, jak wiecie, ohatoh [DP: 466];

– Do diabła z nim, z waszym dwunastym. Nok był pahszywy, hozpanoszyła się buhżuazja. Pójdę go symbolicznie pożegnać w wychodku [DP: 467].

Сходство с историческими персонажами усиливается Акуниным с помощью повторения слов *кавказец* и *картавый*, которые должны у представителей русскоязычного мира вызывать ассоциации с упомянутыми лицами. Отметим, что оба слова по своей семантике не нейтральны, являются оценочными элементами, обладая явно отрицательными оттенками. Польские соответствия *z Kaukazu*, *Kaukazczyk* или *grasejujący* не вызывают настолько сильных ассоциаций отрицательного характера в результате иной социально-политической ситуации и исторического наследия.

Кроме вышеприведенных слов и выражений с определенной коннотацией, созданию языкового портрета героев служат прямые комментарии. Подобные замечания относительно произношения даются, например, по отношению к представителю российской администрации поручику Зуеву, ср:

Зуев встал свободнее, заговорил без официальности, и в речи сразу проступил севернорусский говор, пожалуй, онежский [КП: 376];

Zujew się rozluźnił, porzucił oficjalny ton, a w jego wypowiedzi dał się słyszeć północnorosyjski akcent – chyba oneski [DP: 428].

Как следует из нижеприведенного материала, подражание севернорусскому говору оказалось тяжелой задачей, и стилизация была осуществлена в другом месте текста, причем в польском варианте трудно говорить о подражании онежскому говору, а вернее всего, об обращении внимания на ненормативность речи или о стилизации на неопределенный говор, ср.:

– Так серьезный господин. Я всегда за руками [у поручика получилось „за рукама”] слежу, привычка. Этот левую из кармана не вынимал. Известно – левша ... С собой культурный, интеллигентный. Одет с иголки. Бороденка волосок к волоску, еще и маслом смазана. Голос мягкий, тихий [КП: 376];

– Dobrze. Zawsze obserwuję ręce, taki nawyk. Ten zaś nie wyjmował lewej z kieszeni. Wiadomo, mańkut ... Raczej kulturalny, inteligentny. Wyglądał jak spod igły. Bródka równiutko uczesana, w dodatku nasmarowana balsamem, lśni. – Porucznikowi wyszło „lśny”. Głos łagodny, cichy [DP: 428].

Согласно переводческим правилам такая перестановка вполне возможна, ибо признак второстепенного героя не занимает ключевого места и не влияет непосредственно на ход событий. Подчеркнем, что хотя в творчестве Бориса Акунина, подражающего различным жанрам и стилям, языковой материал занимает особое место, повесть *Куда ж нам плыть?* в этом плане исключительна. Кажется, что по сравнению с другими произведениями о приключениях Эраста Фандорина процентное участие прямых комментариев относительно языка любой нации по отношению к объему текста настолько высокое, что привлекает это внимание читателей.

Прием языковой стилизации способствует перенаправлению ассоциаций в сторону стереотипного представления аудитории о произношении отдельных звуков лицами определенного происхождения, в чем можно убедиться, анализируя следующий фрагмент и его перевод на польский язык. Почтовый служащий Коркин описывает в нем бандитов, хотя он их не видел, опираясь только на особенности их речи, ср.:

– По-русски говорили? Без акцента?

– Да. То есть нет... – Коркин поправился. – По-русски, но с акцентом. Вежливый, наверное, поляк. Твердое „л” проглатывал. А второй кавказец. Басистый. Но этот мало говорил. Только „Нэт”, „Сделаю” и „Хорошо”. Поляк главный был. Ах да. Еще он много заикался. Как вы [КП: 363];

– Rozmawiali po rosyjsku? Bez akcentu?

– Tak. To znaczy nie... Korkin się poprawił. – Po rosyjsku, ale z akcentem. Ten uprzejmy to chyba Polak. Połykał twarde „l”. A drugi pochodził z Kaukazu. Mówił basem. Ale niewiele. Tylko „Ne”, „Zrobe” i „Dobrze”. Dowodził Polak. Trochę się też zacinał. Jak pan [DP: 412].

Речь охарактеризована с помощью отражения в тексте типичных для поляков трудностей при произношении /л/, а также проблем, связанных с сохранением мягкости согласных перед /е/. Можно в этот момент сослаться на лингвоментальные стереотипы В. Хлебды во всех трех их аспектах: формальном, когнитивном и прагматическом. Лингвоментальные стереотипы связаны 1) с внешней, графической сторо-

ной элемента, 2) со значением и традиционными культурно обусловленными суждениями, убеждениями и представлениями, а также 3) со способностью направлять человеческие реакции и действия [Chlebda 1998: 37].

С перспективы переводчика важно, что в этом конкретном фрагменте стилизация проходит не на одном уровне. Первый из них связан с тем, что, как оказывается в ходе расследования, убийца был только один, а не, как следовало из первого допроса, — двое. Значит, авторская стилизация была предназначена не только для читателей, но также для персонажей из вымышленного мира. Со следующим уровнем сталкивается только переводчик, поскольку его стилизация должна быть достоверной и убедительной также для читателей из другого культурного круга и обеспечивать два упомянутых аспекта восприятия. Отметим, что имеющиеся в тексте комментарии облегчают задачу, потому что объясняют ситуацию даже читателю, не ориентирующемуся в языковых просодических нюансах.

Несколько приведенных примеров позволило убедиться в том, что в каждом отдельном случае переводчик должен с особой осторожностью подходить к элементам, обладающим коннотациями культурного характера. В литературе, как утверждает Т. А. Казакова,

несовпадение художественных импликаций в условиях культурного различия может зависеть от многих причин, в том числе от опыта, возраста, образования, национального характера, меры близости культур, общей или частной установки получателя текста [Казакова 2006: 105].

В процессе перевода любого художественного произведения переводчик должен учитывать все эти параметры, подбирая соответствующий языковой материал, однако это сложно в условиях сопоставления с инокультурной аудиторией. Роль посредника очень трудная, поскольку языковые единицы другого языка несут другие коннотации, контекстуальное окружение (узкое или широкое) может изменять внутренний смысл и не всегда возможно достигнуть удовлетворяющего эффекта в восприятии.

Библиография

Источники

- А к у н и н Б. 2016. *Куда ж нам плыть?*, [в:] Его же. *Планета вода*, Москва: „Захаров“.
- A k u n i n B. 2016. *Dokąd płyniemy?*, [в:] Tegoż. *Planeta woda*. Przeł. A. Okuniewska-Stronka, Warszawa: Świat Książki.

Литература

- К а з а к о в а Т. 2006. *Художественный перевод: в поисках истины*, Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ.
- Т е л и я В. Н. 1996. *Русская фразеология*, Москва: Школа „Языки русской культуры”.
- С h l e b d a W. 1998, *Stereotyp jako jedność języka, myślenia i działania*, [в:] *Język a kultura. Stereotyp jako przedmiot lingwistyki*. Red. J. Anusiewicz, J. Bartmiński, t. 12, Wrocław: Towarzystwo Przyjaciół Polonistyki Wrocławskiej, с. 31–41.
- L e w i c k i R. 1986. *Przekład wobec zjawisk podstandardowych. Na materiale polskich przekładów współczesnej prozy rosyjskiej*, Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- L e w i c k i R. 2000. *Obcość w odbiorze przekładu*, Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- U r b a n e k D. 2004. *Pęknięte lustro. Tendencje w teorii i praktyce przekładu na tle myśli humanistycznej*, Warszawa: Wydawnictwo Trio, Instytut Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego.
- W o j t a s i e w i c z O. 1996. *Wstęp do teorii tłumaczenia*, Warszawa: Wydawnictwo TERPIS.

Список сокращений используемых источников

<i>Куда ж нам плыть?</i>	–	[КП]
<i>Dokąd płyniętu?</i>	–	[DP]

ТЕНДЕНЦИЯ К ОПТИМАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ
ВИДОВЫХ ПАРАДИГМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

A TENDENCY TOWARDS OPTIMAL ORGANIZATION OF THE SYSTEM
OF ASPECT PARADIGMS IN RUSSIAN

VLADIMIR KLIMONOV

ABSTRACT. The reorganization of the initial system of aspect paradigms in Old Russian is investigated within the framework of the theory of natural grammar. It is claimed, in accordance with this theory, that the grammatical changes in morphological systems of natural languages are determined by a limited set of typologically relevant markedness principles (naturalness principles or preference laws). These principles explain the attested diachrony of grammatical changes in the system of aspectual paradigms of the Russian verb and predict the general direction in its development. During the historical development of the system of aspectual paradigms in Russian, optimal iconic perfectivizing paradigms are ousting non-optimal countericonic imperfectivizing paradigms as well as non-optimal non-iconic aspectual syncretic paradigms. In contemporary Russian, aspectual paradigms of perfectivization are preferable in terms of competitive aspectual paradigms of imperfectivization and syncretic aspectual paradigms. The share of optimal paradigms of perfectivization is constantly increasing in modern Russian. Consequently, there is direct evidence for the development of the system of Russian aspect paradigms towards optimal organization of aspect paradigms, i.e. towards economy.

Keywords: Russian, grammatical changes, diachrony, morphological system, verb

Vladimir Klimonov, Humboldt Universität Berlin, Berlin – Niemcy, klimonov@web.de

1. Введение: предмет и теоретические основы исследования

В древнерусском языке старшего периода сосуществовали три тесно связанные между собой аспектуальные оппозиции, а именно старые индоевропейские аспекты (имперфективный (или имперфектный), перфективный (или аористный) и перфектный), старая славянская оппозиция неитеративности ([–ИТЕР]) / итеративности ([+ИТЕР]) и новые славянские виды: оппозиция совершенного вида (СВ) и несовершенного вида (НСВ). Развитие этих трех аспектуальных оппозиций протекает в направлении сохранения новых славянских видов как центральных структурных характеристик русской аспектуальной системы и устранения старых индоевропейских аспектов и старой славянской оппозиции ([–ИТЕР]) / [+ИТЕР]) как конкурирующих структурных единиц.

Такое направление развития определяется действием принципа типологического единства и систематики морфологических систем, сформулированным в рамках теории естественной грамматики [см. Wurzel 1984: 174–175]. Вытеснение старых индоевропейских аспектов и оппозиции ([–ИТЕР]) / [+ИТЕР]) новыми славянскими видами рассмотрены мною соответственно в работах Климонова [см. Klimonov 2004, 2011].

Предметом настоящего исследования является проблематика преобразований в системе аспектуальных оппозиций (парадигм) русского глагола. Механизмы преобразований аспектуальных парадигм в русском языке рассматриваются здесь в рамках теории естественной грамматики [см., напр., Dressler et al. 1987; Dressler 2003; Wurzel 1984, 1994, 1998, 2001]. В соответствии с этой теорией грамматические изменения в морфологических системах естественных языков детерминируются действием типологически релевантных принципов маркированности (принципов естественности, или законов преферентности). Эти принципы объясняют исторически засвидетельствованные сдвиги в манифестации аспектуальных парадигм в русском языке и предсказывают общую направленность в развитии аспектуальной системы русского глагола. Важное место в ряду таких принципов занимает принцип естественного грамматического развития [см. Wurzel 1994: 28–32]. В соответствии с этим принципом грамматические изменения в языковой системе протекают в направлении устранения маркированных фрагментов языковой системы посредством замены маркированных (т. е. более сложных) элементов языковой системы немаркированными (т. е. менее сложными) ее элементами. Этот принцип является частным случаем проявления заложенного в сознании человека прагматически мотивированного неосознанного стремления к минимуму языковых издержек, представляющих собой дополнительную нагрузку для языковой способности носителя языка.

2. Видовые парадигмы древнерусского и старорусского языка

В аспектуальной системе древнерусского и старорусского языка со вмещаются несколько хронологически разных пластов, отражающих процесс формирования и развития категории глагольного вида в славянских языках.

Самый древний из этих слоев включает глаголы с нейтральным видовым значением. Такие глаголы, обнаруживающие значения СВ и НСВ, являются самодостаточными для выражения видового противопоставления. Так, глагол *пастн* (<**надти*) по свидетельству П. С. Кузнецова [Кузнецов 1953: 245–246] сохраняет вместе со значением СВ значение НСВ вплоть до середины XIX в. Противопоставленные друг другу омонимические формы СВ и НСВ у глаголов типа *пастн* (СВ и НСВ), тра-

диционно именуемых двувидовыми, рассматриваются в настоящей работе как синкретические видовые парадигмы типа *пасти* (СВ) — *пасти* (НСВ). Двувидовые глаголы являются реликтами той ранней стадии развития общеславянского языка, на которой не существовало формальной дифференциации видовых значений, т. е. еще не было глагольного вида как грамматической категории. В процессе исторического развития русского языка такие глаголы, как правило, утрачивают свое двувидовое значение и становятся одновидовыми глаголами.

Следующий этап развития категории глагольного вида связан с появлением собственно видовых противопоставлений — парадигм первичной и вторичной имперфективации типа *пасти* (СВ и НСВ) — *падати* (НСВ) и *отъпасти* (СВ и НСВ) — *отъпадати* (НСВ). В этот начальный период формирования видовых оппозиций исходные члены таких противопоставлений еще сохраняли нейтральное видовое значение. Первоначально видовое противопоставление могли иметь только предельные глаголы типа *написати* в парадигме вторичной имперфективации *написати* (СВ и НСВ, ср. настоящее время *напишу* и *написаю*) — *написовати* / *написывати* (НСВ). Соответствующие им неопределенные бесприставочные глаголы типа *писати* образовывали на этом первоначальном этапе развития категории глагольного вида оппозицию [-ИТЕР] / [+ИТЕР] типа *писати* — *писывати*.

Парадигмы перфективации появляются позже, лишь на следующем этапе развития категории глагольного вида, когда в процессе грамматикализации глагольного вида на базе исходных парадигм первичной и вторичной имперфективации типа *мьстити* (НСВ и СВ) — *мьцати* (НСВ) и *отъмьстити* (СВ и НСВ) — *отъмьцати* / *отъмьцавати* (НСВ) возникают парадигмы перфективации типа *мьстити* (НСВ) — *отъмьстити* (СВ). На начальном этапе развития русского языка еще нет прямого соотношения тождественных по значению глагольных лексем *мьстити* и *отъмьстити* как противопоставленных видовых форм в рамках парадигмы перфективации, поскольку оба глагола обнаруживают значения как СВ, так и НСВ, т. е. не образуют видового противопоставления. Каждый из таких глаголов (бесприставочный и приставочный) на этом этапе развития входит в состав отдельных парадигм первичной и вторичной имперфективации, т. е. имеет свою собственную парадигму. Такое соотношение становится возможным только на более позднем этапе развития, когда под воздействием процессов грамматикализации глагольного вида происходит реорганизация исходных парадигм первичной и вторичной имперфективации. В процессе грамматикализации глагольного вида глагол *отъмьстити* с приставкой как маркером СВ становится глаголом СВ, а противопоставленный ему бесприставочный двувидовой глагол *мьстити* по контрасту с глаголом *отъмьстити* получает значение НСВ.

Ядро видовых оппозиций в древнерусском и старорусском языке составляли парадигмы первичной имперфективации типа *мьстити* (СВ и НСВ) – *мьцати* (НСВ) и парадигмы вторичной имперфективации типа *отъмьстити* (СВ и НСВ) – *отъмьцати / отъмьцавати* (НСВ). На периферии видовой системы древнерусского и старорусского языка находились еще формирующиеся парадигмы перфективации типа *мьстити* (НСВ) – *отъмьстити* (СВ) и исходные синкретические видо-вые парадигмы типа *пасти* (СВ) – *пасти* (НСВ).

3. Грамматикализация глагольного вида и преобразования в системе видовых парадигм

Развитие видов происходит в направлении постепенной утраты нейтральных в видовом отношении глаголов и замене их однозначными в видовом отношении глаголами. В процессе грамматикализации глагольного вида, т. е. экспансии вида на всю глагольную лексику русские глаголы получают вполне определенную видовую характеристику.

Поворотным пунктом в развитии аспектуальной системы русского языка явилась реорганизация видовых парадигм, обусловленная грамматикализацией видов. В процессе исторического развития происходит формальное размежевание глаголов с полнозначными, т. е. неграмматикализованными приставками и глаголов с лексически пустыми, т. е. грамматикализованными (или чистовидовыми) приставками. Первые из них сохраняют старые парадигмы вторичной имперфективации, вторые утрачивают парадигмы вторичной имперфективации и замещают их новыми парадигмами перфективации. Ключевую роль при преобразовании старых видовых парадигм имперфективации и замене их новыми парадигмами перфективации играет принцип взаимооднозначного (однооднозначного) соответствия языковой формы и языкового содержания [Dressler 2003: 466, 471]. Согласно этому принципу одно значение в идеальном случае должно кодироваться одним формальным показателем. Видовая парадигма, удовлетворяющая этому условию, должна быть бинарной, т. е. содержать только один перфективный и только один имперфективный члены. Лексическое значение приставочного глагола *отъмьстити* с десемантизированным префиксом *отъ-* в составе исходной парадигмы вторичной имперфективации *отъмьстити* (СВ и НСВ) – *отъмьцати / отъмьцавати* (НСВ) оказывается тем же самым, что и значение бесприставочного глагола *мьстити* в составе исходной парадигмы первичной имперфективации *мьстити* (НСВ и СВ) – *мьцати* (НСВ). Благодаря этому возможной становится контаминация тождественных по значению парадигм первичной и вторичной имперфективации. В процессе грамматикализации видов, т. е. экспансии видов на всю глагольную лексику глагол

отъмстити с префиксом *отъ-* получает значение СВ, а нейтральный в видовом отношении глагол *мстити* становится по контрасту с глаголом СВ глаголом НСВ. Глаголу СВ *отъмстити* оказываются противопоставленными в рамках одного и того же лексического значения сразу четыре глагола НСВ, а именно *отъмьщати*, *отъмьщавати*, *мьщати* и *мстити*. Глагол СВ *отъмстити* вступает в видовое противопоставление согласно принципу взаимооднозначного соответствия формы и содержания только с одним из этих глаголов НСВ, а именно с формально самым простым из них *мстити*. Такой выбор обусловлен действием принципа естественного грамматического развития. Согласно этому принципу в конкуренции маркированных и немаркированных структур победу всегда одерживают последние. Таким образом возникает новая парадигма перфективации типа *мстити* (НСВ) — *отъмстити* (СВ). Все остальные маркированные имперфективные члены устраняются как избыточные в соответствии с бинарной структурой видовых парадигм, предписываемой принципом взаимооднозначного соответствия формы и содержания. Сначала выходят из употребления более сложные (т. е. маркированные) приставочные дериваты *отъмьщавати* и *отъмьщати*, а затем и бесприставочный глагол *мьщати*, производный от глагола *мстити*. Такая последовательность утраты регулируется принципом ступенчатого (или упорядоченного) устранения маркированности [Venemann 1988: 2–3]. В соответствии с этим принципом маркированные единицы языковой системы устраняются в порядке убывающей маркированности, т. е. более маркированные единицы утрачиваются раньше, чем менее маркированные единицы. В итоге преобразований у приставочных глаголов с чистовидовой приставкой типа *отъмстити* старая парадигма вторичной имперфективации *отъмстити* — *отъмьщати* / *отъмьщавати* устраняется и замещается новой парадигмой перфективации *мстити* — *отъмстити*. У глаголов с полнозначными приставками типа *отъпасти* исходная парадигма вторичной имперфективации, напротив, сохраняется: *отъпасти* — *отъпадати*.

В процессе контаминации тождественных по значению исходных парадигм первичной и вторичной имперфективации *пасти* (СВ и НСВ) — *падати* (НСВ) и *унасти* (СВ и НСВ) — *упадати* (НСВ) возникает новая парадигма перфективации *падати* (НСВ) — *унасти* (СВ). В качестве исходного члена новой парадигмы перфективации из конкурирующих между собой фори НСВ *падати* и *упадати* выбирается более простая в формальном отношении форма *падати*. Перфективным соответствием к этой форме становится глагольная лексема *унасти*, утратившая в процессе грамматикализации глагольных видов свое исходное значение СВ и НСВ. Эта лексема с приставкой как эксплицитным маркером перфективности оказывается преферентной по отношению к лексеме *пасти* без такого маркера.

Парадигмы неитеративности / итеративности также участвуют в процессе контаминации видовых парадигм и подвергаются редукции точно таким же образом, как и прочие видовые парадигмы. Приставка *на-* у нейтральной в видовом отношении глагольной лексемы *написати* в составе исходной парадигмы вторичной имперфективации *написати* (СВ и НСВ, ср. настоящее время *напишу* и *написаю*) – *написовати* / *написывати* (НСВ) в ходе исторического развития десемантизируется, т. е. утрачивает свойственное ей локальное значение (писать на чем-нибудь) и грамматикализируется, т. е. становится маркером только СВ. Глагольная лексема СВ *написати* вступает в видовое противопоставление со ставшей ей тождественной по значению глагольной лексемой *писати* в составе парадигмы неитеративности / итеративности *писати* / *писовати* ([–ИТЕР]) – *писывати* ([+ИТЕР]). Таким образом возникает новая видовая бинарная парадигма перфективации *писати* (НСВ) – *написати* (СВ), которая построена в соответствии с принципом взаимодозначного соответствия формы и содержания. Все другие члены рассматриваемых исходных парадигм (имперфективы типа *написовати*, *написывати* и *писовати* а также итератив *писывати*) устраняются как избыточные, не совместимые с бинарной организацией новой парадигмы перфективации. Утрата этих глагольных лексем происходит согласно принципу ступенчатого (или упорядоченного) устранения маркированности поэтапно. Вторичные имперфективы типа *написовати* и *написывати* как более сложные по своей морфологической структуре (т. е. более маркированные) по отношению к менее сложным по своей морфологической структуре (т. е. менее маркированным) бесприставочным образованиям, а именно имперфективу типа *писовати* и итеративу типа *писывати* утрачиваются не раньше XVII в. [Силина 1982: 276]. Постепенная утрата итеративных глаголов начинается со второй половины XIX в. [Виноградов 1972: 431–433]. С этого времени перестают функционировать парадигмы неитеративности / итеративности. Парадигмы перфективации оказываются закрепленными за глаголами с десемантизированными, т. е. с чистовидовыми приставками типа *написати*. Такие глаголы не обнаруживают парадигм вторичной имперфективации, ср. *написати* – **написовати* / **написывати*. Глаголы с лексически значимыми приставками типа *выписати*, напротив, образуют парадигмы вторичной имперфективации типа *выписати* – *выписывати*. Такие глаголы не образуют парадигм перфективации, поскольку оба члена корреляции бесприставочного и приставочного глаголов типа *писати* – *выписати* различаются между собой значениями.

Результатом такой перестройки аспектуальных парадигм является экономная организация видовых парадигм, сопровождаемая оптимизацией словарного состава русского языка.

4. Когнитивные параметры видовых парадигм: принцип иконизма

В этом разделе видовые парадигмы как грамматические структуры рассматриваются в соотношении с концептуальными структурами в качестве их когнитивными аналогами. В качестве инструмента анализа принимается теория маркированности в естественной грамматике. Морфологическая маркированность основывается в естественной грамматике на семиотической сложности, т. е. на характере взаимного соответствия семантических и формальных элементов внутри слова как максимального морфологического знака [Wurzel 1998: 62–65]. В соответствии с таким пониманием отношения маркированности между морфологическими единицами анализируются на трех уровнях: концептуальном (или морфосемантическом), формальном (или фонеморфологическом) и на семиотическом уровне, на котором сопоставляются отношения маркированности формального и концептуального уровней.

На морфосемантическом уровне сопоставляются значения формальных показателей (маркеров) перфективного и имперфективного членов видовых парадигм по степени их концептуальной сложности. На этом уровне перфективный член, обозначающий целостность глагольного действия ([+ЦЕЛ]) как совокупность всех фаз действия (а именно начальной, срединной и конечной) с включением начальной и конечной границ действия, является более сложной (или маркированной) величиной по отношению к имперфективному члену, который обозначает нецелостное действие ([-ЦЕЛ]), т. е. только часть действия, а именно всего лишь одну фазу глагольного действия (некую срединную) с устранением начальной и конечной координат действия: [+ЦЕЛ] > [-ЦЕЛ] (читается как: целостное действие является концептуально более сложной величиной, чем нецелостное действие). Эта категориальная семантическая характеристика форм СВ и НСВ лежит в основе любого видового противопоставления, т. е. является общей для всех типов видовых парадигм.

На фонеморфологическом уровне выделяются по формальным основаниям следующие типы видовых парадигм: парадигмы перфективации, парадигмы имперфективации (первичной и вторичной) и синкретические видовые парадигмы. В парадигмах перфективации типа *писать* – *написать* производный (мотивированный) перфективный член видовой парадигмы с приставкой как маркером СВ имеет больше морфологического материала, чем производящий (мотивирующий) имперфективный член, у которого отсутствует приставка: СВ > НСВ (читается как: формы СВ являются в фонеморфологическом отношении более сложными, чем соответствующие им формы НСВ).

В парадигмах первичной имперфективации типа *дати — даяти / давати* и в парадигмах вторичной имперфективации типа *отъдати — отъдаяти / отъдавати* производный имперфективный член, содержащий в своем составе суффиксы имперфективации *-я-* и *-ва-*, является более сложным, чем соответствующий перфективный член, у которого отсутствуют суффиксы имперфективации: НСВ > СВ (читается как: формы НСВ являются в фономорфологическом отношении более сложными, чем соответствующие им формы СВ). В синкретических видовых парадигмах типа *пасти* (СВ) — *пасти* (НСВ) перфективный и имперфективный члены видовых парадигм не отличаются друг от друга в фономорфологическом отношении: СВ = НСВ. (читается как: формы СВ формально совпадают с соответствующими формами НСВ).

На итоговом семиотическом уровне сопоставляются отношения маркированности в видовых парадигмах на морфосемантическом (или концептуальном) и на фономорфологическом (или формальном) уровнях. В парадигмах перфективации типа *писати — написати* обнаруживается тождество (или изоморфизм) отношений маркированности концептуального и формального уровней: семантически более сложный перфективный член оказывается и формально более комплексным. Парадигмы такого типа считаются иконическими. Парадигмы первичной имперфективации типа *дати — даяти / давати* и парадигмы вторичной имперфективации типа *отъдати — отъдаяти / отъдавати* характеризуются, напротив, прямо противоположной направленностью отношений маркированности концептуального и формального уровней. Семантически более простой имперфективный член оказывается здесь формально более сложным по сравнению с соответствующим перфективным членом. Такие парадигмы имеют статус контраиконических видовых парадигм. В синкретических видовых парадигмах типа *пасти* (СВ) — *пасти* (НСВ) отношения маркированности концептуального и формального уровня находятся в противоречии друг с другом: перфективный член таких парадигм является более сложным, чем имперфективный член на концептуальном уровне и тождественным ему по степени сложности на формальном уровне. Синкретические видовые парадигмы именуется неиконическими.

Парадигмы перфективации как иконические структуры являются в когнитивном плане более простыми (т. е. немаркированными) с точки зрения нагрузки языковой способности носителя языка по отношению к более сложным (или маркированным) парадигмам имперфективации (первичной и вторичной) как контраиконическим структурам: и по отношению к синкретическим видовым парадигмам как неиконическим структурам. Они легче усваиваются и перерабатываются в сознании носителя языка, чем контраиконические и неикони-

ческие структуры, которые характеризуются дополнительной нагрузкой при восприятии языка и его порождении. При вербализации концептуальных структур (мыслительных единиц и операций с ними), имеющих форму ментальной репрезентации, говорящий производит отбор грамматических структур по степени их сложности (или маркированности). Предпочтение отдается при этом иконическим грамматическим структурам, которые характеризуются однонаправленностью (или изоморфизмом) отношений маркированности концептуального и формального уровней. Иконические языковые структуры обнаруживают минимальную когнитивную нагрузку языковой способности носителя языка, измеряемую в терминах ментальных усилий и времени обработки информации в мозгу человека. Оптимальность иконических структур объясняется их максимальным соответствием ментальным моделям (или когнитивным образцам). Грамматические структуры с разнонаправленными (т. е. неизоморфными) отношениями маркированности в семантической и формальной репрезентациях характеризуются соответственно дополнительной когнитивной нагрузкой языковой способности носителя языка.

Понятие маркированности, или лингвистической сложности, оканчивается тем самым сопряженным с понятием концептуальной сложности. Анализ концептуальных структур, или когнитивных образцов предполагает в свою очередь обращение к ментальным процессам и лежащим в их основе психологическим и нейробиологическим механизмам обработки информации в мозгу человека.

Принцип изоморфизма маркированности в языке, сформулированный в 60-е годы прошлого столетия Р.О. Якобсоном [см. Jakobson 1971a (1963), 1971b (1965)], является конститутивной характеристикой грамматической системы языка и одним из фундаментальных принципов ее организации. В современной лингвистике используются разные термины для обозначения этого принципа, а именно диаграмный иконизм, диаграмматический иконизм, конструкционный иконизм.

5. Семиотические параметры видовых парадигм: принцип взаимооднозначного соответствия языковой формы и языкового содержания

В зависимости от дистрибуции видовых значений по отдельным составляющим видовых парадигм следует различать парадигмы, структурированные в соответствии с семиотическим принципом взаимодостоверного (однооднозначного) соответствия формы и содержания, и видовые парадигмы, структура которых обнаруживает отклонения от этого принципа. В оптимальных иконических парадигмах перфективации типа *писати* — *написати* видовые значения НСВ и СВ распределяются

между формально разными видовыми формами в строгом соответствии с семиотическим принципом однооднозначного соответствия формы и содержания. Парадигмы этого типа являлись в исторической перспективе инновациями, возникшими на более поздней стадии развития видовой системы русского языка. Старые видовые парадигмы древнерусского языка (синкретические видовые парадигмы и парадигмы первичной и вторичной имперфективации) были структурированы иначе, чем более поздние парадигмы перфективации. В самых старых в видовой системе древнерусского языка синкретических видовых парадигмах типа *насти* (СВ) — *насти* (НСВ) принцип однооднозначного соответствия формы и содержания не соблюдается. Семиотически релевантное формальное противопоставление видовых единиц в таких парадигмах отсутствует: одна и та же языковая форма объединяет в них противопоставленные друг другу разные видовые значения. В старых парадигмах первичной и вторичной имперфективации типа *насти* (СВ и НСВ) — *надати* (НСВ) и *отънасти* (СВ и НСВ) — *отънадати* (НСВ) наблюдается асимметрия в дистрибуции видовых значений, свойственных отдельным составляющим таких парадигм. Формы типа *насти* и *отънасти*, выражающие значения СВ и НСВ, противопоставлены в таких парадигмах формам типа *надати* и *отънадати*, выражающим значение только НСВ. В парадигмах такого типа нет однооднозначного соответствия между формой и содержанием. Имперфективное значение выражается в таких парадигмах дважды, а именно: как посредством отдельных составляющих типа *надати* и *отънадати*, так и при помощи составляющих, объединяющих омонимические формы со значением СВ и НСВ типа *насти* и *отънасти*. Еще более сложный характер имеет асимметрия видовых форм и видовых значений в парадигмах вторичной имперфективации с двумя вариантами вторичного имперфектива типа *написати* (СВ и НСВ) — *написовати* / *написывати* (НСВ). Значение СВ выражается в парадигмах такого типа одной формой типа *написати*, тогда как значение НСВ манифестируется сразу тремя формами типа *написати*, *написовати* и *написывати*.

В процессе устранения видовой недифференцированности, обусловленной грамматикализацией видов, выходит из употребления большой массив двувидовых глаголов типа *насти* (СВ и НСВ) и вместе с ними синкретические парадигмы типа *насти* (СВ) — *насти* (НСВ). Исходные парадигмы первичной и вторичной имперфективации типа *насти* (СВ и НСВ) — *надати* (НСВ) и *отънасти* (СВ и НСВ) — *отънадати* (НСВ) замещаются новыми парадигмами типа *насти* (СВ) — *надати* (НСВ) и *отънасти* (СВ) — *отънадати* (НСВ), в которых противопоставленные видовые формы характеризуются однозначными видовыми значениями. Такие парадигмы находятся теперь в соответствии с принципом

взаимооднозначного соответствия между формой и содержанием. Поскольку однако такие парадигмы являются контраиконическими, то они поэтому считаются неоптимальными. Старые парадигмы вторичной имперфективации с двумя имперфективными членами типа *написати* (СВ и НСВ) — *написовати / написывати* (НСВ), в которых наблюдается комплексная асимметрия в дистрибуции видовых значений, замещаются новыми парадигмами перфективации типа *писати* (НСВ) — *написати* (СВ). Языковые изменения происходят в направлении утраты сложных (т. е. маркированных, или неоптимальных) структур и замене их более простыми (т. е. немаркированными, или оптимальными) структурами.

В иерархии когнитивно мотивированного принципа иконизма и семиотически мотивированного принципа однооднозначного соответствия языковой формы и языкового содержания первый из них является вышестоящим по отношению ко второму. Если иконические языковые структуры всегда одновременно находятся в однооднозначном соответствии к когнитивным (или концептуальным) структурам, то нельзя утверждать обратное, а именно, что структуры, обнаруживающие взаимоднозначное отношение языковой формы и языкового содержания, всегда имплицитно иконический характер языковой формы: парадигмы имперфективации, обнаруживающие взаимоднозначное отношение языковой формы и языкового содержания, являются контраиконическими.

6. Тенденция к оптимальному структурированию видовых парадигм в современном русском языке

Согласно теории естественной грамматики грамматические изменения протекают, как правило, в направлении увеличения удельного веса немаркированных, т. е. оптимальных единиц языковой системы и соответственно в направлении уменьшения доли и, в конечном счете, полному устранению маркированных, т. е. неоптимальных грамматических единиц. Отклонения от прогнозируемой направленности грамматических изменений в этой теории имеют свои основания. Такой подход к анализу преобразований видовой системы русского языка позволяет найти объяснение ведущей роли оптимальных иконических парадигм перфективации в процессе преобразований видовой системы русского глагола. Оптимальные, а потому и преферентные парадигмы перфективации вытесняют конкурирующие с ними неоптимальные контраиконические парадигмы имперфективации а также неоптимальные неиконические синкретические видовые парадигмы.

Удельный вес оптимальных иконических парадигм перфективации в общей системе видовых оппозиций в современном русском языке

ке постоянно увеличивается. В процессе обновления выразительных возможностей русского языка возникают новые приставочные глаголы, параллельные уже существующим приставочным глаголам с десемантизированными приставками, ср. *пролечить* параллельно к *вылечить* и *излечить* [Гловинская 2008: 193–196]. Пополнение состава оптимальных парадигм перфективации происходит и за счет замены неоптимальных контраиконических парадигм вторичной имперфективации типа *приготовить* – *приготовлять* / *приготовливать* оптимальными иконическими парадигмами перфективации типа *готовить* – *готовить* (ср. *готовить*, но не **приготовлять* или **приготовливать* (обед, уроки)). Неоптимальные неиконические синкретические парадигмы типа *блокировать* (НСВ) – *блокировать* (СВ) в современном русском языке все более и более вытесняются конкурирующими с ними оптимальными иконическими парадигмами перфективации типа *блокировать* (НСВ) – *заблокировать* (СВ). Замена неоптимальных контраиконических парадигм вторичной имперфективации и неоптимальных неиконических синкретических видовых парадигм оптимальными иконическими парадигмами перфективации в процессе развития русского языка свидетельствует о действии тенденции к оптимальной организации видовых парадигм в русском языке и знаменует собой поступательное движение в развитии видовой системы русского языка на пути к ее совершенствованию.

Возможности замены неоптимальных парадигм имперфективации и неоптимальных синкретических видовых парадигм параллельно функционирующими оптимальными парадигмами перфективации у глаголов, обнаруживающих такие парадигмы, существенно различные. Парадигмы имперфективации хотя и являются контраиконическими, но вполне отвечают в своем подавляющем большинстве принципу взаимодносзначного соответствия языковой формы и языкового содержания. Исключение составляют относительно редкие структуры с двумя вторичными имперфективами типа *заготовить* – *заготовлять* / *заготовливать*. Иное положение дел в синкретических видовых парадигмах. Такие парадигмы являются неиконическими и одновременно находятся в противоречии с принципом взаимодносзначного соответствия языковой формы и языкового содержания. Разный статус этих двух типов неоптимальных видовых парадигм находит свое отражение в их функционировании в языке.

Парадигмы имперфективации являются в своем подавляющем большинстве стабильными, т. е. резистентными к возможным преобразованиям. По словам Ю. С. Маслова [Маслов 1984: 110], „суффиксальная имперфективация была и остается по сей день главным стержнем всего

морфологического механизма глагольного вида во всех без исключения славянских языках". Парадигмы имперфективации свойственны глаголам с неграмматикализованными приставками типа *принести* – *приносить*. Глаголы этого типа не имеют параллельно функционирующих парадигм перфективации: противопоставление типа *нести* – *принести* не является видовой парой, поскольку приставочный глагол типа *принести* имеет иное значение, чем беспривставочный глагол типа *нести*. Глаголы с грамматикализованными приставками имеют парадигмы перфективации типа *белить* – *побелить* (*потолок*) и, как правило, не обнаруживают парадигм имперфективации, ср. *побелить* – **побеливать*. При такого рода строгом разделении функций между парадигмами имперфективации и перфективации в кодифицированном русском языке зона пересечения этих двух типов парадигм, т. е. параллельного функционирования рассматриваемых типов парадигм не должна быть значительной и во избежание избыточного кодирования видовой информации разными видовыми парадигмами ограничиваться теми случаями, при которых первичный имперфектив типа *есть* в парадигме перфективации типа *есть* – *съесть* и вторичный имперфектив типа *съесть* в парадигме вторичной имперфективации типа *съесть* – *съесть* являются нетождественными по значению. (Глагольная лексема *съесть* обнаруживает значение повторяемости законченных действий, отличающее ее от значения глагольной лексемы *есть*). Анализируя этот вопрос в рамках традиционной концепции видовых троек, А. Зализняк и И. Микаэлян [Зализняк, Микаэлян 2010: 133] отмечают, что случаи полной синонимии первичных имперфективов типа *гибнуть* (НСВ 1) и вторичных имперфективов типа *погибать* (НСВ 2) в биимперфективных тройках типа *погибнуть* – *гибнуть* / *погибать* представляют собой очень редкое явление. В большинстве случаев представлена лишь частичная синонимия первичного имперфектива типа *мазать* и вторичного имперфектива типа *намазывать* в биимперфективных тройках типа *намазать* – *мазать* / *намазывать*. Замена парадигм имперфективации парадигмами перфективации возможна только на узком участке русской видовой системы, а именно в случаях семантического тождества этих двух типов парадигм. Такая замена становится необходимой во избежание избыточности при манифестации видовых отношений в языке. В конкуренции неоптимальных контраиконических парадигм имперфективации типа *оштукатурить* – *оштукатуривать* и оптимальных иконических парадигм перфективации типа *штукатурить* – *оштукатурить* согласно принципу естественного грамматического развития преферентными оказываются последние. Преферентные парадигмы перфективации типа *штукатурить* – *оштукатурить*

вытесняют в языковом употреблении неpreferентные парадигмы имперфективации типа *оштукатурить* — *оштукатуривать*.

Иное положение дел наблюдается в сфере синкретических видовых парадигм. Основной массив старых двувидовых глаголов, репрезентирующих синкретические видовые парадигмы, постепенно выходит из употребления. И это не случайно: ведь такие парадигмы являются неиконическими и к тому же находятся в противоречии с принципом взаимооднозначного соответствия языковой формы и языкового содержания. Формальная дифференциация видовых значений является в русском языке доминирующим свойством структуры видовых парадигм. Синкретические видовые парадигмы не отвечают этому условию. В современном русском языке наблюдается тенденция к устранению маркированных двувидовых глаголов, кодирующих информацию о СВ и НСВ, и к замене их более простыми одновидовыми глаголами. Так, двувидовой глагол *родити* в составе парадигмы первичной имперфективации древнерусского языка *родити* (СВ и НСВ) — *раждати* (НСВ) употребляется в современном русском языке в парадигме *родить* — *рождать* почти исключительно в значении только СВ. Глагол *наследовати* практически утратил свойственное ему в древнерусском языке двувидовое значение и функционирует в современном русском языке как глагол НСВ в парадигме перфективации *наследовати* — *унаследовати*. В современном русском языке осталось сравнительно небольшое число двувидовых глаголов. Двувидовой глагол *крестити* в современном русском языке употребляется как в составе синкретической парадигмы *крестити* (НСВ) — *крестити* (СВ), так и в составе парадигмы перфективации *крестити* (НСВ и СВ) — *окрестити* (СВ). Парадигма перфективации у этого глагола в современном языке уже вытесняет параллельно функционирующую синкретическую видовую парадигму. В древнерусском языке место современной парадигмы перфективации занимала парадигма первичной имперфективации *кръстити* (СВ и НСВ) — *кръщати* (НСВ). Синкретические видовые парадигмы немногих оставшихся в употреблении старорусских двувидовых глаголов типа *крестити* образуют периферию системы видовых парадигм современного русского языка. Такие двувидовые глаголы, репрезентирующие синкретические видовые парадигмы, идут на убыль.

Утрата исконно русских двувидовых глаголов компенсируется однако притоком в русский язык большого количества заимствований из западноевропейских языков. Сначала это были заимствования из французского и немецкого языков, в последнее время основную долю заимствований в глагольной лексике составляют глаголы из английского языка. Процесс включения заимствованных двувидовых глаголов в видовую систему современного русского языка, т. е. разведение таких гла-

голов по стандартным моделям имперфективации и перфективации, происходит в два этапа. На первом этапе от исходных двувидовых глаголов образуются производные одновидовые глаголы НСВ и СВ, ср. *мобилизовать* (СВ и НСВ) — *мобилизовывать* (НСВ), *иллюстрировать* (СВ и НСВ) — *проиллюстрировать* (СВ). На втором этапе развития двувидовые глаголы в исходных парадигмах имперфективации типа *арестовать* (СВ и НСВ) — *арестовывать* (НСВ) и перфективации типа *ремонттировать* (СВ и НСВ) — *отремонтировать* (СВ) утрачивают первоначальное значение двувидовости и становятся одновидовыми глаголами соответственно СВ и НСВ в новых парадигмах имперфективации типа *арестовать* (СВ) — *арестовывать* (НСВ) и перфективации типа *ремонттировать* (НСВ) — *отремонтировать* (СВ).

Двувидовые глаголы иностранного происхождения обнаруживают очень ограниченную возможность образования видовых пар по сравнению с исконно русскими глаголами. Видовые оппозиции исконно русских глаголов могут выражаться как посредством противопоставления суффиксальных маркеров СВ и НСВ (ср. *бросить* — *бросать*), так и при помощи корреляции бесприставочных и приставочных глаголов (ср. *писать* — *написать*). Обе эти возможности представлены и у заимствованных глаголов (ср. *адресовать* — *адресовывать*, *компьютеризировать* — *прокомпьютеризировать*), но они используются здесь значительно реже. Многие двувидовые глаголы иностранного происхождения сочетаются с очень ограниченным числом приставок (ср., напр., *конфисковать* с приставочными дериватами *проконфисковать* и *отконфисковать*), другие заимствованные глаголы вовсе не сочетаются с приставками (ср., напр., *секуляризовать*, невозможны приставочные дериваты типа **просекуляризовать* или **отсекуляризовать*). Это обстоятельство существенным образом ограничивает возможности замены неоптимальных синкретических парадигм оптимальными парадигмами перфективации у заимствованных глаголов.

7. Заключение

В древнерусском языке старшего периода засвидетельствованы три типа аспектуальных оппозиций, а именно: старые индоевропейские аспекты (имперфективный (или имперфектный), перфективный (или аористный) и перфектный), старая славянская оппозиция неитеративности / итеративности ([–ИТЕР]) / [+ИТЕР]) и новые славянские виды (оппозиция совершенного вида (СВ) и несовершенного вида (НСВ)). В процессе исторического развития исходная аспектуальная система древнерусского языка претерпевает радикальные изменения. В ней утрачиваются старые индоевропейские аспекты и старая оппозиция ([–ИТЕР]) / [+ИТЕР]), а преобразования в системе видовых парадигм

в русском языке, обусловленные грамматикализацией глагольного вида, существенно меняют облик видовой системы русского глагола. Изменения в структурном оформлении видовых парадигм русского языка рассматриваются в настоящей работе в рамках теории естественной грамматики. Эта теория объясняет исторически засвидетельствованные сдвиги в манифестации аспектуальных парадигм в русском языке и предсказывает общее направление в развитии аспектуальной системы русского языка.

Десемантизация и грамматикализация приставок делает возможным сближение ставших тождественными по значению исходных парадигм первичной и вторичной имперфективации типа *мьстити* (НСВ и СВ) – *мьцати* (НСВ) и *отъмьстити* (СВ и НСВ) – *отъмьцати / отъмьцавати* (НСВ). В процессе контаминации неоптимальных контрафонических парадигм первичной и вторичной имперфективации возникают новые оптимальные иконические парадигмы перфективации типа *мьстити* (НСВ) – *отъмьстити* (СВ). Парадигмы перфективации, в которых каждая из противопоставленных друг другу видовых форм имеет только одно видовое значение, находятся в строгом соответствии с принципом взаимодозначного соответствия языковой формы и языкового содержания. Имперфективы типа *мьцати*, *отъмьцати* и *отъмьцавати*, которые находятся в противоречии с указанным принципом взаимодозначного соответствия формы и содержания, устраняются как избыточные. Аналогичным образом в процессе контаминации исходных парадигм вторичной имперфективации типа *написати* (СВ и НСВ) – *написовати / написывати* (НСВ) с парадигмами неитеративности / итеративности типа *писати / писовати* ([-ИТЕР]) – *писывати* [+ИТЕР]) возникают новые бинарные парадигмы перфективации типа *писати* (НСВ) – *написати* (СВ). При этом выходят из употребления ставшие избыточными имперфективы типа *писовати*, *написовати*, *написывати* и итеративные образования типа *писывати*.

Важным последствием преобразований такого рода явилось включение в орбиту видовых оппозиций простых (бесприставочных) неопредельных глаголов типа *писати*. Система видовых оппозиций охватывала в начальный период развития русского языка только предельные глаголы типа *написати*, которые образовывали парадигмы вторичной имперфективации типа *написати* (СВ и НСВ) – *написовати / написывати* (НСВ). Неопредельные бесприставочные глаголы типа *писати* могли употребляться только в составе парадигм неитеративности / итеративности типа *писати / писовати* ([-ИТЕР]) – *писывати* ([+ИТЕР]). Неопредельные бесприставочные глаголы типа *писати* включаются теперь в систему видовых оппозиций: они образуют вместе с приставочными глаголами типа *написати* парадигмы перфективации типа *писати* (НСВ)

– *написати* (СВ). Эти новые парадигмы перфективации вытесняют старые парадигмы вторичной имперфективации типа *написати* (СВ и НСВ) – *написовати / написывати* (НСВ).

Результатом такой перестройки аспектуальных парадигм является экономная организация видовых парадигм, сопровождаемая оптимизацией словарного состава русского языка. Место старых неоптимальных контраконических парадигм имперфективации занимают теперь у глаголов с грамматикализованными приставками новые оптимальные иконические парадигмы перфективации. В современном русском языке наблюдается повышенная активность парадигм перфективации. Быстро растет общее число приставочных глаголов и заметно увеличивается количество приставочных новообразований с видеообразующими приставками, которые конкурируют со старыми грамматикализованными приставками. Парадигмы перфективации замещают на определенных участках видовой системы парадигмы имперфективации и синкретические видовые парадигмы. Все это свидетельствует о том, что перфективация все больше и больше становится активным средством видеообразования.

Прогнозируемая теорией естественной грамматики замена неоптимальных неиконических синкретических парадигм оптимальными парадигмами перфективации часто наталкивается, однако, на трудности формального характера, поскольку многие из широко употребительных глаголов иностранного происхождения просто не образуют приставочных дериватов. Именно это обстоятельство существенно ограничивает экспансию видовых парадигм перфективации в зону синкретических видовых парадигм. Ограничения подобного характера, как представляется, объясняют довольно распространенное мнение о продуктивности класса двувидовых глаголов в современном русском языке [ср., напр., Гловинская 2008: 188].

Сдвиги в грамматической системе видовых парадигм в направлении языковой экономии сопровождаются оптимизацией словарного состава русского языка. В процессе преобразования видовых парадигм, обусловленных грамматикализацией глагольного вида, выходят из употребления когда-то широко распространенные итеративы типа *бирать* (дериват от глагола *брать*), *искивать* (от *искать*), *кашивать* (от *косить*), *кучивать* (от *кутить*), *лавливать* (от *ловить*), *прятивать* (от *прятать*), *служивать* (от *служить*), *танцовывать* (от *танцевать*), *тапливать* (от *топить*), *храмывать* (от *хромать*), *храпывать* (от *храпеть*) и многие другие. Показателен тот факт, что видные русские грамматисты XIX в. А. Х. Востоков, Г. П. Павский, К. С. Аксаков и Н. П. Некрасов приписывали итеративам статус третьего (многократного) вида [Виноградов 1972: 382–386]. В современном русском языке представлены только реликты этого

когда-то сверхпродуктивного класса в виде итеративного (многократного, или фреквентативного) способа действия [см. Зализняк и Шмелев 2000: 121–122]. Итеративные образования, относящиеся к периферии аспектуальной системы современного русского языка, вытесняются из кодифицированного русского языка в сферу разговорно-бытовой речи и просторечия. В художественной литературе итеративы используются преимущественно в качестве средства архаизации языка. Итеративность перестает существовать как отдельная самостоятельная категория. Формальной манифестацией как итеративности, так и неитеративности становятся маркеры НСВ, противопоставленные маркерам СВ в рамках видовой оппозиции. Экспансия вида на всю глагольную лексику делает противопоставление неитеративности / итеративности избыточным. Вместе с итеративами русский язык утратил имперфективы типа *писовати* и большой разряд вторичных имперфективов типа *написовати*, *написывати*. Эти дериваты дублируют значение исходных бесприваочных глаголов типа *писати* и являются потому излишними.

Библиография

- В и н о г р а д о в В. В. 1972. *Русский язык (грамматическое учение о слове)*, Москва: Высшая школа.
- Г л о в и н с к а я М. Я. 2008. *Активные процессы в грамматике*, [в:] *Современный русский язык: активные процессы на рубеже XX–XXI веков*, Москва: Языки славянских культур, с. 187–267.
- З а л и з н я к А. А., М и к а э л я н И. Л. 2010. *О месте видовых троек в аспектуальной системе русского языка*, [в:] *Труды международной конференции „Диалог 2010“*, Москва: Изд-во МГУ, с. 130–136.
- З а л и з н я к А. А., Ш м е л е в А. Д. 2000. *Введение в русскую аспектологию*, Москва: Языки русской культуры.
- К л и м о н о в В. Д. 2011. *Утрата морфологических маркеров итеративности в русском языке*, [в:] *Категории на глаголската множественост во словенските и во несловенските јазици (синхронија и дијахронија) / Категории глагольной множественности в славянских и неславянских языках (синхрония и диахрония)*. Ред. Л. Спасов, И. Пановска-Димкова, Скопје, с. 11–28.
- К у з н е ц о в П. С. 1953. *К вопросу о генезисе видо-временных отношений древнерусского языка*, [в:] *Труды института языкознания АН СССР*, т. II, Москва: Академия Наук СССР, с. 220–252.
- М а с л о в Ю. С. 1984. *Возникновение категории совершенного / несовершенного вида*, [в:] *Его же, Очерки по аспектологии*, Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, с. 102–110.
- С и л и н а В. Б. 1982. *История категории глагольного вида*, [в:] *Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол*, Москва: Наука, с. 158–279.

- Dressler W. U. 2003. *Naturalness and Morphological Change*, [in:] *The Handbook of Historical Linguistics*, ed. by B. D. Joseph & R. D. Janda, Malden: Blackwell Publishing, p. 461–471.
- Dressler W. U., Mayerthaler W., Panagl O., Wurzel W. U. 1987. *Leitmotivs in Natural Morphology*, Amsterdam / Philadelphia: John Benjamin Publishing Company, ("Studies in Language: Companion Series", 10).
- Jakobson R. 1971a (1963). *Implication of Language Universals for Linguistics*, [in:] Idem, *Selected Writings*, Vol. II, The Hague and Paris, p. 580–592.
- Jakobson R. 1971b (1965). *Quest for the Essence of Language*, [in:] Idem, *Selected Writings*, Vol. II, The Hague and Paris, p. 345–359.
- Klimonow W. 2004. *Die Verdrängung der alten indoeuropäischen durch die neuen slavischen Aspekte im Russischen*, [in:] *Beiträge zu Sprache & Sprachen 5: Vorträge der 11. Jahrestagung der GESUS in Bratislava*, ed. by L. Adamcová, München: Lincom Europa, p. 193–204 („Edition Linguistik“, 49).
- Vennemann Th. 1988. *Preference Laws for Syllable Structure and the Explanation of Sound Change*, Berlin–New York–Amsterdam 1988.
- Wurzel W. U. 1984. *Flexionsmorphologie und Natürlichkeit*, Berlin: Akademie-Verlag, („Studia Grammatica“, Bd. XXI).
- Wurzel W. U. 1994. *Grammatisch initiiertes Wandel*, [in:] *Bochum-Essener Beiträge zur Sprachwandelforschung*, Bd. XXIII, Bochum 1994.
- Wurzel W. U. 1998. *On Markedness*, "Theoretical Linguistics", Vol. 24, Issue 1, p. 53–71.
- Wurzel W. U. 2001. *Ökonomie*, [in:] *Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft (HSK)*, Bd. 20.1, Berlin–New York: Walter de Gruyter, p. 384–400.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ЕЖИ КАЛИШАНА
И ЕГО ВКЛАД В РАЗВИТИЕ ПОЛЬСКОЙ РУСИСТИКИ
(НА МАТЕРИАЛЕ МОНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ УЧЕНОГО)

LINGUISTIC PHILOSOPHY OF JERZY KALISZAN
AND HIS CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT
OF RUSSIAN STUDIES IN POLAND
(BASED ON THE MONOGRAPHIC RESEARCH OF THE SCHOLAR)

TETIANA KOSMEDA

ABSTRACT. The article sets out to analyze Jerzy Kaliszan's linguistic philosophy focused on the field of word-formation and based on the triple unity of philosophy of the language (semantics, syntax and pragmatics), systemic character and functionalism. Intertextuality of the academic speech of the scholar is influenced by classical Slavonic linguistic conceptions, leading representatives of linguistics of the second part of the 20th century, as well as key theoretical investigations of the late 20th – early 21 centuries. The idiolect of the scholar is marked with brevity, laconism, condensed content, well-structured text, depth and expressiveness, persuasive argumentation, breadth of the material used, refined stylistics, scholarly courage, topicality of the problems discussed, prognostic insights.

Keywords: intertextuality, scholarly idiosyle, systemic character, philosophy of the language, functionalism

Tetiana Kosmeda, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Poznań – Polska, tkosmeda@gmail.com

Ежи Калишан – известный польский русист, чье научное творчество последовательно спроектировано на развитие русской дериватологии с учетом ее многоаспектности: это историческое и синхронное словообразование, словообразование в аспекте лексикологии и грамматики, проблемы словообразования и формообразования, сопоставительное словообразование с актуализацией, кроме русского, еще и польского языка. Рассматриваются системные связи в аспекте морфемики – синонимия, омонимия, полисемия морфем, процесс заимствования и адаптации иноязычных морфем и под. Указанная проблематика отражена в пяти фундаментальных монографиях ученого [Kaliszan 1980, 1986, 1997, 2000, 2005] и одном словаре [Kaliszan 2015].

Уникальность исследовательского стиля Ежи Калишана — краткость (все монографии небольшие по объему — от 80 до 150 страниц: от 5 до 8 печатных листов) и емкость, конденсация содержания, поражающая четкость структурирования научных работ большого жанра, скрупулезность, глубина и выразительность изложения, последовательная и убедительная аргументация, кропотливая работа над терминологией, широта исследовательского материала, строгая научная методика, изысканная стилистика, научная смелость и актуальность проблематики научных разысканий, не исчезающая со временем (после выхода первой монографии прошло около 40 лет), а еще — прогностическая прозорливость и стремление максимально всесторонне представить проблему, обязательно выразив личное отношение к ней, что подтверждается большим количеством комментариев, представленных, в частности, и в примечаниях, например, лишь в своей первой монографии (1980) ученый оформил 195 примечаний. Кроме того, практически каждая монография заканчивается перечнем исследуемых единиц, списком анализируемых слов.

Перечисленные черты позволяют отнести научное наследие Ежи Калишана к классическому, а самого автора причислить к корифеям, классикам польской русистики.

Особое внимание обратим и на научную интертекстуальность автора, его „научный вкус“, умение предвидеть особенности развития лингвистической мысли, ибо лингвистическое мировоззрение исследователя формировалось и развивалось на основании изучения работ классиков славянского языкознания (И. Бодуэн де Куртенэ, В. А. Богородицкий, Л. А. Булаховский, В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, А. А. Потбня, А. И. Смирницкий, Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов, Л. В. Щерба) и современных ему славистов (Ю. Ю. Авилиани, А. А. Брагина, В. Н. Виноградова, М. Докулил, А. Едличка, Е. П. Жуков, А. Ф. Журавлев, А. В. Исаченко, В. А. Ицкович, Л. А. Капанадзе, О. А. Крылова, К. А. Левковская, В. И. Максимов, Л. А. Новиков, И. М. Полякова, З. А. Потиха, Й. Рожичка, Н. А. Янко-Триницкая и др.), труды многих из которых лишь со временем приобрели чрезвычайно высокий авторитет в славянском языкознании (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, О. С. Ахманова, В. В. Бабайцева, А. В. Бондарко, В. Г. Гак, А. А. Зализняк, Е. А. Земская, А. А. Колесников, Л. П. Крысин, Е. С. Кубрякова, В. В. Лопатин, Ю. С. Маслов, И. Г. Милославский, В. А. Плунгян, И. Ф. Протченко, В. М. Солнцев, Ю. С. Степанов, В. Н. Телия, А. Н. Тихонов, И. С. Улуханов, Н. М. Шанский, Д. Н. Шмелев): Ежи Калишан сумел предугадать их значительную роль для развития науки о языке, поэтому популяризация идей названных ученых в польской русистике — также большая заслуга автора, ибо он привлекал внимание молодых

исследователей к ключевым языковедческим работам конкретной эпохи в лингвистике. Вместе с тем заслугой исследователя является и то, что он знакомил русистов славянского мира с актуальными работами польских ученых (А. Бартошевич, Д. Буттлер, Р. Гжегорчикова, В. Дорошевски, Л. Писарек, Х. Саткевич, Я. Токарски, Б. Шиманек). Отметим также, что ученый использует концептуальные идеи не только русистов (шире – славистов) России и Польши, о которых речь шла выше, но и известных сегодня славистов Украины, многие из которых уже стали легендой украинского языкознания (Е. Г. Городенская, А. А. Грищенко, М. А. Жовтобрюх, М. А. Карпенко, И. И. Ковалик, А. В. Мамрак, Л. Ф. Омельченко, В. М. Русановский, Т. А. Тулина, Г. П. Цыганенко, Т. К. Черторижская).

Внимание ученого привлекали малоисследованные проблемы, в частности его первая монография (1980) посвящена комплексному анализу интернациональных препозитивных морфем греко-латинского происхождения в современном русском и польском словообразовании. Данное исследование, как представляется, и сегодня остается одним из немногих работ в русистике, посвященных анализу заимствованных приставок греческого и латинского происхождения. Ученый предвидел их словообразовательный потенциал, в частности Ежи Калишан сумел предугадать „большое будущее” приставки *супер-*, ср.:

Однако, несмотря на конкуренцию со стороны префикса *сверх-*, образования с префиксом *супер-* встречаются в русском языке все чаще и чаще. В связи с этим, не без значения остается влияние на русский язык некоторых западноевропейских языков, где аналогичные структуры весьма распространены и частотны [Kaliszan 1980: 38].

Названная приставка сегодня превратилась в самостоятельную лексему и получила широкую активность функционирования, продолжая развивать свою полисемию. Сказанное касается и приставок *экстра-*, *анти-*, *псевдо-*, *ультра-*, *сюр-* и др. Представить такую лингвистическую перспекцию ученому удалось, несмотря на то, что в то время среди лингвистов бытовали противоречивые мнения по этому вопросу: одни считали рассматриваемые приставки продуктивными, другие малопродуктивными, а третьи – вовсе непродуктивными.

Уже в оглавлении со свойственной исследователю скрупулезностью, научной аккуратностью и четкостью эксплицитно представлен перечень поставленных задач – описать морфемный статус исследуемых словообразовательных компонентов, специфику их структурно-функциональных особенностей и семантики. Здесь рассмотрены префиксы, выражающие значение противоположности (*а-*, *анти-*, *де-*, *дис-*, *контр-*), интенсивности (*архи-*, *супер-*, *гипер-*, *ультра-*, *экстра-*, *сюр-*), ложности (*псевдо-*, *квази-*, *пара-*), уменьшительности (*микро-*, *мини-*), имею-

щие пространственное и/или временное значение (*интер-, транс-, суб-, пре-, пост-*), а также семантически изолированные приставки (*вице-, экс-, ко-, пан-, ре-, суб-*). Ученый поставил конкретную цель —

проследить [...] сходства и различия в активности названных препозитивных интернациональных морфем и в характере их системных связей в современном русском и польском языках, а также определить роль и место этих морфем как единиц словообразовательного уровня в русском и польском словопроизводстве [там же: 4].

Кроме того, представить сопоставительное изучение тех черт и явлений, которые явились непосредственным результатом активизации указанных иноязычных элементов в системе русского и польского языков. И этой цели ученый успешно достиг, решив ее на значительном в количественном отношении материале.

Подчеркнем, что актуализация элементов метода статистического анализа — характерная черта лингвиста. В частности, в анализируемой монографии языковед привлек к анализу 2011 русских и 2345 польских дериватов, среди которых, соответственно, 1397 и 1490 — имена существительные, 553 и 731 — имена прилагательные, 47 и 81 — глаголы, 14 и 43 — наречия, что дает возможность увидеть частеречную регулярность анализируемых структурных единиц, специфику из валентности.

Проведенный анализ позволил сделать ученому важные для науки выводы о деривационных возможностях префиксов греческого и латинского происхождения, характерных тенденциях использования указанных морфем в русском и польском словообразовании, в частности и о том, что

определенное сходство в функционировании проанализированных иноязычных препозитивных морфем в словообразовательных системах русского и польского языков наблюдается в области стилистической дистрибуции этих морфем. Так, например, морфемы *a-, de-, интер-, ко-, пре-, ре-* присоединяются в обоих языках почти исключительно к словам, заимствованным из классических языков, явно избегая сочетаемости с исконными русскими или польскими словами [там же: 69];

при этом „имеются такие иноязычные препозитивные морфемы, которые и в русском, и в польском словообразовании могут свободно сочетаться со словами различного стилистического характера, не предъявляя одновременно никаких особых требований к семантике этих слов” [там же: 70]; кроме этого,

в русском и польском языках на наших глазах происходит процесс освоения новых словообразовательных типов, например, *мини* + существительное, *микро* + существительное (вне терминологии), а также процесс активизации

словообразовательных типов, имеющих как в русском, так и в польском словообразовании уже определенные традиции. Так, например, судя по лексикографическим данным, заметно расширяется круг русских и польских образований с префиксами *анти-*, *псевдо-*, *де-*, *супер-*, *ре-* и некот. др. Все более активным становится также префикс *транс-* как средство пространственной характеристики [там же].

Отмечены исследователем и определенные расхождения, касающиеся „продуктивности отдельных морфем на русской и польской почве“, а также своеобразие словообразовательной конкуренции исконных и иноязычных префиксов.

Важными являются наблюдения автора, спроецированные на проблему агглютинативного построения слова, что отражает яркую тенденцию в сфере интернациональной префиксации. В этом случае исследователь также прогностично увидел одно из продуктивных явлений словопроизводства, имеющее место в современных славянских языках, специфически сегодня проявляющееся в моделировании текстовой прагматики и эстетики (ср. слитное написание фраз в текстах, характерных для постмодернизма), не нашедшее, однако, должного осмысления в современном языкознании.

Как представляется, некоторые теоретические положения, представленные в монографии *Интернациональные препозитивные морфемы греко-латинского происхождения в современном русском и польском словообразовании*, в полной мере еще не актуализированы, в частности, в проекции на проблематику лингвистической аксиологии, лингвоэмоциологии, терминологии, ибо ценными являются наблюдения исследователя, касающиеся роли в языке префиксов *псевдо-*, *квази-* и *пара-* со значением ложности (мнимости, неистинности, фиктивности, иллюзорности), ибо образования, структурными компонентами которых являются перечисленные морфемы, продуктивны в современной публицистике, которая сегодня наиболее последовательно отражает основные тенденции развития славянских языков. Эти препозитивные структурные единицы слова влияют на моделирование отрицательных смыслов, им свойствен высокий уровень экспрессивно-эмоциональной окрашенности.

Широко представлены образования с названными префиксами в пределах терминологической лексики, в частности в общественно-политической, химической, физической, медицинской и геологической терминологии, что, безусловно, связано с тенденцией к интернационализации терминологических подсистем отдельных языков в условиях глобализации.

Не менее актуальной проблеме современного языкознания посвящена и следующая монография Е. Калишана — *Семантико-конденсацион-*

ная универбация составных наименований в современном русском языке [Kaliszan 1986], поскольку сегодня не исчез интерес „к комплексу явлений, связанных с упрощением формальной структуры многословных наименований субстантивного значения, функционирующих на правах единиц лексического уровня, и с превращением их в референциально тождественные однословные знаки” [там же: 3], отраженный в свете известного в языкознании закона универбации и семантической конденсации.

Собственно, как предвидел Е. Калишан, термины „универбация” и „семантическая конденсация” стали наиболее распространенными в современной славистике обозначениями процессов трансформации аналитических наименований в семантически эквивалентные им цельноформленные единицы [там же: 4].

В этой монографии исследователь снова попытался описать явление, глобального исследования которого в языкознании в то время не существовало. Автор поставил важную для теории словообразования цель — классифицировать и описать факты „семантико-конденсационной универбации аналитических наименований субстантивной семантики в современном русском языке” [там же]. В свойственной для автора манере он традиционно на широком языковом материале (картотека составляет свыше 1800 универбатов-конденсатов) проанализировал и описал типичные для русского языка универбационно-конденсационные операции, структурно-семантические отношения, возникающие между универбатами-конденсатами и соответствующими составными наименованиями, определил типы „свертываемых” значений, выделив наиболее заметные в количественном отношении семантические группы однословных наименований, а также представил емкую, но при этом краткую характеристику системы стилистических средств этого рода единиц.

Обратил внимание исследователь и на проблему „соотношения универбатов-конденсатов как единиц трансноминативного типа и формально совпадающих с ними производных единиц, обладающих первичной номинативной функцией” [там же: 5]. Он поднял проблему идиоматичности лексического значения. И в этом случае иллюстрируется характерный для ученого комплексный подход к исследуемому вопросу.

Кроме этого, в монографических исследованиях Ежи Калишана отражается такой современный принцип научных разысканий, как междисциплинарность, поскольку ученый справедливо и прозорливо подчеркивает важность психолингвистического подхода к изучению проблем словообразования. Он считает, что принцип экономии языковых средств базируется на психологических факторах, прежде всего

на факторе саморегуляции количества морфем и слогов в пределах, оптимальных для оперативной памяти человека, ибо

емкость оперативной памяти накладывает известные ограничения как на количество морфем в слове или эквивалентной ему составной единице, т. е. на его глубину, так и на количество слогов в нем, т. е. на его длину. В результате сложных лингвopsихологических экспериментов, опирающихся на гипотезу глубины В. Ингве, касающуюся уровня предложений и перенесенную затем В. А. Московичем на уровень слова, было обнаружено, что наибольшее количество слов русского языка заключено в интервале от 2 до 5 морфем и от 2 до 5 слогов, из чего был сделан вывод, что эти параметры определяют оптимальную для оперативной памяти глубину и длину лексических единиц. Процессы свертывания и укорачивания расчлененных единиц номинации определяют движение лексического состава русского языка, обогащают синонимические ресурсы способов выражения, их стилистическое разнообразие [там же: 85].

Вывод ученого однозначен: универбы моделируют „напряженность“ семантики.

Третья монография Ежи Калишана посвящена одному из сложнейших вопросов языкознания — омонимии [Kaliszan 1997]. Исследователь рассматривает спорные вопросы квалификации омонимии производных слов, сравнивая их с так называемой словообразовательной омонимией, представляет типологию омонимии производных слов с учетом субстантивных, адъективных и глагольных типов омонимии.

Авторское внимание привлекают многочисленные и разнообразные факты одноименности лексем, которые имплицитно порождаются структурными возможностями языковой системы — это „явления производной лексической омонимии, т. е. омонимии, обуславливаемой словообразовательной системой русского языка, его живыми и продуктивными приемами морфологического словопроизводства“ [там же: 127].

Ученый приходит к однозначному выводу о том, что системное ядро „русской производной омонимии составляет омонимия однокоренных слов“, „прослеживается исключительно важная роль глагола как части речи с его широко развитыми возможностями префиксального словопроизводства“, ибо

именно префиксальные глаголы являются организационным центром, структурным фундаментом, не только глагольной омонимии, чего естественно и ожидать, но и субстантивной (отглагольной) омонимии, в частности отраженной омонимии, которую, судя по исключительному богатству ее реальных примеров, можно считать самой продуктивной и наиболее открытой областью современного русского омообразования [там же: 128–129].

Ученый снова приходит к глобальному выводу о том, что

словообразование является богатейшим и наиболее эффективным источником русской лексической омонимии и что производная омонимия как явление живое, активно развивающееся, во много раз превышает возможности „классической“, непроизводной омонимии – как гетерогенной (этимологической), так и омогенной (семантической, представляющей результат автономизации значений многозначных слов) [там же: 129].

Логическим итогом работы автора над проблемой омонимии является его *Словарь омографов русского языка производных слов в русском языке* [см. Kaliszan 2015], который представляет собой первую в русистике попытку „продолжения и исчерпывающего расширения составленного О. А. Ахмановой [...] инвентаря словарных омографических форм, приложенного к ее *Словарю омонимов русского языка* (Москва 1974) и включившего всего лишь около 150 словесных объединений” [там же: 17]. В этом словаре исследователь описал 546 гнезд, включающих 697 пар омографов.

Со свойственной ему скрупулезностью во вводных статьях к словарю *О русских омографах и Источники, состав и структура словаря* Ежи Калишан представил авторскую концепцию, согласно которой этот словарь является гнездовым параметрическим (разработана специальная система стилистических помет) словарем, в котором

гнезда делятся на элементарные, содержащие одну пару омографов, и неэлементарные, включающие от двух до девяти пар омографов. Неэлементарные гнезда состоят минимум из трех и максимум из семи заглавных слов. В них омографически противопоставлены либо одно слово двум или более словам, образующим омонимический ряд, либо слова одного омонимического ряда словам другого омонимического ряда. Члены омонимических словесных рядов занумерованы римскими цифрами. В омографические отношения, отраженные в словаре, входят слова 9 грамматических классов: существительные, прилагательные, глаголы, наречия, предикативы, союзы, предлоги, частицы, междометия, а также – как особый грамматический класс – вводные слова [там же: 18–19].

Как видим, ученый избрал для классификационной грамматической характеристики синкретичный подход, поскольку учел частеречную принадлежность слов, фрагментарно отраженную в академических грамматиках русского языка (разграничивает наречия и предикативы) и в классификациях некоторых ученых, в частности В. В. Виноградова, выделявшего вводные слова как самостоятельный лексико-грамматический класс слов.

Этот словарь является значительным вкладом в развитие теории и практики современной лексикографии. Он имеет большое приклад-

ное значение, ибо важен для практики преподавания русского языка, в том числе и как иностранного.

Однако словарь требует некоторого усовершенствования, поскольку лексический состав русского языка подвергается динамике и в нем активно наблюдаются лексико-семантические процессы, развивающие новые значения (полисемия), влияющие и на изменение омонимии, в частности это касается репрезентации лексемы *баба*, где наблюдаем изменение семантики и стилистической нагрузки отдельных значений; не совсем точно представлена и лексема *вечерница*, поскольку не учтена форма *pluralia tantum* — *вечерницы*, — проникшая в русский язык под влиянием языка украинского. К тому же не совсем оправданным представляется отражение в этом словаре слов диалектных, региональных, не входящих в систему русского литературного языка. Примером этого является одно из омонимичных значений слова *вечерница* — ‘вечеринка деревенской молодежи’.

В монографии *Synonimia słowotwórczą rzeczowników w języku polskim i rosyjskim (na materiale nazw osób, czynności i cech abstrakcyjnych)* [Kaliszan 2000] последовательно актуализирован сравнительно-сопоставительный исследовательский метод: научное разыскание посвящено анализу явлений словообразовательной синонимии в сфере польской и русской субстантивной деривации. Автор рассматривает словообразовательную синонимиию как разновидность лексической синонимии, „дополнение” к „классической” лексической синонимии; предложена типология продуктивных разновидностей этого рода лексической синонимии; выделена система моделей словообразовательной синонимии, имеющая место в продуктивном классе слов, служащих для номинации лиц, действий и абстрактных признаков.

Ученый тщательно выделяет сходства и различия между фактами сопоставляемых языков, что выражается в способах реализации и степени распространения явлений субстантивной словообразовательной синонимии и рассуждает о конкуренции синонимичных словообразовательных типов.

Чрезвычайно важной представляется последняя монография Ежи Калишана, посвященная проблемам словообразования (лексическая морфология) и формообразования (грамматическая морфология) в русском языке: здесь рассматриваются векторы их взаимодействия, параллелизм (изоморфизм) [Kaliszan 2005].

Взаимосвязь, взаимодействие и взаимообусловленность словообразования и формообразования наблюдаются с точки зрения: (1) динамики и характера словообразовательных процессов, соотношения отдельных словопроизводственных типов и способов, выбора и продуктивности деривационных средств, что зависят от категориально-грамматиче-

ских свойств базовых (производящих) слов и (2) внутреннего динамизма грамматической системы, обусловленной действием словообразовательных процессов, выражаемых в качественном формировании и количественном наполнении отдельных ее категорий. Исследователь образно, используя яркие метафоры, отмечает, что „морфологическая система русского языка является ареной сложного пересечения, взаимопроникновения и взаимодействия фактов словообразования и формообразования” [там же: 71].

Как представляется, данное разыскание имеет выход в теорию гендерной лингвистики, поскольку ученый подробно рассматривает родообразующие морфемы – так называемые „мужские суффиксы”, при помощи которых образуются существительные мужского рода [там же: 35] (репертуар мужских суффиксов составляют в частности такие форманты, как: *-щик, -ник, -ик, -ист, -ец, -атор, -ак, -ач, -аж, -изм*), а также суффиксы со значением женскости, при помощи которых образуются феминитивы [там же: 36].

Завершая эту монографию, лингвист с оптимизмом подчеркивает, что

особенно крепко спаяны друг с другом словообразование и лексика, обнаруживающие исключительное богатство и разнообразие взаимосвязанных и взаимообусловленных явлений. Эти явления изучены недостаточно и с нетерпением ждут своего исчерпывающего и систематизированного описания [там же: 71].

Таким образом, Ежи Калишан уточняет и развивает теоретические положения лингвистики, свидетельствующие о том, что динамика лексического состава языка заключается в непосредственной реакции на изменение действительности, поэтому наблюдается систематическое совершенствование процессов номинации за счет модификации системы традиционных механизмов и моделей.

Исследователь прослеживает и описывает актуальные тенденции совершенствования и рационализации языка как сложного инструмента человеческого общения, прежде всего обращая внимание на тенденции, мотивированные процессами, направленными на (1) нейтрализацию противоречия между интерпретационно-описательным характером наименования и его знаковой функцией, (2) выработку формально-лексического единообразия, (3) стандартизацию словарных единиц, (4) регулярность внутриязыковых отношений, в частности семантико-парадигматическую и формально-лексическую регулярность, (5) выравнивание по аналогии, (5) замену согласования по форме согласованием по смыслу, (6) семантическую конденсацию, (7) рост агглютинативности, аналитизма, (8) языковую интернационализацию, (9) экономию средств, направленную на реализацию структурной компрессии

текста, уменьшение длины потенциальных высказываний до определенной оптимальной величины, (10) стабилизацию отдельных языковых единиц и системы языка в целом.

Анализ монографических исследований Ежи Калишана свидетельствует о том, что ученый последовательно опирался на основные положения философии языка, базирующейся на триединстве семантики, синтактики и прагматики, целиком исповедуя системность и функционализм, последовательно проектируя эту методологию на современную дериватологию.

Для исследователя характерны такие важные черты ученого, как ощущение ответственности перед наукой и обществом, дисциплинированность мысли, бескомпромиссное отношение к поверхностным и априорным схемам, теоретический пафос, в каждом конкретном случае по-новому окрашивающий замысел. Высокий научный уровень его научных разысканий достигается ценой огромных усилий и высокой требовательностью к себе.

Ежи Калишан — яркая творческая индивидуальность, высококультурная и эрудированная личность; автор работ, которые стали неотъемлемой частью классического фонда польской русистики; ценным источником для постижения сущности языка как системы, естественного организма, способного к самоорганизации, языка как деятельности.

Библиография

- K a l i s z a n J. 1980. *Интернациональные препозитивные морфемы греко-латинского происхождения в современном русском и польском словообразовании*, Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM.
- K a l i s z a n J. 1986. *Семантико-конденсационная универбация составных наименований в современном русском языке*, Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM.
- K a l i s z a n J. 1997. *Омонимия производных слов в русском языке*, Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM.
- K a l i s z a n J. 2000. *Synonimia słowotwórczą rzeczowników w języku polskim i rosyjskim (na materiale nazw osób, czynności i cech abstrakcyjnych)*, Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM.
- K a l i s z a n J. 2005. *Словообразование и морфемика в русском языке*, Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM.
- K a l i s z a n J. 2015. *Словарь омографов русского языка производных слов в русском языке*, Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM.

ZŁOŻENIA W ROSYJSKIM SLANGU MŁODZIEŻOWYM

COMPOUNDS IN RUSSIAN YOUTH SLANG

KATARZYNA KUBECKA

ABSTRACT. The article is devoted to compounds in Russian youth slang. The author proves that young people treat compounds as a basis for creative modifications and play with words by combining various parts of speech, different styles, languages in one in order to create humorous formations.

Keywords: compounds, youth slang, analogy, modifications, hybrid creations, humour, neologisms

Katarzyna Kubecka, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Poznań
– Polska, katkub@amu.edu.pl

Wyrazy złożone (złożenia) odgrywają ważną rolę we współczesnym języku rosyjskim. Język rosyjski w znacznie większym stopniu niż pozostałe języki słowiańskie charakteryzuje dążność do tworzenia zwartych, skondensowanych formalnie i semantycznie struktur słowotwórczych [Kaliszan 1995: 167]. Bujny rozwój tych formacji językowych widoczny jest w sferze nauki, techniki, kultury. Mowa tu przede wszystkim o złożeniach rzeczownikowych. Formacje te, jako jednolicie ukształtowane jednostki leksykalne, utworzone z dwu lub kilku samodzielnych znaczeniowo komponentów, wyrażają tendencję do ekonomii materiału językowego stanowiącego budulec dla nowych jednostek nominacji.

Złożenia są licznie reprezentowane w słownictwie specjalistycznym: w medycynie (*белокровие* 'białaczką', *водобоязнь* 'wodowstręt', *косоглазие* 'zez', *светобоязнь* 'światłowstręt'), w anatomii (*носоглотка* 'jama nosowo-gardłowa', *пищевод* 'przełyk', *яйцевод* 'jajowód'), w biologii (*видообразование* 'powstawanie gatunków'), w botanice (*белокрыльник* 'czermień błotna', *горюцвет* 'młęk', *корнеплоды* 'rośliny okopowe' (korzenne), *чернобыльник* 'bylica pospolita'), w zoologii (*головозрудь* 'głowotułów', *иглокожие* 'szkarłupnie', *овцебык* 'wół piźmowy'). Wiele przykładów występuje również w nazwach związków chemicznych (*двуокись* 'dwutlenek', *сероуглерод* 'dwusiarczek węgla', *сероводород* 'siarkowodór', *углеводород* 'węglowodór'), w matematyce (*восьмигранник* 'ośmiościan', *двучлен* 'dwumian', *многогранник* 'wielościan'), w rolnictwie (*весновспаика* 'orka wiosenna', *зерносушилка* 'suszarka do ziarn

na', *растениеводство* 'uprawa roślin', *сахаронос* 'roślina cukrowa', *свекловодство* 'uprawa buraków'), w leksyce lotniczej (*вертодром* 'port śmigłowcowy', *вертолет* 'śmigłowiec', *винтокрыл* 'wirolot', *бортопроводник* 'steward'), w terminologii wojennej (*боеголовка* 'głowica bojowa', *бронешашня* 'wieża pancerna', *торпедоносец* 'samolot torpedowy'), sportowej (*водолыжник* 'narciarz wodny', *легковес* 'zapaśnik wagi lekkiej', *двоеборье* 'dwubój', *копье-метатель* 'oszczepnik', *скалолазание* 'wspinaczka górską'). Złożenia występują też w nazwach dziedzin nauki (*землеведение* 'nauka o ziemi', *краеведение* 'krajoznawstwo', *языкознание* 'językoznawstwo'), w nazwach przyrządów technicznych (*ветромер* 'wiatromierz', *дальномер* 'odległosciomierz', *искрогаситель* 'iskrochron', *звукоизлучатель* 'nadajnik dźwięku', *угледробилка* 'kruszarka węgla'), nazwach zawodów: *винодел* 'producent win', *востоковед* 'orientalista', *газорезчик* 'spawacz-przecinacz', *мореплаватель* 'żeglarz, marynarz', *скотовод* 'hodowca bydła', *черноморец* 'marynarz floty czarnomorskiej'), w nazwach przedstawicieli dwunarodowości (*сербохорваты* 'serbochorwaci', *чехословаки* 'czechosłowacy'), i innych nazwach: *водоворот* 'wir wodny', *водоподача* 'dostarczanie wody', *плодоовощи* 'owoce i warzywa', *водопад* 'wodospad', *громоотвод* 'piorunochron', *домостроительство* 'budownictwo mieszkaniowe', *золотодобыча* 'wydobycie złota', *угледобыча* 'wydobycie węgla', *самозащита* 'samoobrona', *ясновидение* 'jasnowidzenie', *снегоочиститель* 'pług śnieżny', *соковыжималка* 'sokowirówka', *чаепитие* 'picie herbaty'.

Jak widać z przytoczonych powyżej przykładów, złożenia rzeczownikowe w języku rosyjskim występują w wielu dziedzinach życia. Ze względu na to, że znajomość problemów naukowych i technicznych coraz bardziej upowszechnia się we współczesnym społeczeństwie rosyjskim, terminy specjalne przenikają do języka ogólnego i stają się zrozumiałe dla przeciętnego użytkownika języka. Czy to słownictwo przenika zatem również do analizowanego przez nas słownictwa młodzieżowego? Czy są to takie same złożenia? Co nazywają? Czy pojawiając się w języku młodzieżowym, nabierają charakterystycznej dla tego socjolektu ekspresji? Czy w analizowanych formacjach językowych pojawiają się zapożyczenia z języków obcych, tak charakterystyczne dla języka młodzieżowego? Źródłem materiału leksykalnego dla naszych badań będzie słownik rosyjskiego slangu młodzieżowego *Молодежный сленг: толковый словарь* T. G Nikitiny [Никитина 2009].

Złożenie jako sposób tworzenia nowych wyrazów w języku rosyjskim jest najbardziej rozpowszechnione wśród rzeczowników i przymiotników. Inne części mowy są wykorzystywane w znacznie mniejszym stopniu.

W języku rosyjskim rozróżniamy trzy zasadnicze sposoby formowania rzeczowników złożonych: 1) czyste złożenia, 2) złożenia z jednoczesną sufiksacją materialną, 3) złożenia z jednoczesną sufiksacją zerową. Są one

oparte bądź na rosyjskich leksemach, bądź na częściach obcego pochodzenia. Przyjrzyjmy się zatem dokładnie każdej z tych kategorii.

Pierwszy z analizowanych wariantów stanowią czyste złożenia. Drugi (ostatni) człon w tych konstrukcjach (w przypadku złożzeń rzeczownikowych) równy jest samodzielnemu wyrazowi – rzeczownikowi, a elementem łączącym jest interfiks [Blicharski 1977: 12]. Należą tu kompozycje składające się z obu członów rzeczownikowych, np. nazwy osób: *головочлен* ‘młody człowiek z ogoloną głową’ (*голова* + *член*), *козлогвардеец* ‘militant’ (*козел* + *гвардеец*), *скотобаза* ‘otyła kobieta’ (*скот* + *база*), pojedyncze leksemy nazywające przedmioty: *мордомойка* ‘umywalka’ (*морда* + *мойка*), pojęcia abstrakcyjne: *жопо-часы* ‘czas spędzony w urzędzie i zaliczony jako dzień pracy’, *слонораздача* ‘wręczenie nagród’ (*слон* + *раздача*), przedmioty nauczania: *головотяпка* ‘trudny przedmiot nauczania’ (*голова* + *тяпка*), dyscypliny sportowe: *ногомяч* ‘piłka nożna’ (*нога* + *мяч*), pojazdy: *цветомузыка* ‘pojazd milicyjny’ (*цвет* + *музыка*). W pierwszym członie może również występować temat przymiotnika. Przytoczmy pojedyncze przykłady: nazwy osób: *бронепоезд* ‘głupi, ocieślały umyslowo człowiek’ (*броневой* + *поезд*), *сухофрукт* ‘osoba powściągliwa’ (*сухой* + *фрукт*), część ciała: *боеголовка* ‘męski organ płciowy’ (*боевой* + *головка*), alkohol: *боекомплект* ‘alkohol’ (*боевой* + *комплект*).

Kolejną grupę stanowią złożenia z jednoczesną sufiksacją materialną. Ze względu na charakter ostatniego członu wyróżniamy następujące podgrupy: 1) rzeczowniki złożone z odczasownikowym tematem w ostatnim członie i sufiksem, 2) rzeczowniki złożone z odrzeczownikowym tematem w ostatnim członie i sufiksem; w pierwszym komponencie mogą występować tutaj tematy rzeczowników, przymiotników, liczebników i zaimków. Najliczniejszą grupę stanowią złożenia z czasownikiem. Służą one przede wszystkim do tworzenia nazw osób wykonujących jakąś czynność, zawodów, pojazdów i przedmiotów oraz nazw miejsc, w których wykonywane są czynności wyrażone w drugim członie złożenia, a skonkretyzowane przez człon pierwszy. Przytoczmy przykłady nazw osób: *кайфоломищик* ‘człowiek, psujący innym dobry nastrój, uczucie zadowolenia, euforii’ (*кайф* ‘zadowolenie, euforia, *nieform. odlot*’ [Hryniewicz-Adamskich 2005: 57] + *ломать* + *-щик*), *понторезка* ‘dziewczyna zachowująca się zuchwale, wyzywająca’ (*понт* + *резать* + *-ка*), *сексопилка* ‘atrakcyjna dziewczyna’ (*секс* + *пилить* + *-ка*), zawodów: *зубочистка* ‘dentystka’ (*зуб* + *чистить* + *-ка*), *сексокосилка* ‘ prostytutka’ (*секс* + *косить* + *-лка*), pojazdów: *огнетушитель* ‘straż pożarna’ (*огонь* + *тушить* + *-тель*), *психовозка* ‘karetka pogotowia ratunkowego przewożąca pacjentów chorych psychicznie’ (*псих* + *возить* + *-ка*), *хмелеуборщик* ‘pojazd izby wytrzeźwień’ (*хмель* + *убирать* + *-щик*), *членовозка* ‘samochód rządowy’ (*член* ‘członek rządu’ + *возить* + *-ка*), *шишковозка* ‘samochód rządowy’ (*шишка* ‘naczelnik, człowiek wpływowy’ + *возить*

+ -ка); przedmiotów: *вшегонялка* 'grzebień' (*вши* + *гонять* + -лка), *трупоулавливатель* 'pas przymocowany powyżej tylnej klapy ciężarówki przewożącej ludzi' (*труп* + *улавливать* + -тель), miejsc: *дуборезка* 'kostnica' (*дуб* 'nieboszczyk, zmarły' + *резать* + -ка), *кишкотряска* 'betonowa droga' (*кишки* + *трясти* + -ка), *кровососка* 'punkt transfuzji krwi' (*кровь* + *сосать* + -ка), *соковыжималка* 'szkoła' (*сок* + *выжимать* + -лка); części ciała: *стаканодержатель* 'ręka' (*стакан* + *держат* + -тель), lekcji: *комполломка* 'informatyka' (*компьютер* + *ломать* + -ка), *мозгонудрилка* 'trudny przedmiot' (*мозг* + *пудрить* + -лка) i inne: *кайфоломка* 'proces przerywania euforii narkotykowej' (*кайф* + *ломать* + -ка), *ксиволомка* 'kontrola dokumentów' (*ксива* 'paszport, dowód tożsamości' [tamże 68] + *ломать* + -ка), *спинномозговик* 'prymitywna gra komputerowa' (*спина* + *мозговать* + -вик).

Znacznie mniej licznie występują złożenia, składające się z tematu zaimka + tematu czasownika + sufiksu: *самоделка* 'samodzielna praca' (*сам* + *делат* + -ка), *самоиграйка* 'elektroniczny instrument z autoakompaniamentem dla amatorów' (*сам* + *играт* + -ка), *самолюбие* 'onanizm' (*сам* + *любит* + -ие). Najmniej liczne okazały się zestawienia z liczebnikiem. Występują tu tylko pojedyncze złożenia: temat liczebnika + temat czasownika + sufiks: nazwy osób: *первопроходец* 'pierwszy partner seksualny dziewczyny' (*первый* + *проходить* + -ец), część ciała: *первопечатник* 'męski organ płciowy' (*первый* + *печатать* + -ник).

Drugą podgrupę tworzą rzeczowniki złożone z odrzeczownikowym tematem w ostatnim członie i sufiksem. W charakterze pierwszego członu występują tematy rzeczowników, przymiotników, liczebników, zaimków, czasowników. W analizowanym materiale możemy wyodrębnić pojedyncze formacje składające się z tematu przymiotnika + temat rzeczownika + sufiksu. Wyróżnimy tu: a) nazwy osób i zawodów: *дальнобойщик* 'kierowca jeżdżący na dalekich trasach lub osoba wyjeżdżająca za granicę w celach zarobkowych' (*дальний* + *бой* + -щик), *дальнобойщица* ' prostytutka świadcząca usługi kierowcom samochodów transportowych, itp., pot. tigrówka' (*дальний* + *бой* + -щица), *плоскодонка* 'dziewczyna z małym biustem' (*плоский* + *дно* + -ка), *черномордик* 'Afroamerykanin' (*черный* + *морда* + -ик), *чужежопник* 'aktywny homoseksualista' (*чужий* + *жоп* + -ик); miejsc: *косоглазия* 'Azja' (*косой* + *глаз* + -ия); alkoholu: *косорыловка* 'wódka' (*косой* + *рыло* + -ка), pojazdów: *дальнобойка* 'ciężarówka, dokonująca międzynarodowych przewozów na dużych odległościach' (*дальний* + *бой* + -ка), *синеглазка* 'pojazd milicyjny' (*синий* + *глаз* + -ка).

Niewielką grupę tworzą konstrukcje składające się z tematu liczebnika (a także członów *мало-*, *много-*, *полу-*) + temat rzeczownika + sufiks: nazwy osób: *однофамильцы* 'rodzice' (*один* + *фамилия* + -цы), *двустволка* 'dziewczyna, kobieta' (*два* + *ствол* + -ка), *одномандатник* 'mężczyzna dochowujący wierności swojej żonie / partnerce' (*один* + *мандат* + -ник). Dwie nazwy

funkcjonują w dwóch znaczeniach, są to: *однодырочник* – to określenie 1) 'mężczyzn, którzy żyją z jedną kobietą, zwłaszcza mąż i kochanek', 2) 'współuczestnicy grupowego gwałtu' (*один* + *дырка* + *-ник*) i *многостаночница* 1) 'kobieta mająca wielu kochanków', 2) ' prostytutka obsługująca jednocześnie wielu klientów' (*много* + *станок* + *-ница*); miejsc: *малолетка* 'zakład poprawczy' (*мало* + *год* + *ка*), *стометровка* 'ulubiona trasa spacerów homoseksualistów' (*сто* + *метр* + *ка*); alkoholi: *первоклассница* 'najtańsza wódka, pojawiła się z sklepach 1 września 1983 r. w trakcie rządów J. Andropowa' (*первый* + *класс* + *-ница*), *стограммешник* 'sto gramów alkoholu' (*сто* + *грамм* + *-шник*).

Ostatnią z analizowanych grup stanowią złożenia z jednoczesną sufiksacją zerową. Są to głównie złożenia z tematem odczasownikowym w ostatnim komponencie, w pierwszym członie mogą występować tematy rzeczowników, przymiotników, liczebników, zaimków, przysłówków, czasowników. Tego typu złożenia są nazwami osób i przedmiotów, charakteryzowanych przez czynności określone w drugiej części złożenia. Wśród przykładów konstrukcji: temat rzeczownika + temat czasownika możemy znaleźć: nazwy osób: *деловар* 'człowiek interesu, spryciarz, cwaniak' (*дело* + *варить*), *глюколов* 'narkoman' (*глюки* 'halucynacje, omamy występujące pod wpływem środków odurzających' + *ловить*), *кайфолом* 'człowiek, który swoim zachowaniem psuje innym odczucie zadowolenia' (*кайф* 'zadowolenie, euforia, *неформ. odlot*' + *ломать*), *крезогон* 'człowiek dziwaczny, nienormalny, chory psychicznie' (*креза* + *гнать*), *кровосос* 'handlarz narkotyków' (*кровь* + *сосать*), *панокур* 'narkoman, który pali haszysz' (*план* + *курить*), *понтовоз* 'człowiek ze zbyt wysoką samooceną' (*понт* + *возить*), *понторез* 'człowiek zachowujący się zuchwale, arogancko' (*понт* + *резать*), *спермогон* 'mężczyzna o ogromnej potencji seksualnej' (*сперма* + *гнать*), *туфтогон* 'oszust' (*туфта* 'oszustwo' + *гнать*), *фуфлогон* 'oszust' (*фуфло* + *гнать*), *хвостонад* 'człowiek, który lubi bawić się na czyjś koszt' (*хвост* + *надать*), *хренодел* 'człowiek, który robi coś złego' (*хрен* + *делать*), *хохмогон* 'człowiek błyskotliwy, żartowniś' (*хохма* 'żart' + *гнать*); nazwy zawodów: *дуборез* 'wykładowca patologoanatomii' (*дуб* + *резать*), *мордодел* 'specjalista od kreowania wizerunku' (*морда* + *делать*), *мордомаз* 'charakteryzator, stylist' (*морда* + *мазать*), *пивовар* 'biznesman odnoszący sukcesy' (*пиво* + *варить*), *психолом* 'lekarz psychiatra lub pielęgniarz, który „poskramia”, uspokaja chorych w szpitalu psychiatrycznym' (*психа* + *помать*), *шмаровоз* 'sutener prostytutki' (*шмара* ' prostytutka' + *возить*); nazwy uczniów / studentów: *куроцун* 'student akademii rolniczej' (*куры* + *цунать*), *птицевод* 'słaby, dwojkowy uczeń' (*птица* + *водить*); nazwy pojazdów, są to określenia karetki pogotowia ratunkowego przewożącej psychicznie chorych pacjentów (4): *крезовоз* (*креза* 'człowiek nienormalny, szalony' + *возить*), *психовоз* (*психо* + *возить*), *чумовоз* (*чума* 'szalony człowiek' + *возить*), *шизовоз* (*шиза*

'człowiek szalony, nienormalny, chory psychicznie, schizofrenik' + *возить*), samochodów dla naczelników (2): *бугровоз* (*бугор* 'kierownik, zwierchnik, człowiek na stanowisku' + *возить*), *шишковоз* (*шишка* 'naczelnik, osoba wpływowa' + *возить*); pojazdów izby wytrzeźwień (2): *скотовоз* (*скот* + *возить*), *цементовоз* (*цемент* 'milicjant' + *возить*); środków transportu publicznego (2): *лоховоз* (*лох* 'prostak' + *возить*), *скотовоз* (*скот* + *возить*); pozostałe nazwy pojazdów reprezentowane są pojedynczymi leksemami: kolej elektryczna: *бичевоз* (*бич* 'bezdomny' + *возить*), wozy policyjne: *мусоровоз* (*мусор* 'milicjant' + *возить*), samochody rządowe: *членовоз* (*член* 'członek rządu' + *возить*); jeep lub inny prestiżowy samochód przewożący członków grup przestępczych i biznesmenów: *труповоз* (*труп* 'człowiek pijany' + *возить*), autobus przewożący fanów: *фановоз* (*фан* + *возить*), pojazd przewożący zmarłych do kostnicy: *жмуровоз* (*жмур* 'nieboszczyk' + *возить*), męskie erotyczne show dla kobiet: *банановоз* (*банан* 'męski organ płciowy' + *возить*). Nazwa pojazdu służącego do przewozu aresztowanych lub więźniów *зековоз* powstała poprzez połączenie skrótu *зек* (*заклученный контингент* 'więźniów, aresztant') i cząstki *-воз*; nazwy przedmiotów, charakteryzujące czynność określoną w pierwszej części złożenia: *блохолов* 'program komputerowy używany do usuwania błędów' (*блоха* 'błąd w programie' + *ловить*), *мордогляд* 'lustro' (*морда* + *глядеть*), *умоотвод* 'czapka z pomponem' (*ум* + *отводить*), *числогрыз* 'kalkulator' (*число* + *грызть*), *мордодуя* 'wentylator w samochodzie' (*морда* + *дуть*), *свинорез* 'duży nóż' (*свинья* + *резать*); nazwy miejsc: *булкотряс* 'dyskoteka' (*булки* 'pośladki' + *трясти*); nazwy narkotyków: *глюкоген* 'substancja narkotyczna wywołująca halucynacje' (*глюк* + *генерить*); nazwy alkoholu: *стенолаз* 'alkohol metylowy' (*стена* + *лазить*); nazwy części ciała: *дырокол* 'męski organ płciowy' (*дыра* + *колоть*), *кишкоправ* 'męski organ płciowy' (*кишки* + *править*), *пулемет* 'duży męski organ płciowy' (*пуля* + *метать*), *целколом* 'męski organ płciowy' (*целка* + *ломать*); inne nazwy: *мордопреп* 'silny morski wiatr' (*морда* + *препать*); *бомбомет* 'przerzucanie ściąg przez klasę' (*бомба* 'ściaga' + *мететь*).

Najmniej licznie reprezentowane są złożenia powstałe z połączenia tematu przymiotnika z tematem czasownika. Wymienić możemy tu zaledwie kilka przykładów: *долгостой* 'długotrwała erekcja' (*долго* + *стоять*), *сухостой* 'akt seksualny bez osiągnięcia orgazmu' (*сухой* + *стать*). Równie małowliczne są złożenia składające się z tematu zaimka i tematu czasownika: *самовар* 'nieduży flakonik od lekarstwa, w którym rozcieńcza się substancje narkotyczne' (*сам* + *варить*), *самовяз* 'klubowy szalik domowej roboty' (*сам* + *вязать*), *самокат* 'motocykl' (*сам* + *катиться*), *самолюб* 'onanizm' (*сам* + *любить*), *саморуб* 'strzykawka do wstrzykiwania narkotyków' (*сам* + *рубить*), *самострок* 'podróbka' (*сам* + *строчить*), *самоход* 'wyjście bez przepustki' (*сам* + *ходить*).

Niektóre złożenia rzeczownikowe powstają w wyniku połączenia związków frazeologicznych. np.: *трясти булками* → *булкотряс* 'dyskoteka', *ломать кайф* → *кайфолом* 'osoba, która psuje dobrą zabawę', *падать на хвост* → *хвостопад* 'człowiek, który lubi bawić się na czyjś koszt', *давить кошек* → *кошкодав* 'stary, wysłużony żołnierz, szczególnie surowy dla młodych żołnierzy', *раздача слонов* → *слонораздача* 'wręczenie nagród', *пудрить мозги* → *мозгопудрилка* 'przedmiot trudny do nauczenia się'. Tak utworzone formacje dowodzą tendencji do wyrażania własnych emocji i stosunku do rzeczywistości (żartobliwego lub krytycznego) za pomocą określeń powstałych w rezultacie językowej gry słów.

W tworzeniu złożzeń dużą rolę odgrywają również cząstki obcego pochodzenia. Formacje utworzone z połączenia elementów należących do dwóch różnych języków, w analizowanym materiale są to grecko-łacińskie oraz angielskie elementy leksykalne, są określane mianem hybryd językowych [Blicharski 1973: 27]. Stanowią one specyficzną kategorię dowcipu językowego. Zawarcie bowiem w jednej strukturze słowotwórczej sprzecznych elementów – wyrażnie obcego tematu i swojskiego sufiksu – staje się źródłem komizmu. W języku rosyjskim mamy cały szereg tworów, które powstały w wyniku łączenia się obcych morfemów z rodzimymi. Najczęściej spotykanymi cząstkami obcojęzycznymi są: *авто-*, *агро-*, *анти-*, *аэро-*, *бензо-*, *психо-*, *фото-* i inne. Występują one w często spotykanych złożeniach, jak chociażby: *автобиография*, *автокультура*, *аэровокзал*, *аэродинамика*, *аэродром*, *бензодвигатель*, *бензопровод*, *биодинамика*, *биолог*, *велодром*, *зоология*, *психоанализ*, *психология*, *телебашня*, *телеграфия*, *фотоаппарат*, *фотограф*, *фотокопия*.

W socjolekcie młodzieżowym hybrydalne złożenia rzeczownikowe tworzone są najczęściej przez analogię do już istniejących w języku ogólnym złożzeń. Tak utworzone neologizmy analogiczne odgrywają szczególną rolę w słownictwie ekspresywnym, charakterystycznym dla analizowanego socjolektu. Parodiują one wyrazy typowe dla pewnego stylu, pewnej odmiany języka. Nierzadko wzorem formacji analogicznych staje się słownictwo specjalne: techniczne i naukowe. Młodzi ludzie, dodając do rosyjskich rzeczowników cząstki obcojęzyczne zaczerpnięte z języka ogólnego lub slangowego, tworzą liczne żartobliwe określenia osób, przedmiotów, pojazdów lub miejsc. Przyjrzyjmy się niektórym z nich. Jedną z najpopularniejszych cząstek stosowanych przy „konstruowaniu” analizowanych neologizmów jest cząstka *психо-* (psycho-, od gr. *psyche* 'dusza'). Służy ona do tworzenia wyrazów złożonych związanych z psychiką, stanami psychicznymi. W języku młodzieżowym stała się ona podstawą do utworzenia 6 rzeczowników złożonych mających żartobliwy charakter, a nazywających przedmioty i zjawiska związane z psychiką, np.: karetkę pogotowia ratunkowego przewożącą psychicznie chorych pacjentów: *психовоз*, *психовозка*,

szpital psychiatryczny: *психдром*, lekarza psychiatrę: *психолом*, wykładowcę psychologii: *психотерапевт*, (w grach RPG) miejsce, w którym zbierają się uczestnicy gier fabularnych¹, którzy z przyczyn psychologicznych nie mogą kontynuować gry: *психоотстойник*. Częstka *анти-* (grec. anty 'przeciw'), służąca do tworzenia wyrazów złożonych oznaczających rzecz lub zjawisko przeciwstawne, została wykorzystana do utworzenia nazwy wódki, spirytusu: *антизнобин* (*анти* + *знобить* 'trząść'). Pozostałe części występują w mniej licznych przykładach. Częstka *био-* (grec. bios 'życie') sygnalizuje związek znaczeniowy z życiem, żywym organizmem. Została użyta w nazwie określającej dodatkowe zajęcia szkolne z biologii – *биодобавка*, oraz w określeniu podstawnej i silnej fizycznie nauczycielki biologii – *биолошадь*; częstka *гидро-* (gr. hydro- 'wodny') wskazuje na związek osoby lub zjawiska z wodą, np. marynarz: *гидросолдат*; częstka *гекто-* (grec. hekto- 'sto') – jednostka miary została wykorzystana do utworzenia żartobliwego określenia butelki wina: *гектопасскаль*.

Intensywniejszy efekt komiczny wywołuje jednak zespolenie odmienne, tj. swojskiego tematu i obcego formantu. Najczęściej spotykane są: *-граф* (*-графия*), *-дром*, *-лог* (*-логия*), *-ман* (*-мания*), *-метр* (*-метрия*), *-ид*, *-скоп* (*-скопия*), *-тека*, *-фил* (*-фильство*, *-филия*), *-фикация*, *-фоб* (*-фобство*, *-фобия*), *-фон*, *-фор*.

Jedną z ciekawszych części jest *-дром* (od grec. dromos 'bieg, bieźnia'; ściślej: wyodrębnione z łac. *hippodromus* 'hippodrom', tj. plac do wyścigów konnych). Człon ten wskazuje na związek znaczeniowy wyrazu z drogą, torem, wyścigiem, por. *aerodrom*, *kosmodrom*. Jest on używany do tworzenia złożeni nazywających miejsce, gdzie coś się znajduje, odbywa lub przecho-wuje. W języku rosyjskim występuje w następujących określeniach: *аэродром* 'lotnisko', *велодром* 'tor kolarski', *космодром* 'kosmodrom'. W socjolekcie młodzieżowym w tej grupie znalazło się 18 leksemów. Połączenie komponentu *-дром* z określeniami pochodzącymi między innymi z socjalnych odmian języka spowodowało utworzenie żartobliwych nazw miejsc, np. *сексодром* (3) to 1) 'szerokie łóżko', 2) 'miejsce, mieszkanie, w którym można uprawiać seks', 3) 'miejsce, gdzie znajduje się dużo prostytutek' (*секс* + *-дром*), *тачкодром* (3) – 1) 'parking', 2) 'postój taksówek', 3) 'miejsce sprzedaży samochodów' (*тачка* 'samochód osobowy, taksówka' + *-дром*); są również wulgaryzmy, które, poprzez połączenie z częstką *-дром*, nabierają żartobliwego charakteru, np. *траходром* (2) – 1) 'miejsce, w którym zbierają się prostytutki', 2) 'miejsce, gdzie zazwyczaj uprawia się seks (pokój, łóżko)' (*трах* + *-дром*); pozostałe leksemy reprezentowane są pojedynczymi przykładami, będącymi np. nazwą szpitala psychiatrycznego: *психодром*, stołówki: *кушкодром*, dyskoteki (parkietu do tańca): *тонтодром*, miejsca w budyn-

¹ RPG – Role Playing Games – gra fabularna.

ku uniwersytetu, gdzie studenci mogą odpocząć między zajęciami: *сачкодром* (*сачок* 'nierób, bumelant, wagarowicz, łazik' [Hryniewicz-Admskich 2005: 119] + *-дром*), miejsca, w których autostopowicze („*тюлени*”) najczęściej zatrzymują samochody *тюленедром* (*тюлень* + *-дром*). Niektóre słowa nazywają miejsca, w których spotyka się tylko określona grupa ludzi, np. *голодром* – to zarówno skwer przy Teatrze Wielkim w Moskwie, jak i okolica stacji metro „*Охотный ряд*” i Rosyjskiego Teatru Młodzieżowego w Moskwie, będącego miejscem spotkań homoseksualistów, *палкодром* 'miejsce, w którym homoseksualiści i prostytutki szukają swoich „klientów”', *хипподром* 'główne miejsce spotkań hipisów w Moskwie przy starym budynku Uniwersytetu Moskiewskiego'. Niektóre określenia nazywają małe powierzchnie, np. podkładkę pod komputerową myszkę: *крысодром*, *мышедром*, *мышкодром* (*крыса/мыш/мышка* + *-дром*). Jeden leksem jest żartobliwym określeniem łysego człowieka *муходром*.

Godne uwagi jest tworzenie złożzeń łączących rosyjski temat z obcojęzyczną częścią *-лог*, lub *-логия*, parodiującą terminy naukowe. Przy jej pomocy tworzymy rzeczowniki określające osoby zajmujące się badaniem, specjalistów różnych dziedzin nauki, określonych w pierwszej części złożenia. Łatwość łączenia różnych stylów językowych oraz upodobnienie młodzieżowych określeń do terminologii specjalistycznej powoduje, że są to konstrukcje bardzo często spotykane w slangu i chętnie wykorzystywane w zabawie językowej w celu stworzenia ekspresywnych określeń. „Uczona” częśćka zostaje tu skontrastowana z potocznymi wyrazami. Młodzież czerpie pomysły ze złożzeń istniejących już w języku i, poprzez analogię do nich, tworzy nowe, często specyficzne, spontaniczne nazwy, potrzebne jej do nazwania osób lub zjawisk, z jakimi się spotykają w codziennych sytuacjach. Podobna sytuacja występuje z członem *-логия*, wskazującym na związek określanego słowa z nauką. Przytoczmy kilka przykładów: *бормотолог* 'alkoholik, który pije tanie czerwone wino' (*бормота*, *бормотать* 'mamrotać' + *-лог*), *кинолог* 'kibic piłkarski, jeżdżący kolejką elektryczną na mecze wyjazdowe swojej drużyny' (*кино* + *-лог*), *таблетолог* 'narkoman, który zażywa tabletki zawierające substancje narkotykowe, lub lekarz', *чирология* 'pedagogika' (*чира* 'nauczycielka' + *-логия*). Częśćka słowotwórcza *-метр* (gr. *metron* 'miara') tworzy nazwy różnych przedmiotów pomiarowych, np. *барометр*, *газометр*, *термометр*. W analizowanym słownictwie odnaleźć można kilka neologizmów utworzonych z zastosowaniem tej częśćki, a są to: *балдометр* 1) 'dowolny przyrząd pomiarowy', 2) 'męski organ płciowy dużego rozmiaru' (*балда* + *-метр*), *газометр* 'odbytnica'; *спидометр* 1) 'przyrząd medyczny służący do analizy krwi na przypadek AIDS', *трахометр*, *елдометр* 'męski organ płciowy', *ялдометр* 'męski organ płciowy dużego rozmiaru'; *напряжометр* 1) 'woltomierz, amperomierz' (przyrząd pomiarowy), 2) 'człowiek, który stwarza nerwowe sytuacje'; *чмонометр* 'degenerat

społeczny' (od słówka *чмо* 'abnegat, degenerat społeczny' [tamże: 153]). Częstka *-фобия* (gr. *phobos* 'strach') to człon wyrazów złożonych oznaczających nieuzasadniony lęk przed jakimiś przedmiotami lub sytuacjami, np. *агорафобия*, *гидрофобия*. Nasunął on młodym ludziom pomysł skorzystania z tego komponentu dla określenia obawy, lęku przed komputerowymi hakerami o ich nieusankcjonowany dostęp do tajnych informacji: *хакерофобия* (*хакер* + *фобия*). Częstka *-тека* oznacza zbiór, skład, pomieszczenie dla jakichś przedmiotów, np. *библиотека*, *картотека*. W analizowanym słownictwie posłużyła ona do utworzenia dwóch żartobliwych określeń miejsc: dyskoteki: *гонотека* (*гонник* + *-тека*), i apteki: *клинотека* (*клин* – halucynacja + *-тека*). Przytoczone powyżej przykłady dowodzą popularności złożeń z elementami obcymi we współczesnym języku młodzieżowym.

W rosyjskim języku młodzieżowym dużą rolę odgrywają zapożyczenia z języka angielskiego. Można je znaleźć również wśród złożeń utworzonych w rezultacie pomysłowych zestawień członów obu języków.

W analizowanym materiale spotkać można czyste złożenia, np.: *вишеконвейер* 'grzebień' (ros. *виши* + *конвейер* ← ang. *conveyor* 'transporter, przenośnik'), *бензоман* 'narkoman wachający benzynę' (ros. *бензин* + *ман* ← ang. *man* 'mężczyzna'), *граффоман* 'entuzjasta sztuki graffiti' (*граффити* + *ман* ← ang. *man*), *колхоман* 'osoba ze wsi' (ros. *колхоз* + *ман* ← ang. *man*), *хохлобаксы* 'waluta Ukrainy' (*хохол* 'Ukrainiec' + *баксы* ← ang. *bucks* 'dolar'), *хохломан* 'Ukrainiec' (ros. *хохол* + *ман* ← ang. *man*).

Na uwagę zasługują również złożenia, których cechą charakterystyczną jest \emptyset interfiksalne, np. *гадмен* 'milicjant' (ros. *гад* + *ман* ← ang. *man*), *качман* 'atleta, kulturysta' (ros. *кач* + *ман* ← ang. *man*), *лохман* 'człowiek bardzo głupi' (ros. *лох* + *ман* ← ang. *man*), *факман* 'mężczyzna prowadzący bardzo aktywne życie płciowe' (ros. *фак* + *ман* ← ang. *man*), *фарцман* 'osoba skupiająca towary od obcokrajowców' (ros. *фарц* + *ман* ← ang. *man*).

Są też przykłady odwrotnej konstrukcji, tj. do angielskiego tematu dodane zostaje rosyjskie słowo i rosyjski sufiks *-ение*, np. *даблпоещение* 'chodzenie do toalety' (ang. *double* – *дабл* 'toaleta' + *поещение*).

Pomysłowymi złożeniami są określenia będące połączeniem częstki łacińskiej lub greckiej z nazwą angielską. Przytoczmy przykłady: *автохэнд* 'onanizm' (*auto-* 'automatyczny, samoczynny' + *хэнд* ← ang. *hand* 'ręka'), *антифейс* 'zad człowieka' (*анти* + *фейс* ← ang. *face* 'twarz'), *гейология* 'homoseksuologia' (*гей* ← ang. *gay* 'homoseksualista' + gr. *логия* 'nauka'), *спидометр* 'przyrząd medyczny służący do analizy krwi na obecność AIDS' (*спид* ← AIDS + gr. *-метр* 'miara').

Przedstawiona powyżej analiza wyrazów złożonych dowodzi dużej aktywności i kreatywności językowej młodych Rosjan. Wiele z tych młodzieżowych neologizmów powstało w oparciu o istniejące już w języku wzorce. Poprzez przeplatanie ze sobą różnych części mowy, parodiowanie

oficjalnych terminów naukowych, łączenie wyrazów rosyjskich z zapożyczeniami z języków obcych tworzone są nieszablonowe (de)formacje będące oryginalnym źródłem ekspresji, tak istotnej w młodzieżowym slangu.

Bibliografia

- B l i c h a r s k i M. 1973. *Złożenia rzeczownikowe współczesnego języka rosyjskiego*, Opole: WSP.
- B l i c h a r s k i M. 1977. *Złożenia imienne w języku rosyjskim i polskim. Studium konfrontatywne*, Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- G r a b i a s S. 2001. *Język w zachowaniach społecznych*, Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.
- H r y n k i e w i c z - A d a m s k i c h B. 2005. *Rosyjsko-polski słownik innowacji leksykalnych*, Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM.
- K a l i s z a n J. 1995. *Kompresja strukturalna w nowym słownictwie rosyjskim*, „Studia Rossica Posnaniensia”, nr XXVI, s. 167-172.
- Н и к и т и н а Т. Г. 2009. *Молодежный сленг. Толковый словарь: около 20 000 слов и фразеологизмов*, Москва: АСТ, Астрель.

OWADY W POLSKIM I ROSYJSKIM JĘZYKOWYM OBRAZIE ŚWIATA

INSECTS IN POLISH AND RUSSIAN LINGUISTIC VIEWS OF THE WORLD

KATARZYNA KULIGOWSKA

ABSTRACT. The paper is devoted to insects in Polish and Russian linguistic views of the world. The figurative meanings, derivational potential and semantic connotations of insects' names, as well as idioms have been analysed to reveal the position of these animals in the language awareness of Poles and Russians.

Keywords: linguistic view of the world, idioms, metaphors, connotations, insects

Katarzyna Kuligowska, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Poznań
– Polska, katarzyna.kuligowska@amu.edu.pl

Obraz świata jest jednym z fundamentalnych pojęć, które ukazują specyfikę egzystencji człowieka i jego relacje ze światem. Językowy obraz świata to jego istotny komponent [*Роль человеческого фактора в языке* 1988: 11]. Zróżnicowane jest rozumienie jego istoty w językoznawstwie. Językowy obraz świata bywa określany jako odzwierciedlenie, interpretacja lub nawet kreacja czy też przetwarzanie istniejącej rzeczywistości [Żuk 2010]. Niezależnie od stanowiska dotyczącego charakteru językowego obrazu świata, nie ma wątpliwości, że stanowi on tę część obrazu świata w ogóle, która została utrwalona w danych językowych różnego rodzaju i o różnym stopniu złożoności. Do jego komponentów należą zatem cechy gramatyczne, zasób leksykalny, etymologia wyrazów, ich właściwości słowotwórcze, konotacje semantyczne, jednostki frazeologiczne, teksty literackie oraz pola semantyczno-leksykalne danego języka [Grzegorzczkowska 1999: 43-45, Maćkiewicz 1999: 199]. Niniejszy artykuł jest próbą rekonstrukcji fragmentu polskiego i rosyjskiego językowego obrazu świata obejmującego niewielki wycinek świata zwierząt (owady) w oparciu o analizę rozszerzeń metaforycznych i konotacji semantycznych nazw owadów, pochodzących od nich derywatów, a także frazeologizmów i przysłów, których są one komponentami.

„Owady stanowią największą pod względem liczebności gatunków gromadę państwa zwierzęcego. Liczba opisanych gatunków stanowi 75% wszystkich opisanych dotychczas gatunków zwierząt” [Sandner 1990: 9]. Jest ponadto prawdopodobne, że większość gatunków owadów nie została

jeszcze odkryta i opisana. Stworzenia te zamieszkują ziemię od bardzo dawna, zatem można śmiało stwierdzić, że towarzyszą człowiekowi od zarania dziejów. W większości przypadków nie jest to jednak zgodne i harmonijne współzycie, a raczej działanie zmierzające do wytepienia owadów, w którym istota ludzka ze względu na ich niebywałą liczebność i płodność często ponosi klęskę i musi iść na kompromis [Kopaliński 1997: 299]. Nie można jednak zapominać, że są i pożyteczne owady, z których działalności człowiek czerpie wiele korzyści. Wystarczy wspomnieć choćby pszczoły, jedwabniki lub czerwce produkujące cenne surowce, a także zapylające kwiaty motyle, trzmiele i osy, czy też biedronki pożerające niszczycielskie mszyce.

Rzeczownik *owad*, ros. *насекомое*, jest definiowany jako: ‘zwierzę bezkręgowce z gromady o tej samej nazwie (*Insecta*), z typu stawonogów (*Arthropoda*), żyjące we wszystkich częściach świata, w najróżnorodniejszych środowiskach’; ‘членистоногое животное с суставчатым телом’. Co ciekawe, te hiperonimiczne nazwy nie stanowią komponentów frazeologizmów i przysłów, bardzo uboga jest ponadto sfera ich konotacji [Maciołek 2012: 43]. W potocznym języku polskim dla określenia różnych gatunków owadów często błędnie używa się wyrazu *robak* i pochodzącego od niego derywatu *robactwo*. W obu tych nazwach zawarta jest negatywna ocena przypisywana większości insektów oraz konotacja budzonego przez nie obrzydzenia i wstrętu. Robak poprzez sposób życia i poruszania się symbolizuje małość, słabość, poniżenie i upodlenie, por. *Życie robaka jest istotnie egzystencją marną, skazaną na pełzanie po ziemi* (KJP)¹. Rosyjski ekwiwalent w postaci rzeczowników *червь* i *червяк* oznacza żalostnego, nie zasługującego na szacunek człowieka. Określenie *robak*, ros. *червь* / *червяк*, bywa też używane w znaczeniu dręczących wyrzutów sumienia lub innego rodzaju zmartwień i trosk, co znalazło odbicie w takich wyrażeniach frazeologicznych, jak: *coś kogoś toczy jak robak*, *Każde jabłko ma robaka swego, co go gryzie, zalać robaka?*; *червь сомнения, червь ревности, червь недоверия*.

Rzeczownik *robactwo* wywołuje bardzo negatywne asocjacje związane z brudem, brakiem higieny, pełzającymi i łatwo rozprzestrzeniającymi się insektami, por. *Jestem tak samo brudna i mała jak oni. Jak ci szpiegujący wszędzie szpiedzy. Tak samo ohydna i godna pogardy, jak pełzające robactwo* (KJP). Wszystkie te konotacje bywają niekiedy przypisywane różnym zniechęconym grupom ludzi, por. *Zgoda – odrzekłem, pohamowując się i nie wdając w rozważania sytuacji militarnej – ale wtedy zjadą dawniejsi dziedzice, fabrykanci i inne*

¹ Cytaty wykorzystane w tekście pochodzą głównie z internetowych korpusów języka polskiego (KJP) i rosyjskiego (КРЯ). Wykaz wszystkich skrótów został zamieszczony na końcu artykułu.

² Pochodzenie powiedzenia *zalać robaka* zostało w szczegółach objaśnione przez J. Krzyżanowskiego [Krzyżanowski 1975: 46–48].

robactwo, zabiorą wszystko, co lud obecnie posiada w swych rękach (KJP). W języku rosyjskim rzeczownikiem nazywającym dokuczliwe i nieprzyjemne nagromadzenie owadów jest wyraz *гнус*, którego podstawowe znaczenie obejmuje jednak tylko żywiące się krwią owady latające w chmurach, wszechobecne latem w tajdze. Dokuczliwość takich owadzich mas jest werbalizowana w metaforycznym znaczeniu rzeczownika *гнус*, wskazującym na natrętnego i budzącego odrazę człowieka, występującym najczęściej w postaci wyzwiska, por. *Это ты на нас стучишь?! Это ты, гнус, нас закладываешь? Скажи мне, тварь, или я убью тебя!* (НКРЯ).

Owadem najliczniej reprezentowanym w badanym materiale leksykalnym jest mucha, co specjalnie nie powinno dziwić, jako że jest to stworzenie, które towarzyszy człowiekowi praktycznie w każdym miejscu i o każdej porze roku, a do tego bywa wyjątkowo uciążliwe, por. *натрётный как муха*, ros. *назойлив как муха*. Ludzka antypatia do much może wynikać z faktu, że niektóre z nich gryzą, co wywołuje zdecydowanie zły humor u człowieka, por. *какая муха укусила кого-нибудь*. Natomiast ich wszechobecność i wszędobylskość sprawia, że może dojść do przypadkowego połknięcia natrętnego owada, co również wpływa na pogorszenie nastroju narażonej na takie zdarzenie osoby, por. *точно муху проглотил*. Na rozdrażnienie i irytację człowieka z pewnością wpłynęłaby obecność much w jamie nosowej, co znajduje wyraz w powiedzeniu *мечь мухы в нос*, powstałym zapewne z obserwacji rozszoszczonej dokuczliwością much krowy pasącej się na łące.

Skłonność much do przysiadania na najbardziej brudnych i odpychających rzeczach, jak padlina lub odchody, leżąca u podstaw wyrażenia *муха не сида* będącego określeniem rzeczy wysokiej jakości lub pozytywnie ocenianego zjawiska, sytuacji, zdarzenia, sprawiła, iż owad ten symbolizuje nieczystość, zarazę i plagę, w chrześcijaństwie zaś jest uosobieniem moralnego i fizycznego zepsucia [Tresidder 2001: 232]. O upodobaniu przez muchy brudu i nieczystości mówi również fragment ludowej bajki pt. *Pchła i mucha: I szła pchła – du miasta, a mucha z miasta. Mucha mówi tak: – Pójdź na wiś, bu tam ni maju ludzie czasu ani zmywać, ani co, to tam si pużywi [...]* [Dlaczego wąż nie ma nóg 2015: 159].

Przekonanie o przynależności much do świata zła potwierdza pochodzące z legendy o Jezusie i pszczołach przysłowie *мухы то псзцоły дїабла* [Kopaliński 2006: 237]. Jak wyjaśniają autorzy rosyjskiego słownika frazeologicznego, dawniej wierzono, że diabeł w postaci much może przenikać przez usta lub nos człowieka do wnętrza jego głowy, co powoduje dziwne i nierozsądne zachowanie (СРФ). Obraz tego dawnego wierzenia został zachowany w powiedzeniu *у него мухи в голове*, które jest określeniem niemądrego i lekkomyślnego człowieka.

Inną cechą charakterystyczną much jest ich słabość do miodu, por. *лгнѣцъ как муха до мїоду*; *Где мед, там и мухи*, oraz łatwość schwywania ich

na pasek papieru pokryty klejącą substancją, por. *złapać się (brać się) jak mucha na lep*. Człowiek przez stulecia wymyślił też wiele innych sposobów pozbywania się tego natrętnego insekta, w tym działających na większą skalę, co potwierdza się we frazeologizmie *padać jak muchy*, ros. *мрут как мухи*. Do śmierci much może również przyczynić się śmiertelna nuda, jak przekonuje opisujące taką sytuację żartobliwe rosyjskie przysłowie *мухи мрут*, por. *Скучища страшная, мухи мрут* (НКРЯ).

Atrybutem muchy jest niewielki rozmiar, szczególnie w porównaniu z dużym zwierzęciem, o czym mówi dawne porzekadło *zrobić z muchy słonia*, ros. *делать из мухи слона*, a także brak siły, por. *slaby jak mucha*. Dlatego nie stanowi ona ciekawego łupu dla większych drapieżników, por. *орел мух не ловит*, chociaż w niektórych sytuacjach trzeba się zadowolić i taką zdobyczą, por. *добра псу и mucha; и муха псу хороша, если кости не кинут*. Nie-duży rozmiar much sprawia, że polować na nie należy z odpowiednio dopasowanym pod względem wielkości narzędziem, por. *за мухой не с обухом*. Niektórzy ludzie jednak nie dopuszczają myśli o polowaniu nawet na tak uciążliwe stworzenia, co obrazuje wyrażenie *nawet muchy by nie skrzywdził*, ros. *и мухи не обидит*, będące określeniem łagodnego i dobrotliwego człowieka. Z drugiej strony polowanie na muchy jest zajęciem nie znajdującym zbyt wielkiego uznania, a odzwierciedla to frazeologizm *muchy łapać*, ros. *ловить мух*, który oznacza tracenie czasu na mało istotne działania lub lenistwo. Podobne znaczenie mało wydajnego i bezcelowego działania ma powiedzenie *liczyć muchy na suficie*. Rosyjskie wyrażenie *считать мух* z kolei obrazuje zachowanie człowieka roztargnionego i zdekoncentrowanego.

Pozytywne konotacje *mucha* wywołuje jedynie u użytkowników języka rosyjskiego, przywołując im na myśl bohaterkę bajki K. I. Czukowskiego *Муха-Цокотуха*, którą przed śmiercią w sieci pająka uratował dziarski komar³. Rosyjski wyraz *муха* jest także komponentem wykrzyknika *едят (съели) тебя мухи* wyrażającego irytację, oburzenie lub zachwyty i zdziwienie, por. *Стой, стой! Чтоб тебя мухи съели! Чего встряхиваешься, как кудлатка [...]* (НКРЯ). Całość obrazu muchy zamyka rosyjski związek wyrazowy *белые мухи* będący określeniem krążących w mroźnym powietrzu kryształków śniegu na podobieństwo drobnych muszek, por. *Когда в воздухе покажутся первые белые мухи, когда темнеть начинает в шестом часу вечера, все чаще думаешь: пора отвальную сочинять* (НКРЯ).

Owadem o zdecydowanie pozytywnych konotacjach jest pszczoła. Stworzenia te produkują wielce ceniony przez człowieka od tysiącleci miód, służący nie tylko do słodzenia pokarmów, ale i do produkcji leków, a także wosk, z którego można wytwarzać świece. Wymienione zalety pszczoł spo-

³ Wszystkie dane dotyczące swobodnych asocjacji pochodzą z rosyjskiego słownika asocjacji pod red. N. Ju. Karaulowa [*Русский ассоциативный словарь* 2002].

wodowały, iż symbolizują one pracowitość, pilność, zapobiegliwość i zdolności organizacyjne [Tresidder 2001: 297; Фоли 1997: 294]. Zawarta w przysłowiu zbiorowa mądrość tak polskiego, jak i rosyjskiego narodu wiąże je głównie z miodem, podkreślając nierozłączność tych dwóch elementów rzeczywistości, por. *gdzie dziatki, tam smród, gdzie pszczoły, tam miód; gdzie jest miód, tam będą i pszczoły; nie dla tego miód, kto się boi pszczół; lgnie jak pszczoła do miodu; как пчелы на мед*. W centrum uwagi znajduje się także pszczela pracowitość, por. *трудолюбив как пчела*. Nie należy jednak zapominać, że są to owady żądłące, o czym przypomina polskie przysłowie *kto w ul dmuchnie, temu pysk spuchnie* oraz rosyjskie porzekadło: *нет пчелы без жалыца*. Żądło pszczoły w symbolice chrześcijańskiej wskazuje na cierpienie Chrystusa [Tresidder 2001: 175]. Niekiedy jest też przedstawiane jako atrybut Chrystusa będącego sędzią świata, w przeciwieństwie do słodczy miodu, która stanowi uosobienie miłosierdzia współczującego człowiekowi Syna Bożego [Biedermann 2001: 199]. Pszczoły żyją w ulu w świetnie zorganizowanych wspólnotach, w których każdy osobnik dobrze zna swoje zadania, co znajduje potwierdzenie w wyrażeniu *śmiały jak pszczoła w ulu*. Duża liczebność pszczelich rodzin połączona z ciągłą ruchliwością i brzęczącym dźwiękiem wydawanym przez ich przedstawicieli została zobrazowana w powiedzeniu *jak w ulu*, które określa rozgardiasz, rwetes i hałas.

Zdecydowanie odmienne konotacje niż pszczoła wywołuje osa, której przypisywana jest cecha złośliwości, zjadliwości i uszczypliwości, por. *cięty jak osa, злой как оса*. Wyrażna opozycja między tymi dwoma owadami jest ewokowana w przysłowiu *pszczoła z kwiatów miód wysysa, a osa jad*. Osy nie produkują przydatnych dla człowieka surowców, co więcej w odróżnieniu od pszczół umierających po jednorazowym użądleniu, mogą żądlić wielokrotnie. Reakcje słowne użytkowników języka rosyjskiego na hasło-bodziec *osa* w ponad 40% dotyczą żądlenia i jego konsekwencji, np. *жало, жалит, укус, кусает, боль, больно* (PAC).

Obserwacja cech wyglądu zewnętrznego os (budowa ciała, ubarwienie) znajduje odzwierciedlenie w polskich wyrażeniach *cienka jak osa, talia osy*, por. *Najpierw kariera – modelki: talia osy i głodowa; bizneswoman: szary garnitur i marsowa mina; naukowca: silne szkła i mocna kawa [...]* (KJP), a także rosyjskiej nazwie pająka – *наук-оса*⁴. Osy budują gniazda, których niszczenie może być bardzo niebezpieczne dla człowieka, jako że owady te potrafią zaciekle bronić swoich domów. W obu badanych językach zostało to utrwalone w metaforycznym wyrażeniu *gniazdo os*, ros. *осиное гнездо*, oznaczającym zgromadzenie nieprzyjaciół, wrogą organizację, ingerencja w którą może przynieść oplakane skutki, a dostanie się w jej środek stanowi najwyższy poziom ryzyka, por. *Czołowy kandydat Republikanów na prezydenta, przywódca*

⁴ Por. pol. *tygrzyk paskowany*.

większości w Senacie Robert Dole poruszył przed dwoma tygodniami gniazdo oskarżając amerykański przemysł rozrywkowy o propagowanie „bezmysłnej przemocu i seksu bez uczuć” (KJP); Так и хочется думать, что наконец-то в России появился свой комиссар Каттани, который разворошит осиное гнездо обнаглевших коррупционеров во всех эшелонах власти (НКРЯ).

Za owady pożyteczne uznawane są także mrówki, które, mimo że nie wytwarzają jak pszczoły żadnych cennych dla ludzi surowców, cieszą się dobrą opinią ze względu na przypisywaną im cechę pracowitości i pilności, por. *pracowity jak mrówka, трудится как муравей*. Umiłowanie pracy i zapobiegliwość mrówek wychwalane były już w starotestamentowej Księdze Przysłów: *Do mrówki się udaj, leniwcze, patrz na jej drogi – bądź mądry: nie znajdziesz u niej zwierchnika, ni stróża żadnego, ni pana, a w lecie gromadzi swą żywność i zbiera swój pokarm we żniwa*⁵. O mądrości mrówek jest mowa również w innym miejscu wspomnianej części Starego Testamentu: *Są na ziemi cztery istoty małe, lecz najrozumniejsze z mądrych: lud mrówczy, chociaż bez siły, a w lecie nazbiera żywności [...]*⁶.

Pożyteczna działalność mrówek polega między innymi na oczyszczaniu terenów leśnych z różnego rodzaju drobnych odpadów organicznych, dlatego też w języku rosyjskim są one określane jako *санитары леса*, por. [...] *не все насекомые вредят окружающей среде. Есть и те, которые стремятся защитить ее от вредителей всеми силами. Все слышали о них, и все же не многие знают, почему муравьи – санитары леса* (I).

Mrówki to istoty społeczne, które, podobnie jak pszczoły, żyją w licznych koloniach. Budowane przez nie mrowiska z jednej strony symbolizują dobrą organizację, a z drugiej strony stanowią obraz dużej ilości poruszających się istot, tłumu, natłoku, por. *Na nich piętra toreb. Ile wlezie, ile da się upchnąć, ile można utrzymać. Każdy dźwiga ciężkie, porucha. Ruch jak w mrowisku* (KJP); *копование воинственных человечков походило на муравейник* (НКРЯ); lub powodujące dyskomfort nagromadzenie przedmiotów albo obiektów, por. [...] *каждый mieszka w domu z dużym ogrodem, a nie w mrowisku azjatyckich wieżowców czy polskich blokowisk* (N)⁷. Podobne znaczenie niezliczonej ilości czegoś lub kogoś posiada rzeczownik *mrowie*, por. *Ujrzałem tam dachy kamienic, asfaltowe ulice i mrowie sunących ulicami punkcików – przechodniów* (KJP). Innym jego znaczeniem jest ‘uczucie zimna połączone z nerwowym dreszczem; ciarki’ [Słownik języka polskiego]. W języku rosyjskim uczucie strachu, silnego wzburzenia, emocjonalnego napięcia lub przenikliwy chłód, które może powodować u człowieka doznanie podobne do dotyku licznych mrówczych odnóży opisuje powiedzenie *мурашки по спине*

⁵ Prz 6, 6–8.

⁶ Prz 30, 24–25.

⁷ Co ciekawe, w kulturze indyjskiej biegania mrówek wyglądająca na chaotyczną i bezcelową uznawana jest za symbol ludzkiej ciemnoty [Biedermann 2001: 225].

(по коже, по телу) бегают, por. Когда я вижу его на сцене, у меня начинает стучать сердце, слезятся глаза, мурашки бегут по коже (НКРЯ).

Włożenie kija do mrowiska powoduje chaos i przestrasz u jego mieszkańców, co znajduje odbicie w wyrażeniu *włożyć / wsadzić kij w mrowisko*, oznaczającym działanie, zwykle o charakterze prowokacyjnym, mające na celu wywołanie zamieszania, wzburzenia, żywej dyskusji, np. *Kim Ki-duk w filmie „W sieci” próbuje wsadzić kij w mrowisko, podważyć przekonanie o wyższości liberalnej demokracji nad innymi ustrojami* (N).

Rzeczownik *mrówka* stanowi także podstawę słowotwórczą derywatu *mrówkowiec*, który jest nazwą licznie i chętnie budowanych w PRL-u wielopiętrowych i wieloklatkowych budynków z betonowych płyt, zamieszkiwanych przez setki rodzin, przypominających mrowiska, por. *Najgorzej, że mieszkali w takiej fatalnej dzielnicy; naprzeciw same robotnicze rodziny, wielki mrówkowiec z jednej strony ulicy i pas willi po drugiej [...]* (KJP).

Do owadów najbardziej podziwianych i lubianych przez człowieka należą motyle. Budzą pozytywne konotacje, ponieważ nie stanowią zagrożenia dla ludzi, nie żądają, nie gryzą, a dodatkowo zachwycają swoim pięknym wyglądem, ubarwieniem skrzydeł, sylwetką i lekkością, por.: *On we wszystkim jest taki swobodny, taki naturalny jak motyl!* (KJP); *Elka, kolorowa i lekka jak motyl, dopasowała się z łatwością, zapląsała* (KJP); *Когда он таким франтом, такой лёгкой, разноцветной бабочкой (красная рубаха! Синие шаровары! Чёрный пояс! Фосфоресцирующие сапоги!) явился к нам в сад и взыскательно покачал головой, прошёл по аллеям, сознаю, я просто обомлел и потерял голову* (НКРЯ).

Wprawdzie larwy motyli wyrządzają wiele szkód na polach, w lasach i sadach, a ich wygląd budzi raczej odrazę i wstręt, jednak gąsienica motyla rzadko kojarzona jest z jego urodziwą dorosłą postacią [Sandner 1990: 146]. Cykl życiowy motyla porównywany jest do etapów ludzkiego istnienia – pełzająca gąsienica symbolizuje ziemski żywot człowieka, poczwarka jest symbolem śmierci, natomiast wylatujący z kokonu motyl oznacza ponowne narodziny i swobodnie fruującą duszę. Dlatego w religiach chrześcijańskich motyl jest znakiem zmartwychwstania [Tresidder 2001: 134], por. *Выпив таблетки, ты засыпаешь, и твоя душа отлетает, воздушная и невесомая, как бабочка* (НКРЯ); *Душа, как бабочка из кокона, вылетает из мертвого тела* (НКРЯ).

Sposób zachowania się motyli polegający na ciągłym przelatywaniu z jednego kwiatu na inny w poszukiwaniu nektaru legł u podstawy polskiego powiedzenia *niestały jak motyl*, które oznacza człowieka, najczęściej mężczyznę, niestałego w uczuciach, często zmieniającego swoje obiekty zainteresowania, por. *Wkrótce przecież, niestały jak motyl Zygmunt August, poniechał Zajączkowską, a rzucił się w objęcia kobiety, która umysł i wolę jego ujarzmić i wiecznie do siebie przykuć potrafiła* (I).

Krótkość życia motyli sprawia, że zarówno w kulturze polskiej, jak i rosyjskiej często występują one w roli symbolu marności, szybkiego przemijania i kruchości istnienia. Wspomina o tym Adam Mickiewicz w wierszu zatytułowanym *Pierwiosnek: Dni nasze jak dni motylka, Życiem wschód, śmiercią południe; Lepsza w kwietniu jedna chwilka Niż w jesieni całe grudnie* (I). Przykłady postrzegania motyli jako istot o bardzo krótkim życiu są obecne również w języku rosyjskim, por. *Живет, как бабочка, сегодняшним днем, ничего ей не надо [...]* (НКРЯ).

Ze względu na czas aktywności opisywane owady dzielone są przez entomologów na motyle dzienne, ros. дневные бабочки, i motyle nocne, ros. ночные бабочки. Motyle dzienne w potocznym rozumieniu nazywane są po prostu motylami, podczas gdy motyle nocne w języku polskim są potocznie nazywane ćmami, które to określenie nawiązuje w swej etymologii do ciemności i mroku⁸. Zdaniem Ryszarda Tokarskiego podstawą tego podziału jest nie tylko obserwacja zachowania owadów, „ale także ogólniejszy system kulturowych preferencji człowieka...” [Tokarski 2013: 113]. Badacz zwraca uwagę na nazwy gatunkowe motyli dziennych, które eksponują cechy wyglądu owadów, m.in. barwę, np. *bielinek, zieleńczyk, szmaragdowiec*, lub nawiązują do nazw postaci, które charakteryzują się uznaniem, szacunkiem i urodą, np. *admiral, paź królowej, dostojka*, i zestawia je z nazwami gatunkowymi motyli nocnych, które wywołują zdecydowanie negatywne konotacje, np. *zmierzchnica, zmrocznik, nastrosz*. Tłumaczy to zakorzenioną w świadomości językowej opozycją *dzień – noc*, lub nawet opozycją pojęciową *jasny – ciemny*, w której pierwszy element jest wartościowany pozytywnie, np. *jasne spojrzenie*, zaś element drugi budzi pejoratywne skojarzenia, np. *ciemna sprawa* [Tokarski 2013: 113–115]. Z drugiej strony, Małgorzata Brzozowska twierdzi, że wspomniana opozycja nie jest dominującą w sferze wszystkich nazw motyli, dotyczy bowiem nazw z języka potocznego, którego użytkownicy nie posiadają wystarczającej wiedzy, by rozróżniać gatunki motyli dziennych i ciem [Brzozowska 2000: 148]. Pobieżny przegląd rosyjskich nazw gatunkowych motyli także nie potwierdza dominacji analizowanej przez Tokarskiego opozycji. Nazwy motyli nocnych w dużej części są określeniami, które nie ewokują negatywnych skojarzeń, np. *мешочница, пальцекрылка, медведица*, do nielicznych wyjątków należy nazwa *мертвая голова*, pol. *zmora trupia głowa*.

Rosyjski związek wyrazowy *ночная бабочка* poprzez nawiązanie do czasu aktywności nazywanego owada jest potocznym określeniem prostytutki, por. *Платная девушка? Путана? Ночная бабочка? Жрица любви? Какой культурный дворник!* (НКРЯ).

Zjawisko dążenia nocnych motyli do światła jest przyczyną przypisywania tym owadom cechy lekkomyślności i nieroztropności. To niezro-

⁸ Jednym ze znaczeń rosyjskiego wyrazu *тьма* do dzisiaj jest ‘ciemność’.

zumiałe i autodestrukcyjne zachowanie jest werbalizowane w obu językach w formie powiedzenia *Ignąć jak ćma do ognia (światła)*, ros. *лететь как бабочка к огню (на огонь)*, por. *Ночная бабочка летит на огонь, потому что не знает того, что обожжет крылья; и рыба глотает червяка на удочке, потому что не знает того, что это губит ее* (НКРЯ).

Wreszcie, obraz delikatnie trzepoczących motyli skrzydeł tak w języku polskim, jak i w języku rosyjskim ewokuje określenie *efekt motyla*, ros. *эффект бабочки*, przejęte z terminologii matematycznej i upowszechnione dzięki amerykańskiemu filmowi z 2004 roku pod takim samym tytułem. Wyrażenie to opisuje sytuację, w której pozornie nieistotne wydarzenia i błahe decyzje mogą mieć nieprzewidywalny i bardzo istotny wpływ na rzeczywistość w całkowicie odległym miejscu i w innym czasie, por. [...] *czym jest efekt motyla? To teoria zakładająca, że machnięcie motylego skrzydełka w Nowym Jorku może spowodować huragan w Japonii* (KJP); *Конечно, „Брексит”, как и президент Трамп, это такие потрясения, которые заставляют задуматься об „эффекте бабочки” – где еще полыхнет, кто еще наступит на грабли?* (I)

Oprócz pszczoły, mrówki i motyla pozytywne konotacje wywołuje także *biedronka*, w niektórych regionach Polski nazywana też *bożą krówką* (ros. *божья коровка*). Dodatnie wartościowanie zawarte jest już w atrybutywnej części nazwy tego owada, która wskazuje na jego przynależność do świata boskiego. Z naukowego punktu widzenia pożyteczność biedronki polega na pożeraniu dużych ilości niszczyielskich mszyc oraz kleszczy. Nienaukowe wyobrażenia tłumaczą boskie koligacje biedronek faktem, że owad ten maszerując po dłoni zawsze kieruje się ku niebu [Лапок]. Dawniej wierzono, że biedronki są przynoszącymi szczęście lub dobre nowiny wysłannikami nieba i dlatego nie wolno ich zatrzymywać ani tym bardziej zabijać, a wyrządzona im krzywda mogłaby spowodować nieszczęście. Biedronkę można jedynie zachęcać do odlotu przy pomocy wierszyka: *Biedroneczko leć do nieba, przynieś nam kawałek chleba* [Kopaliński 2006: 41]. Podobna zachęta utrwalona została także w języku rosyjskim w różnych wariantach dziecięcego wierszyka, por.: *„Божья коровка, улети на небо, принеси мне хлеба – черного, белого, только не горелого”* (НКРЯ); *Божья коровка, улети на небо – там твои детки кушают комлетки (конфетки)* [Живая речь].

Wyraz *biedronka*, jak podaje *Słownik etymologiczny języka polskiego*, wiąże się z polskimi dialektyzmami *biedrona* ('nazwa krowy łaciatej'), *biedroń* ('nazwa nadawana wołom w cętki lub łaciatym'), *biedrawy* ('nazwa wołu z łaciami w okolicy bioder'), *biedrula* ('krowa łaciate') i in., co tłumaczy obecność rzeczownika *krówka*, ros. *коровка*, w nazwie tego żuka [Boryś 2005: 27]. Przyjemny dla oka wygląd biedronki z pewnością jest kwestią decydującą o dużej sympatii człowieka do tego stworzenia. Cechy fizyczne opisywanego owada, czyli przede wszystkim piękna czerwona barwa oraz posiadanie czarnych kropek, są często eksponowane w licznych tekstach wierszy, Pio-

senek i zagadek skierowanych głównie do dziecięcego odbiorcy, por.: *Do biedronki przyszedł żuk, w okieneczko puk-puk-puk [...] Oburzyła się biedronka: „Niech pan tutaj się nie błąka, Niech pan zmiata i nie lata, I zostawi lepiej mnie, Bo ja jestem piegowata, a pan – nie!”* (I); *Biedroneczki sa w kropeczki i to chwalał sobie [...]* (I); *Божья коровка, Чёрная головка, Рыжая рубашка, Милая Ивашка. На краю сорочки Чёрненькие строчки. На рубашке точки – Капельки от ночки* (I); *Ой, что за насекомое, Пока что незнакомое?! Вперед ползет, не пьтится, На нём в горошек платице* (I). Nieszkodliwość opisywanego owada sprawia, że określenie *божья коровка* w potocznym języku rosyjskim bywa przypisywane człowiekowi, którego cechuje łagodność i potulność, por. *В ее произведении Чернышевский – безвольный робкий человек, который, что называется, и мухи не обидит, такая божья коровка* (НКРЯ).

Do owadów o zdecydowanie złej sławie należą wesz, ros. вошь, pchła, ros. блоха oraz komar, ros. комар, które żywią się krwią i poprzez krew mogą przenosić zarazki wielu poważnych chorób zagrażających człowiekowi. Pchły kojarzone są najczęściej ze swoimi psimi żywicielami, co znajduje potwierdzenie w rosyjskim powiedzeniu: *с собакой ляжешь, с блохами встанешь*. Wszy najczęściej występują na ciele człowieka, na elementach jego odzieży i osobistych przyborach, por. *wierci się jak wesz na kołnierzu; nudny jak wesz za kołnierzem; rzuca się jak wesz na grzebieniu; принялся за дело, как вошь за тело; была бы шуба, а вши будут; быстрая вошка первая на гребешек попадает*. Jednak utrwalone w języku doświadczenie uczy, że także pchły niekiedy wybierają inne niż psia sierść miejsca do życia, na przykład części odzieży lub bielizny pościelowej, por. *uczepić się jak pchła kozucha; рассердясь на блох (на вшей), да и шубу (одеяло) в печь*. Przeniesienie wizji ukłucia przez pchłę, które wywołuje nieprzyjemny świąd skóry, leży u podstaw rosyjskiego frazeologizmu *какая блоха укусила*, będącego określeniem nietypowego i niezrozumiałego zachowania się człowieka. Mikroskopijny rozmiar opisywanego owada został zobrazowany w pochodzącym z utworu Nikołaja Leskova zatytułowanym *Левша* wyrażeniu *блоху подковать*, które oznacza działalność rzemieślnika o niebywałym talencie i poziomie umiejętności. Cecha niewielkiego rozmiaru pchły jest ewokowana także we frazeologizmie *искать блох*, które opisuje czynność polegającą na uporczywym doszukiwaniu się najdrobniejszych błędów i potknięć, por. *„Перестаньте искать блох!” – глава ЦИК повысила голос на оппонентов [...] Так остро Элла Памфилова ответила на критику изменений, которые избирательные комиссии опробуют уже в сентябре* (I). Z kolei oparte na ironii powiedzenie *блоха с лошадью, а вошь с корову*, które służy jako określenie oszusta i błądzącego, bazuje na kontrastowym zestawieniu stworzeń o całkowicie różnych rozmiarach. Dla odmiany polskie przysłowie *łatwiej jest sto pcheł upilnować niż jednej dziewczyny przekonuje, że trudność odnalezienia nawet dużej liczby tak małych insektów jest niczym w porównaniu z pilnowaniem młodej dziewczyny*.

Pchły i wszy kojarzone są z brudem i zaniedbaniem, ponieważ występują zwykle w dużych skupiskach ludzi lub zwierząt, w których nie są zachowane podstawowe warunki sanitarne. Ta niezwerbalizowana cecha konotacyjna wykorzystywana jest w przenośnych znaczeniach wyrazów pochodnych opisujących małą wartość, niską jakość oraz niepożądane cechy moralne lub ich posiadacza: *zapchlony* 'nędzny, marny, lichy, kiepski', *wszarz* 'człowiek podły, pozbawiony zasad moralnych', *wszawy* 'budzący niechęć i odrazę'; *вшиивый* 'ничего не стоящий, низкого качества; плохой', w których zawarta jest pogarda i obrzydzenie, por. *Skąd on ma pieniądze? – pyta mój naród. Skąd on ma kasę? Skąd ten wszarz ma tyle szmalu? Przecież nie odłożył z pensji? Na czym się wzbogacił?* (KJP); *Про Юрьева в прежние времена вообще сказали бы: вшивый интеллигент – худой, осторожный, в больших очках, всегда безупречно одетый и причесанный, невероятно воспитанный* (HKPЯ). Wszy szczególnie dawały się we znaki ludziom w okresie klęsk żywiołowych, takich jak wojna, powodując rozprzestrzenianie się śmiertelnie niebezpiecznego tyfusu plamistego, a także nazwyczajniej uprzykrzając codzienną egzystencję, por. *И был у нас еще один враг – вши! Огромные, средние, маленькие! Черные! Серые! Всякие. Но одинаково безжалостные, не дающие покоя ни днем, ни ночью* [Алексиевич 2013: 61].

Pejoratywna ocena pogardzanego pchlego gatunku i obraz niegodnej szacunku postaci zawarta jest w wierszu Jana Brzechwy pt. *Przygody Pchły Szachrajki: Chcicie bajki? Oto bajka: Była sobie Pchła Szachrajka. Niestychana rzecz po prostu, By ktoś tak marnego wzrostu I nędznego pchlego rodu Mógł wyczynić bez powodu Takie psoty i gałgaństwa, Jak pchła owa, proszę państwa [...]* (I). Łapanie pcheł w języku rosyjskim utrwalone zostało jako proste zajęcie, które nie wymaga specjalnego sprzętu: *без снасти только блох ловить*. Ową łatwość zabijania tych dokuczliwych owadów zobrazował Włodzimierz Majakowski w utworze opisującym planowany przez angielskiego króla pogrom bolszewików przy użyciu pchlich oddziałów: *Хвастнул генерал немножко – красноармеец тут... схватил блоху за ножку, под ноготь – и капут! Капут блохе! Хе-хе-хе-хе!* (I).

Komar postrzegany jest przede wszystkim jako owad, który żywi się krwią ludzi i zwierząt, będący roznosicielem bakterii chorobotwórczych, por. *Na tych, których gwiazda wiodła do tej ziemi szczęśliwości, czyhał tyfus, dur brzuszny, czerwotka i komar, anofelesem zwany, rozsiewca malarii* (KJP). Wśród asocjacji wywołanych hasłem *комар* u użytkowników języka rosyjskiego pojawiają się określenia o charakterze synonimów wskazujące na podstawie jego pożywienia: *кровопийца, вампир, кровосос, кровопивец* (PAC). Do innych atrybutów kojarzonych z komarami należy wydawany przez nie uporczywy i irytujący dźwięk, por. *Żarówka, pewnie źle dokręcona, mrugała bez przerwy, brzęcząc jak komar* (KJP); *W knajpie zapadła cisza absolutna i na pewno jakiś powieściopisarz wspomniałby w tym momencie coś o bzykaniu komara. Niestety, nie*

słysać było nawet tego maleńkiego krwiopijcy (KJP); Тишина стояла, только одинокий тихий комар звенел у уха (HKPЯ); И все же не могу отделаться от мысли, которая, как комар, гудит над ухом (HKPЯ). W świadomości językowej obu nacji utrwalone zostały także niewielkie rozmiary i znikoma siła opisywanego gatunku owadów, por. *Kosteczki jak patyczki, piąstka jak u komara* (KJP); *Худая, как комар, но очень элегантная и сильно озабоченная на анти-советской почве* (HKPЯ). Z małym rozmiarem komara związane jest także rosyjskie powiedzenie *комар носа не подточит*, które wskazuje na doskonale wykonaną pracę. Jego podstawą jest metaforyczne przeniesienie obrazu idealnie gładkiej i równej powierzchni, w której nie ma najmniejszej szczeliny, nawet takiej, która zmieściłaby mikroskopijny kłująco-ssący aparat gębowy komara, por. *Подбери все материалы, чтобы комар носа не подточил!* (HKPЯ).

Jednakowe skojarzenia w świadomości tak Polaków, jak i Rosjan wywołuje nazwa *szarańcza*, ros. *саранча*, która uosabia przytłaczającą ilość czegoś, dokuczliwy tłum i niszczycielską siłę. Atak tych owadów opisany w Starym Testamencie stanowi jedną z plag egipskich, por. *Szarańcza przyleciała na całą ziemię egipską i opuściła się na cały kraj egipski [...] pożarła wszelką trawę ziemi i wszelki owoc z drzewa, który pozostał po gradzie, i nie pozostało nic zielonego na drzewach i nic z roślinności polnej w całej ziemi egipskiej*⁹. Znaczenie metaforyczne obecne w wyrażeniach frazeologicznych w obu językach wykorzystuje ów obraz ogromnej chmary owadów przemieszczającej się z miejsca na miejsce i pozostawiającej po sobie niewyobrażalnie duże połacie zniszczonych upraw, przy czym jej pojawienie się z reguły jest całkowicie nieprzewidywalne, por. *spadać jak szarańcza; как саранча наброситься на что-нибудь*.

Zbliżone do wyżej opisanych konotacje zawarte są w przenośnym znaczeniu polskiej nazwy *stonka*, które wskazuje na dużą grupę ludzi zachowujących się uciążliwie, hałaśliwie, niszczących wszystko dookoła siebie, por. *Turystyczna stonka. Po nieokiełznanych siłach przyrody największym zagrożeniem dla dziedzictwa naszej kultury są turyści* (N).

Nazwa *колорадский жук*, rosyjski ekwiwalent rzeczownika *stonka*, nawiązuje do teorii spiskowej, która pojawienie się tego szkodnika w powojennej wschodniej Europie przypisywała celowym działaniom Stanów Zjednoczonych mającym na celu osłabienie gospodarczej siły ZSRR i innych państw bloku socjalistycznego. W przenośnym znaczeniu wyrażenie to oznacza fałszywego, obłudnego i podstępного człowieka, por. *Понятно, понятно, Витя! Ну и жук же ты колорадский! Всё продумал, всё учёл, голыми руками тебя не возьмёшь* (HKPЯ).

W polskim i rosyjskim językowym obrazie owada można zaobserwować duże zbieżności. W językowo-kulturowej przestrzeni obu nacji wy-

⁹ Wj 10, 14–15.

rażnie zaznacza się opozycja między owadami z utrwalonymi pozytywnymi konotacjami oraz owadami charakteryzującymi się pejoratywnym wartościowaniem. Pozytywna ocena owadów opiera się głównie o kryterium użyteczności dla człowieka oraz ich nieszkodliwości. Istotną rolę odgrywa także wygląd zewnętrzny. Negatywne konotacje związane są przede wszystkim z zagrożeniem dla zdrowia człowieka stwarzanym przez poszczególne insekty w związku z roznoszeniem chorób lub ich dokuczliwością wynikającą z ryzyka ukąszenia, wydawanego uciążliwego dźwięku albo powodowanych zniszczeń. Pojedyncze różnice pomiędzy polskim i rosyjskim obrazem analizowanego wycinka rzeczywistości mają swoje źródło w odmiennych uwarunkowaniach geograficznych bądź elementach literacko-kulturowych, por. *шнyc, Myxa-Цокoмыxa, Pchła Szachrajka*.

Bibliografia

- Bartmiński J., Kielak O., Niebrzegowska-Bartmińska S. 2015. *Dlaczego wąż nie ma nóg. Zwierzęta w ludowych przekazach ustnych*, Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Biedermann H. 2001. *Leksykon symboli*, Warszawa: Muza S. A.
- Boryś W. 2005. *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Kraków: Wydawnictwo Literackie.
- Brzozowska M. 2000. *Derywaty onomazjologiczne (asocjacyjne) w językowym obrazie świata*, „Język a Kultura”, Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, t. 13, s. 143-152.
- Grzegorzycowa R. 1999. *Pojęcie językowego obrazu świata*, [w:] *Językowy obraz świata*. Red. J. Bartmiński, Lublin: Wydawnictwo UMCS, s. 39-46.
- Kopaliński W. 1997. *Koty w worku czy z dziejów pojęć i rzeczy*, Warszawa: Oficyna Wydawnicza RYTM.
- Kopaliński W. 2006. *Słownik symboli*, Warszawa: Oficyna Wydawnicza RYTM.
- Krzyżanowski J. 1975. *Mądrej głowie dość dwie słowie*, Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.
- Maćkiewicz J. 1999. *Wyspa – językowy obraz wycinka rzeczywistości*, [w:] *Językowy obraz świata*. Red. J. Bartmiński, Lublin: Wydawnictwo UMCS, s. 193-206.
- Maciołek M. 2012. *Kształtowanie się nazw owadów w języku polskim. Procesy nominacyjne a językowy obraz świata*, Katowice: praca doktorska, dostęp online: <https://sbc.org.pl/Content/93259/doktorat3279.pdf> (10.11.2017).
- Pismo Święte Starego i Nowego Testamentu*. 1980. Poznań-Warszawa: Wydawnictwo Pallotinum.
- Sandner H. 1990. *Owady*, Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Słownik języka polskiego*. Red. W. Doroszewski, dostęp online: <https://sjp.pwn.pl/doroszewski/> (12.09.2017).
- Tokarski R. 2013. *Światy za słowami. Wykłady z semantyki leksykalnej*, Lublin: Wydawnictwo UMCS.

- Tresidder J. 2001. *Słownik symboli*, Warszawa: Wydawnictwo RM.
- Żuk G. *Językowy obraz świata w polskiej lingwistyce przelomu wieków*, dostęp online: https://depot.ceon.pl/bitstream/handle/123456789/144/Jezykowy_obraz_swiate.pdf?sequence=1 (07.09.2017).
- Алексиевич С. 2013. *Последние свидетели. Соло для детского голоса*, Москва: „Время”.
- Белянин В. П., Бутенко И. А. *Живая речь. Словарь разговорных выражений*, dostęp online: <https://livespeak.academic.ru> (10.09.2017).
- Лапок Л., *Почему божья коровка так называется*, dostęp online: http://www.topauthor.ru/pochemu_bogya_korovka_tak_nazivaetsya_fb62.html (10.09.2017).
- Серебренников Б. А., Кубрякова Е. С., Постовалова В. И., Телия В. Н., Уфимцева А. А. 1988. *Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира*, Москва: „Наука”.

Objaśnienia skrótów

- KJP – Narodowy Korpus Języka Polskiego, dostęp online: <http://nkjp.pl>
- N – „Newsweek”, wydanie internetowe, dostęp online: <http://www.newsweek.pl>
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка, dostęp online: <http://ruscorpora.ru/index.html>
- РАС – Караулов Н. Ю., Черкасова Г. А., Уфимцева Н. В., Сорокин Ю. А. 2002. *Русский ассоциативный словарь: в 2-х т.*, Москва: Астрель.
- СРФ – Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. 1998. *Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический словарь*, Санкт-Петербург: „Фолио-Пресс”.
- I – Inne źródła internetowe

ЖАНРЫ МЕМЕТИЧЕСКОГО ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА:
IQKARTKA / АТКРЫТКА

THE GENRES OF MEMETIC INTERNET DISCOURSE – *SOMEECARDS*

OLGA MAKAROWSKA

ABSTRACT. The article is dedicated to a new network genre – the someecard as a component of the Polish-speaking and Russian-speaking mimetic Internet discourse. The main task of the research is to reveal the principal features of someecards as an Internet genre. For this purpose, we address a number of issues related to the appearance of this genre and its place among other hybrid genres. The functions of a someecard are set – genre-forming features, features of themes, manifestations of genre creativity and the availability of genre links.

Keywords: mimetic Internet discourse, genre of someecard, genre creativity

Olga Makarowska, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Poznań
– Polska, filin@amu.edu.pl

Одним из результатов развития Интернета явилось становление ряда сетевых жанров, в т. ч. меметических. Лавинообразное появление, распространение и накопление (создание коллекций, тематических групп и др.) интернет-мемов привело, среди прочего, к образованию меметического интернет-дискурса.

При его определении (не вдаваясь в дискуссию относительно интерпретации понятий *дискурс* и *интернет-дискурс*¹) примем во внимание необходимость учета контекста, касающегося технических условий в ходе исследования зависимости определенных элементов [Żydek-Bednarczyk 2013: 348], а также возможность трактовки дискурса как комплекса объектов². Итак, **меметический интернет-дискурс** есть совокупность всех мемов, независимо от их жанровой принадлежности и специфики (вербальные, аудиальные, креолизованные, динамичные и пр.), в сочетании с сетевыми ресурсами, способствующими их генерированию, передаче / обмену и сохранению.

¹ В специальной литературе подчеркивается неоднозначность понятия *дискурс* [Howarth 2008: 14] и дискуссионность термина *интернет-дискурса* [Галичкина 2012: 53–57].

² Например, В. Е. Чернявская пишет о дискурсе как о совокупности „текстов (типов текстов)” [Чернявская 2014: 115].

К популярным жанрам³ меметического интернет-дискурса относится *аткрытка* [Ухова 2014]. Этот жанр, несмотря на широкую известность, редко находится в центре внимания исследователей. Поэтому *цель статьи* — выявить особенности польско- и русскоязычной аткрытки как интернет-жанра, в чем поможет реализация *основных задач*, точнее, установление: появления жанра, его места среди иных жанров, его функций, жанрообразующих признаков, тематической направленности, проявлений жанровой креативности, наличия жанровых связей⁴. Ведущие *методы* исследования — анализ меметического интернет-дискурса, сравнение и описание. *Исследуемый материал*, собранный методом сплошной выборки, — приблизительно 200 аткрыток (примерно по 100 русскоязычных и польскоязычных мемов), выложенных на специализированных и юмористических сайтах <http://atkritka.com>, <http://www.bugaga.ru>, IQkartka.pl, www.temysli.pl и др.

Генезис жанра. История создания меметического жанра *IQkartka / аткрытка* начинается в 2006 г., когда американцами Бруком Лунди (Brook Lundy) и Данкеном Митчеллом (Duncan Mitchell) был запущен сервис *Someecards.com* для создания и рассылки электронных открыток (<http://www.someecards.com/page/about>). Их визуальная сторона, сконструированная по определенной модели (однотонный фон, пастельный цвет, картинка в стиле ретро справа и короткая надпись слева), гарантировала легкую распознаваемость открыток, а конкретный размер и объем (425 x 235 пикселей, 40–50 Кбайтов; <http://topgorod.com/hi-tech/internet/6977-atkrytki.html>) — быструю загрузку и комфорт просмотра без необходимости открывать дополнительное окно или увеличивать изображение. Тексты, сначала пародировавшие надписи на открытках фирмы „Холлмарк“ (Hallmark)⁵, отличаются далеко не тонким или даже черным юмором, подаваемым с каменным лицом, ср.: *When work feels overwhelming, remember that you're going to die* (мальчик читает книгу, сидя на стопке книг)⁶.

Идея производства *someecards* была подхвачена польскими и российскими интернетчиками⁷: в 2009 г. начинает действовать русско-

³ О соотношении понятий *интернет-мем* и *интернет-жанр* см.: [Makarowska 2016: 84–85].

⁴ Описание жанра аткрытки осуществлено в соответствии со схемой, использованной в следующих работах: [Бугаева; Makarowska 2016].

⁵ О фирме см.: https://en.wikipedia.org/wiki/Hallmark_Cards

⁶ Перевод, размещенный на сайте (<http://joemonster.org/art/17272>): „Kiedy zadanie wydaje się być przytłaczające, pamiętaj, że kiedyś umrzesz” (*Когда работа тебя подавляет, помни, что когда-нибудь ты умрешь*). Здесь и далее перевод на русский язык наш — О. М.

⁷ Точная дата появления первых польско- и русскоязычных аткрыток не установлена.

язычный сайт по созданию мемов Atkrytka.com, в 2012 г. — польско-язычный IQkartka.pl.

Прапрообразом аткрыток в целом можно считать иллюстрированные открытые письма, появившиеся в Европе в начале семидесятых годов XIX в. [Kotłowski 1998: 12–18]. Если говорить о визуальных прообразах мемов в польской и русской культурах, то к ним относятся креолизованные рекламы начала XX в., размещенные в прессе⁸.

Несмотря на то, что непосредственным образцом польско- и русскоязычных аткрыток послужили *someecards*, сходство их визуальной стороны с прессовыми рекламами того времени бесспорно. Общие элементы — небольшой формат, однотонный светлый фон (цвет печатного листа или пастельные тона), рисунок и шрифт черного цвета, стиль ретро, в котором выполнен рисунок. Кроме рекламируемых предметов, на рекламных картинках, как и на аткрытках, изображались лица людей, выражающие определенное настроение, сами люди, в т. ч. дети, в действии (говорящие по телефону, гуляющие и т. д.) в любой комбинации.

Название и определение жанра. Новый сетевой жанр в русском языке получил название *аткрытка*; его ошибочное, на первый взгляд, написание, однако, не позволяет спутать интернет-мем с другими (не)виртуальными аткрытками.

В польском языке для называния мема употребляются не только слово *IQkartka* и заимствованное *someecards* (чаще именно во множественном числе), но и слово *e-kartka*⁹, несмотря на то, что служит для обозначения любых э-открыток.

Лексический неологизм *IQkartka* — эффект контаминации аббревиатуры IQ (англ. — *Intelligence Quotient*, коэффициент интеллекта [Siuta 2005: 108]) и слова *kartka* (польск. — *карточка, листок* [Hessen, Stypuła 1998: 309]).

Смысл названия косвенно объясняет информация, размещенная на странице Фейсбука: „IQkartka.pl — inteligentna strona humoru. Inteligentna strona humoru — miejsce w którym łączy się humor i IQ” (*IQkartka.pl — умная юмористическая страница. Умная юмористическая страница — место, где юмор объединяется с IQ*; https://www.facebook.com/IQkartka/?ref=page_internal).

В настоящее время **IQkartka / аткрытка** — это однотонная, пастельного цвета картинка установленного размера, объема и образца, с черно-белым рисунком справа и юмористической надписью слева.

⁸ Примеры реклам см.: <https://www.warszawa.ap.gov.pl/swiatecznereklamy/swiatecznereklamy.html> и http://vasi.net/community/all/2009/11/30/gazetnaja_reklama_nachala_20go_veka.html. Об истории рекламы см.: [Вайка 1993: 16–47; Ученова, Старых 2002].

⁹ Например, см.: <http://www.temysli.pl/tag/zabawne-ekartki>

Аткрытки и другие креолизованные интернет-мемы. IQkartka / аткрытка (далее — аткрытка) принадлежит к группе интернет-мемов, для которых характерны следующие жанровые признаки: интернетность (создание и функционирование обычно в Сети), визуальность, статичность, креолизованность, вербально-невербальная воплощенческая форма. В эту группу входят макросы, зооматрицы (песоматрица, котоматрица, оленематрица и пр.), лолкоты, эдвайсы, (де)мотиваторы, любвитиаторы (мотиваторы про любовь), креолизованные стишки-порошки, стрип-комиксы и под.

Аткрытка как меметический интернет-жанр ближе всего:

- к эдвайсу, (де)мотиватору, любвитиатору по способу создания и узнаваемости, т. к. мемы изготавливаются с помощью программ или интернет-сервисов, на базе шаблонов или по конкретному образцу, визуальная сторона которых способствует их однозначной жанровой идентификации;

- к котоматрице, песоматрице и позднему демотиватору по жанровому многообразию вербального компонента, обуславливающему его жанровую неопределенность;

- к эдвайсу по ведущим функциям.

Назначение жанра. Особенность назначения аткрытки, как и эдвайса, в том, что мем выполняет одновременно две главные функции, одна из которых задается визуальным компонентом. Рисунок аткрытки в сочетании с цветом фона¹⁰, обеспечивающие их узнаваемость и призванные заинтересовать читателя, выполняют функцию *привлечения внимания*. Заинтриговать интернет-пользователя способно передаваемое изображением настроение, сам персонаж картинке, его эмоциональное и физическое состояние, неожиданная ситуация.

Вторая главная функция, *развлекательная*, связана с текстовой частью мема; она касается, с одной стороны, создателя текста, составляющего его или подбирающего к картинке, с другой — адресата, читающего / просматривающего надписи.

Развлекательная функция (речь идет о первом случае) коррелирует с такими функциями, как: **а) креативная**, выражающаяся в оригинальном применении языкового материала часто с нарушением норм; **б) творческая** (моделирующая), проявляющаяся в придумывании или подборе текста к рисунку; **в) эстетическая**, означающая привлечение текстов из разнообразных культурных источников (фольклор, литература, кинематография и др.); **г) когнитивная**, дающая возможность автору поделиться информацией.

¹⁰ Важны не только цветовые предпочтения читателя, но и оттеночные, т. к. одних индивидов привлекают холодные оттенки, других — теплые, подробнее [см.: Арнхейм 1974: 317–326].

Эмотивная функция аткрыток, обусловленная текстом и / или картинкой, заключается в передаче определенного настроения, причем текст может увеличивать силу эмотивного воздействия изображения или уменьшать ее¹¹. **Аксиологическая** функция проявляется в обращении их авторов к основным жизненным и духовным ценностям¹², **интерактивная** — во взаимодействии на линии человек — компьютер, эвентуально автор — читатель (комментирование, оценка, обсуждение, обмен мнениями), а **коммуникативная** — в передаче информации. У некоторых мемов явно проступает **идеологическая** функция как „выражение идеологических предпочтений автора”¹³ [Бугаева].

Жанрообразующие факторы. Если говорить о признаках, формирующих жанр, то наиболее ярким является **креолизованность** (в терминологии других исследователей — **поликодность**), т. е. „соединение вербального и невербального компонентов” [Чернявская].

Второй признак — наличие у аткрыток частичной креолизации, предполагающей или относительную автономность надписи [Анисимова 2003: 15], т. е. придуманную к конкретной картинке, но могущую функционировать самостоятельно¹⁴, или полную, если она является самостоятельным текстом, добавленным к рисунку, напр., анекдот. В последнем случае один и тот же текст может прикрепляться к разным изображениям¹⁵. Полная креолизация, подразумевающая невозможность

¹¹ Например, радостное настроение, заданное танцующей канкан и улыбающейся девушкой, нивелируется серьезностью надписи: „Prawdziwa wolność zaczyna się wtedy, kiedy przestajesz robić coś dla innych, a zaczynasz dla siebie” (*Настоящая свобода начинается тогда, когда перестаешь делать что-то для других, а начинаешь для себя*; <http://IQkartka.pl/kartka/19868.html>). Веселость смеющегося персонажа усиливает надпись: „Если цены смешные, то и качество — обхохочешься!” http://atkritka.com/403894/?sphrase_id=616958. Все надписи приводятся без правки.

¹² К примеру: „Miarą wartości mężczyzny jest duchowe i emocjonalne zdrowie jego rodziny” (*Мерой ценности мужчины является духовное и эмоциональное здоровье его семьи*, на картинке — задумчивый молодой человек во фраке с цветком в петлице, <http://iqkartka.pl/kartka/12876.html>); „Настоящие ценности жизни — это еда и патроны. Все остальное — фальш и обман”, на картинке — солдат в полном обмундировании (http://atkritka.com/217037/?sphrase_id=614984).

¹³ Например: „Американская демократия распространяется воздушно-ракетным путем” (на картинке — летящий самолет; http://atkritka.com/399055/?sphrase_id=613269).

¹⁴ Например, тост: „Wypijmy zdrowie tych,którym samochód dziś odpalił... albowiem nie zdają sobie sprawy jakimi szczęściarzami są...” (*Так выпьем за здоровье тех, у кого сегодня машина завелась, поскольку они не отдают себе отчета в том, какие они счастливичики*; <http://iqkartka.pl/kartka/19976.html>).

¹⁵ К примеру, анекдот: „Создал бог женщину, посмотрел на нее и сказал: ‘А ладно, покрасится!’” размещен на карточках с разным изображением ср.: <http://atkritka.com/405366> и <http://atkritka.com/174555/>

существования вербальной части, „независимо от изобразительной части” [Анисимова 2003: 15], среди доступных аткрыток не встречается.

Третий признак касается типа связи обоих компонентов аткрытки, совмещенных на основании (не)линейности. При наличии линейной связи обе составляющие мема (взаимо)дополняют друг друга. Создается впечатление, что картинка выполняет роль иллюстрации конкретного текста, хотя может использоваться сколь угодно большое количество раз. Примером может послужить мем с надписью „Отель в Эйлате понравился, номер вообще супер! А полотенца такие пушистые, что еле чемодан закрыл” и изображением навьюченного поклажей туриста на фоне летящего самолета (<http://www.bugaga.ru/tags/%E0%F2%EA%F0%FB%F2%EA%E8/>).

Нелинейность предполагает совмещение компонентов без их сочетания, напр., между текстом „Wyjątkowa odmiana wyrazu ‘seks’ — nie przez przypadki, lecz przez okazje.” (*Необычное склонение слова „секс” — не по падежам, а по случаям*) и изображением бегущего шута (<http://IQkartka.pl/kartka/19603.html>) отсутствуют прямые связи зависимости или (взаимо)дополнения.

Четвертый признак — жанровая неограниченность вербального компонента аткрыток, дающая возможность их авторам или использовать уже существующие малоформатные тексты или сочинять собственные.

Единообразие, пятый признак, обусловлен спецификой невербального компонента мемов, включающего: однотонное, пастельного цвета поле, обрамленное узкой белой рамкой; неперекрывающиеся черно-белый рисунок и текст; надпись, набранная шрифтом Verdana (без засечек, с уменьшенным интервалом между буквами); наличие логотипа сайта, напр., IQkartka.pl или Atkритka.com, в нижнем левом углу; зафиксированное место расположения картинки и надписи. Неизменность этих особенностей определяет каноническую композиционно-графическую модель визуальной стороны данного интернет-жанра. Следует также добавить постоянные технические характеристики и ограниченные возможности по изготовлению аткрыток, которые на специальных сайтах могут конструировать только зарегистрированные пользователи в соответствии с установленными правилами¹⁶.

Шестой признак, простота и доступность языковых и графических средств, есть результат ряда запретов, изложенных на сайтах в памятках для пользователей. Авторам аткрыток запрещается: разнообразить колористику рисунков, фона и шрифта; перегружать текст эмодикона-

¹⁶ Правила создания аткрыток, изложенные на польском и русском сайтах по изготовлению мемов, почти одинаковые, ср.: http://atkritka.com/kak_jit/ и <http://IQkartka.pl/zasady.html>

ми; увеличивать количество знаков препинания; набирать текст прописными буквами (касается только сайта Atkритka.com); а также употреблять обсценную лексику (хотя в нецензурных словах допускается замена избранной буквы звездочкой) и иностранные слова в оригинале (касается только сайта Atkритka.com).

Седьмой признак — легкость распространения, копирования и сохранения, а также относительная доступность¹⁷ мема для широких кругов пользователей.

Специфика тематики. В связи со вторичностью текста, который подбирается / сочиняется к картинке, общая тематическая направленность аткрыток в первую очередь задается изображением (исключения могут касаться мемов с нелинейной связью). Главная ее черта — антропоцентричность — определяется, во-первых, редким представлением на картинках (не)рукотворных предметов (<http://stylowi.pl/1606743>), животных (<http://atkritka.com/407183/>), растений (http://atkritka.com/377470/?sphrase_id=615531). Во-вторых, тем, что при отсутствии человека на картинке авторы в подавляющем большинстве сосредотачиваются именно на нем, ср.: „погибла капуста пропал баклажан как голо и пусто в сердцах парижан“ (на аткрытке — тыква и кукуруза; <http://atkritka.com/405350/>).

Основная же тематика аткрыток, выделенная на сайтах Iqkartka.pl и Atkритka.com с опорой на содержание их надписей и выстраиваемая вокруг избранных концептов, подтверждает ее антропоцентрическую направленность, заданную рисунками, ср.:

— на сайте Iqkartka.pl в общей сложности указано 16 тематических блоков, т. е. „Absurd, Alkohol, Cytaty, Czarny humor, Dowcipy, Kawały, Humor, IQ, Kobiety, Mądrość, Mężczyźni, Sarkazm, Seks, Śmieszne, Zdrowie, Życie“;

— на сайте Atkритka.com представлено 25 тематических блоков. Это „юмор, женщина, женщины, ее, мужчина, жизнь, алкоголь, секс, прикол, отношения, дети, работа, любовь, анекдот, мысли, девушки, девушка, мужчины, выражения, философия, мудрость, сарказм, мужчина и женщина, люди, еда“. Однако при разворачивании всех тегов открывается список, состоящий приблизительно из тысячи концептов (<http://atkritka.com/alltags/>).

Сравнение тематических блоков обоих сайтов показывает, что десять из них общие, как то: *Алкоголь, Анекдоты, Приколы, Юмор, Женщины, Мудрость, Мужчины, Сарказм, Секс и Жизнь*. Совпадение же этих блоков с тематикой сайта Someecards.com незначительно, поскольку касается

¹⁷ Относительная потому, что автор аткрытки может не выставлять ее для публичного доступа.

лишь одной темы *Алкоголь / Alkohol – Drinking* (<https://www.someecards.com/card/categories/>).

Понятие **жанровой креативности** обычно используется по отношению к тексту и определяется как „twórcze wyzyskanie wzorca organizacji tekstu”¹⁸ [Cieśla 2014: 27]. Рассматривая аткрытку в качестве текста с семиотических позиций¹⁹, необходимо учитывать, что жанровая креативность может охватывать – одновременно или по отдельности – все уровни организации, различные по своей природе, т. е. вербальный, текстовый и изобразительный.

В связи с официальными требованиями, предъявляемыми к оформлению аткрыток, креативность на уровне изображения встречается довольно редко. Ее проявления, часто единичные, это: **а)** замена картинки плакатом „Родина-мать зовёт!” И. Тоидзе (1941), <http://iqkartka.pl/kartka/19936.html>; **б)** изображение отдельных частей тела, напр., мозга (<http://iqkartka.pl/kartka/19743.html>); **в)** использование на картинке иностранных слов, напр., „Help me” (<http://iqkartka.pl/kartka/170.html>); **г)** введение нетипичных для аткрыток персонажей, скажем, инопланетянина (<http://iqkartka.pl/kartka/45.html>), доктора Зойдберга из мультсериала „Футурама” (1999–2013), <http://atkritka.com/406069/>; **д)** представление персонажей в табуизированных ситуациях, напр., при справлении физиологических потребностей (<http://iqkartka.pl/kartka/104.html>, http://atkritka.com/384633/?sphrase_id=615805); **е)** использование известных мемов, напр., „Попкорн-кот” (<http://iqkartka.pl/kartka/19736.html>).

В целом авторы рисунков придерживаются стиля ретро, что касается и изображаемых предметов. Среди них – только устаревшие модели различной техники (ЭЛТ-монитор, <http://iqkartka.pl/kartka/122.html>; танк, <http://atkritka.com/5205/>, дискета, http://atkritka.com/50835/?sphrase_id=616209), медицинских и музыкальных инструментов (стеклянный шприц, http://atkritka.com/192767/?sphrase_id=615826; синтезатор, http://atkritka.com/350728/?sphrase_id=615829), транспортных средств (мотоцикл, http://atkritka.com/378499/?sphrase_id=615827; паровоз, http://atkritka.com/163635/?sphrase_id=615828) и пр.

Некоторым авторам русскоязычных аткрыток иногда удается использовать: цветные картинки, скажем, мем Педобир (<http://krabov.net/47718-prikolnye-atkrytki-169-40-kartinok.html>); шрифт с засечками,

¹⁸ Дословно: „творческое использование образца организации текста”.

¹⁹ Согласно Ю. Лотману,

текст предстает перед нами не как реализация сообщения на каком-либо одном языке, а как сложное устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, как информативный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности [...]

[Лотман 1992: 132].

напр., Times New Roman²⁰; заглавные буквы, напр., „НА ХОЛОДЕЦ” (девочка везет на санках братишку, <http://atkritka.com/1511/>). Анимированные же изображения можно найти лишь среди англоязычных мемов²¹.

На вербальном уровне креативность, если понимать ее как один из видов отклонения от установленных правил [Pisarkowa 1977: 144], выражается во „вплетении” в текст мемов иностранных слов, выражений или фраз²², что идет вразрез с правилами, относящимися исключительно к русскоязычным аткрыткам.

Отсутствие требований относительно жанровой принадлежности текстов надписей или, как минимум, преобладания текстов определенного жанра, обуславливает жанровую открытость вербального компонента. Она, с одной стороны, нивелирует вопрос жанровой креативности на уровне текста, с другой, обеспечивает **жанровые связи** аткрытки.

Они принадлежат к связям горизонтального типа²³, что предполагает совмещение визуального компонента аткрытки, являющегося ее основой как креолизованного интернет-жанра, с текстом, принадлежащим к конкретному, преимущественно нелитературному, жанру.

Среди них встречаются анекдоты, текстовые мемы, напр., стишки-порошки²⁴ („как у коня сказала зоя // олег зарделся ну а то // и принялся с любовью гладить // пальто”, <http://atkritka.com/390662/>), шуточные объявления и определения²⁵, предложения типа „Podczas kłótni nie

²⁰ См.: „— Что-то гугл по запросу ‘businassman’ всякую чушь выдает... // — А что должен? // — Про бизнесменов что-нибудь... // — Так ты и ищи про бизнесменов, а не про человека-с-автобусом-в-заднице!” ([в:] электронный ресурс: <http://krabov.net/44092-prikolnye-atkrytki-123-40-kartinok.html>). Последние пять слов набраны более мелким шрифтом, что тоже редкость.

²¹ Например, джентльмен пьет вино, наливая его в воронку с гибкой трубкой, конец которой он держит во рту, что создает эффект сообщающихся сосудов ([в:] электронный ресурс: <https://www.someecards.com/weddings-cards/my-plusone-for-your-wedding-will-be-the-bartender-at-your-wedding/>).

²² Например: „As buzy as a bee, твою мать!” (на картинке мужчина в очках у компьютера, [в:] электронный ресурс: http://atkritka.com/215522/?sphrase_id=615944).

²³ Связи вертикального типа характерны для классических демотиваторов на уровне *слоган / лозунг – текст-пояснение*. О вертикальных и горизонтальных межжанровых связях в сетевых макрожанрах ранее писал В. П. Кошель [Его же].

²⁴ Этот жанр, как и стишки-пирожки, депрессяшки и экспромты, встречаются только в сетевой поэзии Рунета.

²⁵ Соответственно: „Sprzedam zestaw noży do zabijania czasu” (*Продам набор ножей для того, чтобы убить время*, [в:] электронный ресурс: <http://iqkartka.pl/kartka/11962.html>); „DOBRE dziewczyny to ZŁE dziewczyny, które nie zostały przyłapanie” (*Хорошие девочки – это плохие девочки, которых еще не застукали*, [в:] электронный ресурс: <http://iqkartka.pl/kartka/1349.html>).

podność głosu... Podnieś poziom swoich argumentów" (*Во время ссоры не повышай голос. Повышай уровень аргументации*, <http://iqkartka.pl/kartka/13265.html>) и многое другое.

Интересно, что авторы надписей не часто используют тексты, которые сложно отнести к конкретному жанру, ср.: „СПАСИБО ЗА ВНИМАНИЕ // Теперь вынимайте. Спасибо" (задумчивая девушка сидит на диванчике, положив ноги на бочонок со стоящей на нем декоративной бутылкой, http://atkritka.com/249806/?sphrase_id=616482); „Święta, święta... i na dietę!" (*Праздники, праздники... и на диету!*, девушка, прикрывшая рукой свое лицо, сидит с ногами на кровати; <http://iqkartka.pl/top.html?page=20>).

Сравнение текстов польско- и русскоязычных версий жанра *Iqkartka / аткрытка* позволило выявить такие общие их особенности (кроме перечисленных выше), как:

1. Использование одних и тех же текстов, часто с одинаковыми картинками, отличающимися лишь цветом фона. Для сравнения анекдот и прибаутка соответственно:

– „Продам хамелеона... Синего, нет красного, нет зеленого... Блин, круто!!! Нет, не продам" (http://atkritka.com/183136/?sphrase_id=616535) и „Sprzedam kameleona... Niebieskiego, nie – czerwonego, nie – zielonego. Kurczę, to jest zarąbiste! Nie, nie sprzedam!" (<http://iqkartka.pl/szukaj.html>). На картинках – аукционист;

– „Zawsze po bieganii jem ogromną pizzę. Żartuję.. Nie biegam" (*После пробежки съедаю огромную пиццу. Шучу... Я не занимаюсь бегом*; <http://blog-earn.ru/aneddoty-trenazhernyy-zal/>) и „После занятий в тренажерном зале, я захожу в кафе и заказываю себе пиццу. Шучу. Я не хожу в спортзал" (<http://atkritka.com/340036/>). На картинках – спортсменка.

2. Цитирование высказываний известных лиц (писателей, ученых, политиков и др.), иногда тех же самых, ср.: „Łatwiej jest ogłupić ludzi niż przekonać ich, że zostali ołupieni. Mark Twain" (<http://iqkartka.pl/kartka/18160.html>) и „Человека легче обмануть, чем убедить его, что он обманут. Марк Твен" (http://atkritka.com/366312/?sphrase_id=616542).

3. Редирективность многих аткрыток, созданных на сайтах *IQkartka.pl* и *Atkritka.com*, означающая привлечение разных культурных источников²⁶. Последние могут преобразовываться или вводиться в текст надписи без изменений, ср.:

– „Леди, покидающая автомобиль, увеличивает его скорость. Или, баба с возу – кобыле легче" (http://atkritka.com/187697/?sphrase_id=616545) и „Баба с возу – другая лезет" (http://atkritka.com/50518/?sphrase_id=616545);

²⁶ О редирективности [см. Макаровска 2017: 181–194].

– „Gość w dom to Bóg w dom, dlatego nie przyjmuję gości” (Гость в дом – Бог в дом, поэтому гостей я не принимаю, <http://iqkartka.pl/kartka/1605.html>) и „Gość w dom, woda do zupy” (Гость в дом, вода – в суп, <http://iqkartka.pl/kartka/1242.html>).

Остальные общие черты польско- и русскоязычных аткрыток не затрагиваются, поскольку, раскрываясь на языковом уровне, не являются жанровыми.

Таким образом, *IQkartka / аткрытка* как сложившийся жанр меметического интернет-дискурса отличается устойчивыми формальными и жанровыми признаками, антропоцентрической тематической направленностью и жанровым разнообразием вербального компонента. При этом проявления жанровой креативности мема свидетельствуют о возможности его дальнейшего развития и модификации. Общие признаки польско- и русскоязычных аткрыток в целом позволяют трактовать их как разноязычные версии жанра *someecards*, различия которых особенно ярко проявляются на смысловом и языковом уровнях.

В дальнейшем необходимо рассмотреть не только эти отличия, но и установить проявления языковой креативности, специфику жанротекстовой и жанровой редирективности, а также проанализировать многожанровость вербального компонента и его межжанровые связи. Перспективным представляется проведение исследований именно в сравнительно-сопоставительном русле.

Библиография

- А н и с и м о в а Е. Е. 2003. *Лингвистика текста и межкультурная коммуникация. На материале креолизованных текстов*, Москва: АСАДЕМІА.
- А р н х е й м Р. 1974. *Искусство и визуальное восприятие*, Москва: Изд-во „Прогресс”, с. 317–326.
- Б у г а е в а И. В. *Демотиваторы как новый жанр в Интернет-коммуникации: жанровые признаки, функции, структура, стилистика*, [в:] электронный ресурс: <http://www.rastko.rs/filologija/stil/2011/10Bugaeva.pdf> (17.02.2017).
- Г а л и ч к и н а Е. Н. 2012. *Общая характеристика компьютерно-опосредованного дискурса*, [в:] *Интернет-коммуникация как новая речевая формация*. Ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова, Москва: ФЛИНТА, с. 53–71.
- К о ш е л ь П. В. *Жанровая сочетаемость в интернет-коммуникации*, [в:] электронный ресурс: http://tverlingua.ru/archive/036/06_36.pdf (17.02.2017).
- Л о т м а н Ю. М. 1992. *Семиотика культуры и понятие текста*, [в:] *Его же, Избранные статьи в трех томах. Статьи по семиотике и топологии культуры*, т. I, Таллин: „Александра”, с. 129–132.

- Макаровска О. 2017. *Редирективность котоматричных текстов*, „Žmogus kalbos erdvėje”, Kaunas: Vilniaus universiteto Kauno humanitarinis fakultetas, nr 9, с. 181–194 (макет сборника).
- Ухова Л. В. *Жанровое своеобразие коммуникативного пространства социальных сетей*, 2014, [в:] электронный ресурс: <http://yspu.org/images/d/d3/UkhovaLV.pdf> (17.02.2017).
- Ученнова В. В., Старых Н. В. 2002. *История рекламы*, Санкт-Петербург: Питер.
- Чернявская В. Е., *Какие текстовые границы нужны лингвисту?*, [в:] электронный ресурс: <http://www.rastko.rs/filologija/stil/2008/09Cernjavska.pdf> (17.02.2017).
- Чернявская В. Е. 2014. *Лингвистика текста. Лингвистика дискурса*, Москва: „ФЛИНТА”, „Наука”.
- Вайка Z. 1993. *Krótką historia reklamy na świecie i w Polsce*, „Zeszyty Prasoznawcze”, Kraków, nr 3–4 (135–136), rocz. XXXVI, с. 16–47.
- Сієла В. 2014. *Poziomy kreatywności genologicznej*, [в:] *Kreatywność językowa w komunikowaniu (się)*. Red. K. Burska, B. Cieśla, Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, с. 27–42.
- Hessen D., Stypuła R. 1998. *Wielki słownik polsko-rosyjski*, t. 1, Warszawa: Wiedza Powszechna.
- Howarth D. 2008. *Dyskurs*, Warszawa: OFICYNA NAUKOWA.
- Kotłowski J. 1998. *Dawne pocztówki: historia, ikonografia, kolekcjonerstwo*, Warszawa: BN.
- Макаровска О. 2016. *Особенности котоматрицы как интернет-жанра*, „Studia Rossica Gedanensia”, Gdańsk, nr 3, с. 77–95.
- Писаркова К. 1977. *Odchylenie a kreatywność w języku potocznym*, „Polonica”, rocz. III, с. 141–179.
- Słownik psychologii*. 2005. Red. J. Siuta, Kraków: Wydawnictwo Zielona Sowa.
- Żydek - Bednarczyk U. 2013. *Dyskurs internetowy*, [в:] *Style współczesnej polszczyzny*. Red. E. Malinowska, J. Nocoń, U. Żydek-Bednarczyk, Kraków: TAIWPN UNIVERSITAS, с. 347–379.

Электронные ресурсы

- https://en.wikipedia.org/wiki/Hallmark_Cards (17.02.2017).
- <https://www.warszawa.ap.gov.pl/swiatecznereklamy/swiatecznereklamy.html> (17.02.2017).
- http://vasi.net/community/all/2009/11/30/gazetnaja_reklama_nachala_20go_veka.html (17.02.2017).
- <http://www.temysli.pl/tag/zabawne-ekartki> (17.02.2017).

„ФЕЙК” – СОВРЕМЕННОЕ ЛИЦО МАСС-МЕДИЙНОГО ОБМАНА

“FAKE” – THE MODERN FACE OF THE MASS-MEDIA

ŁUKASZ MAŁECKI

ABSTRACT. The phenomenon of “fake news” disseminated by the mass media is a relatively new phenomenon, the impact of which has not been extensively studied. The article is devoted to the problem of fake in contemporary mass media, which is understood not only as a modern type of lie, but also a fabricated information designed to manipulate public opinion and creating specific form of an image of the world in the human consciousness.

Keywords: “fake”, lie, social media, information

Łukasz Małeck, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Poznań – Polska,
lmalecki@amu.edu.pl

Язык способен не только называть объекты действительности, служить средством и инструментом в процессах коммуникации, выражать эмоциональное состояние, но он также обладает способностью оказывать влияние на сознание человека, менять его, формировать определенную картину мира, наделять её необходимыми признаками и свойствами. По словам Э. Гидденса,

язык не просто символизирует какую-то ситуацию или какой-то объект, он делает возможным существование или появление этой ситуации или этого объекта. Ибо он есть часть того механизма, в котором эта ситуация или объект только и создаются [Гидденс 2005: 223].

Вышеназванное особенно четко просматривается в средствах массовой информации и их значительном, постоянно возрастающем воздействии как на личность, так и общество в целом.

О значении и роли СМИ в общественной жизни свидетельствуют, напр., их бурный рост, распространенность и неограниченная ни местом, ни временем доступность к информации. Печатное и устное слово способны в кратчайший срок достигнуть самых отдаленных населенных мест, проникнуть в любую аудиторию. Они

апеллируют к личности в совокупности ее социальных ролей — как к гражданину, и семьянину, представителю социума в целом и жителю конкретного района. [...] их содержание охватывает все стороны связей человека

с обществом и его подсистемами, все области общественных отношений, в которые включена личность [Социология журналистики 1981: 132].

Однако СМИ не просто сообщают — характер информации, адресуемой конкретным социальным группам, формирует их мнения, убеждения, отношение к действительности, вызывает эмоции и чувства, а также подталкивает к определенным поступкам, действиям. Как отмечает С. В. Дробашенко в монографии *Феномен достоверности*,

[...] проникая в общественное бытие, информация способна вызвать процессы, нередко находящиеся в прямой зависимости от того, сколь доброкачественны, правдивы были переданные сведения, сколь точно они корреспондировались с действительностью [Дробашенко 1972: 6].

Конечно, СМИ вряд ли можно рассматривать в отрыве от системы (напр., демократической, тоталитарной), в которой они работают, но различные интерпретации, точки зрения, представления, влияющие на мнения людей, навязываются почти везде и всегда и тем самым участвуют в социальном управлении.

В последнее время СМИ коренным образом изменились и неуклонно продолжают меняться — по структуре, форме и содержанию. Не вызывает сомнений факт, что наиболее масштабное и сильное влияние оказывают не только аудиовизуальные, но, прежде всего, электронные СМИ, развивающиеся благодаря Интернету. „Глобальная паутина“ для современного человека является не только средством общения, развлечения и удовольствий, но также источником информации. Однако, к сожалению, ее достоверность все чаще трудно установить. Достоверность информации уступает место привлечению внимания, развлекательности, сенсационности. СМИ всех уровней могут просто допускать ошибки в сообщениях, однако неоднократно под видом сенсаций предлагается мистификация или обман, которые в последнее время принято определять англицизмом *фейк*, пользующимся огромной и постоянно возрастающей популярностью и прочно закрепившимся также в лексиконе русского языка.

Настоящая статья посвящена анализу значения заимствованной лексемы *фейк*, отражающей суть разнообразных видов распространения информации, обусловленных спецификой современного медиа-пространства.

Как правило, картина мира, создаваемая в медиа-пространстве, отличается от реальной. Хотя информация и сообщения, передаваемые СМИ, должны приобретать форму определенного представления, чтобы ими можно было обмениваться, однако эта информация толкуется, прежде всего, как интерпретация реальной действительности — в этом аспекте данная информация часто может отличаться

от реальности. С вышеизложенным неотъемлемо связана одна из важнейших функций СМИ – воздействие на сознание людей, навязывание определенных представлений об окружающем мире, результатом которых следует считать конкретные поведенческие стратегии. Как следствие, объекты информации могут быть как реальными, так и ирреальными, т. е. мистифицированными. Мистификация, как ее трактует *Энциклопедический словарь*, это „намеренное введение кого-либо в заблуждение, обман; создание мнимости, иллюзорности, несуществующего факта или явления“ [*Энциклопедический словарь*]. Изучение феномена мистификации, обмана или фальсификации представляется сегодня особенно актуальным. С разными типами подделок, имитаций мы сталкиваемся ежедневно. Наблюдаемая тенденция к моделированию обмана и мистификации в масс-медийном мире объясняется тем, что современный человек, живущий в ускоренном темпе, не в состоянии поспеть за реальными изменениями в жизни и потому создает свою, виртуальную реальность.

Это мир, где все большую роль играет симулирование действительности в средствах массовой информации, фиктивность и конструктивизм в социальной среде и трудовом мире, где человеческий опыт утрачивает чувственную осязательность [...]. Технические возможности позволяют действовать в высшей степени независимо от окружающей среды [Козловский 1995: 89].

Искажение фактов и мистификация отнюдь не изобретение современного информационного общества, но в эпоху глобального социума – это эффективная технология обработки массового сознания. Ресурсы, где любой может опубликовать новость, не проверив ее достоверности, очень популярны среди желающих управлять общественным мнением.

Сегодня любые неаутентичные, мистифицированные, имеющие заранее сконструированный характер фальшивого сообщения, а также видео- и фотоиллюстрации, широко используемые в масс-медийном, прежде всего, виртуальном пространстве, определяются термином *фейк*.

Вошедшие в русский язык слово *фейк* и его дериват *фейковый*, охватывают разнообразные случаи мистификаций и обмана. *Фейк* как явление в медийной среде возник и существовал задолго до наступления эпохи интернета. Изначально под *фейком* понимали фальсифицированные продукты, подделки предметов известного модного бренда, отличающиеся низким качеством и невысокой ценой [*English Living Oxford Dictionaries*], напр.,

Цены на оригинальные товары космические, так что народ согласен и на копии. А проще говоря – подделки. Качество здесь уже не так важно – главное, чтобы все видели престижный логотип. Просто **фейковая** роскошь [Российская газета];

Пойти в обход официальных дистрибьюторов и купить вещь в интернете за цену в несколько раз ниже реальной — верный шанс получить за эти деньги настоящий **фейк** [Коммерсантъ.ru];

[...] ваши ручки сжимают вожаденную новинку, вы приносите ее домой, с замиранием открываете, убеждаетесь, что купили „реплику класса люкс“, т. е. настоящий **фейк**.

В отличие от реплики, они являлись (и постоянно являются) нелегальными.

При включении в медиа-пространство *фейк* варьирует в довольно широком диапазоне манипулятивных медиапродуктов и медиаэффектов, иллюстрациями которых являются:

- поддельные фотографии, прошедшие обработку в соответствующих компьютерных программах коррекции изображения с целью повышения их мнимой достоверности, напр., „[...] «Настоящее фото» с саммита «большой двадцатки» в Гамбурге G20: неудачный фотошоп поклонников Путина” [Комсомольская правда],
- видеозаписи, смонтированные из уже использованного или исходного материала, снятые не в то время и не в том месте, которые они призваны имитировать, напр., „В соцсетях появились видео военной техники, которую Мадрид направил в Каталонию. Все они оказались фейковыми” [Вести.ru],
- фальшивые аккаунты или личные страницы в социальных сетях, для которых характерно наличие заимствованного фотоизображения, напр., „Несколько российских СМИ, сообщивших о том, что английские фанаты провоцировали и оскорбляли российских болельщиков на стадионе Марсея, сослались на твиттер-аккаунт, имеющий все признаки фейка” [ВВС Русская служба].

Но когда речь идет об информационном поле и лентах новостей, тогда *фейк* — целенаправленное использование выдуманных и специально сфабрикованных новостей, псевдосообщений заведомо ложного содержания (так называемых *фейковых новостей* или *фейк-новостей*), главной целью которых является чаще всего искажение истинности передаваемой информации, а также подрыв репутации какой-либо организации или личности. Адресат *фейков* представляет собой аудиторию, которая характеризуется массовостью.

Известно, что достоверность, наряду с объективностью, является одним из основных требований, предъявляемых к новостному сообщению. В случае *фейковых новостей* приоритетная роль отводится сенсационности сообщения, влияющей на его значимость и ценность. Достоверность уступает место привлечению внимания, оценочности, эмоциональности, иногда также развлекательности. Доверие к *фейк-*

-новости со стороны адресата обусловлено непроверяемостью (по тем или иным причинам) подлинности сообщения или внешне правдоподобным характером сообщаемого.

Хотя сегодня слово *фейк* стало общеупотребительным как в медийном дискурсе, так и вне его, оно органично влилось в лексикон русского языка, однако его толкование еще отсутствует в толковых словарях русского языка.

В толковых словарях английского языка слово *fake* имеет сугубо негативное значение, соотносимое со словами *ложь*, *обман* и *манипулирование*. *Фейком* принято определять новости, основанные на неправдивой информации, создатели которой ориентированы на обман и манипулирование. В переводе с английского (англ. *fake*) оно означает ‘фальшивый, ненастоящий’, в просторечии – ‘липовый’. Английская лексема *fake* переводится чаще всего как существительное, и точно так же она, как и ее синонимы несет в себе негативную коннотацию. Лексически синонимами слова *фейк* в русском языке являются:

- вымысел,
- фальсификат (как результат) и/или фальсифицирование (как процесс),
- фикция,
- обман,
- подделка,
- подмена.

В свою очередь, в значении прилагательного *фейковый* имеется сема, указывающая на искусственность чего- и кого-то, несоответствие реальности. Материалы СМИ дают основания для фиксации более широкого спектра значений этого слова:

1) *фейковый* = искусственный, неестественный, напр.,

- *Фейковая* страна. *Фейк* полный и абсолютный. От начала и до конца. От верха и до низа. В этой стране нет ничего. Они начинают священную войну против фашизма за деревню Лопыревка Луганской области, ведут ее так, как будто это еще одна Великая отечественная. Несуществующая страна, воюющая несуществующим спецназом на несуществующей войне против несуществующего фашизма и гордящаяся своим несуществующим величием [Эхо Москвы];

2) *фейковый* = слабый, неэффективный, напр.,

- *Фейковая* Россия. *Фейковый* царь. У Путина нет другого механизма продления своей власти, кроме элементарного вранья – он врет населению, врет миру, врет самому себе, оттягивая неизбежный финал [Новое Время];
- Страна-*фейк*, *фейками* живет с *фейковым* карликом у руля [Twitter];

3) фейковый = манипулятивный, напр.,

– Ходили слухи, что нацистская Украина взяла в заложники 3500 детей Крыма. Но это *фейковые* сенсации [Известия].

Прилагательное *фейковый* является также синонимом таких слов, как:

- бредовый,
- поддельный,
- фальшивый,
- фальсифицированный,
- лживый,
- липовый,
- ложный,
- подставной.

Глагол *фейковать* переводится, в свою очередь, как ‘фальсифицировать’, ‘притворяться’, ‘имитировать’, ‘инсценировать’, ‘фабриковать’.

Кроме дериватов главной лексемы *фейк*, в средствах массовой информации появилось множество новообразований, в частности таких, как, напр., *партия фейков*, *фейк-контроль*, *фейк-рейтинг*, *фейк-трейлер*, *фейк-бренд*, *фейк-программа*, *фейк-сайт*, *фейк-обращение*, *видеофейк*, *фейк-перемирие*, *фейк-страна*, *фейкофобия*, *фейк-авторитет* и др.

Фейк определяется также как:

- *абсолютный* (напр., „Русский мир” для политической элиты России и лично для Владимира Путина — это абсолютный *фейк* [Иносми.ру]);
- *антиукраинский* (Порошенко поручил вывести Крым из состава Украины — непонятный разоблаченный антиукраинский *фейк*) [Известия];
- *очередной* (В Европе загадочная вспышка радиации... — т. е. очередной *фейк* российских СМИ об Украине) [Известия];
- *пропагандистский* (Малороссия: пропагандистский *фейк* или завтрашний день Украины?) [Иносми.ру];
- *собственный* (Слишком явно прослеживается желание западных пропагандистов поскорее легитимировать мусорную гору собственных *фейков* и откровенной лжи, на которую в последний год были затрачены колоссальные бюджеты) [Тасс Информационное агенство России];
- а также *дешевый*, *заведомый*, *идиотский*, *издевательский*, *миротворческий*, *невольный*, *нелепый*, *отвратительный*, *политический*, *постыдный*, *потрясающий*, *предвыборный*, *пугающий*, *путинский*, *разоблаченный*, *скандальный*, *типичный*, *фантастический*, *химический* и пр.

Фейк практически ничем не отличается от композиции новостного дискурса: в нем предлагается констатация некоего новостного события, якобы произошедшего в объективной реальности, его интерпретация, детали и т. д. Обратим внимание и на тот факт, что самая ценная и важная информация сообщается в начале текста (чаще всего в заголовке) и фактически содержит все важнейшие компоненты сообщения в концентрированном виде. Иногда заголовки фальсифицированных сообщений являются вопросительными предложениями, поскольку в данном случае читатель неосознанно восстанавливает его пресуппозицию, т. е. утверждение, лежащее в основе этого вопроса.

Главной задачей *фейка* является популяризация сообщения. Мистифицированные новости должны распространяться вирусно, молниеносно, при этом вызывая некие сильные чувства, напр., раздражение, возмущение, отвращение и др. Кроме того, *фейки* могут затрагивать существенные для социума аспекты повседневной жизни, напр., такие темы, как *семья, безопасность, деньги, дети, здоровье, мир, насилие* и т. д. – тогда человек не в состоянии рационально осознавать происходящее и воспринимает даже совершенно невероятную информацию как достоверный факт, соответствующий действительности. В современных СМИ *фейки* сделаны столь убедительно, что воспринимаются как нечто произошедшее на самом деле.

Явление *фейков* – характерная черта мировой медиасферы, а „*фейковые* новости бьют по каждому из нас, хотим ли мы этого или нет” [Ведомости]. Современные средства массовой информации нередко используют новостные *фейки* в качестве инструмента повышения прибыльности информационных порталов или дискредитации оппонента в ходе так называемой информационной войны.

Новости окружают нас повсюду. Раньше новостные СМИ были главным производителем информации и основой журналистики. Сейчас все по-другому: технологические, экономические и политические трансформации изменили медиасреду. Появляется много вопросов относительно качества, влияния СМИ и доверия к ним. Мистификация, подаваемая в виде *фейка*, все чаще появляется на страницах прессы, телевидении и в Интернете. При этом грань между шуткой и дезинформацией, правдой и ложью становится все более размытой. По словам Д. Драгунского,

[...] поскольку не ясна разница между бескорыстной игрой и намеренной фальсификацией, то точно также помаленьку стирается различие между *фейком* и фактом как таковыми. В цифровой среде любой факт можно объявить *фейком*, а любой *фейк* – фактом [...] [Драгунский 2014: 6].

Фальшивые новостные сообщения начинают массово тиражироваться не только в социальных сетях, но и в охотящихся за сенсациями

СМИ. Однако, несмотря на „красоту” и эффективность применяемых СМИ методов, ложь не перестает быть ложью, а обман — обманом. Сила информационных ресурсов заключается, однако, также в том, что даже в случае недостижения главной цели (т. е. введения в обман, заблуждение и провоцирование к определенным поступкам, действиям) можно зародить в сознании адресата недоверие к иным источникам, даже надежным, передаваемым качественную и проверенную информацию. В связи с этим фейки, даже в ситуации недостижения своей спроектированной заранее цели, все-таки получают дополнительную способность воздействия.

Таким образом, *фейк* можно определить не только как номинацию одного из видов лжи или обмана, ибо это специфический тип информативного сообщения в масс-медийном пространстве, варьируемый по степени достоверности информации от частично достоверной до полностью искаженной и выдуманной с целью ввести адресата сообщения в заблуждение или сформировать в его сознании определенную искаженную картину мира. *Фейк* выполняет также эмотивную и оценочную функции и, несомненно, является инструментом дискредитации.

Изучение разных проявлений фейков в информационных процессах, а также характеристика использования языковых средств и приемов в фейковых новостях, напр., используемых с целью манипулирования, безусловно, стоит в повестке дня и является перспективным для дальнейшего анализа.

Библиография

- ВВС Русская служба, [в:] электронный ресурс: <http://www.bbc.com/russian/news> (28.09.2017).
- Вести.ru, [в:] электронный ресурс: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2935691> (29.09.2017).
- Ведомости, [в:] электронный ресурс: <https://www.vedomosti.ru> (20.08.2017).
- Г и д д е н с Э. 2005. *Устройство общества: очерк теории структуры*, Москва: Академический Проект, с. 223.
- Д р а г у н с к и й Д. 2014. *Отнимать и подглядывать*, Москва, с. 6, [в:] электронный ресурс: <https://books.google.ru/books?isbn=5457643751> (29.10.2017).
- Д р о б а ш е н к о С. В. 1972. *Феномен достоверности*, Москва: Наука, с. 6.
- English Living Oxford Dictionaries*, [в:] электронный ресурс: <https://en.oxforddictionaries.com/> (10.10.2017).
- Известия, [в:] электронный ресурс: <http://eizvestia.com/tag/sluzhi> (13.06.2017).
- Известия, [в:] электронный ресурс: <https://iz.ru/612498/2017-06-29/poroshenko-poruchil-yyvesti-krym-iz-sostava-ukrainy> (10.07.2017).

- Иносми.ру, [в:] электронный ресурс: <https://ru.delfi.lt/v-fokuse/novosti/stanislav-belkovskij-russkij-mir-eto-absolyutnyj-fejk.d?id=68606572> (10.09.2017).
- К о з л о в с к и й П. 1995. *Современность постмодерна*, „Вопросы философии“, Москва, № 10, с. 89.
- Коммерсантъ.ру, [в:] электронный ресурс: <https://www.kommersant.ru/doc/2923315> (11.10.2017).
- Комсомольская правда, [в:] электронный ресурс: <https://www.kp.ru/daily/26711.5/3736276/> (01.10.2017).
- Новое Время, [в:] электронный ресурс: <http://nv.ua/opinion/panfilov/fejkovaja-rossija-zachem-putin-prodolzhaet-vrat-448043.html> (10.01.2017).
- Российская газета, [в:] электронный ресурс: <https://rg.ru/> (20.09.2017).
- Социология журналистики*. 1981. Ред. Е. П. Прохоров, Москва: Изд-во Московского университета, с. 132.
- Collins English Dictionary*, [в:] электронный ресурс: <https://www.collinsdictionary.com/> (10.10.2017).
- ТАСС Информационное агентство России, [в:] электронный ресурс: <http://tass.ru/politika/4102876> (20.09.2017).
- Энциклопедический словарь*, [в:] электронный ресурс: <http://www.dict.t-mm.ru/> (15.10.2017).
- Эхо Москвы, [в:] электронный ресурс: <https://echo.msk.ru/blog/ababchenko/2009276-echo/> (29.06.2017).

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ
В ПСЕВДОЭТИМОЛОГИЮ

WORD-FORMATION ASPECTS OF THE LANGUAGE GAME
IN PSEUDOETHYMOLOGY

WŁADIMIR MIAKISZEW

ABSTRACT. The paper addresses B. Norman's humorous etymological Russian dictionary. By reanalyzing the morphological structure of Russian words, Norman provides them with knowingly false, amusing interpretations. The paper proposes to investigate the word-formation aspects of Norman's re-analyzed lexis. It mostly represents an attempt to "build" the false etymological entities into the system of all existing word-formation techniques of the Russian language. Specific features of amusing para-etymology are also identified.

Keywords: language game, word formation, pseudo-etymology, morphology structure re-analysis

Władimir Miakiszew, Uniwersytet Jagielloński, Kraków – Polska, wmiakisz@interia.pl

В 1966 году, когда уважаемый Юбилляр еще только готовился ступить на полувековой путь служения филологии, четверо студентов-русистов Ленинградского университета – Б. Ю. Норман, М. А. Зубков, В. А. Карпов и А. М. Спичка – при оформлении очередного номера факультетской стенгазеты обратились к лингвистической забаве, которую представили как *Этимологический словарь*. Название напоминало привычное филологам „этимологический”, но несло в себе очевидную опечатку, рождающую ассоциации с термином из другой науки – о жизни насекомых. В шутовском лексиконе на основе переосмысления морфологической структуры словарным единицам давались заведомо ложные, неправильные толкования, напр., *бездарь* – человек, которому ничего не подарили; *деньжонки* – день 8 марта; *жрец* – чревоугодник, гурман; *пеньюар* – дурак из Южной Африки; *стриж* – парикмахер и т. п. Справедливости ради следует отметить, что студенты ЛГУ, конечно же, не первыми обратили внимание на возможность псевдоэтимологического толкования слов. К такой потехе обращался, в частности,

ранний А. П. Чехов, опубликовавший в 1886-м году *Словотолкователь для „барышень“*, в котором *плотская любовь* трактовалась как *любовь на плоту*; *холостяками* назывались мужчины, стреляющие из *холостых ружей*; *распутная жизнь* приписывалась почтальонам и ямщикам, когда те ездили осенью в *распутицу* [Чехов 1976: 223]. И все же стараниями именно студентов из ЛГУ, а в первую очередь главного застрельщика „этимологии“¹ Бориса Нормана, ставшего впоследствии видным славистом, эта лингвистическая игра стала распространяться все шире и шире. Спустя четыре года после настенного „явления народу“ материалы словаря этимологизмов увидели свет в печати (правда, в урезанном цензурой виде) — на страницах новосибирского сборника *Вопросы языка и литературы*, а чуть позже началось триумфальное шествие потешного лексикона на стране. Как свидетельствует сам инициатор забавы, после публикации материалов на 16-й полосе „Литературной газеты“, „в редакции газет и журналов хлынул поток продолжений и предложений“ [Норман 2006а: 255]. В самой „Литературке“ в 1972–1980 гг. было опубликовано до 30 выпусков забавного *Толкового этимологического (sic!) словаря* (ТЭС), а кроме того читатели могли познакомиться со *Спортивным этимологическим словарем*, *Толковым фразеологическим словарем*, *Толковым энциклопедическим словарем*, *ТЭС-ом иностранных слов* [см.: Введенская, Колесников 2004: 58]. В начале 80-х годов дело популяризации лингвистической игры продолжили сатирики: в свои сценические выступления материалы *Бестолкового словаря* стал включать Евгений Петросян².

При всем обилии и разнообразии нагромождаемого материала его ядром остаются данные, собранные ленинградской четверкой. С оригинальным „авторским“ вариантом *Этимологического словаря* широкая общественность могла познакомиться в 1987-м году благодаря публикации в научно-популярной книге Б. Ю. Нормана [Норман 1987: 207–221]. В 2006-м году этот же автор издал наиболее полный на сегодняшний день перечень шуточных словотолкований (более 2000 единиц) [Норман 1987: 283–337]. Данные этого лексикона и стали предметом нашего исследовательского внимания, выбор аспекта анализа вполне предсказуем: статья не может восприниматься иначе как демонстрация уклона в сторону научных интересов Юбиляра — адресата настоящей публикации, известного специалиста прежде всего в области словообразования.

¹ Далее будем употреблять этот термин, равно как его производные уже без кавычек.

² В последние годы к шутовому толкованию слов путем комического переосмысления их структуры часто прибегал Михаил Задорнов.

Нетрудно заметить, что само по себе явление этимологии базируется на обыгрывании реально существующих лексических единиц, расчленяющихся на элементы, каждый из которых подвергается переосмыслению. Успех предприятия, как справедливо отмечает Б. Ю. Норман, заключается в „словообразовательном правдоподобии“ производных:

Представленные в словаре шуточные толкования имеют под собой определенную психолингвистическую базу: они объективно отражают продуктивность словообразовательных моделей в сознании человека. Иначе говоря, если читатель легко „клюет“ на „этимологию“, если она его занимает, веселит, то это значит с большой степенью вероятности, что у него в голове „работает“ соответствующий структурный образец, который должен распространить, экстраполировать известную ему модель на новый языковой материал, виртуальные единицы [Норман 2006а: 264].

Оговоренная заданность должна была бы „вписывать“ этимологические новообразования в систему существующего в русском языке нормативного словопроизводства, а элементы ненатурального, можно сказать, насильственного членения лексической единицы обязаны при этом обладать значимостью: семантической — если речь идет о корневых сегментах, словообразовательной — о всех прочих.

Так ли механизм этимологии выглядит на самом деле, проявляется ли при создании переработанных лексических единиц какая-либо словообразовательная специфика — на эти вопросы попытаемся ответить на основании „примерки“ материала из словаря Б. Нормана к традиционным способам деривации.

Наблюдения над словообразованием этимологизмов позволяют говорить о наибольшей продуктивности морфологического способа словопроизводства, в рамках которого абсолютно доминирующие позиции удерживают аффиксация (а если быть более точным, то суффиксация) и словосложение. Несомненному лидерству они обязаны отчетливой семантической маркированности своих потенциальных составляющих — искусственно выделяемых компонентов (корней и аффиксов).

Активность суффиксации возьмемся проиллюстрировать, обратившись к одной лишь тематической группе этимологизмов. Приводимые ниже примеры показывают, что наличие агентивных суффиксов — необязательно частотных, главное, что распознаваемых в качестве атрибутов обозначения агенса — предопределяет значение действующего лица у слов: *алкаш* (древнерусск.) — алчущий, *ариец* — действующее лицо в опере; *байкер* — рассказчик баек; *барыга* — официант за стойкой; *визирь* — чиновник из ОВИРа; *воротила* — швейцар, сторож при

входе; *гимнаст* – одописец; *каратист* – ювелир-оценщик; *лазер* – альпинист; *нудист* (конфер.) – скучный докладчик; *пловец* – любитель плова; *поборник* – налоговый инспектор; *подкидыш* – акробат; *прихожанин* – посетитель приемной; *пройдоха* – встречный; *славист* (возвыш.) – автор мадригалов и панегириков; *спец* – любитель поспать, соня; *строгач* (разг.) – столяр; *чернила* (бюрокр.-обиходн.) – анонимщик; *ямщик* – дорожный рабочий, асфальтировщик и проч.

Энтимологизмы, возникшие как результат словосложения, представлены в *Словаре* Б. Нормана обоими существующими подвидами объединения полнозначных слов: с использованием так наз. соединительных гласных и без таковых. Синтаксическое словосложение иллюстрируют, напр.: *агасфер* – область согласия; *бакенбард* – бакенщик, сочиняющий песни; *бандероль* (театр.) – ампула преступника; *барбос* – хозяин бара; *буквалист* (типограф.) – единица измерения объема страницы в печатных знаках; *гаишиш* – незасеянный гектар; *дурман* (нем.) – глупый человек, *капремонт* – ремонт протекающей крыши; *мономех* (спорт.) – одно движение метателя; *пентагон* – самогон пятикратной очистки; *пижон* (научн.) – среднестатистическое (3,14) количество потенциальных жен на одного холостяка; *платформа* (швейн.) – модель платья; *поп-музыка* – хорал; *разгром* – начало грозы; *стереотип* – двуличный человек; *тактика* – работа часового механизма; *тритон* – грузовик подъемности 3 тонны; *трубадур* – свихнувшийся трубоч; *ухажер* – любитель рыбного супа; *хариус* – круглолицый усатый человек. Морфологическое словосложение находит отражение в примерах: *астрология* – раздел ботаники, разведение астр; *бракодел* – работник загса; *головотяп* – палач, экзекутор; *горлопан* – руководитель хора; *греховодник* – проштрафившийся работник водного транспорта; *договор* – человек, крадущий породистых собак; *долгожитель* – живущий в долг; *колобок* – шприц; *летописец* – писатель, к которому вдохновение приходит летом; *мелодрама* – отсутствие мела в разгар ремонтных работ; *мракобес* – дьявол в ночи; *наговор* (милиц.) – вор на пляже; *пароход* (собир.) – прогулки влюбленных; *родоначальник* – заведующий родильным домом; *самовар* (шутл.) – холостяк; *самогон* – велосипедист; *сорокоуст* – клев сороки; *стенография* (нехор.) – надписи на стенах; *челобитие* (древнерусск.) – соревнования по боксу; *шаровары* – фрикадельки.

Игровое начало в словах этой группы усиливается в примерах, характеризующихся наложением элементов: *журналист* [журнал + лист] – лист из журнала, *йогурт* – собрание йогов, *компромисс* – скомпрометированная девушка; *лампас* (морск.) – электрокомпас; *лопасть* (груб.) – рот; *пахан* – бригадир трактористов; *ракурс* – задний ход; *рамазан* – маргарин „Рама“; *стерлядь* – очень плохая женщина; *трактир* – придорожное стрельбище.

Значительные возможности для перерасчленения слов, казалось бы, должно нести с собой обращение к префиксально-суффиксальному способу словопроизводства, однако практика этого не подтверждает. Как представляется, причину тому следует усматривать в специфике механизма разбора слов: именно в отношении этого способа интересующий нас словообразовательный анализ наиболее демонстративно отличается от морфемного. Примерами префиксально-суффиксальных энтимологизмов в лексиконе Б. Нормана являются: *агриппина* – микстура; *антипатия* (шахм.) – игра на выигрыш; *деклинация* (научн.) – извлечение клина; *демонстрация* (черно книжн.) – изгнание монстров; *завербовать* – запороть вербой; *контрабандист* – боец отряда по борьбе с бандитизмом; *напортачить* – нашить штанов; *накупиться* (детск.) – наестся супа; *обвинять* – спаивать; *обескровленный* – лишившийся крыши, бездомный; *оборзеть* – заняться разведением борзых собак; *опешить* – оказаться вытолкнутым из автобуса; *осоловеть* – запеть соловьем; *откровение* (средневеков.) – кровопускание; *офигеть* – купить свежих фиг; *переборка* (спорт.) – реванш на ковре; *поднадзорный* – смотрящий ниже и выше других; *прелюдия* – человекообразная обезьяна; *промоглый* – сверженный; *ублюдок* (руг.) – официант и проч.

Еще реже игра в псевдоэтимологию распространяется на слова, образованные при помощи префиксации, безаффиксного способа и аббревиации – как и в случае с префиксально-суффиксальным способом речь идет уже не о сотнях, а о десятках фиксаций. Очевидной „виной” тому является серьезное ограничение базы для членения лексической единицы на морфемы.

Позиции безаффиксных энтимологизмов несколько укрепляет обращение к обратному словообразованию, предусматривающему „возникновение мнимопроизводящего слова в результате оценки производной основы как производной с вычленением в последней ложного аффикса” [Варбот, Журавлев 1998: 30]: *кабак* – созревший кабачок; *коррида* – большой корридор (фонетика); *кроль* – большой кролик; *проба* (хим.) – большая пробка; *справа* (юр.) – обстоятельная справка. Однако эти примеры в игровом отношении выглядят довольно блекло – по сравнению с производными классической безаффиксации: *выгон* – увольнение; *выть* – единица потребления алкогольных напитков; *гряда* (возвыш.) – будущее; *дерн* – короткий рывок; *заскок* – кратковременный визит; *изверг* – действующий вулкан; *мазь* (спорт.) – серия промахов; *мим* – прохожий; *неликвид* – помилованный; *падь* – павшая женщина; *пах* (сельскохоз.) – один ход трактора; *потоп* – пеший туризм; *припарка* – автостоянка; *пуща* (юр.) – справка об освобождении; *рассада* (разг.) – метрдотель; *регулы* – правила дорожного

движения; *ржа* — грубый смех; *свищ* — автоинспектор; *сократ* (нар.) — человек, уволенный по сокращению штатов; *удаль* — разлука.

Префиксальный способ словопроизводства обнаруживает себя в совсем скромном количестве примеров — наличие приставки несильно осложняет структуру слова и, как правило, не способствует перерасчленению. И все же некое количество регистраций лексикон Б. Нормана содержит: *аналоговый* — не облагаемый налогом; *безвинный* — безалкогольный; *заводка* — очередь в винный магазин; *издевка* (нар.) — замужество; *негласный* (лингв.) — согласный; *нелады* — расстроенный аккордион; *неряха* — тонкое, одухотворенное лицо; *подводка* — закуска; *предтеча* (библ.) — скопление облаков перед дождем; *прелюбодение* (старослав.) — слишком хорошее дело; *примочка* — серьга; *сомнение* — мнение коллектива; *сопение* — дуэт; *экстаз* — таз, бывший в употреблении; *экстрадиция* — традиция прошлых лет; *экстракт* (автом.) — заброшенная дорога.

Аббревиация как очень редкий способ словопроизводства этимологизмов, судя по исследованному материалу, проявляется в разных своих видах: в числе перетолкований видим и сложносокращенные слова, и инициальные аббревиатуры (как правило, буквенные):

— *аэрозоль* — мозоль, натертая в самолете; *буллит* — бульварная литература; *восторг* — Среднеазиатское торговое управление; *интерпол* — интересное положение; *нюанс* — стриптизный ансамбль; *помреж* (мед.) — ассистент хирурга; *поп-арт* — искусство, создаваемое не руками, а другими частями тела; *ревматик* — ревнивый математик; *саксаул* — уличный саксафонист; *сосед* — совершенно седой человек; *супруг* — человек, который ест суп и ругается;

— *бриз* — бюро рационализаций и изобретений; *вдова* — Всесоюзное Добровольное Общество Велосипедистов и Автолюбителей; *гроб* — гражданская оборона; *гумно* — городское управление Министерства народного образования; *мопс* — Министерство общественных путей сообщения; *опт* — облпищеторг; *спид* — специфические последствия интернациональной дружбы; *физо* — физическое истощение здорового организма.

Можно заметить, что инициальные аббревиатуры, реинтерпретируемые по моделям „расшифровка слова как аббревиатуры” и „расшифровка аббревиатуры, отличающаяся от узуальной” [см.: Клубков 2003: 655–656], способны вызвать интерес только в том случае, если обнаруживается их смысловая переключка с исходным — неперечленным — первообразом. Такое каламбурное начало прослеживается, в частности, в примерах *гроб*, *гумно*, *спид* и *физо*.

Если представленный морфологический способ образования этимологизмов в совокупности всех своих разновидностей и проявлений

оказывается самым востребованным в игре в „преднамеренную псевдоэтимологию“ [Введенская, Колесников 2004: 56], следующие позиции делят между собой лексико-семантический и лексико-синтаксический способы словопроизводства.

Первый из них, предусматривающий распадение слова на омонимы, реализуется — едва ли не в большинстве случаев — за счет потенциала внутренней формы слова, признака, положенного в основу номинации: *беззащитный* — профессор, не имеющий докторской степени; *водяной* — слесарь-сантехник; *выжимки* — плавки; *вырезка* (разг.) — декольте; *дача* (юр.) — взятка; *домовой* — управдом; *доходяга* (просторечн.) — победитель соревнования по спортивной ходьбе; *заваруха* — крепкий чай; *кожемяка* (банн.) — массажист; *лягушка* (ласк.) — норовистая лошадь; *мигалка* — кокетка; *наушничать* — служить в радистах; *оторва* — квитанция; *плетень* — лапоть; *предпосылка* — почтовое извещение; *ротозей* — пациент на приеме у зубного врача; *рубанок* — топор; *рукоплескание* — омовение ладоней; *самообладание* — онанизм; *упойтельный* — алкогольный.

Реализации лексико-семантического способа не мешает то обстоятельство, что переосмысленные производные — в отличие от исходных слов — могут соотноситься с иными словообразовательным моделям, напр.: *бормотуха* — 1) знахарка, 2) молитва; *бумажник* (разг.) — бюрократ; *грузило* (портов.) — такелажник; *закладка* — доносчица; *листовка* (студ.) — наверстывание упущенного перед экзаменом; *ползунки* (воен.) — саперы; *раскольник* (хоз.) — топор.

Обращение к лексико-синтаксическому способу словообразования, суть которого сводится к сращению в одну единицу целого сочетания слов, дает не самые многочисленные, но, пожалуй, самые изобретательные и яркие примеры энтимологизации, напр.: *балласт* — праздник подводного плавания; *барабашка* — (татарск.) шеф бара; *барсук* — название бара с плохой репутацией; *баталия* — возглас худеющей женщины; *батисфера* — область вмешательства отца в семейные дела; *вампир* — официант; *высокородие* (социол.) — демографический взрыв; *гончая* — чаепитие; *добряк* — мгновение перед падением; *колокол* — драка в деревне; *крахмал* — небольшое поражение, неудача; *лосьон* — лось-самец; *мелиоратор* (бюрократич.) — докладчик; *местоимение* (железнодорож.) — плацкарта; *наперсник* (древнерусск.) — бюстгальтер; *насос* — радист спасательной службы; *невинный* (торг.) — магазин „Мясо-молоко“; *наоптикум* — (польск.) господин окулист; *параметр* — двести сантиметров; *паскуда* (южноамерик.-футб.) — игрок, отдавший неточный пас; *полчище* — моющее средство для линолеума; *портсигар* — Гавана; *постсоветский* — советский пост; *поишина* — сальность; *праздношатающийся* (быт.) — человек, идущий с праздничного ужина; *стремя* — банкет вчетвером; *фасоль* — кое-что из области музыки; *чайхана* (студ.) — мысль:

наверное, *двойка*; *чешуя* — признание врачу-дерматологу; *шарлатан* — побывавший в ремонте аэростат.

Морфолого-синтаксический способ словообразования — переход лексических единиц из одной части речи в другую — как и в литературном русском языке, в ресурсах этимологии используется нечасто, однако фиксируемые примеры заслуживают внимания из-за высокой насыщенности игровой составляющей: *нагоняй* (спорт.) — спрут; *надпил* — пригубленный напиток; *напасть* — атака; *нарвал* — фурункул; *невесть* — состояние новобрачной; *ной* — нытик, зануда; *опал* — увядший цветок; *осип* (нариц.) — простуженный, больной ОРЗ; *очень* (поэт.) — пучеглазие; *перепел* — победитель конкурса песни; *полуустав* — (дееприч.) притомившись; *помочи* — памперсы; *попугай* (финанс.) — ревизор; *развезло* (простор.) — таксист; *растегай* — 1) застежка-молния, 2) стриптиз.

К созданию перерасчлененной лексики — помимо проиллюстрированных отдельно взятых способов словопроизводства — приводит обращение к всевозможным комбинациям словообразовательных средств, чаще всего во взаимодействии со словосложением, усечением, аббревиацией вступает суффиксация: *аллегория* — альпинизм; *вакханалия* — провал диссертации в ВАКе; *головоломка* — драка; *долголетие* (метеорол.) — сухая, теплая осень; *индюк* — торговец-индивидуал; *иноходец* — путешествующий чужеземец, странник; *лихоимец* — человек с неудачным именем; *лукоморье* — неурожай лука; *междуречье* (бюрократ.) — перерыв в заседании; *микроскоп* — небольшая толпа; *миноносец* — важное лицо; *молочай* — чай по-английски (с молоком); *непосредственный* — живущий не по средствам; *оголтело* — нагишом; *однокашник* — сидящий на кашевой диете; *плоскогубцы* (африк.) — европейцы; *полномочие* (мед.) — переполнение мочевого пузыря; *разгильдяй* (ист.) — купец первой гильдии; *тугоплавкий* — стесняющий движения, обтягивающий (о трусах); *чепец* (ласк.) — маленькое происшествие.

Разговор о словопроизводстве этимологизмов не может также обойтись без упоминания о возможностях морфемного переразложения и переосмысления устойчивых выражений, напр.: *белый налив* — подача водки; *великий кормчий* — шеф-повар; *гашеная известь* — угасшая популярность; *деклассированный элемент* — ученик, выгнанный из класса; *исполнительный лист* — ноты; *половина первого* — супруга премьер-министра; *столбовая дворянка* — дворовая собака, привязанная к столбу; *суженый-ряженный* — похудевший на молочной диете (напр., на ряженке); *фата-моргана* — невеста, подмигивающая из-под фаты; *холостой патрон* — неженатый начальник.

Как видим, рассмотрение словообразовательных характеристик этимологизмов показывает, что „переиначенные“ слова и обороты в це-

лом создаются по правилам системы словопроизводства литературного русского языка. Обращение к тому же самому набору словообразовательных способов и моделей сопровождается, правда, перераспределением меры активности их использования.

Главной же особенностью деривации переразложенной и пересмысленной лексики следует признать отсутствие строгости в воспроизведении предусмотренных нормой механизмов образования новых слов. Отклонения от стандартов проявляются, в частности, в наличии в структуре лексических единиц „лишних” элементов или, напротив, неоправданном нарушении целостности морфем; искажениях привычной формы последних; нарушениях принципов связи с производящей основой, отступлениях от схемы словообразовательной модели и проч. Такого рода „погрешности” фиксируются достаточно регулярно применительно к производным разных способов словопроизводства: лексико-семантический: *ельник* — рот; *жабо* — болото; *желобок* — подрастающий жлоб; *кармелитка* — девочка-сластена; *клише* — расширенные книзу брюки; лексико-синтаксический: *кандибобер* — пушной зверек; *каннибал* — кандидат в бобры; *каннибал* — торжества после кинофестиваля в Каннах; *непутевый* — отдыхающий „диким” способом, без путевки; *нерадивый* — не имеющий радио; *якобинец* — человек сомневающийся, не верящий чужим словам; морфологический: суффиксация: *бражка* — артель по производству настенных светильников; *единство* — чревоугодие; *пенальти* — школьные принадлежности; *пристанище* — навязчивый кавалер; *селитра* — паспортистка в общезжитии; *фаталистка* — невеста; префиксация: *пращур* — древний ящер; префиксально-суффиксальный: *абордаж* — количество абортотворений за отчетный период; *запугивание* — застегивание на все пуговицы; *обогащение* — приобщение к религии; *превосходный* — предрассветный; *прерогатива* — перспектива приобрести рога; словосложение: *Максимилиан* — мультимиллиардер; *мародер* — начинающий филателист; *постамент* — постовой милиционер; *супермен* — любитель супов; *усугубление* — сбривание усов.

Нетрудно заметить, что отступления от правил традиционного словообразования отнюдь не препятствуют реализации главного свойства энтимологизмов — возможности вычленения значимых элементов с последующим переосмыслением самого слова.

Распознаванию заложенного эффекта не мешает также то обстоятельство, что в игре могут участвовать лексические единицы, распознаваемые в соответствии с фонетическим принципом, то есть представленные в словаре в ошибочной форме: *аблаут* — собачий питомник; *аскорбинка* — кличка, обидное прозвище; *блиндаж* — блинная; *верноподанный* (футб.) — точный, прицельный (об ударе); *камарилья* — туча

мошкары; *катализ* — утренний туалет кота; *маринад* — прогулка по морю; *нелепица* — некачественный пластилин; *облажаться* — подвергнуться налогообложению; *объем* (простореч.) — биографическое описание: „про него“; *ревю* (бр.) — громкое, неблагозвучное пение; *финтифлюшка* — финт в хоккее; *фломастер* — живописец фламандской школы; *щетина* — большой счет в ресторане, *эксгибиционист* — бывший сотрудник ГБ.

Препятствием в расшифровке игры не является присутствие в структуре энтимологизмов иностранных элементов, заведомо чуждых системе русского языка: *антрекот* (фр.) — кот, живущий в передней; *балдахин* — китайский болванчик; *вербный* (англ.) — глагольный; *гастрит* (амер.) — улица площадью 1 га; *джинсы* (англ.) — чета джиннов; *допинг* (англ.) — причастие от допить, допитаться; *дурман* (нем.) — глупый человек; *лавсан* (иностр.) — любовь к сыну; *пленум* (лат.) — неволя; *прополис* (лат.) — сорнякус удалитис; *разбой* (русс.-анг.) — первый парень на ранчо; *свитер* (англ.) — сопровождающий, лицо, входящее в свиту; *спичка* (англ.) — маленькая застольная речь; *чайник* (англ.) — китаец.

Рассмотренный и проанализированный материал показал, что энтимологизмы, представляя собой оригинальное явление в системе языковых игр, создаются и „живут“ по правилам нормативного языка, но не придерживаются их как догмы, допускают вольности и отклонения, границы которых определяются соблюдением требования обязательной распознаваемости перерасчлененного элемента.

Библиография

- В а р б о т Ж. Ж., Ж у р а в л е в А. Ф. 1998. *Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии*, Москва: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, [в:] электронный ресурс: http://etymology.ruslang.ru/doc/etymology_terms.pdf (15.07.2017).
- В е д е н с к а я Л. А., К о л е с н и к о в Н. П. 2004. *Этимология*, Санкт-Петербург: Питер.
- К л у б к о в П. А. 2003. „Языковые игры“ и малые жанры городского фольклора, [в:] *Современный городской фольклор*, Москва: Российский гос. гуманитар. ун-т, с. 645–664.
- Н о р м а н Б. Ю. 1987. *Язык: знакомый незнакомец*, Минск: Вышэйшая школа.
- Н о р м а н Б. Ю. 2006а. *История и уроки одной забавы*, [в:] *Его же, Игра на гранях языка*, Москва: Флинта, с. 252–282.
- Н о р м а н Б. Ю. 2006б. *Этимологический словарь*, [в:] *Его же, Игра на гранях языка*, Москва: Флинта, с. 252–282; также электронный ресурс: <http://fege.narod.ru/librarium/norman.htm> (15.07.2017).
- Ч е х о в А. П. 1976. *Словотолкователь для „барышень“*, [в:] *Его же, Сочинения: в 18 т., т. 5: Рассказы, юморески*, Москва: Изд-во „Наука“, с. 223.

MODYFIKACJE PAREMII
NA ZŁODZIEJU CZAPKA GORE / НА ВОРЕ [И] ШАПКА ГОРИТ
W POLSKICH I ROSYJSKOJĘZYCZNYCH MEDIACH
ELEKTRONICZNYCH¹

MODIFICATIONS OF A PROVERB
NA ZŁODZIEJU CZAPKA GORE / НА ВОРЕ [И] ШАПКА ГОРИТ
IN POLISH AND RUSSIAN-LANGUAGE ONLINE MEDIA

JOLANTA MITURSKA-BOJANOWSKA

ABSTRACT. The article discusses transformations of the proverb *na złodzieju czapka gore / на воре [u] шапка горит* in Polish and Russian-language online media (lexical changes, additions, grammatical modifications, contaminations).

Keywords: proverbs, transformations, Polish and Russian-language, online media

Jolanta Miturska-Bojanowska, Szczecin – Polska, jmb@zut.edu.pl

Użytkownicy języka polskiego i rosyjskiego w swoich wypowiedziach, chcąc podkreślić celność i obrazowość stwierdzeń w nich zawartych, chętnie sięgają do paremii. Wśród całego bogactwa przysłów w obu językach przekazywanych z pokolenia na pokolenie odnajdujemy polską frazę *Na złodzieju czapka gore* i jej rosyjski odpowiednik – *На воре [u] шапка горит*. Te ekwiwalentne przysłowia mają znaczenie ‘ktoś, kto mając coś na sumieniu i próbując to ukryć, mimowolnie poprzez swoje zachowanie zostaje zdemaskowany’. Czasami w rosyjskich słownikach hasło to opatrzone jest kwalifikatorami *potoczne* i *ironicznie* [Мокиенко, Никитина 2007: 101; Федоров 2008: 755]. Szereg przykładów użycia tego przysłowia znajdujemy w literaturze pięknej oraz prasie². Przykłady te odnoszą się zarówno do kontekstów „złodziejskich”, jak i innych, wskazujących na przewinienia, które ktoś ma na sumieniu i chciałby ukryć przed niepowołanymi osobami. Por.:

¹ W artykule prezentowane są przykłady z polskich i rosyjskich portali internetowych oraz białoruskich, ukraińskich, mołdawskich i czeskich, publikujących w języku rosyjskim.

² O innych przykładach wykorzystania frazeologizmów w tekście artystycznym i publicyście czyt.: [Ignatowicz-Skowrońska 2008; Dziamska-Lenart 2004].

Według niego tylko wywiad i kontrwywiad mogły swobodnie poruszać się poza granicami, oficerowie operacyjni mieli zaś zbyt dużą wiedzę o kuchni naszej armii. Zaniepokoiłem się jego wizytą, bo **na złodzieju czapka gore**... Tak, byłem złodziejem wielu tajemnic, ale złodziejem był też Prometeusz, który wykradł z Olimpu ogień i podarował go ludziom. Spotkała go straszna kara? A czy mnie nie spotkała gorsza? Straciłem obu synów [za NKJP: M. Nurowska, *Mój przyjaciel zdrajca* (03.04.2017)].

Zachowywał się dziwnie, zareagował na mój widok. Poza tym trzymał rękę za pazuchą, na piersi. Pomyślałem sobie, że zacznę za nim biec. Jeśli to złodziej, to będzie uciekał. W końcu nie bez powodu stare przysłowie mówi: „**Na złodzieju czapka gore**”. I tak właśnie się stało. Gonilem go jakieś 500 metrów. Jego współnik, który stał na czatach, widząc co się święci uciekł w drugą stronę. Złodziej, którego gonilem stracił siły, potknął się i upadł na twarz przed przystankiem autobusowym [za NKJP: M. Grochowalska, *Nie znałem samego siebie*, „Express Ilustrowany” z dn. 05.04.2003 (12.03.2017)].

Есть на белом свете безвинные люди — а их почему-то больше всего среди маленьких и честных, — которые при взгляде в упор или из-за какого-нибудь дурацкого вопроса начинают яростно краснеть, просто костром полыхать, и, хоть ни в чем не виноваты, никто им поверить не может по глупой, пусть и древней поговорке: **на воре шапка горит** [za НКРЯ: А. Лиханов, *Кикимора*, 1983 (03.04.2017)].

На воре шапка горит. В данном случае шапка должна гореть на голове Еврокомиссии, — заявил зампред правления, гендиректор Газпром экспорт Александр Медведев [za НКРЯ: Н. Бероева, *Газпром ответил Европе: „На воре и шапка горит”*, „Комсомольская правда”, 12.09.2012 (03.04.2017)].

Pierwotnie, jak należy mniemać po obecności komponentu *зłodziej / вор*³, stwierdzenie to odnosiło się jedynie do osób parających się kradzieżą, z biegiem czasu rozszerzając swój zakres znaczeniowy o osoby czyniące wszelkie zło, por. rejestrację tego przysłowia w jednym ze źródeł rosyjskich — *На злодее (воре) шапка горит*, gdzie leksem *злодей* ma znaczenie ‘złoczyńca’ [Михельсон 1902, I: 600]. W obu językach omawiane paremie wchodzą w relacje synonimiczne z innymi frazeologizmami, por. *Na złodzieju czapka gore* — *Uderz w stół a nożyce się odezwą*, *На воре [и] шапка горит* — *Выдать себя с головой* — *Знает (чует) кошка чье мясо съела* — *Бог шельму (плута) метит*. W takiej formie i znaczeniu przysłowie funkcjonuje w języku bia-

³ Według A. Brücknera od XIV wieku obok pierwotnego znaczenia rzeczownika *зłodziej* ‘złoczyńca’ pojawia się dodatkowy sens ‘ten, który kradnie’ [Brückner 1927: 654]. Zdaniem A. Bańkowskiego to nowe znaczenie kształtuje się na przestrzeni XVI–XVIII wieku, tj. po przejściu znaczeń leksemów *kradzieźnik* (XVI–XVII w.) i *kradzieźca* (XVIII w.) [Bańkowski 2000, III: 808].

Począwszy od XVI wieku stabilizuje się znaczenie leksemu *вор* ‘совершающий кражи’ [Цыганенко 1989: 68].

łoruskim i ukraińskim, por. białorus. *На злодзеі шапка гарыць*, ukr. *На злодїєві [i] шапка горить*.

W polskich zasobach leksykograficznych przysłowie to po raz pierwszy zostało odnotowane w 1618 roku przez Salomona Rysińskiego w zbiorze *Przypowieści polskie*⁴, zawierającym 1800 przysłów, niekiedy z obcojęzycznymi ekwiwalentami, lecz bez objaśniania znaczeń. O tak długim okresie funkcjonowania tego przysłowia w języku polskim świadczy też zachowana w nim archaiczna dziś postać czasownika *gore*, będąca formą 3. osoby liczby pojedynczej praesens leksemu *gorzeć* ‘palić się, płonąć’ (od XVIII wieku *goreć*). Początki tej formy datuje się na XVI wiek [Sławski 1983, I: 322–323, Bańkowski 2000, I: 458]. Chociaż sam czasownik dzisiaj obecny jest jedynie w gwarach, to nadal funkcjonują w języku polskim pochodne leksemu *pogorzeliśko* i *zgorzały* [Boryś 2005: 173].

W języku rosyjskim paremia zapewne jest obecna znacznie dłużej niż zaświadcza o tym leksykony. Pierwszą jej notację odnajdujemy w opracowaniu I. M. Sniegiriewa z 1848 roku (por. reprint [Снегирев 2014: 477]). Przykłady użycia tego przysłowia w literaturze pięknej drugiej połowy XIX wieku (A. H. Островский, *Праздничный сон – до обеда*, 1857 i A. Ф. Писемский, *Масоны*, 1880–1881) podaje Włodzimierz Dal [Даль 1862, I: 243]. Należy jednak zauważyć, iż wśród cytatów zarejestrowanych w Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) trafiamy na wcześniejsze użycie przysłowia w tekście literackim, pochodzące z początków XIX wieku (1832 r.) i to z leksemem *злодей*, a nie *вор*, por.:

„– Ничего, княгиня-сестрица!”, – отвечал хладнокровно Константин.

– Нет, не ничего, а явно, что Господь простоте дает разум, а **на злодее шапка горит!** [za НКРЯ: Н. А. Полевой, *Клятва при гробе Господнем*, 1832 (12.03.2017)].

Obie paremie konsekwentnie odnotowywane są przez kolejnych leksykografów (więcej: [Kolberg 1977: 534; Бирих, Мокиенко, Степанова 1998: 98; Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 151]). Rejestrują je także słowniki XXI wieku (m.in. [Müldner-Nieckowski 2003: 944; WSF 2005: 124, Федоров 2008: 755]).

Zdaniem autorów *Словаря русской фразеологии* źródeł tego metaforycznego obrazu należy upatrywać w starej anegdocie. Jest w niej mowa o tym, jakoby kupcy handlujący na bazarze notorycznie padali ofiarą złodzieja, którego nie sposób było przyłapać na gorącym uczynku. Zdesperowani zwrócili się do czarownika (w innych wersjach: do mędrca). Ten rychło znalazł rozwiązanie. Ponoć w reakcji na wykrzychaną przez niego na zatłoczonym bazarze frazę *На ворє шапка горит!* kilku ludzi w popłochu schwyciło

⁴ [Rysiński 1634: 93], [w:] źródło elektroniczne: <http://www.dbc.wroc.pl/libra/publication?id=26150> (11.03.2017).

się za własne nakrycia głowy, tym samym ujawniając swoje nieczne czyny [Бирих, Мокиенко, Степанова 1998: 98].

Prototypowa i sparafrazowana postać przysłowia wyjątkowo często jest przywoływana w artykułach prasowych traktujących o wszelkiego rodzaju nadużyciach („grzeszkach”) osób ze świata polityki i biznesu, wśród których pojawiają się postacie zarówno z Polski i Rosji, jak i z innych krajów. Sparafrazowane paremie są efektem modyfikacji wymieniających, regulujących, rozwijających, a także kontaminujących⁵. Zaprezentowane poniżej przykłady pochodzą z polskich i rosyjskojęzycznych mediów elektronicznych.

Modyfikacje wymieniające analizowanego przysłowia dotyczą zamiany komponentu *złodziej / вор* na inny leksem ze znaczeniem osobowym, np. *diler, czynownik, академик, цензор, оппозиционер*: „Na **dilerze** czapka gore” [portal Sosnowiec.dlaWas, 21.02.2017]⁶,

Na **czynowniku** czapka gore. Czego się boi rosyjski urzędnik? Tego, że go posadzą. Nawet jeśli – co się czasem zdarza – czuje się absolutnie niewinny. Stara zasada patrona czekistów Feliksa Dzierżyńskiego wciąż jest aktualna: „Dajcie mi człowieka, a paragraf na niego się znajdzie” [W. Radziwinowicz, *Na czynowniku czapka gore*, „Gazeta Wyborcza”, 07.09.2012]⁷,

„From California с люВовью: на **академике** шапка горит!” [„Украинская правда”, 02.08.2004]⁸; На „**оппозиционере**” шапка горит? [Фраза.юа,

⁵ Zjawisko innowacji przysłowiowych zostało już dość dobrze opracowane przez językoznawców. Zagadnieniu transformacji przysłów w języku rosyjskim poświęcone są, m.in. prace W. Mokijenki i H. Waltera [Вальтер, Мокиенко 2005], B. Normana [Норман 2010: 308–316], A. Reznikova [Reznikov 2009], E. I. Seliwerstowej [Селиверстова 2009], N. N. Fiodorowej [Федорова 2007]. Ponadto opisano je też w innych językach. Por. monografie i artykuły W. Miedera [Mieder 1979, 1982, 1985, 1989, 2010: 279–300] – język niemiecki, E. Wojtczak [Wojtczak 2012: 278–284, 2014: 423–428] – język niemiecki i polski, D. Tkaczewskiego [Tkaczewski 2012: 267–277] – język polski, S. Prędoty [Prędoty 1996: 29–38] – język niderlandzki, R. Wyżkiewicz-Maksimow [Wyżkiewicz-Maksimow 2012] – język polski, serbski, chorwacki i in.

⁶ Zob. źródło elektroniczne: <http://sosnowiec.dlawas.info/wiadomosci/na-dilerze-czapka-gore/cid,9150,a> (13.03.2017).

⁷ Zob. źródło elektroniczne: http://wyborcza.pl/1,76842,12438185,Na_czynowniku_czapka_gore.html (22.04.2017).

⁸ Tytułowy *академик* to ówczesny premier Ukrainy Wiktor Janukowycz. Autor artykułu zarzuca premierowi nieznamość zasad ortograficznych. Taka konstatacja faktów wynika z CV Janukowycza, w którym informuje on o swoim członkostwie w *Academy*, co, zdaniem autora artykułu, wskazywałoby na Kalifornijską Międzynarodową Akademię Nauk. Tymczasem chodzi o *Akademy*, wirtualną akademię, skupiającą w swych szeregach głównie działaczy z byłego ZSRR. Organizacja nie jest bynajmniej jednostką naukową [http://www.pravda.com.ua/rus/news/2004/08/2/4380242/?attempt=1 (08.04.2017)].

23.08.2010]⁹; „На **цензоре** шапка горит” [portal „Livejournal”, 13.11.2012]¹⁰. Mimo iż w sparafrazowanych paremiach rosyjskich – tytułach prasowych nie pojawiają się żadne nazwiska, to jednak tak skonstruowane frazy, mające aluzyjny charakter i odnoszące się do bieżących wydarzeń, sprawiają, że łatwo wywnioskować, o kogo konkretnie chodzi (академик – В. Янукович, „оппозиционер” – днепропетровский политик Загид Краснов, цензор – В. Путин).

Najczęściej jednak komponent wymienny w obu językach ma postać antroponimu – nazwiska lub imienia znanego polityka, dyrektora firmy, osoby powszechnie znanej, por. tytuły prasowe: „Na **Putinie** czapka gore” („Niezależna Gazeta Polska – Nowe Państwo”, marzec 2014)¹¹; „Na **Sokolskim** czapka gore? Tak i to niezłym płomieniem. Próbuje go zagasić” [portal TOKFM, 08.02.2015]¹²; „Na **Blumsztajnie** czapka gore” („Rzeczpospolita”, 13.02.2010)¹³; „На **Петре** и шапка горит: отказавшись от «АТО» Порошенко объявил войну РФ” (portal „Новороссия”, 30.10.2016)¹⁴; „Будет ли у Путина обыск, а на **Кирби** и шапка горит” (portal „Путин24”, 23.12.2016)¹⁵; „На **Путине** и шапка горит (мантры верховного шамана)” (portal „ТСН”, 19.12.2014)¹⁶; „На **Берлускони** шапка горит” („Пражский

⁹ Polityk był zamieszany w aferę gruntową [https://fraza.ua/analytics/23.08.10/97505/na_oppozicionere_shapka_gorit.html (08.04.2017)].

¹⁰ O obsadzeniu stanowisk w partii „Jedna Rosja” [http://pshelkov.livejournal.com/7016.html (13.03.2017)].

¹¹ W dalszej części artykułu autor pisze:

Boeing należał do Malezji i nie został strącony nad Rosją. Więc dlaczego Putin zadzwonił do Obamy i zarządzając minutę ciszy dla całego rządu, oddał hołd cudzoziemcom? „Na złodzieju czapka gore”. Tak można by skwitować telefon Putina do Obamy

[http://www.panstwo.net/3372-na-putinie-czapka-gore (12.03.2017)].

¹² Zob. źródło elektroniczne: http://www.tokfm.pl/blogi/polskiezoo/2015/02/na_sokolskim_czapka_gore_tak_i_to_niezlym_pplomieniem_probuje_go_zagasic/1 (20.05.2017).

¹³ Sprawa dotyczy rzekomych kulisów *okrągłego stołu* [http://www.rp.pl/artykul/433303-Na-Blumsztajnie-czapka-gore.html#ap-1 (13.03.2017)].

¹⁴ Źródło elektroniczne: https://www.novorosinform.org/articles/7728 (12.03.2017).

¹⁵ John Kirby – szef służby prasowej Departamentu Stanu USA w rządzie Baracka Obamy [http://putin24.info/budet-li-u-putina-obysk-a-na-kirbi-i-shapka-gorit-raketanews.html (25.01.2017)].

¹⁶ Artykuł odnosi się do corocznej konferencji prasowej prezydenta Rosji. W dalszej części artykułu autor pisze: „Не менее "интересная" позиция Путина и по Абхазии с Южной Осетией – мы ни в чем не виноваты, во всем виноват Саакашвили, и добавил к этому свои фантазии о том, что за бывшим президентом Грузии гоняются по всему миру. Дальше интереснее. Путин начал оправдываться, говоря, что он тут ни при чем, прямо по хорошей русской поговорке – **на воре и шапка горит**. Вот только за Саакашвили никто не гоняется, ну а то, что путинские контрагенты в Грузии лишили президента возможности находиться сейчас в своей стране, очевидный факт даже в его, путинской реальности. Иначе не имело бы смысла

телеграф", 20.12.2013)¹⁷; „На Ландсбергисе шапка горит” („Столетие”, 17.08.2012)¹⁸; „Не только на Кучме шапка горит” („Новая газета”, 28.03.2011)¹⁹; „На Матвееве и шапка горит” („Великолукская правда”, 1.08.2016)²⁰; „На Турчинове и шапка горит” („Столетие”, 14.08.2015)²¹.

Jeden z przykładów (tytuł prasowy) ilustruje zamianę komponentu *вор* na grupę wyrazową, por.: „Рошка: На голове Филата «шапка горит» за события 7 апреля 2009 года” (portal „Publika.md”, 06.04.2012)²².

Komponent wymienny może być nazwą frakcji i partii politycznej, a w zasadzie odnosić się do przedstawicieli tych ugrupowań, por. kolejne tytuły prasowe: „Na lewicy czapka gore” („Przewodnik Katolicki”, listopad 2005)²³; „Na PO czapka gore. Lewandowski szuka Targowicy w PiS” (portal „Fronda”, 19.01.2016)²⁴; „На Кремле [tu w znaczeniu: przedstawiciele rządu rosyjskiego] и шапка горит” (22.09.2016)²⁵. Obok przytoczonych przykładów w zmodyfikowanych paremiach pojawiają się nazwy firm. Ulokowanie ich w takim kontekście wyraźnie sugeruje udział tych podmiotów

говорить о том, что он тут не причем” [<https://ru.tsn.ua/analitika/na-putine-i-shapka-gorit-mantry-verhovnogo-shamana-401969.html>] (10.04.2017)].

¹⁷ Artykuł nawiązuje do oskarżeń pod adresem S. Berlusconi, dotyczących malwersacji finansowych [<http://ptel.cz/2013/12/na-berluskoni-shapka-gorit/>] (10.04.2017)].

¹⁸ Aluzja do książki V. Lansbergisa *Atpirkimas: sausio 13-oji dokumentuose*, traktującej o wydarzeniach 12/13 stycznia 1991 roku w Wilnie [http://www.stoletie.ru/politika/na_landsbergise_shapka_gorit_chast_1_410.htm] (10.04.2017)].

¹⁹ Artykuł dotyczy, między innymi, próby rozliczenia byłego prezydenta Ukrainy L. Kuczmy za zlecenie oficerom ukraińskiej milicji uprowadzenia i zamordowania jesienią 2000 roku opozycjonisty G. Gongadze (afera kasetowa, Tapegate) [<https://www.novayagazeta.ru/articles/2011/03/27/6289-ne-tolko-na-kuchme-shapka-gorit>] (21.02.2017)].

²⁰ Dmitrij Matwejew – dyrektor Kombinatu Mlecznego w mieście Wielkie Łuki, oskarżany o korupcję [<http://luki.ru/news/455492.html>] (22.03.2017)].

²¹ Ołeksandr Turczynow – sekretarz Rady Bezpieczeństwa Narodowego i Obrony Ukrainy [http://www.stoletie.ru/tekuschiiy_moment/na_turchinove_i_shapka_gorit_590.htm] (11.04.2017)].

²² Aluzja do krwawych zamieszek z 7 kwietnia 2009 roku w Kiszyniowie po wygranej Partii Komunistów Republiki Mołdawii w wyborach parlamentarnych. Premierem Mołdawii był wówczas Vlad Filat [http://ru.publika.md/roshka-na-golove-filata-shapka-gorit-za-sobytiya-7-aprelya-2009-goda_473701.html] (19.03.2017)].

²³ Nawiązanie do toczących się śledztw w sprawie Orlengate i prywatyzacji PZU oraz aresztowania lobbysty Marka Dochnała [<https://www.przewodnik-katolicki.pl/Archiwum/2005/Przewodnik-Katolicki-11-2005/Spoleczenstwo/Na-lewicy-czapka-gore>] (12.03.2017)].

²⁴ Zob. źródło elektroniczne: <http://www.fronda.pl/a/na-po-czapka-gore-lewandowski-szuka-targowicy-w-pis,64310.html> (12.03.2017)].

²⁵ O pomyśle rządu rosyjskiego w sprawie przeprowadzenia wyborów samorządowych na terytorium całej Rosji oraz zaanektowanego Krymu [<http://uapress.info/ru/news/show/144858>] (17.01.2017)].

gospodarczych w aferach finansowych, por.: „На фирме «Гарит» и шапка горит” (7.12.2016)²⁶; „На «Евроопте» шапка горит?” (19.12.2013)²⁷.

Kolejny typ modyfikacji stanowią innowacje regulujące, w których następuje zamiana liczby pojedynczej komponentu *вор* na mnogą, np.: „Я знаю хорошую поговорку – когда **на ворах** шапка горит... Это родилось как раз оттуда” [Андрей Романов, *Грач: При участии Джарти в Крыму родился еще один коллективный Павлик Морозов*, „Новый регион 2”, 16.11.2010 (03.04.2017)]. W niektórych przypadkach komponent ten zostaje zastąpiony konstrukcją syntaktyczną w formie liczby mnogiej, por.: „Луценко считает, что на **некоторых нардепах** шапка горит” (22.04.2015)²⁸. Czasami pluralizacji ulega cała postać przysłowia, której towarzyszy wymiana komponentu *воры* na inny leksem ze znaczeniem osobowym, np.: „На **банкирах** шапки горят: как финансисты выводят из страны миллиарды и почему им это сходит с рук” (14.11.2016)²⁹.

Z kolei innowacje rozwijające związane są z doprecyzowaniem znaczenia jednego ze składowych elementów paremii, np.: „На **зłodzieju numer 23** czapka gore” (22.08.2016)³⁰. Częściej jednak spotykamy się z doprecyzowaniem znaczenia komponentu *czapka*. Na fakt uzupełniania składu słownikowego omawianego przysłowia w języku polskim o nowe elementy zwraca także uwagę Jerzy Bralczyk:

Złodziejowi nakładano w tych nowszych, teraz już cynicznych przysłowiach czapkę futrzaną, szczególnie z karakułów, co miało znaczyć, że owszem złodziejstwo się opłaca i wykrywane bywa rzadko [Bralczyk 2015: 257].

Jak twierdzi Janusz Szajna, sparafrazowana paremia *Na złodzieju czapka karakułowa* zrodziła się w czasach Edwarda Gierka i odnosiła się do ówczesnych złodziei [Szajna 2008³¹]. Jednak materiały słownikowe zaświadczają jej wcześniejsze użycie, wskazujące na 1957 rok [NKPP 1972, 3: 887–888]. Trzeba przy tym zaznaczyć, iż czapki karakułowe symbolizują złodziei, mal-

²⁶ O aferze korupcyjnej w firmie budowlanej „Tarit” [https://stolica-s.su/society/67492 (22.04.2017)].

²⁷ Zob. źródło elektroniczne: https://ej.by/news/companies/2013/12/19/na_evroopte_shapka_gorit.html (22.04.2017).

²⁸ Jurij W. Łucenko – lider frakcji „Blok Petra Poroszenki”, – URL: http://newsnetwork.tv/news/lucenko-schitaet-cto-na-nekotoryh-nardepah-shapka-gorit.html (13.03.2017).

²⁹ Zob. źródło elektroniczne: http://www.kp.ru/daily/26606.5/3622530/ (22.02.2017).

³⁰ O złodzieju, który został wypatrzony na ulicach Wałbrzycha przez straż miejską dzięki monitoringowi miejskiemu i został tak tymczasowo określony z uwagi na charakterystyczny szczegół odzieży – bluzę z numerem 23, – URL: http://strazmiejska.walbrzych.pl/index.php/archiwum/78-artykuly/597-na-zlodzieju-numer-23-czapka-gore (21.04.2017).

³¹ [Szajna 2008], [w:] źródło elektroniczne: http://www.gazetazeta.com/artman/publish/article_22_522.shtml (10.03.2017).

wersantów „większego kalibru”. Okazuje się, iż zmodyfikowana paremia ma wymiar ponadczasowy, z taką bowiem jej postacią nadal możemy się spotkać na forach internetowych, por.: „W III RP na złodzieju **czapka karakułowa...**”³². Te „kolekcję futrzanych czap” *Wielki słownik języka polskiego*³³ uzupełnia informacją o jeszcze innej postaci przysłowia: *Na złodzieju czapka z lisa* (bez podawania materiału ilustracyjnego), w której następuje z jednej strony uszczuplenie składu słownikowej postaci o leksem *gore*, z drugiej – uzupełnienie tego składu nowym elementem – z *lisa*. Masowa skala afer finansowych zainspirowała użytkowników języka polskiego do kolejnej modyfikacji przysłowia, por.: „Jak z tego widać, w Polsce na złodzieju **czapka karakułowa**, teraz już może **sobolowa**”³⁴.

W języku rosyjskim przysłowie także poddawane jest dalszemu humorystycznemu parafrazowaniu (modyfikacje rozwijające), co skrętnie odnotowują słowniki, por.: *На воре и шапка глаза колет*³⁵; *На воре шапка горит, а на пиве – выпить велит* [Вальтер, Мокиенко 2005: 75]³⁶.

Inny przykład innowacji rozwijającej ilustruje poniższy cytat:

– Еще раз вам говорю, – продолжил вдруг отрезвевший банкир, – мы жили здесь и будем жить. Трястись вовсе не обязательно и ни к чему. Помните, что **на воре всегда шапка первой горит**. Надо самим брать быка за рога. В милиции и ФСБ должны понять, что не они хозяева положения, а наш губернатор [Н. Старинщиков, *Леший*, электронная книга].

Z kolei fraza *горит у Гофмана не только „шапка”, но и земля под ногами* jest efektem kontaminacji przysłów *На воре шапка горит* i *Земля горит под ногами* z jednoczesną inwersją i zamianą komponentu *вор* wyrażeniem przyimkowym *у Гофмана* oraz doprecyzowaniem sensu wypowiedzi poprzez dodanie komponentu *не только*, por.:

Иными словами, есть очень серьезное подозрение, что вся эта шумиха была затеяна Гофманом исключительно для того. Чтобы отвести от себя подозрение. В таких случаях в народе говорят: **На воре шапка горит**. Мы же можем

³² Źródło elektroniczne: <http://niepoprawni.pl/blog/763/w-iii-rp-na-zlodzieju-czapka-karakulowa> (10.03.2017).

³³ [*Wielki słownik języka polskiego*], [w:] źródło elektroniczne: http://www.wsjp.pl/do_druku.php?id_hasla=6997&id_znaczenia=773258 (10.03.2017).

³⁴ Źródło elektroniczne: http://katowice.wyborcza.pl/katowice/1,35063,17891200,Liczby_nie_klamia__Tychy_bogatsze_od_Katowic.html (11.03.2017).

³⁵ Sparafrazowaną paremię można też potraktować jako efekt modyfikacji kontaminującej dwóch paremii: *На воре [и] шапка горит* i *Правда глаза колет*.

³⁶ Takie żartobliwe rozwijanie przysłów językoznawcy nazywają tworzeniem antyprzysłów [por. Chlebda 2005: 78]. Inny przykład innowacji autorskiej podaje I. J. Samojoyłowa: „...теперь на воре уже не шапка – лысына горит” (И. Бродский, *Одной поэте*) [Самойлова 2014: 72].

смело сказать, что горит у Гофмана не только „шапка”, но и земля под ногами [portal „Voxpublika”, 05.06.2016]³⁷.

Inny przykład kontaminacji reprezentuje tytuł prasowy „На чужом горе шапка горит” [portal „Примечания”, 27.05.2017]³⁸, powstały na bazie przysłów *na chuzhom gore [neschast'ye], schast'ya ne postroiшь i na wore shapka gorit*.

Przedstawione przykłady potwierdzają, iż przysłowie wciąż jest żywe w języku rosyjskim i polskim. Zarówno w postaci prototypowej, jak i sparafrazowanej używane jest w odniesieniu do osób (głównie polityków), partii politycznych, firm, na których ciąży oskarżenie o kradzież, oszustwo, malwersację albo inny niemoralny czyn, który nieskutecznie próbują zataić przed opinią publiczną.

Jak widać, metaforyczny charakter przysłowia, funkcjonującego w obu językach, chętnie wykorzystywany jest w tekstach prasowych. Co ciekawe, mimo iż taka paremia nie istnieje w czeszczyźnie, to w jednym z artykułów dziennikarz, chcąc oddać w pełni sens wypowiedzi Sergieja Ławrowa, pokusił się o dosłowne przetłumaczenie jej na język czeski, por.:

„**Na złoději i čepice hoří**”, komentoval známým ruským příslovím, o člověku se špatným svědomím, šéf ruské diplomacie Sergej Viktorovič Lavrov čtvrtelní prohlášení tureckého prezidenta, zločince, vraha, diktátora a prašivého psa Recepce Tayyipa Erdogana, podle kterého má Ankara důkazy, že do nezákonného obchodování s ropou z území ovládaných v Sýrii islámském státem (IS) je zapletena Moskva. Informovala o tom dnes agentura TASS³⁹.

Aksjologiczny charakter pierwotnej postaci paremii, a także jej zmodyfikowanych wersji, mających okazjonalny, doraźny charakter sprawia, iż chętnie używane są one w tekstach medialnych, głównie w tytułach prasowych, nadając wypowiedziom negatywnie wartościujący i ekspresyjny charakter. Z uwagi na zindywidualizowany, a przy tym ulotny, efemeryczny charakter przytoczonych innowacji przysłowiowych, należy przypuszczać, iż poza macierzystym kontekstem nie mają one szans na przetrwanie.

Bibliografia

- B a ń k o w s k i A. 2000. *Etymologiczny słownik języka polskiego*, t. 1–3, Warszawa: PWN.
B o r y ś W. 2005. *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Kraków: Wydawnictwo Literackie.

³⁷ Michał Gofman – były oficer Krajowego Ośrodka do Walki z Korupcją w Mołdawii. Artykuł traktuje o układach korupcyjnych w Mołdawii [<http://vox.publika.md/politica/na-gofmane-shapka-gorit-525765.html#sthash.6Dof6LRJ.dpuf> (12.03.2017)].

³⁸ O aferze gruntowej na Ukrainie [http://primechaniya.ru/home/news/maj_2017/na_chuzhom_gore_shapka_gorit/ (27.05.2017)].

³⁹ Zob. źródło elektroniczne: <http://www.vlasteneckenoviny.cz/?p=142286> (11.03.2017).

- Bralczyk J. 2015. *500 zdań polskich*, Warszawa: AGORA.
- Brückner A. 1927. *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Kraków: Krakowska Spółka Wydawnicza.
- Chlebdaw. 2005. *Szkice o skrzydlatych słowach. Interpretacje lingwistyczne*, Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego.
- Dziamska-Lenart G. 2004. *Innowacje frazeologiczne w powojennej felietonistyce polskiej*, Poznań: Wydawnictwo „Poznańskie Studia Polonistyczne”.
- Ignatowicz-Skorońska J. 2008. *Frazeologizmy jako tworzywo stylu współczesnej powieści polskiej*, Szczecin: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego.
- Kolberg O. 1977. *Przysłowia*, Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza.
- Kusza K. 2013. *Przysłowie jako językowy nośnik wartości – perspektywa pedagogiczna*, „Studia Edukacyjne”, nr 26, s. 39–62.
- Linde M.S.B. 1814. *Słownik języka polskiego*, t. VI, Warszawa: Drukarnia Xsieny Pijarów.
- Mieder W. 1979. „*Morgenstunde hat Gold im Munde*”. *Studien und Belege zum populärsten deutschsprachigen Sprichwort*, Wien: Verlag Edition Praesens.
- Mieder W. 1982. *Antisprichwörter*, vol. 1, Wiesbaden: Verlag der Gesellschaft für deutsche Sprache.
- Mieder W. 1985. *Antisprichwörter*, vol. 2, Wiesbaden: Verlag der Gesellschaft für deutsche Sprache.
- Mieder W. 1989. *Antisprichwörter*, vol. 3, Heidelberg, Wiesbaden: Quelle, Meyer.
- Mieder W. 2010. „*Der Mensch lebt nicht vom Brot allein*” *Vom Bibelspruchwort über das Volksspruchwort zum Antisprichwort*, [w:] *Słowo. Tekst. Czas X. Jednostka frazeologiczna w tradycyjnych i nowych paradygmatach naukowych*, Szczecin-Greifswald: Print Group, s. 279–300.
- Möldner-Nieckowski P. 2003. *Wielki słownik frazeologiczny języka polskiego*, Warszawa: Świat Książki.
- Pajdzińska A. 1991. *Wartościowanie we frazeologii*, [w:] *Język a kultura*, t. 3: *Wartości w języku i tekście*. Red. J. Puzynina, J. Anusiewicz, Wrocław: Wiedza o Kulturze, s. 19–28.
- Prędoła S. 1996. *Modyfikacje parodystyczne przysłów (na materiale języka niderlandzkiego)*, [w:] *Problemy frazeologii europejskiej*. Red. A. M. Lewicki, t. 1, Warszawa: Energeia, s. 29–38.
- Puzynina J. 1992. *Język wartości*, Warszawa: PWN.
- Reznikov A. 2009. *Old wine in new bottles: Modern Russian anti-proverbs*, Burlington, VT: University of Vermont.
- Sławski F. 1983. *Słownik etymologiczny języka polskiego*, t. 1, Kraków: Towarzystwo Miłośników Języka Polskiego.
- Świerczyńska D. 1996. *Wolność w dupce w swej chatupce (Językowe gry przysłowiowe)*, „Teksty Drugie: teoria literatury, krytyka, interpretacja”, nr 2/3 (38/39), s. 240–249.
- Tkaczewski D. 2012. „*Nowoprzysłowia*” polskie, czyli dowcipne modyfikacje i parafrazy popularnych porzekadeł, [w:] *Parémie národů slovanských VI*. Red. L. Mrovčova, Ostrava: Ostravská univerzita v Ostravě, s. 267–277.

- Wojtczak E. 2012. *Pieniądze, bogactwo i praca w (anty)przystoitiach polskich i niemieckich*, [w:] *Parémie národů slovanských VI*, Ostrava: Ostravská univerzita v Ostravě, s. 278–284.
- Wojtczak E. 2014. *Nowe życie starych form. O modyfikacji przysłów w mediach*, [w:] *Parémie národů slovanských VII*, Ostrava: Ostravská univerzita v Ostravě, s. 423–428.
- Wyżkiewicz-Maksimow R. 2012. *Językowy obraz człowieka – charakter i osobowość w paremiologii polskiej, serbskiej i chorwackiej*, Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego.
- Арсирый А. Т. 1967. *Материалы по замечательной грамматике русского языка*, Москва: Изд-во „Просвещение”.
- Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. 1998. *Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник*, Санкт-Петербург: Фолио-Пресс.
- Вальтер Х., Мокиенко В. М. 2005. *Антипословицы русского народа*, Санкт-Петербург: Изд. „Нева”.
- Даль В. И. 1862. *Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, загадок, поверий и проч.*, т. 1, 1-е изд., Москва: Университетская типография.
- Ермаков Н. Я. 1894. *Пословицы русского народа*, Санкт-Петербург.
- Илюстров И. И. 1915. *Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках: сборник русских пословиц и поговорок*, изд. 3-е, испр. и доп., Москва: Товарищество скоропечатни А. А. Левенсон.
- Ляцкий Е. А. 1897. *Несколько замечаний к вопросу о пословицах и поговорках*, „Известия Отделения русского языка и словестности Императорской Академии наук”, Санкт-Петербург, т. 2, s. 745–782.
- Михельсон М. И. 1902. *Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний*, т. I: *Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов*, Санкт-Петербург: Типография Академии наук.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Н. К. 2010. *Большой словарь русских пословиц*, Москва: ОЛМА Медия Групп.
- Норман Б. 2010. *Почему антипословицы – „анти”?*, [w:] *Słowo. Tekst. Czas X. Jednostka frazeologiczna w tradycyjnnych i nowych paradygmatach naukowych*, Szczecin-Greifswald: Print Group, s. 308–316.
- Самойлова И. Ю. 2014. *Авторские инновации в языке. Иосиф Бродский*, „Studia Rossica Gedaniensia”, nr 1, s. 60–75.
- Селиверстова Е. И. 2009. *Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость*, Санкт-Петербург: Издательский дом „Мирс”.
- Снегирев И. М. 1848. *Русские народные пословицы и притчи, изданные И. М. Снегиревым, с предисловием и дополнениями*, Москва: Университетская типография.
- Снегирев И. М. 2014. *Русские народные пословицы и притчи*, Москва: Институт русской цивилизации.
- Федоров Ф. И., *Фразеологический словарь русского литературного языка*, Москва: АСТРЕЛЬ. АСТ.

- Цыганенко Г. П. 1989. *Этимологический словарь русского языка*, Киев: „Рядянська школа”.
- Шанский Н. М., Зимин В. И., Филиппов А. В. 1987. *Опыт этимологического словаря русской фразеологии*, Москва: „Русский язык”.

Źródła internetowe

- <http://www.vlasteneckenoviny.cz/?p=142286> (11.03.2017).
- Rysiński S. 1634. *Przypowieści polskie*, Kraków, [w:] <http://www.dbc.wroc.pl/dlibra/publication?id=26150> (11.03.2017).
- Szajna J. 2008. *Na złodzieju czapka karakułowa*, [w:] http://www.gazetazeta.com/artman/publish/article_22522.shtml (10.03.2017).
- Федорова Н. Н., *Современные трансформации русских пословиц*. Автореф. дис. ...канд. филол. наук, Великий Новгород 2007, [w:] <http://cheloveknauka.com/sovremennye-transformatsii-russkih-poslovits> (28.03.2018).

Skróty tytułów tekstów źródłowych

- NKPP – Krzyżanowski J. 1972. *Nowa księga przysłów polskich i wyrażen przyślownych*, t. 3, Warszawa: PWN.
- WSF – Kłosińska A., Sobol E., Stankiewicz A. 2005. *Wielki słownik frazeologiczny PWN z przysłowiami*, Warszawa: PWN.
- WSJP – *Wielki słownik języka polskiego*, [w:] http://www.wsjp.pl/do_druku.php?id_hasla=6997&id_znaczenia=773258 (10.03.2017).
- NKJP – Narodowy korpus języka polskiego, [w:] źródło elektroniczne: <http://nkjp.pl/poliqarp/> (12.01. 2017).
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка, [w:] źródło elektroniczne: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (14.01.2017).

СЕМАНТИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ
В ПОЛЬСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ)

SEMANTIC AMBIGUITY OF COLOR NAMES
IN THE POLISH AND RUSSIAN LANGUAGES
(BASED ON LEXICOGRAPHIC DATA)

ANDRZEJ NARLOCH

ABSTRACT. Color lexis constitutes a complex semantic network of meanings, which sometimes makes it difficult to determine the characteristic feature of a given color name. This article analyzes the semantic ambiguity of color lexis in the Polish and Russian languages. Color ambiguity, as shown by the analysis, is related to the specificity of the color pattern, the lack of stability of the color pattern or its multicolour quality.

Keywords: color ambiguity, color lexis, lexicology

Andrzej Narloch, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu – Polska,
endrisz@amu.edu.pl

Настоящая статья посвящена исследованию неопределенности цветовой лексики в русском и польском языках. Выбор вопроса мотивируется его малой изученностью на фоне работ по цветообозначениям. Материальной базой послужили данные современных толковых словарей¹.

Цветовая неопределенность в сознании носителей языка связана с трудностями отнести конкретное название цвета к определенному спектру и нередко появляется в языке в отношении новых цветовых номинаций. Такие колоративы чаще всего образованы от названий объектов окружающей действительности, т. е. в их основу лег конкретный эталон цвета. Однако этот эталон по разным причинам может концептуализироваться в широком цветовом диапазоне. Кроме того, неопределенность семантики цветообозначений отмечается также, хотя в меньшей степени, в „старых”, устоявшихся уже в языке цветообо-

¹ В данном исследовании, кроме лексикографических данных, мы пользовались мнением группы 300 респондентов, задачей которых было отнести название цвета к одному из основных цветообозначений.

значениях. Неопределенность семантики цветообозначений связана в большей степени с их историческим развитием, стертой этимологией и отсутствием у них четко выделяемого эталона цвета.

На шкале цветовой неопределенности самой большой расплывчатостью значения отличаются колоративы типа *серо-буро-малиновый* и *sinokoperkowy*, которые, по сути, не называют конкретный оттенок, а лишь указывают на его неопределенность. Отсутствие эксплицируемости семантики цвета на спектральной шкале является их отличительной чертой, причем нельзя вывести значение слова на базе суммы значений основ, образующих прилагательное. Польское *sinokoperkowy* практически не отмечают словари польского языка. Чаще всего данное прилагательное выступает рядом со словом *róż*. Словосочетание *sinokoperkowy róż* фиксирует лишь *Miejski słownik slangu i mowy potocznej*, приводя значение: „Zazwyczaj inne określenie jakiegokolwiek koloru, czasem też stosowane, gdy nie wiemy, co danej osobie odpowiedzieć” [*Miejski słownik slangu i mowy potocznej*]. Данное цветообозначение употребляется в просторечном дискурсе, причем обязательной составляющей значения является стилистическая отмеченность и шутливый характер. Русское *серо-буро-малиновый* появилось во второй половине XX века и чаще всего выражало неестественный цвет, в частности с негативной окраской. В современном русском языке цветообозначение приобрело уже шутливой оттенок подобно польскому эквиваленту, ср.: — *Медведь?... Белый или серо-буро-малиновый? – радостно пошутил он* [*Национальный корпус русского языка*]; *Ребята не понимают, для них черное – черное, белое – белое, а Сергей – серо-буро-малиновый в крапинку* [*Национальный корпус русского языка*]. Цветообозначение *серо-буро-малиновый* может входить в семантические связи с другими прилагательными. Например, цветообозначения *красные, белые* в переносном употреблении называют сторонников определенных политических ориентаций. Включение прилагательного *серо-буро-малиновый* в этот ряд активизирует семантику „неопределенности политической ориентации”, ср.: *Не хотелось бы, чтобы красных баснописцев сменили белые или серо-буро-малиновые* [*Национальный корпус русского языка*].

Причины появления таких наименований имеют социальный характер. В результате развития современных технологий, обогащения палитры предлагаемых цветов в разных отраслях проявления человеческой активности, в частности в фэшн-индустрии, лако-красочной продукции, все труднее определить, с каким конкретным оттенком сталкиваемся. Трудности с концептуализацией оттенка цвета во внеязыковой действительности только способствуют возникновению таких номинаций, которые помогают говорящим „обойти” проблему точного определения спектра цвета, одновременно содержит шутливую окраску.

В языке отмечаем также единицы, семантическая структура которых не выражается однозначно и безоговорочно. Это связано с трудностями категоризации колористической доминанты; неоднократно такие прилагательные тяготеют одновременно к двум или даже трем доминантам.

Восприятие человеком окружающего мира непосредственно связано с процессом категоризации. Согласно теории лингвистической относительности (см. работы Э. Сепира и Б. Уорфа), каждый язык располагает своей сеткой деления мира, по-своему концептуализирует внеязыковую реальность. Из этого вытекает, что один и тот же фрагмент действительности может предоставлять адекватную, но не тождественную концептуальную схему. Результатом разной концептуализации является, например, *cyklamenowy*. Словари польского языка приравнивают прилагательное *cyklamenowy* к доминанте розового или красного цвета. Приведем одну из дефиниций: 'w kolorze cyklamenów, czyli różowy z odcieniem fioletowym' [*Praktyczny słownik współczesnej polszczyzny* 1996, VII: 331]. Польские словари фиксируют также существительное *cyklamen* в значении цвета: 'kolor różowy o odcieniu fioletowym' [*Słownik 100 tysięcy potrzebnych słów* 2005: 98], [*Uniwersalny słownik języka polskiego* 2006, I: 493]. Однако *Mały słownik języka polskiego* допускает доминанту красного, ср.: 'kolor czerwony lub różowy o odcieniu fioletowym' [*Mały słownik języka polskiego* 1995: 103]. Несмотря на то, что речь идет об одном и том же цвете, человеческий понятийный аппарат по-разному концептуализирует данный цвет, поскольку он занимает промежуточное место между двумя цветовыми доминантами.

Семантическая неопределенность лексики цвета так или иначе связана с трудностями категоризации цветового эталона, который лег в основу номинационных процессов. Трудности с определением цветовой доминанты обусловлены рядом причин. В дальнейшей части предпринимается попытка представить все факторы, детерминирующие семантическую неопределенность цветообозначений, к которым относим: 1) многоцветность эталона, 2) омонимию цветообозначений, 3) колористическую нестабильность эталона, 4) биологический фактор.

1. Многоцветность эталона. Данный фактор играет большую роль в неопределенности цветовой семантики прилагательных. Эталон цвета не имеет однотонной характеристики ввиду того, что его отдельные части получают разный цвет. Примером такой неустойчивости семантики цвета, вызванной различным цветом эталона, является в польском языке прилагательное *migdałowy*. При сравнении дефиниций этого прилагательного в словарях наблюдается противоречие. Цветовым образцом для лексемы оказались семена миндаля, на что указывает И. Беляева [Bjelajeva 2005: 62], т. е. их коричневый цвет. С другой стороны

— некоторые словари допускают возможность ссылки как на семена миндаля, так и на его цветки, которые по цвету — розовые [*Słownik języka polskiego* 1978, II: 169], [*Słownik współczesnego języka polskiego* 1999: 520]. Польские респонденты в большинстве случаев определяли *migdałowy* не как оттенок коричневого или розового цветов, а как оттенок белого цвета. Видимо, в основу категоризации в данном случае лег не внешний вид семян миндаля или цвет розовых лепестков, а внутренняя часть семян (косточки), которая имеет млечно-белый цвет, и часто продается именно в таком виде в магазинах. В русском языке прилагательное *миндальный* словари относят к доминанте розового, так как эталоном цвета стали цветки этого растения, ср.: ‘розовый, такой как цветки миндаля’ [*Словарь русского языка* 1983, II: 272].

Неопределенностью семантики отличаются колоративы, в которых в основе цветового образца — окрас животных, точнее птицы, например: *pawí, papuzi*. Значение прилагательного *pawí* колеблется между *синим* и *зеленым* (с металлическим блеском), ср. ‘taki, który jest koloru charakteryst. dla upierzenia pawia — zielononiebieski, mieniający się zieleńią, mieniający się niebieskim’ [*Praktyczny słownik współczesnej polszczyzny* 2000, XXVIII: 72]. Причем в разных речевых реализациях данный цвет варьируется то в синих, то в зеленых оттенках.

Перья папугая стали образцом цвета для прилагательного *papuzi*. Большинство попугаев, как известно, очень ярко окрашены в разные цвета (*жёлтый, красный, зелёный, голубой, фиолетовый*). Поэтому какой именно оттенок имеется в виду, трудно определить без широкого контекста. Это подтверждают также лексикографические источники, которые указывают на многоцветность колоратива: ‘przyrówn. kolorem, barwnością upierzenia papugi’ [*Słownik współczesnego języka polskiego* 1999: 718]. Такая дефиниция вовсе не объясняет семантики цвета. Большую определенность вносят некоторые лексикографические источники, ср.: ‘odznaczający się jaskrawymi barwami; różnobarwny, podobny do barw upierzenia papugi; żółtozielony’ [*Słownik języka polskiego* 1964, VI: 103], ‘taki, który kolorem, różnorodnością barw przypomina upierzenie papugi: p. sukienka, barwy, kolory, kamizelka, szlafrok, strój; bliskożn.: wielobarwny, żółtozielony, kanarkowy’ [*Praktyczny słownik współczesnej polszczyzny* 2000, XXVII: 368]. В обеих дефинициях, с одной стороны, появляются прилагательные *wielobarwny, różnobarwny*, с другой — оттенок *żółtozielony*. Из этого следует, что в зависимости от конкретной ситуации прилагательное может выражать тот или иной оттенок. Причем наиболее распространенной является тональность семантики *жёлто-зелёных оттенков*.

Цветовая расплывчатость семантики цветообозначения может быть вызвана новизной колоратива. Сам эталон цвета может также быть неустойчивым и меняться в определенном диапазоне. На основе всей

массы разноцветных образцов преобладает конкретный цветовой тип, который становится доминирующим. Примером такого прилагательного может быть *jagodowy*. Лексему *jagodowy* не фиксируют современные словари польского языка. Тем не менее цветообозначение довольно часто отмечаем в сфере моды и дизайна. В этой области прикладного искусства колоратив несет семантику фиолетового или синего цветов. Цветовым образцом для синего стал, несомненно, цвет плодов черники обыкновенной (лат. *Vaccinium myrtillus*), напр.: *Lecz jeśli chodzi Ci o to, by kolory ze sobą współgrały, moim zdaniem pod tym względem do koloru jagodowego najbardziej pasują wszystkie odcienie różu i szarości* [Narodowy korpus języka polskiego]. Наглядные материалы показывают, что имеются ввиду именно темные оттенки синего цвета. Цветовая неопределенность связана с тем, что прилагательное *jagodowy* понимается также как фиолетовый с розовым и синим оттенками. В этом случае в основу номинации цвета лег не цвет плодов черники, а, скорее всего, цвет продуктов, приготовливаемых из черники, в частности таких, как пироги, соки, мороженое или коктейли. Подтверждением функционирования такой доминанты является также мнение польских респондентов, которые указали на доминанту именно фиолетового цвета.

Русское *ягодный* современные словари не фиксируют в значении цвета. В традиционном понимании лексема *ягоды* имеет значение 'небольшой сочный плод кустарников, полукустарников, кустарничков и травянистых растений' [Толковый словарь русского языка 1997: 916], напр.: *ягоды крыжовника, малины, черники, клюквы*. Поэтому очень часто это название приводит ассоциации с красным или розовым цветом. Приведем пример употребления этого колоратива именно в группе розовых оттенков: *Рассмотрим подробнее ягодный брусничный цвет. Он подойдет цветотипам „лето“ и „зима“, сделает дам более элегантными и стройными. Данный холодный оттенок розоватого цвета подойдет к деловому стилю, хотя он идеален для зимних праздников* [Национальный корпус русского языка]. Специалисты по цвету описывают *ягодный* также в палитре красных и синих тонов. См. пример из интернет-статьи, посвященной цвету: *В то же время такие ягодные оттенки, как виновый, сливовый, вишневый смотрятся достаточно мрачно и депрессивно, если не разбавить образ чем-то ярким или светлым* [по Интернету]. Поэтому есть основания для утверждения, что *ягодный* цвет представляет на самом деле определенный цветовой диапазон, помещенный между розово-красными и сине-фиолетовыми оттенками. В статье *Ягодный цвет – будь яркой этой весной!* значение этого цвета описывается именно в этом диапазоне: *Ягодный цвет – даже звучит вкусно. Палитра этих цветов довольно обширна. Ягодные оттенки могут быть холодными и теплыми, легкими и насыщенными, сладкими и пикантными – это и теплая, сочная вишня, и дерзкая малина,*

и мягкая брусника, и глубокий насыщенный цвет ежевики, подогрев которых красным, можно получить более яркий и теплый оттенок темного винограда. Это стойкий черничный, с приятной синевой, и пастельные оттенки сливочно-ягодного мороженого, меняющие насыщенность в зависимости от количества „молока“ [Marusova]. Из этого следует, что в области фэшн-индустрии, некоторые цветобозначения не выражают семантики конкретной цветовой доминанты, а некий широкий круг цветовых значений, в которых большую роль играют положительные ассоциации этого цвета, ввиду их ассоциации с объектами окружающей действительности.

Неопределенностью цвета отличаются колоративы *ochronny* и *защитный*. Они характеризуются меньшей определенностью по сравнению с близкими им в семантическом плане прилагательными *haku / khaki*. В польском языке колоратив имеет довольно неопределенное значение. В словарях не указывается цветовая доминанта, а подчеркивается обусловленность цвета оттенками окружающей природы и ландшафта, чаще всего цвета растений и земли, ср.: 'kolor mundurów i wyposażenia wojskowego podobny do barw występujących w otoczeniu, służący do zamaskowania obecności wojska lub broni w terenie' [Słownik języka polskiego 1978, II: 437]. Однако, справедливости ради, следует отметить, что *Praktyczny słownik współczesnej polszczyzny* указывает на цветовую доминанту коричневого, ср.: 'w kolorze ochry, tj. żółty, żółto-brunatny' [Praktyczny słownik współczesnej polszczyzny 2000, XXV: 194]. Семантика этих цветообозначений меняется в зависимости от цветов окружающей растительности, земли, ландшафта, которым этот цвет должен подражать. В отличие от польского, в русском языке словари чаще всего приводят доминанту зеленого цвета, напр.: 'серовато-зеленый с коричневым оттенком' [Большой толковый словарь русского языка 1998: 359]. Следует добавить, что *защитный* цвет понимается также как пятнистый многоцветный оттенок, состоящий из темно-зеленого, серого и коричневого оттенков, которые неразличимы на естественном фоне (имитируют различные бесформенные объекты).

2. Колоративы-омонимы. Неопределенность цвета в речевой ситуации может возникать в результате наличия в языке цветовых омонимов. В польском языке к колоративам-омонимам можно отнести *liliowy*¹ и *liliowy*². В первом случае образцом цвета становятся цветки *liliu* (род растений семейства лилейные). Цветки этого растения имеют разный оттенок, от белого, розового, желтого до фиолетово-красного. В таком случае наиболее стереотипным стали белые лепестки лилии, ср.: *liliowy*¹ 'taki, który przypomina kolorem lilię, jest podobny do koloru lili: l. białość bluzki, l. dłonie, bladeść' [Praktyczny słownik współczesnej polszczyzny 1998, XIX: 183]. Второй омоним *liliowy*² является, по сути, заимствован-

ным из фр. lilas. Цветовым эталоном стали цветки сирени обыкновенной (лат. *syringa vulgaris*), точнее фиолетовые лепестки. Ср. словарные дефиниции: 'kolor wrzосу; jasnofioletowy, lila: astry l., liliowa bluzka' [Słownik współczesnego języka polskiego 1999: 465], 'jasnofioletowy, jasnofioletowy, koloru wrzосу, bzu, lila' [Słownik języka polskiego 1963, IV: 141]. Однако некоторые лексикографические источники указывают также на наличие других оттенков, в частности таких, как *różowy* и *niebieski*, например: 'taki, który ma kolor jasnofioletowy, różowoniebieski, kolor bzu, wrzосу' [Praktyczny słownik współczesnej polszczyzny 1998, XIX: 183], 'będący koloru wrzосу, bzu; jasnofioletowy, różowoniebieski, lila: l. astry, bzy, wrzосy' [Słownik języka polskiego 1978, II, 36]. Такие омонимы не отмечаются в русском языке, так как русское *лиловый* имеет свой цветовой эталон в сирени, т. е. является эквивалентом польского *liliowy*², ср. значение *лиловый*: 'светло-фиолетовый, имеющий цвет сирени или фиалки' [Большой толковый словарь русского языка 1998: 497].

В современном русском языке в журналах, посвященных моде и дизайну, довольно часто появляется колоратив *ирисовый*, который не фиксируют современные словари. По нашим наблюдениям, в русском языке параллельно функционируют омонимы, в зависимости от эталона, легшего в основу номинации. Если образцом стали цветки *ириса* (лат. *Iris*), то *ирисовый*¹ имеет значение оттенка фиолетового цвета. Когда в основу номинации легли конфеты *ириски* (имеющие коричневый оттенок), лексема *ирисовый*² выражает оттенок коричневого цвета². В польском языке также находим омонимию лексемы *irysowy*. PSWP дает следующее толкование: 'taki, który jest charakterystyczny dla irysa — śmietankowego cukierka z kruchej lub ciągliwej masy: i. smak, kolor, kształt' [Praktyczny słownik współczesnej polszczyzny 1997, XIV: 379]. При таком эталоне прилагательное *irysowy*¹ получает значение коричневого цвета. Однако, как показали наши наблюдения, в языке функционирует и омоним *irysowy*². Цветовым эталоном для *irysowy*² стали, подобно русскому, сине-фиолетовые оттенки лепестков *ириса* (польск. *irys*)³. В статье *Trzy kolory: niebieski* в интернет-издании Newsweek, находим

² *Ирисовый* в значении оттенка коричневого цвета чаще всего употребляется для названия цвета краски для волос или же цвета самих волос. Ср. пример такого употребления из Интернета: *Темноволосым в новом сезоне специалисты рекомендуют оттенки ирисовых и карамельных конфет, а также очень чёрный цвет с мягким синева-тым оттенком*, см. электронный ресурс: http://baranova.ru/full.htm?start_from=40&ucat=&archive=&subaction=&id=& (23.09.2017).

³ В целях исключения колебаний относительно колористического спектра мы сослались на мнение респондентов. Однако полученные данные, не дали однозначного ответа, поскольку часть респондентов причислила *irysowy* к жёлтым, некоторые к синим либо фиолетовым оттенкам.

следующую информацию о цвете *irysowy*: *Obecnie na topie jest irysowy, oznaczony w światowej klasyfikacji numerem 18-3943. Według firmy Panteon, zajmującej się od 45 lat wynajdywaniem (!) kolorów dla przemysłu meblarskiego i odzieżowego, irysowy to wręcz kolor roku 2008! [Trzy kolory: niebieski]*. Институт цвета Пантон, задающий цветовые тренды в фэшн-индустрии, определяет номер 18-3943 как оттенок синего цвета (англ. *Blue Iris*)⁴. Функционирование таких омонимических форм, безусловно, результат постоянного развития систем цветообозначения в обоих языках. Омонимия в области цветообозначений развивается под напором цветных систем других языков, которые обогащают оба языка новыми колоративами.

3. Колористическая нестабильность эталона. Данный фактор связан с этапом развития или технологией производства образца, легшего в основу цветового эталона. Эти факторы предопределяют семантическую неоднородность прилагательного как в русском, так и в польском языках. Сравним цветообозначения *гороховый / groszkowy*. Согласно словарным дефинициям, *гороховый* следует причислить к доминанте желтого, ср.: 'Имеющий цвет гороха; серовато-желтый с зеленым оттенком' [Ефремова 2000, I: 330; *Большой толковый словарь русского языка* 1998, 221; *Словарь русского языка: в 4-х томах* 1981, I: 336]. В основу семантики лег цвет сваренного гороха [Petruničeva 2000, 56]. Другие, например, И. Беляева, утверждают, что эталоном русского эквивалента стали высушенные семена гороха [Bjelajeva 2005: 92]. Что интересно, *Толковый словарь русского языка* локализирует *гороховый* в доминанту серого, ср.: 'зеленовато-серый с желтым оттенком, цвета зрелого гороха' [*Толковый словарь русского языка* 1997: 140]. Такие различия в значении не выявляются в польском языке. Большинство словарей наименование *groszkowy* регистрирует в значении 'светло-зеленый' [*Praktyczny słownik współczesnej polszczyzny* 1997, XIII: 91; *Słownik współczesnego języka polskiego* 1999: 289; *Słownik 100 tysięcy potrzebnych słów* 2005: 217].

Подобная неопределенность цветовой доминанты регистрируется словарями у прилагательных *оливковый / oliwkowy*. Польские словари определяют *oliwkowy* как оттенок зеленого или коричневого, ср. 'mający kolor niedojrzałego owocu oliwki, żółtawozielony, szarozielony lub żółto-brązowy' [*Słownik języka polskiego* 1963, V: 972; *Słownik języka polskiego* 1978, II: 515]. Если придерживаться лексикографических данных, то русское *оливковый* следует отнести к коричневым оттенкам, что подтверждает А. П. Евгеньева, толкуя значение как 'светло-коричневый с желтоватым или зеленоватым отливом' [*Словарь русского языка: в 4-х томах* 1983, II: 615].

⁴ См.: электронный ресурс: <https://www.pantone.com/color-finder/18-3943-TPX> (31.08.2017).

Таким же образом регистрирует слово *Большой толковый словарь русского языка* [Большой толковый словарь русского языка 1998: 712] и И. Беляева [Bjelajeva 2005: 96]. Несомненно, такой оттенок появляется при дистрибуции слова с названием кожи человека и лишь в таком случае может выражать доминанту *коричневого*. Однако маркируя другие факты окружающей действительности, прилагательное *оливковый* следует отнести к доминанте *зелёного*. Такой подход подтверждает и В. К. Харченко, которая определяет этот цвет как 'серовато-зеленый с легкой прожелтью' [Харченко 2009: 287]. *Каталог названий цвета в русском языке* также помещает данный цвет в группу зеленых оттенков, ср.: 'цвета спелых оливок или пареной травы, желто-зеленый' [Харченко 2009: 16]. Эталоном для цветообозначения стала зеленая разновидность плодов оливкового дерева.

В польском языке одним из цветообозначений с ярко не выраженным значением цвета является *landrynkowy* (вар. *landrynkowaty*⁵). Согласно словарным дефинициям, это 'taki, który smakiem, aromatem, kolorem przypomina landrynkę – twardy, kolorowy szklisty cukierek owocowy, ziołowy: l. kolory' [Praktyczny słownik współczesnej polszczyzny 1998, XVIII: 464]. Другая дефиниция толкует слово подобным образом: 'przypominający landrynkę smakiem lub kolorem; cukierkowy, przesłodzony: l. kolory' [Słownik języka polskiego 1978, II: 10]. Авторы словарей вовсе не приводят цветовую доминанту. По сути, конфеты *landrynki* имеют в основном бледные желто-оранжево-красные оттенки, что позволяет именно в этом диапазоне видеть данный тон. Электронная версия польского словаря (*Słownik języka polskiego*) фиксирует в значении прилагательного следующее – „jasny o jaskrawym odcieniu”⁶. Значение цвета актуализируется в конкретном языковом окружении. Важной составляющей семантики является насыщенность оттенка. Колоратив несет также неодобрительную оценку, которая возникла на базе переноса значения *landrynkowy* 'сладкий, переслащенный', входя в синонимический ряд со словами – *karmelkowy, egzaltowany, czułościowy*, т. е. чрезмерно чувствительный.

Некоторые трудности возникают при попытке определить цветовую доминанту прилагательных *musztardowy / горчичный*, которые имеют общий эталон – *горчицу* (польск. *musztarda*). Как правило, гор-

⁵ Прилагательное *landrynkowaty* фиксирует *Praktyczny słownik współczesnej polszczyzny* в отдельной словарной статье, ср.: 'z niechęcią: taki, który smakiem, aromatem, kolorem przypomina landrynkę – szklisty cukierek owocowy, ziołowy: l. kolory' [Praktyczny słownik współczesnej polszczyzny 1998, XVIII: 464].

⁶ *Słownik języka polskiego*, см. электронный ресурс: <https://sjp.pwn.pl/slowniki/landrynkowy.html> (27.09.2017).

чища имеет разный цвет и варьируется в пределах желто-коричневых оттенков, о чем свидетельствуют дефиниции: 'ostra przyprawa w postaci półpłynnej żółto-brązowej masy, sporządzona ze zmielonych nasion gorczycy, z dodatkiem octu winnego, korzeni, czasem chrzanu, używana do mięsa, sosów itp.' [Uniwersalny słownik języka polskiego 2006, II: 747]. Не разъясняют вопроса также лексикографические источники. Например, словари польского языка фиксируют следующие значения: 'taki, którego składnikiem jest musztarda lub który ma smak, kolor musztardy' [Słownik współczesnego języka polskiego 1999, 545], 'taki, który ma związek z musztardą; taki, który zawiera musztardę: kolor musztardowy' [Praktyczny słownik współczesnej polszczyzny 1997, XXII: 140], 'przym. od musztarda: Sos musztardowy. Kolor musztardowy' [Słownik języka polskiego 1978, II: 231]. В большинстве примеров цвет *musztardowy* появляется в экземплификационной части без конкретной экспликации цветового значения, напр.: [Uniwersalny słownik języka polskiego 2006, II: 747].

Подобное разнообразие наблюдается при попытке отнести к одной из цветовых доминант прилагательное *горчишный*. Например, В. Харченко и И. Беляева относят его к доминанте желтого [Bjelajeva 2005: 92], [Харченко 2009: 103], а Р. Фрумкина причисляет к группе зеленых оттенков [Фрумкина 1984: 62]. А лексикографические источники помещают *горчишный* в спектре коричневого, ср.: 'желтовато-коричневый, цвета горчицы' [Толковый словарь русского языка 1997: 140], '[...] желтовато-коричневый' [Ефремова 2000, I: 330], 'имеющий цвет горчицы, желтовато-коричневый' [Большой толковый словарь русского языка 1998: 221]. Носители русского языка также единогласно не указали на превосходство одной из доминант, разделив свои мнения практически пополам.

4. Биологический фактор. Колористический эталон в зависимости от биологических факторов меняется в пределах нескольких возможных вариантов. Хорошим примером наличия разного значения у одного и того же цветового эталона является колоротив, мотивированный цветом кожи. Данный фактор связан с человеческой популяцией. Цвет кожи человека обуславливается комплексом фенотипических наследственных признаков и связан с географическим местом проживания. Для русских и поляков данные факторы не так выразительны. Цвет кожи в польском языке воспринимается как бледный оттенок коричневого с розовым оттенком или как оттенок розового, ср.: 'mający barwę ciała ludzkiego; kremowy, jasnobezowy z odcieniem bladoróżowym' [Słownik języka polskiego 1978, I: 296], 'mający barwę ciała; bladoróżowy' [Słownik języka polskiego 1958, I: 975]. Несмотря на то, что русский эквивалент *телесный* указывает также на натуральный цвет кожи человека, данный цвет концептуализируется по-другому, с одной стороны, как оттенок розового, ср.: 'Цветом напоминающий тело человека; бледно-

-розовый' [Ефремова 2000, II: 757], 'Бледно-розовый, цвета тела' [Толковый словарь русского языка 1997: 792], с другой — как оттенок белого, ср.: 'желтовато-белый с розоватым оттенком' [Словарь русского языка: в 4-х томах 1984, IV: 348; Большой толковый словарь русского языка 1998: 1312]. Следует отметить, что цвет кожи человека относится к наиболее трудно эксплицируемым, о чем свидетельствуют приведенные выше дефиниции.

В заключение следует отметить, что цветовая лексика, независимо от попыток человеческого мозга отнести конкретный цветовой оттенок к той или иной цветовой доминанте, выходит за жесткие рамки семантической привязанности к определенной доминанте цвета. Цветообозначающая лексика представляет собой сложную семантическую сеть значений, обусловленную языком, который детерминирует цветовую семантику колоратива. Семантическая неопределенность изучаемой лексики связана с особенностями цветового эталона. Неопределенность семантики в обоих языках обуславливается многоцветностью эталона, цветовой нестабильностью эталона, в меньшей степени — биологическим фактором. В свою очередь, данный фактор является результатом наличия в языке колоративов-омонимов.

Библиография

- Большой толковый словарь русского языка. 1998. Ред. С. А. Кузнецов, Санкт-Петербург: Изд-во Норинт.
- Е ф р е м о в а Т. Ф. 2000. *Новый словарь русского языка, толково-словообразовательный*, т. 1-2, Москва: Изд-во Русский язык.
- М а г и с о в а О., *Ягодный цвет – будь яркой этой весной!*, [в:] электронный ресурс: http://mod.by/trands/fashion/that_tsvet/yagodnyy-tsvet-bud-yarkoy-etoy-vesnoy (31.08.2017).
- Национальный корпус русского языка, [в:] электронный ресурс: <http://www.ruscorpora.ru/> (26.09.2017).
- Словарь русского языка: в 4-х томах. 1981–1984. Ред. А. П. Евгеньева, Москва: Изд-во Русский язык.
- Современный толковый словарь русского языка. 2003. Ред. С. А. Кузнецов, Санкт-Петербург: Изд-во Норинт.
- О ж е г о в С. И., Ш в е д о в а Н. Ю. 1997. *Толковый словарь русского языка*, Москва: Изд-во Азбуковник.
- Ф р у м к и н а Р. М. 1984. *Цвет, смысл, сходство. Аспекты лингвистического анализа*, Москва: Изд-во Наука.
- Х а р ч е н к о В. К. 2009. *Словарь цвета*, Москва: Изд-во Литературного института им. А. М. Горького.

- Bjela jeva I. 2000. *Niepodstawowe nazwy barwy zielonej w języku polskim, czeskim, rosyjskim i ukraińskim*, [B:] *Studia z semantyki porównawczej, nazwy barw, nazwy wymiarów, predykaty mentalne*. Red. R. Grzegorzczkowska, K. Waszakowa, cz. I, Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego.
- Bjela jeva I. 2005. *Niepodstawowe nazwy barw w języku polskim, czeskim, rosyjskim i ukraińskim*. Warszawa: Wydział Polonistyki Uniwersytetu Warszawskiego.
- Mały słownik języka polskiego*. 1995. Red. E. Sobol, Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Miejski słownik slangu i mowy potocznej*, [B:] электронный ресурс: <http://www.miejski.pl> (25.08.2017).
- Petrunicheva V. 2000. *Paleta barw w języku rosyjskim (o przymiotnikowych nazwach barw)*, [B:] *Studia z semantyki porównawczej: nazwy barw, nazwy wymiarów, predykaty mentalne*. Red. R. Grzegorzczkowska, K. Waszakowa, cz. I, Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego.
- Praktyczny słownik współczesnej polszczyzny*. 1994–2005. Red. H. Zgólkowa, t. 1–50, Poznań: Wydawnictwo Kurpisz.
- Słownik języka polskiego*. 1958–1969. Red. W. Doroszewski, Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Słownik języka polskiego*. 1978. Red. M. Szymczak, t. 1–3, Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Słownik 100 tysięcy potrzebnych słów*. 2005. Red. J. Bralczyk, Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Słownik współczesnego języka polskiego*. 1999. Red. B. Dunaj, Warszawa: Wydaw. Wilga.
- Trzy kolory: niebieski*, [B:] электронный ресурс: <http://www.newsweek.pl/polska/trzy-kolory--niebieski,2101,1,1.html> (31.08.2017).
- Uniwersalny słownik języka polskiego*. 2006. Red. S. Dubisz, Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.

РУССКОЕ СЛОВОСЛОЖЕНИЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

COMPOSITION IN RUSSIAN FROM THE HISTORICAL POINT OF VIEW

ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВ, НАТАЛИЯ НИКОЛАЕВА

ABSTRACT. Compound words are known in the Russian language since the first written texts of different genre and stylistic characteristics. The formation of composites was carried out in two productive ways: by the non-morphological semantic method of fusion and by morphological addition. Within both methods (in literary texts) the calques of Greek composites and the development of East Slavic word formations in their sample are also noted. Both methods were interrelated, and an interaction of derivatives occurred in their sphere.

Keywords: the Old Russian language, word formation, composites, fusion, compound words

Геннадий Николаев, Казанский федеральный университет, Казань – Россия, gnikolaevksu@mail.ru

Наталья Николаева, Казанский государственный медицинский университет, Казань – Россия, eulen@mail.ru

При изучении сложных слов в русском языке необходимо четко разграничивать морфемный и словообразовательный анализы композитов. К сложным словам, составляющим объект морфемного анализа, относятся (независимо от способа образования) все слова, имеющие в своей структуре две или более корневых морфем. Например: *желез-н-о-дорож-н-ый*, *желез-н-о-дорож-н-ик-ø* и др.). К сложным словам, составляющим объект словообразовательного анализа, относятся только те, которые возникли на базе словосочетаний и мотивируются конкретным словосочетанием. В этом смысле сложным будет слово *железн-о-дорож-н(ый)*, производное на базе словосочетания *железная дорога*, в то время как слово *железнодорожн-ик* является простым аффиксальным образованием, так как произведено оно на основе слова *железнодорожный* при помощи суффикса *-ик*¹. нас будет интересовать исключительно словосложение в деривационном аспекте.

¹ Мы напомнили о необходимости разграничения двух типов анализа композитов, поскольку они иногда смешиваются, особенно в практике преподавания языка в школе.

Сложные слова встречаются уже в самых ранних памятниках древнерусской письменности, причем как книжного, так и делового характера: в *Слове о законе и благодати* Илариона (*бѣсослиганіе, единодержецъ, пакыпорождене, правовѣріе, равнооумие* и др.), в *Остромировом Евангелии* (*благоволение, водоносъ, единочлѣдъ, полунощи, любодѣица*) и т. п., с одной стороны; в *Уставе князя Владимира* (*члѣродѣаніе, четвероножина, страннопріимници, благодать, багрянородный, благословеніе, многоцвѣтный* и др.), в *Русской Правде Ярослава* (*братучадо, рукоять, полувирые* и др.), в новгородских берестяных грамотах (*воевода, рикописание, челобитье, Новъгородъ* и т. д.), в *Лаврентьевском списке* (1377 г.) *Повести временных лет* (*добродѣтель, златозарный, иноплеменикъ, кровопролитъе, лѣтописецъ, мимоити, многовещныи, подобносвершенъ, самовидецъ* и т. п.), с другой стороны. Значительную часть сложений в оригинальных древнерусских памятниках составляют имена собственные: а) личные — *Святославъ, Володимѣръ, Мъстиславъ, Святопѣлкъ, Жизнобудъ, Добромысль, Нѣгожиръ* и др., б) топонимические — *Новъгородъ, Вышегородъ, Бѣлоозеро, Пустопержа* и др.

Особенно показательны личные имена-компози́ты в новгородских берестяных грамотах, отражающие народные истоки словосложения: *Братонѣжко, Нѣжебудъ, Дорогобудъ, Жизнобудъ, Домажиръ, Держимиръ, Домагость, Милогость, Добровитъ* и т. п. Что касается сложных слов в книжных текстах, то они связаны с греческими компози́тами и чаще представляют собой калькированные слова или созданные по их образцу восточнославянские образования. Не будем затрагивать семантическую сторону сложных антропонимов и топонимов, хотя и здесь есть интересные явления: например, имя дохристианского князя Святослава Игоревича, заставляющее внимательнее отнестись к семантике первой корневой морфемы слова (*Свят-*). Но в плане структурном эти имена представляют много интересного, объединяющего их с нарицательными именами.

Все сложные имена в древнерусском языке по способу их образования разделяются на две группы: одни из них образованы безморфемным семантическим способом (в его лексико-синтаксическом варианте), т. е. путем сращения двух самостоятельных слов в одно. Например: *Новъгородъ, Бѣльгородъ, Бѣлоозеро, Царьгородъ, Царьградъ, воевода, благодѣяние, злѣдѣиство, высокоходити, мимотечи, малогрѣшныи, мьногострадалныи, пакырождение* и т. п. Другие компози́ты возникли морфемным (морфологическим) способом. Они образовывались путем сложения на базе словосочетания при помощи форманта, включающего соединительный аффикс (интерфикс) и суффикс. Например: *рукописание, рукоять, водомолець, водоносъ, лѣтопи-*

сець и т. п. Каждый из этих способов был представлен несколькими моделями².

Для историка языка важно то, как формировались эти способы и как они связаны (и связаны ли) между собой. Если рассмотреть эти вопросы с позиций словообразовательной палеонтологии, то следует признать, что сращение появилось значительно раньше сложения [Николаев 2009: 153–156]. Исходя из того, что основной единицей древнего текста была синтагма с теснейшей связью ее составляющих, эти составляющие с течением времени могли объединяться в лексическое целое. Это происходило не сразу, не в результате единичного акта словопроизводства, а постепенно. Об этом говорят случаи склонения (если речь идет об имени) обеих частей сращения. Приведем несколько фрагментов из *Лаврентьевской летописи 1377 г.* (ПСРЛ, т. I): *Володимиръ заложи градъ Бѣльгородъ* (122); *около Бѣлагорода* (127); *1189 г. Кнѣзь великий Всеволодъ ѿда дщерь свою Верхуславу Бѣлугороду за Рюриковича Ростислава* (407); *1206 г. Мьстиславъ Романовичъ сѣде в Бѣлгородѣ* (427) и т. п. О цельноформленной лексической единице в подобных случаях, казалось бы, можно говорить тогда, когда первая составная часть композита переставала склоняться. Но в древних текстах существовали варианты написания. Кроме того, производные слова типа *новгородьци*, *новгородьскыи* образовывались не от словосочетания *новъ городъ*, а от названия города, цельной лексической единицы — *Новъгородъ*. И в современном русском языке в сфере числительных имеем сложные числообозначения, у которых при склонении изменяются обе составные части (типа *пятьюдесятью*). Это, однако, не дает нам повода сомневаться в лексической целостности этих слов.

Более раннее появление феномена сращения связано и обусловлено характером отношений между языковыми единицами в древний период. Историками языка было доказано, что в языке древнерусского периода преобладала синтагматика [Колесов 2005: 637], в связи с чем именно сращение как тип словообразовательного процесса соответствовал синтагматическому восприятию языковых изменений, и базой для сращения служили реальные синтагмы живой речи, а не сочетания слов в исходных формах, как это происходило при словосложении, опирающемся на парадигматические отношения. Ср., например, *братучадо* (сращение) и *браточадо* (сложение) и т. п. Морфологическое сложение происходило уже на основе языковой парадигматики.

² Способ сращения в истории русского словообразования был рассмотрен в статье Г. А. Николаева [Николаев 2015: 140–145]. В нашей статье будем опираться на полученные в указанной работе результаты.

Подтверждением сказанному могут служить следующие случаи сращения (примеры и сокращения названий памятников извлечены из *Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)*): *братоубицица* (КР 1284, 466), *домачадыць* (КР 1284, 326а, ГА XIII–XIV, 956), *землихранитель* (ГА XIII–XIV, 214б), *зълупоминати* (ПНЧ XIV, 190г), *зълупомънити* (ПНЧ 1296, 40об), *зъласлышаник* (Изб.1076, 8об), *зъластраданък* (ГБ XIV, 185), *зълупамлать* (Изб.1076, 188об–189), *зълупамлатьникъ* ‘злопамятный человек’ (ПрЛ XIII, 143г), *зълупомънѣникъ* ‘злопамятство’ (Изб.1076, 209об), *зълорадыи* (Пр XIV, 163а), *зълорадыи* (ПрЛ XIII, 133б), *крѣвипролитиик* (ЛЛ 1377, 101об), *лъжиобличитель* ‘обличитель лжи’ /sic!/ (КТур XII сп., 49), *лъжипослухъ* (КВ к. XIV, 309а), *лъжипослушьство* (СбТр XII–XIII, 157об), *лъжипророкъ* (ПНЧ XIV, 119а), *мироуродънии* ‘умиротворенный’ (ГБ XIV, 55б), *путьишьствованик* (МПр xiv, 278об) и др. Ср. также позднее *челомбитъ*³.

Рассмотренные здесь сращения дошли до нашего времени в ограниченном числе примеров, но оформленными по моделям морфологического словосложения: *домочадец*, *кровопролитие*, *лжепророк*, *путешествие*, *челобитье*. В этом можно видеть результат взаимодействия способов сращения и сложения. Такая интерпретация подтверждается наличием в языке параллельных форм сложения, с которыми и взаимодействовали приведенные формы сращения: *браточадо* (РПр Сп. 1280, 615а), *домочадыць* (ГА, 97 – Срзн.), *зълупамлатьникъ* (ПрЮр XIV, 269б–в), *зълупомнѣникъ* (ПНЧ 1296, 91об), *зълостраданик* (КН 1280, 606в), *крѣвипролитиик* (ЛН XIII–XIV, 107), *лъжепослухъ* (КЕ XII, 8а), *лъжепослушьство* (ПНЧ XIV, 42г), *лъжепророкъ* (КР 1284 / 374б) и др. (см. показания словарей).

Особенно в этом плане показательны случаи параллельных форм композитов в языке одного памятника. Например: *домустроитель* – *домостроитель*: *И похвали господь домустроителя неправеднаго, яко мудръ сътвори* (ВМЧ. Окт.4–18, 1359. XVI в.) – [...] *всяко дание и взятие или къ другомъ, или къ врагомъ, или къ работъ, или къ приставникомъ и домостроителемъ бываетъ* (ВМЧ. Сент. 14–24, 967. XVI в.); *законудавыць* – *законодавыць*: *Сам же творецъ твари законудавецъ приде wobновитъ твари и сп(с)ти члвка* (КТур XII сп. XIV, 43) – *ты, Г(с)и, самъ кси, w нем же учиша законодавци, кгда придетъ Меси упразднить законъ, и подасть блг(д)ть* (КТур XII сп. XIV, 48); *лъжипророкъ* – *лъжепророкъ*: *„ко мнози лъжипр(о)р(о)ци изидоша въ миръ* (ПНЧ XIV, 126г) – *гла(аго)лми w(т) себе лжепр(о)р(о)къ ксть* (ПНЧ XIV, 10г) и т. п. Такие случаи встречаются в древнерусских текстах часто.

Словосложение появилось в языке в связи с развитием морфемного словообразования. Не исключено, что словосложение развивалось на

³ Приведенные здесь примеры используются также в статье [Николаев 2015: 142].

основе сращения. Принять или отвергнуть это предположение нам поможет решение вопроса о происхождении соединительных гласных при сложении. В древнерусском языке в качестве соединительных гласных выступали гласные *o* (*инорогъ*), *e* (*мореходецъ*), *ъ* (*братъсестра*), *ь* (*ночьлѣгъ*), *и* (*Мьстиславъ*), *у* (*медвѣдь*, где *в* из *й*). Последний пример открывает возможность предположить, какого происхождения эти соединительные элементы. Ряд авторитетных ученых, начиная с первых немецких компаративистов, полагали, что гласные вставки — это тематические показатели древних именных основ. Действительно, в слове *медвѣдь* первая корневая морфема относится к древним *й*-основам, и этот детерминатив замыкал данный корень; в положении перед гласным он перешел в *в* [Селищев 1952, II: 84]. По этой теории, в словах типа *Мьстислав*, *Ратиборъ* и т. п. первая часть композита относилась к *й*-основам. Однако большинство композитов имело в качестве первой части корневые элементы слов *o/jo*-основ. Их было так много по сравнению с другими случаями, что *o* и *e* стали основной формой соединительных гласных. Эта теория объясняет происхождение соединительных гласных, хотя она и имеет некоторые недоработанные положения. Но мы на них не будем останавливаться. Кроме одного положения: что делать с гласными *ъ* и *ь*, восходящими соответственно к праславянским *й* и *ї*?

Казанский историк языка А. А. Царев предположил, что первично происходило сращение по типу *Богъотец* (Сим. лет., 28), *грѣхъпадение* (Кир. Тур. 108), *инърогъ* (Вост., 158), *простълюдинъ* (МЛС, 241), *путьшьствие* (Тв. лет., 454) и т. п. В дальнейшем после падения глухих эти редуцированные гласные перешли в гласные полного образования *o* и *e* [Царев 1970: 71–80]. Все бы хорошо, но эти редуцированные, за редким исключением, находились в слабой позиции. К объяснениям чисто фонетического характера А. А. Царева следует добавить морфологические объяснения. Слабые редуцированные гласные переходили в гласные полного образования, если они выполняли определенные морфологические функции. В качестве примера можно сослаться на слабые редуцированные в суффиксе *-ьну-* (*-ону-*, *-ану-*) [Марков 2001: 83]. В нашем случае не может быть никаких сомнений в том, что слабые редуцированные были наделены определенной структурной функцией. Таким образом, сращение и сложение как разные способы образования композитов были связаны друг с другом с самых ранних периодов истории русского языка.

Чтобы выяснить, в каком направлении шло развитие системы композитообразования, нужно обратиться к современной системе словосложения и результатам, полученным в этом процессе. В современном языке система сложных слов представлена большим количеством словообразовательных типов. С нашей точки зрения, изложенной в учебни-

ке по словообразованию Г. А. Николаева, к сложным словам, возникшим в результате сращения, нужно отнести и образования типа *альбом-выставка*, *кресло-качалка*, *ракета-носитель* и т. п., различного рода аббревиатуры, случаи контаминационного словообразования (типа *магнитола*, *газомобиль*, *демократура* и т. п.) [Николаев 2009а: 123–124]. Почти все эти способы словообразования возникли в современном языке. И только один способ можно обнаружить и в истории языка. Это образования типа *ковер-самолет*. Историей данного феномена никто не занимался, поэтому языковые факты не собраны. Ясно одно, что таким устойчивым образованием было, по крайней мере, *горе-злочастие* (XVII век).

Определенные трудности здесь представляет орфографический момент: такого типа лексемы стояли рядом, но не отделялись (или, наоборот, не обдинаялись) дефисом. Но то, что подобные соединения были в истории русского языка, говорят такие тавтологические сочетания, как *путь-дорога* (или *дороженька*), *окиян-море*, *царь-государь*, *хлеб-соль*, *осетр-рыба*, *житьё-бытьё*, *ковыль-трава*, *меч-самосек*, *злато-серебро* и т. п. Тавтологические сочетания были и в других частях речи: *знаю-ведаю*, *ходить-гулять*, *встать-обудиться*, *кричать-реветь*, *трудна-больна*, *всего-навсего* и многие другие. Такие сочетания, нередко встречающиеся в произведениях фольклора, являются следствием синтагменного строения древнего текста и семантического синкретизма, вызывавшего использование тавтологических средств при создании синтагмы. Ситуация в языке сложилась такова, что было бы неестественным, если не возникали бы сложения указанного типа.

Таковы особенности древнерусского словосложения в аспекте способов композитообразования, которые проходили мимо внимания исследователей. Последние сосредоточивались на рассмотрении разных моделей словосложения в истории русского языка и далеко продвинулись в этом вопросе, поэтому мы его не затрагивали в настоящей статье.

Библиография

- К о л е с о в В. В. 2005. *История русского языка: учебное пособие для студентов высших учебных заведений*, Санкт-Петербург: Изд-во „Филологический факультет СПбГУ; АКАДЕМИЯ”.
- М а р к о в В. М. 2001. *Проблема формирования самостоятельных морфем на основе противопоставления фонетических вариантов*, [в:] *Его же, Избранные работы по русскому языку*, Казань: ДАС, с. 72–84.
- Н и к о л а е в Г. А. 2009а. *Лекции по русскому словообразованию: учебное пособие*, Казань: Изд-во Казанского университета.

- Н и к о л а е в Г. А. 2009б. Палеонтология словообразования, [в:] *IV Международные Бодуэновские чтения (Казань, 25–28 сентября 2009 г.): труды и материалы: в 2 т.* Ред. К. Р. Галиуллин, Г. А. Николаев, т. 2, Казань: Изд-во Казанского университета, с. 153–156.
- Н и к о л а е в Г. А. 2015. Способ сращения в истории русского словообразования, [в:] *Осьмьдесятъ: сборник научных статей к 80-летию И. С. Улуканова.* Отв. ред. М. А. Малыгина, Москва: „Азбуковник“, с. 140–145.
- С е л и щ е в А. М. 1952. *Старославянский язык, ч. 2: Тексты. Словарь. Очерки морфологии,* Москва: Учпедгиз.
- Ц а р е в А. А. 1979. *К генезису славянского соединительного гласного О / Е,* „Ученые записки Казанского государственного педагогического института“, Казань, вып. 77, с. 71–79.

INTERDYSCYPLINARNOŚĆ, WIELOKULTUROWOŚĆ,
LINGWOKULTUROLOGIA A KOMUNIKACJA W JĘZYKU OBCYM

INTERDISCIPLINARITY, MULTICULTURALISM, CULTURAL
LINGUISTICS AND COMMUNICATION IN A FOREIGN LANGUAGE

TADEUSZ PACHOLCZYK

ABSTRACT. Interdisciplinarity is one of the contemporary lines of research in what are broadly understood as humanistic disciplines (although not only in these ones). It is reflected, among other things, in the megatrends of the 21st century, one of the most significant of which is the drive towards the transition from mono- to multiculturalism. Against such a background the contemporary issues of cultural linguistics and communication are outlined.

The main thesis of the paper is that intercultural foreign communication is not a simple transfer of the knowledge of a new culture, but it consists in developing abilities to understand it, to combat prejudice and negative stereotypes with reference to one's own culture, as well as to the foreign one which is being acquired.

Keywords: interdisciplinarity, multiculturalism, communication, cultural linguistics, stereotypes

Tadeusz Pacholczyk, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Poznań
– Polska.

Sama koncepcja i struktura rozważanej w niniejszym artykule problematyki wymaga kilku słów wprowadzenia.

Szerokie spektrum wstępu jest podyktowane tym, żeby z jednej strony – wskazać na niektóre aspekty globalizacji w różnych dziedzinach życia oraz rolę **badania naukowych o charakterze interdyscyplinarnym** na tle megatrendów rozwoju cywilizacji; z drugiej zaś, żeby na tym szerszym tle przeanalizować, często przewartościować utarte schematy dotyczące **lingwokulturologii** oraz roli i miejsca języka obcego w **komunikacji międzykulturowej**. To ostatnie zagadnienie będzie przedmiotem dalszych, bardziej szczegółowych rozważań autora w drugiej części danej publikacji.

Burzliwy wiek XXI, stwarzający przed współczesną cywilizacją nowe wyzwania i jednocześnie bardzo poważne zagrożenia wynikające z niebezpieczeństwa upadku tej cywilizacji czy raczej jej unicestwienia, stawia przed nauką nowe, coraz poważniejsze, dotychczas nieznanne problemy.

Autor niniejszego wywodu wysuwa tezę, iż **badania interdyscyplinarne** (nie negując znaczenia badań rozumianych jako wąskospecjalistyczne), przy wsparciu, i to bardzo istotnym, sfer biznesu i zdroworozsądkowej ekonomii (rzadziej polityki) w skali makro i mikro, mogą wspomniane wcześniej zagrożenia i niebezpieczeństwa w jakimś stopniu zniwelować, a w dłuższej perspektywie wyeliminować. To ostatnie zadanie wydaje się jednak przekraczać realne możliwości dzisiejszego świata.

Modernizacja współczesnej rzeczywistości jest potrzebą chwili. Charakteryzuje się ona, co akcentowane jest w niektórych środowiskach intelektualnych, licznymi transformacjami (przełom XX i XXI wieku) w różnych, często bardzo złożonych dziedzinach życia. W tymże kontekście, w przekonaniu autora tych rozważań (chyba nie tylko jego), bardzo istotne miejsce winny zajmować wspomniane na wstępie **badania naukowe o charakterze interdyscyplinarnym**.

Głębsza analiza głównych kierunków tych badań skłania do refleksji, że ich zasadniczy cel sprowadza się do określenia perspektyw XXI wieku. Z kolei ich cechą charakterystyczną, niejako nadrzędną w stosunku do wąsko rozumianej specjalizacji, jest **dążenie do globalizacji** różnych dziedzin życia, co znajduje swój wyraz w **interdyscyplinarności**. W odniesieniu do globalizacji można wyrazić pogląd, że znajduje ona swoje realne odzwierciedlenie w **megatendencjach (megatrendach)** rozwoju cywilizacji. W istocie rzeczy, na tej podstawie rozpatruje się ją (globalizację) jako pożądane, czy też raczej perspektywiczne, kierunki szeroko rozumianej współczesności, które winny ludzkości zapewnić postęp, a w ostateczności istnienie [Naisbitt 1984]. Przecież nie od dzisiaj wiadomo, że jakkolwiek postęp technologiczny czy też technokratyczny (takie podejście też można odnotować)* bez zapewnienia bezpieczeństwa ekologicznego na naszym globie jest faktycznie niemożliwy. W tym kontekście warto odnotować główne tezy referatu wybitnego polskiego intelektualisty Andrzeja Białasa pt. *Dwie kultury* [Białas 2017]. Autor podkreślił, że dwie kultury interpretuje jako: **kulturę** wyrosłą na gruncie **nauk przyrodniczych** i szeroko rozumiana **kulturę humanistyczną** – z dominacją tej ostatniej.

W nawiązaniu do wcześniej wyrażonej myśli o **interdyscyplinarności** i **megatrendach** rozwoju cywilizacji celowe wydaje się określenie niektórych podstawowych **megatendencji** w tym zakresie.

Wśród wielu z nich najistotniejsze miejsce zajmują:

- wizja ekologiczna – życie w harmonii z przyrodą;
- przewidywanie sprawiedliwego, demokratycznego społeczeństwa w skali makro i mikro (mikro – nawet na poziomie tzw. „małej ojczyzny”);

* Postęp technokratyczny posiada najczęściej zabarwienie pejoratywne.

- dążenie do partnerstwa między różnymi etnosami na zasadzie wzajemnego poszanowania (w idealnym wymiarze);
- wizja – od ekonomiki wojny do ekonomiki pokoju (również – w idealnym kontekście);
- tendencja – bogaci dla świata nędzy (np.: liczne encykliki papieża Franciszka I w tym zakresie i cała jego droga życiowa i działalność);
- dążenie do przejścia od mono- do wielokulturowości [np. Dalin, Rust 1996].

Prekursorów – autorów tego typu megatrendów określa się często jako wizjonerów XXI wieku. Sformułowane wyżej megatendencje mają fundamentalne znaczenie dla wielu dyscyplin naukowych, wytyczają one bowiem nowe kierunki badań, a z już istniejących wiele wymaga przewartościowania dla perspektywicznych potrzeb XXI wieku.

Zarysowane wyżej problemy miały na celu zaakcentowanie potrzeby **interdyscyplinarności i wielokulturowości** w badaniach naukowych.

Na tym tle przedstawione będą w zarysie współczesne zagadnienia **lingwokulturologii i komunikacji międzykulturowej**. Trzeba podkreślić, że subdyscypliny te mieszczą się w jakimś stopniu w ramach szeroko rozumianej lingwistyki stosowanej. W ujęciu naukowym mają one stosunkowo skromną tradycję. Ich geneza sięga bowiem zaledwie lat 80. XX wieku. Względny przede wszystkim pragmatyczne zadecydowały o podjęciu badań w tym zakresie [por. np. Litters 1995: 22].

Lingwokulturologia stanowi kompleksową dziedzinę naukową zbieżną z językoznawstwem. Jej naukowe uzasadnienie (w tym przede wszystkim w lingwistyce stosowanej) wymaga, w pierwszej kolejności, pewnej konkretyzacji przedmiotu badań w relacji **kulturologia i językoznawstwo** w kontekście ich wzajemnych powiązań i uwarunkowań.

Kulturologia bada świadomość człowieka w stosunku do jego sfer dotyczących bytu socjalnego, jak i potrzeb duchowych (np.: do społeczeństwa, historii, sztuki), a władanie językiem pozwala na rekonstruowanie jego światopoglądu i **mentalności**.

Trzeba podkreślić, że mentalności nie sposób nauczyć. Można ją tylko przyswoić, opanowując dany język z całą złożonością, tkwiącą w nim conceptualnością świata oraz swojego rodzaju kodami kultury. Kody te winny cechować się różnicowaniem i kwalifikowaniem określonych postaw, które przejawiają się, między innymi, w werbalnych formach zachowania. Z tego też względu dla badań w zakresie mentalności istotną rolę odgrywają: historia konceptów (jednostek leksykalnych – etymologia), historia pojęć, konfesji, idei, postaw etc. Należy dodać, że mniejszą rolę w kształtowaniu mentalności odgrywa historia dziejów rozumianych tradycyjnie. Ma ona jednak duże znaczenie w dociekaniu genezy tych dziejów i kształtowaniu określonych, często pożądaných, postaw.

Mentalność jako koncept kulturologiczny i lingwokulturologiczny można rozpatrywać w dwóch płaszczyznach: *sensu stricte* naukowej z wykorzystaniem danych etnosocjologii i etnopsychologii oraz, umownie rzecz biorąc, „mitologicznej”. W tym drugim przypadku chodzi, między innymi, na przykład, w odniesieniu do mentalności rosyjskiego etnosu o tzw. szeroko otwartą duszę rosyjską czy też o szczególną drogę historyczną Rosji itp. Wynika to w jakimś stopniu z określonej przynależności kulturowej i geograficznej Rosjan do wielkiej rodziny słowiańskiej, jednakże ze swoją specyfiką (o której będzie jeszcze mowa przy charakterystyce specyficznych uwarunkowań *intercultural communication*).

Warto podkreślić, że powyższe zagadnienia można obserwować w szeroko rozumianej przestrzeni historycznej.

Koncept **mentalność** (z uwzględnieniem światopoglądu) występuje w języku w postaci mentalnych modeli językowego obrazu świata. W takim rozumieniu język i kultura znajdują się w swojego rodzaju dialogu, współdziałaniu. Język w danym kontekście można rozpatrywać jako pewnego rodzaju mechanizm, który sprzyja translacji kultury. W oparciu o powyższe można założyć, że rzeczywistą bazę informacji stanowią teksty. Potwierdzeniem tego może być następująca myśl, sformułowana swego czasu przez G. W. Kołszańskiego [Колшанский 1990: 75]:

[...] jeśli mówić o obrazie świata, który znajduje swoje odbicie w świadomości ludzkiej i jest utrwalony w języku, to w stosunku do języka ten obraz może być ukształtowany tylko przy całościowym uwzględnieniu kompletnego, powiedzmy, tekstu, tj. tekstu stworzonego przez całe społeczeństwo” (tłum. własne – T. P.).

Częścią składową szeroko rozumianej **lingwokulturologii** są w zasadzie **dwie rodzaje kompetencji: lingwokulturologiczna i interkulturowa**. Tę pierwszą najczęściej interpretuje się jako sumę wiedzy, którą może posiadać recypient lub producent mowy w odniesieniu do całego systemu wartości znajdującego się w języku [np. Воробьев 1997: 112]. U podstaw wyżej określonych kompetencji leżą podstawowe prawidłowości ogólnej **kompetencji komunikacyjnej**.

W kontekście ogólnym kompetencję komunikacyjną rozpatruje się jako zdolność do wyboru i realizacji programów komunikacji mownej i zachowania na **całym tle kulturowego kontekstu kraju opanowywanego języka**. Z kolei sama zawartość treściowa kompetencji komunikacyjnej, która winna odzwierciedlać istotę komunikacji z punktu widzenia lingwistycznego, psychologicznego czy też glottodydaktycznego, stanowi jedność wszystkich jej komponentów składowych. Komponenty te składają się na określone sytuacje komunikacyjne i w znaczący sposób rzutują na treści nauczania. Do nich można zaliczyć:

- socjalne i komunikacyjne role;
- miejsca, w których dokonuje się komunikacja;

- tematy i plany ich realizacji;
- funkcje języka i intencje wypowiedzi.

Uogólniając różne aspekty użycia języka, można stwierdzić, że właśnie kompetencja komunikacyjna adekwatnie odzwierciedla obraz komunikacji obcojęzycznej z punktu widzenia jednostki, jej miejsca i roli w grupie społecznej, szerzej – w danej wspólnocie językowej (etnosie).

W kompetencji komunikacyjnej można wydzielić następujące elementy:

- lingwistyczny,
- socjolingwistyczny,
- dyskursywny,
- socjokulturowy,
- socjalny,
- strategiczny,
- lingwokulturowy,
- interkulturowy

[patrz szerzej: *Пороговой уровень...* 1996].

W przypadku **kompetencji lingwokulturowej** trzeba podkreślić, że

...kultura stanowi nie prosty zbiór produktów działalności ludzkiej, artefaktów. Kultura stanowi świat sensów, które człowiek wkłada w swoje wytwory i czynności... Człowiek żyje nie tylko w materialnym świecie rzeczy – on żyje w duchowym świecie sensów [Кармин 1997: 25, 28] (tłum. własne – T. P.).

W tym sensie można powiedzieć, że

...sfera wiedzy związana z pojmowanymi sensami i wartościami, zawartymi w oddzielnych fenomenach kultury składa się na **kompetencję lingwokulturową** [Woźniewicz 2000: 19].

Pod pojęciem **kompetencji interkulturowej** z kolei rozumie się uświadomienie różnic i podobieństw o charakterze międzykulturowym, które istnieją między kulturą rodzimą a obcą etnicznie. Występują one w jednostkach leksykalno-semantycznych języków – ojczystego i obcego.

Ogólnie wiadomo, że podstawy naukowe komunikacji międzykulturowej określają różne dyscypliny. Warto jednak odnotować, że właśnie wskutek tego szereg pojęć interpretuje się niejednoznacznie.

Za pojęcie nadrzędne w stosunku do innych, o których będzie mowa w trakcie dalszych rozważań, można uważać **konceptosferę**. Jest to pojęcie nie tylko wciąż aktualne, ale przede wszystkim perspektywiczne, szczególnie w kontekście badań interdyscyplinarnych nad językiem i kulturą.

Za twórcę pojęcia **konceptosfera** uznaje się rosyjskiego językoznawcę Dmitrija S. Lichaczowa, który pod koniec lat. 90. ubiegłego stulecia rozpoczął badania na ten temat [np. Лихачев 1985: 168–202]. Na gruncie polskim termin ten rozpowszechnił pod koniec XX wieku Albert Bartoszewicz. Kon-

ceptosfera to system pojęć (konceptów) najściślej związanych z mentalnością i kulturą. Według współczesnych badań każdy dyskurs kształtuje się wokół jakiegoś konceptu. Z tego też powodu aktualnym staje się problem konceptualizacji dyskursów różnego typu – publicystycznego, związanego ze sztuką i szeroko rozumianą kulturą, naukowego, czy też związanego z etykietą, np. mowną i różnorodnymi formami zachowania.

W trakcie dalszych rozważań zostanie przedstawiona autorska interpretacja niektórych pojęć w zakresie komunikacji interkulturowej, w stosunku do których za nadrzędną, jak już podkreślałem wcześniej, można uznać **ceptosferę**.

Do takich pojęć należy, między innymi, **transformacja międzykulturowa** [Kim, Ruben 1988: 291–321; Леонтович 2007]. Może ona przejawiać się jako transformacja kultur, jak również poziomów kompetencji, tj. językowej, kulturowej i komunikacyjnej.

Do pojęć, które traktuje się w sposób niejednoznaczny należą też, między innymi, **standard kulturowy** i **koncept kulturowy**.

W tym pierwszym przypadku pod pojęciem **standard kulturowy** rozumie się najczęściej operacyjno-treściową jednostkę pamięci, tzw. **lingua mentalis**, która występuje w całościowym obrazie świata, a za jej egzemplifikację można uznać to, co dokonuje się w psychice człowieka [zob.: *Крамкиў слоўварь...* 1996: 90]. W oparciu o osiągnięcia lingwistyki kognitywnej można wyróżnić: **koncepty kognitywne**, które w sensie mentalnym mają swoją indywidualno-osobowościową specyfikę, i **koncepty kulturowe**, które charakterystyczne są dla zbiorowości jako etnosu.

Dla teorii **intercultural communication** te ostatnie mają szczególne znaczenie, bowiem to one określają zachowanie werbalne danej osoby i **kulturowe standardy**. Stanowi to pewien mentalny system, który opiera się na normach charakterystycznych dla danej kultury. Jest to podstawowe kryterium dla orientacji jednostki w otaczającym ją świecie. Na podstawie praktyki wynikającej z funkcjonowania komunikacji międzykulturowej można wyrazić podgląd, że większość ludzi różnych etnosów w mniejszym lub większym stopniu percypuje ojczysty standard kulturowy nie tylko jako prawidłowy, ale również jako jedyny możliwy. Takie podejście określa się mianem **etnocentryzmu**, dla którego charakterystyczne są:

1. kultura ojczysta odbierana jako coś samo przez się oczywistego;
2. kultura ojczysta odbierana jako jawnie dominująca w stosunku do innych kultur.

Na tej podstawie stwierdza się często, że etnocentryzm jest związany z poczuciem własnej kulturowej wyższości.

Uogólniając rozważania nad etnocentryzmem, należy zaznaczyć, że najczęściej jest on definiowany jako skłonność do preferowania wartości rodziwej kultury i traktowania jej prawidłowości jako naturalnych i, szczególnie

trzeba podkreślić – jedynie możliwych. Etnocentryzm jest przeciwstawiany **relatywizmowi kulturowemu**, który polega na uznaniu względności każdej kultury i analizowaniu każdego elementu obcej kultury jedynie w kontekście funkcji, jaką pełni on w kulturze rodzimej.

Warto w tym miejscu podkreślić, że etnocentryzm leży u podstaw wielu doktryn ideologicznych o charakterze skrajnie narodowościowym. On sam przejawia się w tworzeniu, między innymi, negatywnych stereotypów w odbiorze kultur innych niż rodzima. Stereotypy te w kształceniu i wychowaniu należy przezwyciężyć.

Do pojęć określających podstawy naukowe komunikacji interkulturowej można oprócz tego zaliczyć, na przykład: **szok przejściowy, szok kulturowy, kształcenie multikulturowe, styl kulturowy, stereotyp narodowościowo-kulturowy, lingwokulturowe, logoepistema, sapientema, lingwosapientema, taktyki mowne w zachowaniu, ponadnarodowa tożsamość kulturowa** lub **ponadnarodowościowy europeizm**. Niektóre z nich były przedmiotem mojej analizy w poprzednich publikacjach [np.: Pacholczyk 2003; tegoż 2009]. Niemniej jednak wymagają one wciąż głębszej refleksji i eksploracji naukowej.

W sposób szczególny odbywa się komunikacja międzykulturowa we współdziałaniu różniących się kultur, najczęściej oddalonych geograficznie*. Wtedy przenikanie przestrzennych sensów komunikatów jest utrudnione, bowiem w szczególnie wyrazisty sposób zarysowują się pojęcia „swojej” i „obcej” sfery poznania. Wyrazistość ta daje się zauważyć w widoczny sposób w akcie komunikacji między partnerami.

Jednakże pomimo tego, że w relacji etnosów Polski i Rosji nie występuje oddalenie geograficzne kultur, to komunikacja międzykulturowa w tym zakresie ma swoją specyfikę.

Koncentrując uwagę na specyficznych czynnikach, warunkujących dialog międzykulturowy, jako integralnej części w kształtowaniu ponadnarodowościowego europeizmu, niektórzy badacze [np. Woźniewicz 2002: 122–123] do tych czynników zaliczają:

- ...traumatyczne aspekty pamięci historycznej wpływające na mentalne nastawienia i stosunki kulturowe mogą być neutralizowane na drodze wzajemnego i wytrwałego dążenia do ukazania prawdy o przeszłości; obustronne ukazanie prawdy pozwoli przezwyciężyć efekt *katharsis* i rozszerzyć drogę do dialogu międzykulturowego;
- pamięć o wydarzeniach historycznych nie powinna być intencjonalnie demonstrowana i wykorzystywana w formie świadczącej o braku poszanowania drugiego narodu; pamięć o przeszłości powinna służyć konstruktywnemu podejściu do przyszłości i pojednania;

* Czynnikiem geograficznym jednakże nie jest w tym sensie jedynym wyznacznikiem – wystarczy porównać kulturę Półwyspu Iberyjskiego z iberoamerykańską.

- kształtowanie w sferze mentalnej wzajemnego pozytywnego obrazu na drodze bezstronnego (bez uprzedzeń) przedstawienia obiektywnej wiedzy o swoich krajach i społeczeństwach, o uwarunkowaniach ich losów oraz o bieżących problemach życiowych;
- wypieranie obiegowych, negatywnych narodowościowych heterostereotypów na drodze wzajemnego zbliżenia, poznawania prawdy o sobie i kształtowanie nastawień asertywnych oraz tolerancyjności do różnorodności (tłum. własne – T. P.).

Warto dodać, że czynniki te mogą często w istotny sposób wpływać na określoną motywację do nauki języka rosyjskiego w polskim środowisku językowym, a co za tym idzie na niską efektywność tego przedmiotu w polskim systemie edukacji narodowej.

Czynniki specyficzne, o których była mowa wyżej, w stosunku do innego, nawet słowiańskiego **etnosu** (np.: Serbii lub Słowacji), faktycznie mogą nie mieć żadnego znaczenia. Należy w tym miejscu podkreślić, że, na przykład, w jednoczącej się Europie, czynniki określane przeze mnie jako specyficzne mogą mieć charakter oczywisty, czy też powinny mieć taki charakter.

Wśród czynników determinujących **komunikację międzykulturową** można wyróżnić: ogólne, bazowe, narodowościowo-kulturowe i specyficzne.

Dwie pierwsze grupy były przedmiotem szczegółowej analizy we wcześniejszych publikacjach autora niniejszych rozważań [Pacholczyk 2006; tegoż 2007]. Z tego też względu ograniczę się tylko do ich wymienienia. Do czynników ogólnych należą: kognitywne, psychologiczne (kształtujące osobowość), dydaktyczno-socjokulturowe i pedagogiczne (wychowawcze). Z kolei do czynników bazowych można zaliczyć kompetencję lingwokulturową i interkulturową.

Swojego rodzaju egzemplifikacji w odniesieniu do tych ostatnich, czyli specyficznych, dokonano wcześniej na przykładzie etnosów Polski i Rosji.

Spośród wymienionych wyżej czynników, które determinują **komunikację międzykulturową**, oddzielnego komentarza i bliższej charakterystyki wymagają **czynniki narodowościowo-kulturowe**. Odnoszą się one do konkretnego etnosu. Wśród nich wyróżnia się:

1. czynniki związane z tradycją kulturową i skorelowane z:

- a) aprobowanymi i nieaprobowanymi w danej wspólnocie językowej typami i odmianami komunikacji mownej;
- b) kształtowaniem stereotypowych sytuacji komunikacyjnych, należą do określonego zbioru kultury narodowościowej danego **etnosu**;
- c) etykietą uniwersalnych aktów komunikacji;
- d) socjalno-symbolicznymi osobowościami komunikacji w ramach danego **etnosu**;

2. czynniki związane z socjalnymi funkcjami i skorelowane z subjęzykowymi oraz stylistycznymi osobowościami, a także formami etykiety mownej;

3. czynniki związane z etnopsychologią, w wąskim sensie, tj. osobliwościami przebiegu i upośrednienia procesów psychicznych w różnych rodzajach działalności, które, skorelowane z psycholingwistyczną organizacją działalności mownej, znajdują swoje odbicie w nomenklaturze, funkcjach i osobliwościach przebiegu zjawisk proksemicznych, paralingwistycznych i związanych z *body language* (mową ciała);

4. czynniki związane z występowaniem w teaurusie danej społeczności tych lub innych specyficznych reakcji, pojęć itp., które znajdują swoje odbicie w systemie tradycyjnych obrazów, porównań, symbolicznym użyciu określonych denotatów, a także w systemie środków *body language*;

5. czynniki narodowościowo-kulturowe określane są przez specyfikę danej wspólnoty językowej i znajdują się w:

- systemie stereotypów;
- systemie obrazów, porównań;
- strukturze tekstów;
- formach etykiety;
- subjęzykach i stylistyce funkcjonalnej;
- psycholingwistycznej organizacji zarówno działalności mownej, jak i innej działalności;
- systemie środków *body language* [Национально-культурная специфика... 1977: 9–10].

Wśród problemów związanych z *intercultural communication* istotne miejsce zajmują funkcje tej komunikacji. Można wyróżnić następujące:

1. funkcję komunikacyjną, która zapewnia przekaz wiedzy, informacji, zarówno w ramach jednego etnosu (przy pomocy danego języka), jak i w procesie **komunikacji międzykulturowej**;

2. funkcję aksjologiczną, która może zbliżać **etnosy** w rezultacie uznania wartości, na przykład chrześcijańskich, jak również przeciwstawiać etnosy i grupy **etnosów** przy wzajemnej nieakceptacji kultur i ich produktów wyrażonych, między innymi, w formie werbalnej;

3. funkcję regulującą (normatywną); realizacja tej funkcji pozwala utrzymywać równowagę socjalną, a jej nieprzestrzeganie prowadzi do antydialogu kultur, jak również do otwartych konfliktów, szczególnie ważna jest funkcja rozgraniczenia integracji socjalno-narodowościowej i innych wspólnot ludzkich, która pozwala na identyfikowanie większej lub mniejszej wspólnoty ludzkiej, w tym również według ich narodowościowej mentalności;

4. występowanie języka prowadzi do kształtowania tzw. narodowościowo-językowego obrazu świata; istota tej funkcji sprowadza się do tego, że pozwala człowiekowi przyswajać osiągnięcia kultury światowej (wyrażone w języku czy też w kilku językach) przy zachowaniu swojej indywidualności, zapewnia równowagę indywidualności i zbiorowości; inaczej mówiąc, dzięki tej funkcji człowiek może stać się osobowością językową.

Przedstawione w niniejszej publikacji zagadnienia pozwalają na sformułowanie szeregu wniosków:

- różnorodność terminologiczna z zakresu wielu dyscyplin, takich jak: etnologia, etnopsychologia, językoznawstwo, kulturologia, psychologia, psycholingwistyka etc., stwarza obiektywne trudności w prowadzeniu racjonalnych badań w zakresie komunikacji międzykulturowej, zarówno w aspekcie teoretycznym, jak i empirycznym;

- w oparciu o powyższe konstatacje istnieją przesłanki ku temu, żeby opracować specjalistyczny słownik z zakresu komunikacji interkulturowej;

- autor powyższych rozważań za wyjściową przesłankę do badań nad obcojęzyczną komunikacją interkulturową uważa to, że komunikacja nie jest prostym przekazem sumy wiedzy o nowej kulturze, lecz ukształtowaniem zdolności do jej rozumienia, do neutralizacji określonych uprzedzeń i negatywnych stereotypów, w odniesieniu do swojej rodzimej kultury, jak i przyswajanej obcojęzycznej kultury;

- powyższa przesłanka inspiruje do sformułowania licznych wniosków *sensu stricto* glottodydaktycznych i przeprowadzenia badań empirycznych, są to jednak problemy na oddzielne opracowanie.

Bibliografia

- B i a ł a s A. 2017. *Dwie kultury* – wykład Prezesa Polskiej Akademii Umiejętności prof. Andrzeja Białasa wygłoszony na uroczystym Walnym Zebraniu Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk, Poznań 13 lutego 2017 r.
- D a l i n P., R u s t V.D. 1996. *Towards schooling for the twenty-first century*, London-New York: Cassell.
- K i m Y., R u b e n B.D. 1988. *Intercultural transformation. A system theory*, [w:] *Theories of intercultural communication*, Beverly Hills, CA: Sage, s. 291–321.
- L i t t e r s U. 1995. *Interkulturelle Kommunikation aus fremdsprachendidaktischer Perspektive*, Tübingen: Verlagsort.
- N a i s b i t t J. 1984. *Megatrends. Ten new directions transforming our lives*, London-Sydney.
- P a c h o l c z y k T. 2003. *Об основных положениях формирования интеркультурно-коммуникативной компетенции (с экземплификацией лингвокультуремы)*, [w:] *„Русистика и современность”* – Глоттодидактика 3. Red. A. Paliński, Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, s. 160–166.
- P a c h o l c z y k T. 2006. *Общие и базисные обусловленности межкультурной коммуникации, „Мова”* – Науково-теоретичний часопис з мовознавства, Одеса, № 11, s. 121–126.
- P a c h o l c z y k T. 2007. *Глоттодидактические аспекты кросскультурного образования и коммуникации, „Glottodidactica”* – An International Journal of Applied Linguistics, Poznań, vol. XXXIII, s. 107–116.

- Р а с h o l c z y k Т. 2009. *В поисках оптимизации кросскультурного общения (теоретические аспекты и прикладные рекомендации)*, [w:] *Русистика на рубеже веков. Юбилейная книга в честь профессора Антони Палиньского*. Ред. З. Чапига, Г. А. Зенталя, Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, s. 123–134.
- W o ź n i e w i c z W. 2000. *Лингвокультурологическая компетенция как составляющая глобальной языковой компетенции иноэтнического филолога-русиста*, [w:] *Актуальные вопросы языкового, культуроведческого и лингводидактического образования студентов русистики*. Ред. Я. Генцель, Kraków: Wydawnictwo Naukowe AP, s. 16–22.
- W o ź n i e w i c z W. 2002. *Обусловленности познания культурных артефактов и вопросы межкультурного диалога в польско-восточнославянском языковом пространстве*, „*Studia Rossica Posnaniensia*”, vol. XXX, Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, s. 115–124.
- В о р о б ъ е в В. В. 1997. *Основы лингвокультурологического описания языка*, [w:] *Лингвокультурологические и лингводидактические основы обучения русскому языку как иностранному*, Москва: Изд-во РУДН, s. 112.
- К а р м и н А. С. 1997. *Основы культурологии*, Санкт-Петербург: Изд-во „Лань”.
- К о л ш а н с к и й Г. В. 1990. *Объективная картина мира в познании и языке*, Москва: Изд-во Наука.
- Краткий словарь когнитивных терминов*. 1996. Авторы сост.: Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Пинкрац и др., Москва: Изд-во Московского государственного университета.
- Л е о н т о в и ч О. А. 2007. *Введение в межкультурную коммуникацию*, Москва: „Высшая школа”.
- Л и х а ч е в Д. С. 1985. *Будущее литературы как предмет изучения*, [w:] *Прошлое – будущему: статьи и очерки*, Ленинград: Изд-во Наука, s. 168–202.
- Национально-культурная специфика речевого поведения*. 1977. Ред. А. А. Леонтьев, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Москва: Изд-во Наука.
- Пороговой уровень. Русский язык*. 1996. Ред. О. Д. Митрофанова, т. I: *Повседневное общение*, Страсбург: Совет Европы Пресс.

REGIONALIZM JAKO WIELOPLASZCZYZNOWA FORMA
PODTRZYMYWANIA KULTURY LOKALNEJ I JĘZYKA:
UWAGI DO LEKTURY NOWEGO BEDEKERA KASZUBSKIEGO
TADEUSZA BOLDUANA

REGIONALISM AS A MULTI-DIMENSIONAL FORM
OF MAINTAINING A LOCAL CULTURE AND LANGUAGE:
REMARKS ON THE *NEW KASHUBIAN GUIDE* BY TADEUSZ BOLDUAN

STANISŁAW PUPPEL

ABSTRACT. In this paper, the view is proposed that human culture appears fundamental in resolving the problem of ‘the human condition’. Its holistic nature comprises all tangible and intangible aspects, including artefacts, language and communication. It is the culture-language complex which is responsible for the generation of both collective and individual human identity via its locality expressed in a plethora of tangible-intangible manifestations. The regionalism of this complex ought to result in special care of both institutions and individuals who, by demonstrating active involvement on a local scale, are co-responsible for the maintenance of local cultural-linguistic identity. Its vitality is, in turn, more than significant for the maintenance of identity on a larger (e.g. national, global) scale. The aforementioned aspects of regionalism are discussed here on the basis of a review of the content of an encyclopedic outline of Kashubian culture (*Bedeker*) authored by Tadeusz Bolduan.

Keywords: regionalism, local culture, local language (dialect), culture-language resources, technological complex, culture-language complex

Stanisław Puppel, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Poznań – Polska,
spuppel@amu.edu.pl

1. Wstęp

Poza wymiarem czysto biologicznym wszelkiego życia na Ziemi wszystko, co się dzieje ‘u człowieka’, dzieje się przede wszystkim w kulturze jako ewolucyjnie wygenerowanej otoczce ludzkiego życia, a więc w wytwarzanych przez niego narzędziach, instytucjach i oczywiście zworniku wszelkich rzeczy ludzkich, jakim jest język jako najbardziej złożony i obejmujący wszystkich ludzi bez wyjątku system komunikacyjny występujący na Ziemi. Jesteśmy zatem jako gatunek biologiczny zdani na bezwyjątkowe funkcyjono-

wanie całego złożonego zespołu czynników, który można ogólnie nazwać Zespołem Kultury (ZK). Zespół ten stanowi podstawowy wymiar człowieczeństwa.

W niniejszym szkicu zakłada się, że ZK rozpada się na dwa ściśle współpracujące ze sobą podzespoły, a mianowicie na:

(a) Zespół Technologiczno-Narzędziowy (ZTN), obejmujący wszelkie zasoby technologiczne i działania narzędziowe człowieka (a więc wytwarzanie i użycie narzędzi w przekroju ewolucyjnym, czyli od prehistorycznych kamiennych pięściaków do współczesnego komputera i jego pochodnych), oraz

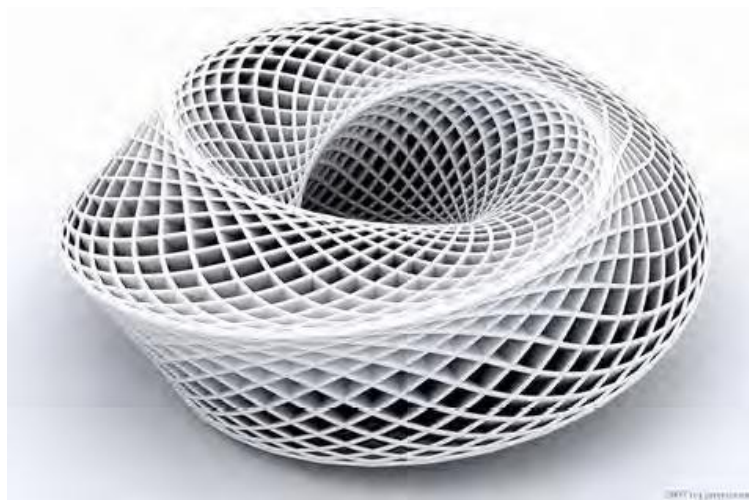
(b) Zespół Kulturowo-Językowy (ZKJ), obejmujący wszelkie zasoby językowe jak i zachowania ideologiczno-językowo-komunikacyjne człowieka (a więc tworzenie i używanie systemów ideowych i obsługujących je języków naturalnych zarówno w przekroju ewolucyjnym (tj. filogenetycznym), jak i ontogenetycznym), zarówno w porządku komunikacyjnym ustnym, jak i graficznym (pisanym i drukowanym).

Dodatkowo ZK w istnieniu współpracujących ze sobą podzespołów, ZTN i ZKJ, ma swoje wyraźne wymiary lokalne. W szczególności dotyczy to ZKJ, bowiem jako pojedynczy ludzie nie żyjemy jednocześnie wszędzie, choć nasz dostęp do Ziemi jako nośnika wszelkich form życia powinien być nieograniczony, lecz niejako 'punktowo' (powiedzielibyśmy, iż w czysto matematycznym sensie żyjemy 'dyskretnie'), dodatkowo jeszcze w określonej otoczcze organizmalno-środowiskowej. Tak więc jako konkretne (punktowe) cieleśności żyjemy w określonej otoczcze środowiska naturalnego danego miejsca, (tj. rzeźbie terenu (jary, zbocza, doliny, etc.), lokalnej sieci hydrologicznej, określonym klimacie, określonym fragmencie bioróżnorodności, a więc lokalnej roślinności i zwierzyńce, zob. np. [Balick, Cox 1997; Anderson et al. 2011; Nabhan 2016], odnośnie zadań takich subdyscyplin jak etnobiologia i etnobotanika), uzupełnionej o określoną otoczkę danej kultury lokalnej i w określonej mniejszej lub większej wspólnocie językowo-komunikacyjnej, słowem w dającym się dość precyzyjnie określić 'habitacie'. Tak więc możemy mówić o określonej i w sposób naturalny zróżnicowanej otoczcze biologicznej i określonej kultury lokalnej, w której przychodzi nam żyć i która na nas nieustannie wpływa, relatywizując nasze doznania zmysłowe i kształtując jednocześnie naszą wrażliwość kulturowo-językową (zob. np. poglądy Franza Boasa przedstawione w [Moore 2009: 33–46]).

Każda kultura lokalna jak i charakteryzujące ją cechy wspólnoty językowo-komunikacyjnej w niej zanurzonej podlegają jako elementy ZK działaniu złożonej 'pamięci kulturowej' poprzez nie tylko nieuniknione zjawisko linearnej transmisji pionowej, a więc swoiste i nieuniknione procesy dziedziczenia międzypokoleniowego, tj. od rodziców ku dzieciom, ale także poprzez również nieuniknione zjawisko transmisji poziomej, a więc pro-

cesy przekazywania cech kultury lokalnej w tworzonych spontanicznie i nieustannie przebogatyach połączeniach sieciowych, tj. potencjalnie wszystkim członkom danej wspólnoty. Transmisja taka może także następować poprzez usieciowane różnorodne wspólnoty, jednocześnie w rozumieniu synergiczno-synchronicznym, zatem w rozumieniu 'tu i teraz' (zob. np. niezwykle wizjonerska interpretacja sieciowości zaproponowana przez [Parag Khanę 2016]; zob. także [Cohill, Kavanaugh 2000]).

Podlegają one także nieuniknionej wymianie z innymi kulturami lokalnymi w ramach nieuniknionego zjawiska 'kontaktu'. W tym ostatnim wymiarze, tj. wymiarze sieciowo-synchronicznym, nie jest to już dziedziczenie *sensu stricto* lecz raczej coś, co określa się mianem 'wymiany międzykulturowej', następującej dynamicznie nawet w mikroskali małych kultur lokalnych. Sieciowość powiązań mających miejsce podczas szeroko rozumianej, a więc wielopłaszczyznowej, wymiany kulturowej można przedstawić za pomocą następującego wykresu topologicznego przedstawiającego złożony (tutaj spiralnie skręcony, **Rys. 1.** i gęsty zarazem system współzależności sieciowych o wyraźnie 'gniazdowym' charakterze).

Rys. 1. Topologiczny model sieci

(Źródło: John Holden, 2015; WWW.ahrc.ac.uk/documents/project-reports-an)

Niemniej dziedziczenie, o którym mowa, zarówno linearno-pionowe, jak i sieciowo-pozioame, jest jednocześnie formą konserwacji nie tylko całego ZKJ, ale także pojedynczych jego wymiarów (komponentów). Zjawisko to ma z kolei bezpośredni związek ze zjawiskiem długoterminowej przeżywalności danego lokalnego ZKJ jako niezwykle ważnej części uniwersalnego wyposażenia gatunkowego człowieka, jakim jest ZK. W tym też sensie

procesy dziedziczenia międzypokoleniowego można śmiało określić jako należące do szeroko pojętej 'ekologii człowieka', obejmującej zarówno samo zjawisko różnorodności wewnątrzgatunkowej, jak i utrzymywanie i regenerację tejże, w której istotną rolę odgrywa ekologia kultury, języka i komunikacji, a więc ekologia całego ZKJ [zob. Holden 2015].

Nic tak nie pomaga w przeżywalności danej kultury lokalnej i języka (i jego wszelkich dialektalnych odmian, zob. np. [Urbańczyk 1991] dla języka polskiego; [Upton, Widdowson 2006], czy [Wakelin 2008] dla języka angielskiego) jak właśnie ich nieustanna (tj. międzypokoleniowa linearno-pionowa oraz wewnątrz-społeczna sieciowo-pozioma) i jednocześnie wielopłaszczyznowa konserwacja o charakterze symbiotycznym. Czynić to można w trojaki sposób:

(1) poprzez najbardziej naturalne czynne 'uprawianie' kultury lokalnej i języka, a więc w wymiarze kulturowo-językowo-komunikacyjnym, tj. w codziennych interakcjach międzyosobowych, a także szeroko pojętej twórczości werbalnej jak i w szerszym kontekście, tj. w obecności wszelkich zachowań narzędziowo-technologicznych (a więc poprzez szeroko pojęte użycie 'techné', które jest w sposób naturalny wkomponowane w użycie kulturowo-językowo-komunikacyjne),

(2) poprzez prowadzenie nieustannej metarefleksji nad dynamiką lokalnego i gniazdowo rozumianego ZKJ vis-a-vis większego ZKJ (np. państwowego, etniczno-narodowego, regionalnego), wykonywanej przez zaangażowane osoby o nastawieniu regionalistycznym (m. in. kulturoznawcy, językoznawcy, historycy, etnografowie, etnologowie, etnomuzykologowie, antropologowie kultury, archeologowie, regionalni działacze kultury, nauczyciele, muzealnicy, folklorysty, hobbyści, jak i zwykli uczestnicy danej wspólnoty kulturowo-językowej) i przekazywanej środowisku społecznemu zarówno w formie ustnej (w tzw. ustnym (tj. pierwotnym) porządku komunikacyjnym) jak i za pomocą wszelkich dostępnych nośników informacyjnych (tj. w tzw. hybrydowym porządku komunikacyjnym, zob. np. [Puppel 2015], odnośnie typologii porządków komunikacyjnych; zob. także [Puppel 2009], odnośnie ochrony dziedzictwa kulturowo-językowego danej wspólnoty subetnicznej i regionalnej; również [Vivelo, 1978; Ingold, 1994], m.in. odnośnie definicji antropologii kulturowej obejmującej także szeroko pojęty regionalizm).

Dodać w tym miejscu należy, że istotnym elementem uzupełniającym tejsze metarefleksji jest spełnienie istotnego warunku psychologicznego, tj. warunku konieczności zaistnienia istotnej otoczki emocjonalnej, wyrażającej się w bardziej niż pozytywnym nastawieniu regionalistów do przedmiotu swoich zabiegów. Jest to warunek *sine qua non* dla odniesienia sukcesu w pracy regionalistów, między innymi w dziele odkrywania obecności danej wspólnoty na tle innych wspólnot oraz prowadzenia działań na rzecz

konserwacji tożsamości lokalnej, w szczególności poprzez uznanie ważności 'miejsca' (zob. np. [Twigger-Ross, Uzzell 1996]),

(3) poprzez uprawianie szeroko pojętej zrównoważonej polityki regionalnej, a więc aktywny udział poszczególnych osób zaangażowanych w działalność regionalistyczną w propagowaniu postawy proregionalnej zarówno u poszczególnych ludzi jak i (być może w szczególności) w obrębie różnego rodzaju instytucji życia publicznego występujących na danym terenie, władnych podejmować wszelkiego rodzaju decyzje odnośnie kształtu i funkcjonowania szeroko pojętej przestrzeni społeczno-kulturowej, zarówno w danym momencie, jak i w przyszłości (zob. np. [Walker, Sherwood 2003]).

Działania te powinny odbywać się bez wyraźnych oznak manifestowania postawy radykalnej przejawiającej się, między innymi, w nacisku na propagowanie negatywnego zjawiska uprawiania regionalnego izolacjonizmu jako przejawu tzw. tendencji 'centryfugalnych' (tj. odśrodkowych). Tendencje te należy odróżnić od tzw. tendencji 'centrypetalnych' (tj. dośrodkowych), korzystnych dla utrzymania zdrowych relacji na osi 'rdzeń-peryferia' (ang. *core-periphery*, zob. np. [Borgatti, Everett 1999], odnośnie wstępnego omówienia tego terminu) charakteryzujących określony i prawidłowo skonstruowany państwowo-narodowy habitat jako habitat o charakterze hybrydowym, a więc składający się z mozaiki różnych, jednakże równościowo traktowanych regionów, dodatkowo gotowych do transregionalnej współpracy.

Zatem dobrze pojęty i zrównoważony, tj. odpowiednio rozwinięty i dobrze funkcjonujący, regionalizm jako odrębna i jednocześnie wyraźnie interdyscyplinarna domena badawcza, stanowi całościowy układ pojęciowo-poznawczo-wykonawczy służący do uprawiania zadań (1)–(3). Jest on jednocześnie (a przynajmniej powinien być) układem utrzymywanym w koniecznej psychologiczno-emocjonalnej otoczce pozytywnego nastawienia w skali co najmniej wspólnoty lokalnej. W konsekwencji układ ten może okazać się doskonałym środkiem do utrzymywania przy życiu całego lokalnego ZKJ. W ten sposób całość wyraża pewien ważny uniwersalny aspekt 'ludzkiej działalności' (ang. *human activity*) jako społecznie zdeterminowanego procesu realizowanego poprzez działania różnych odpowiednio wysoko umotywowanych i odpowiedzialnych jednostek ludzkich w nim uczestniczących zob. np. [Karpatschof 2000].

Znakomicie ilustrują ten stan rzeczy różnego rodzaju bedekery, owe często bezcenne mini encyklopedie i przewodniki o mieszanym charakterze informacyjnym geograficzno-etnograficzno-kulturowo-biograficznym, służące jako 'kopalnie' wiedzy w tym zakresie. Ich powstawanie, istnienie i ogólna dostępność są niezwykle ważne dla określenia i podkreślenia tożsamości poszczególnych lokalnych ZKJ i tożsamości poszczególnych osób (artystów, propagatorów lokalnej subetniczności, lokalnych animatorów, etc.)

je tworzących oraz – szerzej – dla badań nad zjawiskiem tożsamości kulturowo-językowej pojmowanej wielopłaszczyznowo.

Szeroko pojęta wspólnota kulturowo-językowa znana jako 'Kaszubszczyzna', a więc jako odnosząca się do konkretnego fragmentu geografii Polski, historycznie ustalonego zbiorowego etnosu i pojedynczych biografii członków tej wspólnoty, jako w pełni zawierająca się w lokalnym rozumieniu ZKJ, może poszczycić się znakomitymi bedekerami, spośród których wymienię tutaj tylko *Nowy Bedeker Kaszubski* [NBK 2002] autorstwa Tadeusza Bolduana (1930–2005), wybitnego działacza i regionalisty kaszubskiego. Bedeker ten (podobnie jak siostrzany *Nowy bedeker kociewski* autorstwa Romana Landowskiego (2002)) służyć może jako wzorowo przygotowane wszechstronne źródło informacji o regionalizmie kaszubskim w rozumieniu przedstawionych powyżej punktów (1)–(3). Uważna lektura tej niezwykle pożytecznej publikacji pozwala czytelnikowi na uchwycenie samej istoty 'regionu' jako takiego, a w szczególności określenie unikalnego regionu Kaszub jako habitatu, a więc miejsca, w którym odbywa się punktowo rozumiane 'życie kultury i języka' [zob. Puppel 2013], tutaj w węższym znaczeniu lokalnej kultury kaszubskiej i języka kaszubskiego.

Można zatem powiedzieć bardzo ogólnie, że region jest jak gniazdo, w którym skupia się w określonej miniskali 'życie kultury i języka' jako podstawowego wymiaru człowieczeństwa, zawsze jednak przypisanego określonemu fragmentowi geografii (stąd może być mowa o 'geografii kulturowej' (tj. geografii człowieka), zob. np. [Anderson et al. 2002] i określonemu etnosowi. Bedeker Tadeusza Bolduana pod tytułem *Nowy bedeker kaszubski* (NBK) doskonale zdaje czytelnikowi sprawę z tej złożonej i zarazem doniosłej symbiozy i jednocześnie uświadamia każdemu czytelnikowi tej bardzo pożytecznej pracy niezwykle wagę regionu (tutaj regionu Kaszub) jako takiego i regionalizmu jako nie tylko złożonego paradygmatu badawczego dla utrzymywania lokalnego ZKJ i tożsamości poszczególnych jego uczestników, ale także jako swoistego 'gniazda', w którym utrzymywana jest tożsamość jego 'mieszkańców'.

1. Technologia regionalizmu

Regionalizm jawi się nie tylko jako pojęcie badawcze, lecz także jako pewien dynamiczny mechanizm, na którego istotę składają się różnorakie działania zawarte w punktach (1)–(3) powyżej, tj.:

- (a) czynne 'uprawianie' kultury lokalnej i języka,
- (b) prowadzenie nieustannej metarefleksji nad lokalnym ZKJ,
- (c) uprawianie szeroko pojętej polityki regionalnej nastawionej na utrzymywanie lokalnego ZKJ oraz tożsamości regionalnej.

Całości można nadać bardziej precyzyjne miano technologii regionalizmu (TR). Zatem bardziej szczegółowy opis TR zawarty zostanie w dalszej

części niniejszego opracowania, w którym opis powyższy zostanie zawężony do bardziej kompletnego omówienia punktu (a) jako najbardziej rozwiniętego elementu *NBK*. Tak więc najważniejszym wymiarem TR wydaje się być zjawisko czynnego uprawiania kultury lokalnej i utrzymywania lokalnego języka (bądź regionalnego dialektu). Dzisiaj możemy śmiało powiedzieć, że odbywać się ono powinno w ramach obejmujących świadomościowy poziom tzw. globalności (wyrażony za pomocą znanego zwrotu: *think globally, act locally*). Poziom ten ma bowiem ważny wymiar globalno-ekologiczny w sensie uznania przez uczestników danej wspólnoty ważności postulatu zachowania różnorodności (tj. heterogeniczności), w tym różnorodności kulturowo-językowej jako fundamentalnego składnika tożsamości człowieka. Jak już podkreślono powyżej, człowiek jest istotą zawsze żyjącą punktowo, a więc w określonym habitacie, jednocześnie w kontekście całościowo (zatem homogenicznie) rozumianej ekologii człowieka, jak i całego ZK w skali większego habitatu państwowo-narodowego i regionalnego (zob. [Robertson 1995], odnośnie znaczenia terminu 'globalności'; także [Puppel 2009]).

Czynne uprawianie kultury lokalnej i języka

Jest ono rozbite na dwa wyraźnie odrębne wymiary, tj.: wymiar materialny (ang. *tangible dimension*) oraz wymiar niematerialny (ang. *intangible dimension*). Wymiar materialny obejmuje wszelkie działania o charakterze materialnym, tj. czynności wykonywane przez rzemieślników i artystów regionalnych na różnego rodzaju elementach materii (takich jak np. kamień, drewno, metale, szkło, porcelana, sukno, rogi, etc.). Natomiast wymiar niematerialny obejmuje wszelkie działania w zakresie tzw. miękkich nośników kultury (takich jak np. wszelkie zachowania językowe, relacje społeczno-polityczno-ekonomiczno-kulturowe, relacje etniczne i subetniczne, etc.).

W obydwu tych wymiarach *NBK* przedstawia czytelnikowi niezwykle bogaty zestaw zachowań uczestników danej wspólnoty, które w sumie skutkują utrzymaniem obecności kultury lokalnej i lokalnych przejawów języka (w tym przypadku Kaszubszczyzny) na poziomie gwarantującym przetrwanie tejże wspólnoty. Obydwa wymiary zostaną opisane poniżej.

Wymiar materialny

Czynne uprawianie kultury lokalnej w wymiarze materialnym obejmuje następujące czynności rzemieślniczo-artystyczne, które zostały odpowiednio udokumentowane przez *NBK* w odniesieniu do okresu szczególnie interesującego autora tego *Bedefera*, a więc okresu obejmującego XIX–XX wiek:

- stolarstwo i meblarstwo (a więc wyrób regionalnie nacechowanych / stylizowanych przedmiotów drewnianych o charakterze użytkowym),
- rzeźbiarstwo (a więc wyrób rzeźb drewnianych przez lokalnych artystów),

- garncarstwo (a więc wytwarzanie wszelkiego rodzaju naczyń glinianych i porcelanowych),
- kowalstwo (np. kowalstwo artystyczne wykorzystujące lokalne wzorce),
- hafciarstwo (a więc wyszywanie na suknie różnych wzorów charakterystycznych dla regionu Kaszub),
- wikliniarstwo (a więc wyplatanie różnego rodzaju koszy i przedmiotów z wikliny),
- rogarstwo (a więc charakterystyczne dla Kaszub wytwarzanie tabakier z rogów zwierzęcych),
- uprawianie kuchni regionalnej (dostosowanej do lokalnych warunków przyrodniczo-rolniczych) w domach prywatnych oraz punktach żywienia zbiorowego,
- budownictwo (głównie drewniane, wykorzystujące regionalną technologię stawiania domów i zabudowań gospodarczych),
- tworzenie stałych przestrzeni wystawienniczych dla dziedzictwa materialnego danego regionu, (np. skansenów, tutaj z regionu Kaszub, muzeów, izb pamięci, etc.),
- malarstwo na płótnie (zwłaszcza odnoszące się do pejzażu Kaszub i okolic),
- malarstwo na szkle (jak wyżej),
- grafika (zwłaszcza odnosząca się do pejzażu Kaszub i okolic).

Trzeba jednocześnie pamiętać, że działalności powyżej opisanej często towarzyszy działalność polegająca na zwykłej (często bezpośredniej) wymianie wyprodukowanych dzieł pomiędzy rzemieślnikami-artystami i konsumentami oraz wszelkie kolekcjonerstwo ze strony hobbystów-amatorów. Trzeba także pamiętać, że wszystkie te czynności wytwórcze odbywają się w koniecznej otoczce użycia językowego, obejmującego wytworzoną przez wspólnotę regionalną określoną terminologię, dotyczącą danej działalności, co niewątpliwie sprzyja zachowaniu ogólnej 'tężyzny regionalnej' w zakresie uprawiania kultury lokalnej (tutaj kaszubskiej, zob. [Sychta 1967] w wymiarze materialno-językowym.

Wymiar niematerialny

Wyjątkowo cenne dla utrzymywania obecności kultury lokalnej i języka w mozaice różnych kultur lokalnych, które składają się na szerszą kulturę etniczno-narodową, jest czynne uprawianie twórczości werbalnej (mówionej i graficznej, tj. pisanej i drukowanej). Również i w tym względzie *NBK* udokumentował cały szereg działań, które podejmowano i nadal podejmuje się w regionie Kaszub i które należy uznać za niezwykle ważne dla całości kształtu zachowania kultury regionalnej, w tym zwłaszcza języka regionalnego. Są to następujące działania:

- twórczość literacka (zwłaszcza w języku kaszubskim: np. twórczość prozatorska, poetycka, pamiętnikarsko-kronikarska z całą plejadą znakomi-

tych twórców kaszubskich, takich jak chociażby: Hieronim Derdowski, Florian Ceynowa, Aleksander Majkowski, Bernard Sychta, Lech Bądkowski, Jan Piepka, Jan Drzeżdżon, Franciszek Fenikowski, Stanisław Pestka i wielu, wielu innych). Twórczość ta wyraźnie sytuuje język kaszubski wśród języków piśmiennych posługujących się alfabetem (ang. *written languages*, zob. [Diringer 1968]), a więc języków funkcjonujących w komunikacyjnym porządku graficznym,

– zbieranie informacji odnośnie historii regionu i jego kultury w wymiarze materialnym i duchowym (np. opisów technologii czy receptur wszelakiego rodzaju, podań ludowych, baśni, obrzędów, obyczajów, pieśni, przysłów, opisów środowiska przyrodniczego, etc.) bezpośrednio od uczestników danej wspólnoty, prowadzone w porządku mówionym (*oral history*, zob. np. [Perks i Thomson 1998], odnośnie ważności przekazów ustnych w funkcjonowaniu kultury w wymiarze linearno-pionowym) i ich archiwizacja,

– uprawianie twórczości naukowej i popularnonaukowej w różnych zakresach (jak np. historyczna, językoznawcza, krytyczno-literacka, etnograficzna, etnobiologiczna, etc.) skupionej na danym regionie,

– zakładanie i prowadzenie stowarzyszeń regionalnych i regionalnych towarzystw naukowych,

– organizowanie przedstawień teatralnych sztuk napisanych w języku regionalnym (tutaj kaszubskim),

– organizowanie konferencji naukowych poświęconych danemu regionowi,

– organizowanie konkursów literackich dla młodych twórców,

– organizowanie plenerów plastycznych,

– organizowanie wszelkich konkursów recytatorskich,

– organizowanie konkursów krasomówstwa w języku regionalnym (tutaj kaszubskim),

– organizowanie imprez instrumentalno-śpiewaczych,

– organizowanie festiwali o charakterze mieszanym materialno-językowym,

– tworzenie i umieszczanie w prasie codziennej i tygodnikach dodatków zawierających utwory napisane w języku (dialekcie) regionalnym (tutaj w języku kaszubskim),

– wszelkie działania promocyjne wizualno-językowe dotyczące danego regionu (tutaj regionu Kaszub) celem dalszej intensyfikacji turystyki międzyregionalnej korzystnej dla rozwoju regionu,

– uprawianie zaawansowanej (np. przemysłanej i przygotowanej tematycznie turystyki regionalnej, którą można nazwać także 'ekoturystyką', zob. np. [Fennell 1999; Scheyvens 1999; Weaver 2001, czy Nowaczek 2010; Puppel 2017], odnośnie definicji 'ekoturystyki').

Nie trzeba zatem specjalnie akcentować faktu, że utrzymywanie owych 'miękkich nośników kultury' ma wręcz fundamentalne znaczenie dla konserwacji i stałych działań regeneracyjnych odnośnie tężyzny regionalnej, w tym w szczególności tężyzny regionu Kaszub, co znakomicie przedstawił NBK Tadeusza Bolduana.

3. Podsumowanie

Należy podkreślić ze szczególnym naciskiem, że wszystkie te rozliczne działania opisane szeroko w *NBK* w sposób wystarczająco obfity doskonale *per saldo* służą zachowaniu kulturowej tożsamości regionalnej, a więc tożsamości osób pochodzących z Kaszub jako regionu (czy też z konkretnego subregionu Kaszub) vis-a-vis tożsamości kulturowej wszystkich osób żyjących w Polsce, a więc w ramach większego układu państwowo-narodowego (ang. *nation-state*, w Polsce jak i w większości krajów europejskich złożonego z bardzo zróżnicowanej mozaiki regionów).

Na podstawie przeprowadzonej w tym z konieczności krótkim szkicu dyskusji należy z całą stanowczością stwierdzić, że 'regionalizm' może być najpełniej zaakcentowany poprzez określoną mniej lub bardziej świadomą postawę (najlepiej wszystkich) uczestników danej 'przestrzeni regionalnej', wyrażaną w całej gamie działań w obrębie zarówno ZTN, jak i ZKJ (ze szczególnym wskazaniem na ten ostatni Zespół), do których należą takie sprzężone z sobą działania jak: 'ekspozycja danego zagadnienia regionalnego', 'poszerzenie tego zagadnienia', odpowiednie 'powiększenie' jego roli i w konsekwencji 'utrzymanie' danego zjawiska w wymiarze tożsamościowym i, w konsekwencji, w szerszym wymiarze pamięci kulturowo-językowej. Ponadto 'regionalizm' jest także niezwykle ważnym pojęciem badawczym pozwalającym na prowadzenie bogatej, interdyscyplinarnej, działalności badawczo-opisowej w odniesieniu do tejże przestrzeni.

Istotnym połączonym efektem tych postaw, tj. czynnego udziału w rzeczywistości regionalnej osób z nią związanych czy to zamieszkaniem czy sympatią oraz postawy badawczej specjalistów, jest (lub powinno być) utrzymanie ważności danego regionu (tutaj regionu Kaszub) dla utrzymywania ważnego dla 'ekosystemu człowieka' zjawiska 'różnorodności w jedności' (zob. hasło przyświecające Wydziałowi Neofilologii UAM, *diversitas et integritas*), tj. w zintegrowanej przestrzeni tradycyjnego habitatu państwowo-narodowo-etnicznego, a może także w bardziej globalnym wymiarze całego ludzkiego habitatu. Postawy te są także niezmiernie ważne dla utrzymania tożsamości uczestników konkretnego miejsca będącego składnikiem tejże większej przestrzeni kulturowo-językowej, z koniecznym udziałem w niej rozwiniętej regionalnej świadomości językowej, najpełniej realizowanej jednocześnie we wszystkich porządkach komunikacyjnych, tj. ustnym, graficznym i hybrydowym.

Na koniec należy podkreślić, że opisany powyżej NBK Tadeusza Bolduana doskonale przedstawił zadanie uzmysłowienia czytelnikowi istnienia i przebiegu tych niezwykle ważnych procesów o charakterze integracyjno-tożsamościowym, służących ostatecznie utrzymaniu doniosłości regionu Kaszub w mozaice innych regionów, składających się na świadomościowo złożony i równościowy polski habitat państwowo-narodowy i kulturowo-językowy, ciągle jeszcze mający istotne znaczenie dla zachowania tożsamości poszczególnych jego uczestników.

Bibliografia

- Ethnobiology*. 2011. Red. E. N. Anderson, D. M. Pearsall, E. S. Hunn i N. J. Turner, N. J. Hoboken: Wiley-Blackwell.
- B a l i c k M. J., C o x P. A. 1997. *Plants, people, and culture: the science of ethnobotany*, New York: Scientific American Library.
- B o l d u a n T. 2002. *Nowy bedeker kaszubski*, Gdańsk: POLNORD – Wydawnictwo OSKAR.
- B o r g a t t i S. P., E v e r e t t M. G. 1999. *Models of core / periphery structures*, "Social Networks", No. 21, s. 375–395.
- Community networks: lessons from Blacksburg, Virginia*. 2000. Red. A. M. Cohill, A. L. Kavanaugh, 2nd ed. Norwood, Mass.: Artech House.
- Companion encyclopedia of anthropology*. 1994. Red. T. Ingold, London: Routledge.
- D i r i n g e r D. 1968. *The alphabet: a key to the history of mankind*, New York: Philosophical Library.
- Encyklopedia języka polskiego*. 1991. Red. S. Urbańczyk, Wrocław: Ossolineum.
- Ethnobiology for the future: linking cultural and ecological diversity*. 2016. Red. G. P. Nabhan, Tucson, AR: The University of Arizona Press.
- F e n n e l l D. A. 1999. *Ecotourism: an introduction*, London: Routledge.
- Handbook of cultural geography*. 2002. Red. K. Anderson, M. Domosh, S. Pile, i W. T. Thrift, London: SAGE Publications.
- H o l d e n J. 2015. *The ecology of culture: a report commissioned by the Arts and Humanities Research Council's Cultural Value Project*, [w:] źródło elektroniczne: www.ahrc.ac.uk/documents/project-reports-an
- K a r p a t s c h o f B. (2000). *Human activity. Contributions to the anthropological sciences from a perspective of activity theory*, Copenhagen: Dansk Psykologisk Forlag.
- L a n d o w s k i R. 2002. *Nowy bedeker kociewski*, Gdańsk: POLNORD – Wydawnictwo OSKAR.
- M o o r e J. D. 2009. *Franz Boas: culture in context*, [w:] *Visions of culture: an introduction to anthropological theories and theorists*. Red. J. D. Moore, 3rd ed. Walnut Creek, CA: Altamira Press, s. 33–46.
- N o w a c z e k A. 2010. *Ecotourism: principles and practices*, "Annals of Tourism Research" 37.1, s. 270–271.

- P a r a g K h a n n a. 2016. *Connectography: the future of global civilization*, New York: Random House.
- Polska kuchnia regionalna. *Kuchnia kaszubska*. 2015. Ożarów Mazowiecki: Olesiejuk SP. Z O.O.
- P u p p e l S. 2009. *Uwagi w sprawie konieczności ochrony dziedzictwa kulturowo-językowego, czyli od ojcowizny i ojczyzny do wspólnoty światowej*, „Acta Pomerania”, nr 2, s. 101–108.
- P u p p e l S. 2013. *The imperial life of natural languages*, [w:] *Investigations in teaching and learning languages*. Red. D. Gabryś-Barker, E. Piechulska-Kuciel i J. Zybert, Heidelberg: Springer-Verlag, s. 3–8.
- P u p p e l S. 2015. *Język w podmuchu, posiewie i przepływie: uwagi w sprawie synergii porządków komunikacyjnych w kontekście ekolottodydaktyki*, [w:] *MOTEK. Motywy ekolingwistyczne: w stronę ekolottodydaktyki*. Red. S. Puppel, „Scripta de Communicatione Posnaniensi. Seria: Prace Naukowe Katedry Ekokomunikacji UAM”, t. VII, Poznań: Zakład Graficzny UAM, s. 143–150.
- P u p p e l S. 2017. *Ecol[s]². Essays and notes on ecolinguistic synergy and synthesis*, „Scripta de Communicatione Posnaniensi. Seria: Prace Naukowe Katedry Ekokomunikacji UAM”, t. VIII, Poznań: Zakład Graficzny UAM.
- R o b e r t s o n R. 1995. *Glocalization: time-space and homogeneity-heterogeneity*, [w:] *Global modernities*. Red. M. Featherstone, S. Lash i R. Robertson, London: Sage Publications, s. 25–44.
- S c h e y v e n s R. 1999. *Ecotourism and the empowerment of local communities*, „Tourism Management”, No. 20, s. 245–249.
- S k u r z y Ń s k i P., K a m i ń s k i R. 2008. *Dziedzictwo kulturowe północnych Kaszub*, Wejherowo: Starostwo Powiatowe w Wejherowie.
- S t o u t D. 2011. *Stone toolmaking and the evolution of human culture and cognition*, „Philosophical Transactions of the Royal Society of London B”, No. 36, s. 1050–1059.
- S y c h t a B. 1967. *Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej*, t. I–VII. Wrocław: Ossolineum.
- The encyclopedia of ecotourism*. 2001. Red. D. B. Weaver, UK: Cabi Publishers.
- The oral history reader*. 1998. Red. R. Perks, A. Thomson, London: Routledge.
- T w i g g e r - R o s s C. L., U z z e l l D. L. 1996. *Place and identity processes*. „Journal of Environmental Psychology”, No. 16, s. 205–220.
- U p t o n C., W i d d o w s o n J. D. A. 2006. *An atlas of English dialects*, 2nd ed. London–New York: Routledge.
- V i v e l o F. R. 1978. *Cultural anthropology handbook*, New York: McGraw-Hill.
- W a k e l i n M. F. 2008. *Discovering English dialects*, Oxford: Shire Publications.
- W a l k e r C., S h e r w o o d K. 2003. *Participation in arts and culture: the importance of community venues*. Washington, D.C.: Urban Institute.

RZECZOWNIKI HOMOGRAFICZNE W JĘZYKU DUŃSKIM
– ANALIZA MORFOLOGICZNA I SEMANTYCZNA

HOMOGRAPHIC NOUNS IN DANISH – A MORPHOLOGICAL
AND SEMANTIC ANALYSIS

EUGENIUSZ RAJNIK

ABSTRACT. The article is a study of nouns with the same spelling but different grammatical gender (graphic homonymy, i.e. homography) in Modern Danish. The aim of the article is to analyze the grammatical and lexical homography of both neuter and non-neuter Danish nouns, which have been divided into two groups. The nouns in the first group occur in both grammatical genders with no difference in meaning (grammatical homographs), while the second group is comprised of nouns that do have different meanings based on their grammatical gender (lexical homographs). The author has also identified differences based on word stress (stress homography), different pronunciation and differences connected with the presence of *stød* or lack thereof, which usually cause a difference in meaning.

Keywords: grammatical homographs, lexical homographs, graphic homonymy, homographic nouns, Danish homography

Eugeniusz Rajnik, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Poznań – Polska,
rajnik@amu.edu.pl

1. Wstęp

We współczesnym języku duńskim, podobnie jak w wielu innych językach germańskich, a także słowiańskich, np. rosyjskim [patrz: Kaliszan 2016: 133–138 i tegoż 2017: 129–133], mamy do czynienia z homonimią graficzną, czyli homografią. Niniejszy artykuł traktuje o rzeczownikach o takiej samej pisowni, ale różnym rodzaju gramatycznym. Celem artykułu jest analiza homografii (gramatycznej i leksykalnej, jednak ze szczególnym uwzględnieniem tej ostatniej) rzeczowników (o formach podstawowych w l. poj.) występujących w obu rodzajach gramatycznych (męsko-żeńskim i neutralnym). Zostały one podzielone na dwie grupy. Pierwsza to taka, w której rzeczownik występuje w obu rodzajach bez różnicy semantycznej (podano 44 rzeczowniki – homografy gramatyczne). Do drugiej należą rzeczowniki, które w zależności od rodzaju gramatycznego mają różne znaczenia leksykalne (homografy leksykalne) – z podziałem na te o wspólnym i różnym pocho-

dzeniu (przeanalizowanych zostało ponad 60 duńskich rzeczowników). Różnice mogą również dotyczyć akcentu wyrazowego (homografy akcentuacyjne), niekiedy różnej wymowy, braku lub obecności zwarcia krtańowego (zaznaczane znakiem [']), co z zasady jest powodem różnic w znaczeniach wyrazów. Analiza oparta jest na materiale zaczerpniętym z gramatyk duńskich [m.in. Hansen 1967: 52–72, Rajnik 1999: 32–34], ale przede wszystkim ze słownika *Den Danske Ordbog* [<http://ordnet.dk/ddo>]. Zawarta w artykule etymologia przykładów została podana w oparciu o ww. słownik.

2. Rodzaj gramatyczny

W przeciwieństwie do języka polskiego rzeczowniki duńskie wykazują tylko dwa rodzaje gramatyczne:

1) męsko-żeński / wspólny (*genus commune / utrum*) – około 80% rzeczowników – określane rodzajnikiem *en*, np. *en ko* 'krowa', *en kvinde* 'kobieta', *en radio*;

2) nijaki (*neutrum*) – około 20% rzeczowników – określane rodzajnikiem *et*, np. *et hus* 'dom', *et flag* 'flaga', *et teater* 'teatr', *et vindue* 'okno'.

Rodzaj gramatyczny rzeczownika jest często zależny od znaczenia samego rzeczownika i/lub sufiksu. Ogromna większość rzeczowników osobowych, np. *en dreng* 'chłopiec', *en kunstner* 'artysta', *en pige* 'dziewczyna' (ale: *et barn* 'dziecko', *et menneske* 'człowiek', *et postbud* 'listonosz'), a także rzeczowniki kończące się np. na *-hed* są rodzaju męsko-żeńskiego: *en lejlighed* 'mieszkanie', *en skønhed* 'piękność'. Istnieje nieliczna grupa rzeczowników, które funkcjonują bez rodzajnika, np. *fairplay*, *interrail*.

Język staroduński (1100–1350) posiadał trzy rodzaje gramatyczne rzeczownika (męski, żeński i nijaki), a dopiero w języku nowoduńskim (od 1525) rodzaj męski i żeński połączyły się w rodzaj wspólny [patrz: Szulc 1988: 768], jednak wg P. Skautrupa [1944: 270] już w okresie 1100–1350 zwanym przez niego starszym średnioduńskim (*ældre middeldansk*) w języku pisanym pojawiły się tendencje do tworzenia dwóch rodzajów. Natomiast zdaniem A. Karkera [1995: 78] ww. zmiany nastąpiły w okresie 1100–1500 i wtedy to niektóre rzeczowniki zmieniły rodzaj, np. *menneske* 'człowiek', z żeńskiego na nijaki.

2.1. Dwurodzajowe rzeczowniki o identycznej pisowni i tym samym znaczeniu

Istnieje pewna grupa rzeczowników dwurodzajowych, tj. rodzaju męsko-żeńskiego i nijakiego. Nie różnią się znaczeniem, lecz częstotliwością użycia, np.: (*en/et*) *allegro*, (*en/et*) *amnesti*, (*en/et*) *attribut* 'cecha, przydawka', (*en/et*) *bacon* 'boczek', (*en/et*) *city* 'centrum miasta', (*en/et*) *design* 'wzór', (*en/et*) *femini-num* 'rodzaj żeński, płeć żeńska', (*en/et*) *flonel* 'flanela', (*en/et*) *flute* 'bagietka', (*en/et*) *flødeskum* 'bita śmietana', (*en/et*) *fløj* 'sztruks, aksamit', (*en/et*) *futurum*

'czas przyszły', *en/et gag*, (*en/et gavn* 'korzyść', (*en/et heroin*, (*en/et holocaust*, (*en/et kanel* 'cynamon', *en/et karton*, *en/et katalog*, (*en/et kitsch*, (*en/et klimaks* 'punkt kulminacyjny', (*en/et koffein*, (*en/et kokain*, (*en/et koks*, *en/et koncept* 'pomysł, zamysł', (*en/et krystal* 'kryształ', (*en/et maskulinum* 'rodzaj męski, płeć męska', *en/et parameter*, (*en/et penicillin*, (*en/et poplin* 'popelina', *en/et sammenhæng* 'związek, zależność', (*en/et slang*, (*en/et slum*, (*en/et stress*, (*en/et svool* 'siarka', *en/et ton* 'tona', *en/et udskrift* 'wydruk, wypis', *en/et trikot*, (*en/et volumen* 'pojemność, objętość', *en/et virus*, (*en/et zink*, *en/et ækivalent*. Rodzajniki nieokreślone podano w nawiasach, jeśli dany rzeczownik nie występuje w formie nieokreślonej. Więcej tego typu przykładów, głównie zapożyczeń z języka angielskiego, jest zawartych w innych publikacjach [patrz: Szubert 2003: 42–45 i tegoż 2013: 308–310].

Jednak co kilka lat w słowniku ortograficznym, redagowanym przez Dansk Sprognævn (samodzielny instytut podlegający Ministerstwu Kultury i zajmujący się bieżącym śledzeniem rozwoju i opisem języka duńskiego), wprowadzane są zmiany dotyczące m.in. rodzaju rzeczownika. Dla przykładu w 2012 roku [patrz: Nørby Jensen 2013: 18–19]:

a) dodano drugi rodzaj, np.:

en badge > *en/et badge* 'odznaka', *en event* > *en/et event* 'wydarzenie', *en visit* > *en/et visit*;

b) zredukowano dwa rodzaje do jednego, np.:

en/et bat > *et bat* 'rakietka (do tenisa stołowego)', *en/et case* > *en case* 'kasus, przypadek', *en/et cirkus* > *et cirkus*, (*en/et hårlak* > (*en*) *hårlak* 'lakier do włosów', *en/et indeks* > *et indeks* 'spis', *en/et quiz* > *en quiz*, *en/et tastatur* > *et tastatur* 'klawiatura', *en/et trofæ* > *et trofæ* 'trofeum, nagroda'.

Mimo że dany rzeczownik jest rodzaju męsko-żeńskie lub nijakiego, to w niektórych wyrażeniach występuje w innym rodzaju niż w znaczeniu podstawowym:

(*en*) *alvor* (< staronord. *alvara* < przym. staroszw. *alvar* < staronord. *ölværr* < średniodolnieniem. < starowysokoniem. *alawari*) 'powaga': *gøre noget med dyb alvor* 'zrobić coś na bardzo poważnie', *ale: i fuld(t) alvor* 'z całą powagą', *er det dit alvor?* 'czy mówisz poważnie?',

et bogstav (< staronord. *bókstafr*) 'litera', *ale: efter bogstaven* 'dosłownie',

(*en/et*) *brug* (< średniodolnieniem. *bruk* < czas. *bruken*) (w formie określonej tylko: *brugen* 'użycie'), np. *til eget brug* 'na własny użytek', *til daglig(t) brug* 'do codziennego użytku' ≠ *et (land) brug* 'gospodarstwo rolne', *ale: landbruget* 'rolnictwo'; derywaty, np. (*et*) *forbrug* 'spożycie, zużycie', (*en/et*) *genbrug* 'ponowne użycie', (*en/et*) *misbrug* 'nadużycie'; złożenia, np. (*en/et*) *sprogbrug* 'użycie języka', (*en/et*) *våbenbrug* 'użycie broni' [patrz: Galberg Jacobsen 1989: 4–7],

et minut (< łac. (*pars*) *minuta* < czas. *minuere*): *komme tilbage om et minut* 'wrócić za minutę', *ale: komme på minut ten/minuttet* 'przyjść punktualnie',

(*et*) *pust* (< czas. *puste*) 'powiew, podmuch (np. wiatru), krótka przerwa',
 ale: *tabe/miste pusten* 'stracić oddech',
en sigt (< niem. *Sicht* < czas. *sehen*), np. *god/dårlig sigt* 'dobra/zła widoczność',
på længere/kortere sigt 'na dłuższą/krótszą metę', ale: *på lang(t) sigt* 'na długą metę',
et tryk (< czas. *trykke*) 'druk (np. mały), akcent, ciśnienie, nacisk, uścisk (dłoni)',
 ale: *være i trykken* 'być w druku'.

2.2. Rzeczowniki o identycznej pisowni, ale różnym znaczeniu i rodzaju

Niektóre rzeczowniki są rodzaju męsko-żeńskiego i nijakiego, ale mają różne znaczenie – homografy leksykalne. Mają one wspólne lub różne pochodzenie:

a) wspólne pochodzenie, np.:

(*en*) *beat* (skrótowiec od *beatmusik*) 'rodzaj muzyki' ≠ (*et*) *beat* (< ang. *beat*)
 'wybijanie taktu' (por. *et taktslag*),
en bid (< czas. *bide*) 'kęs, kąsek' ≠ *et bid* 'ukąszenie, ukłucie',
(en/et) bomuld (< dolnoniem. *bomwulle* < *bom* + *wulle*) 'bawełna (materiał)'
 ≠ (*en*) *bomuld* 'bawełna (roślina)',
en diktat (< czas. *diktere* < łac. *dictare*) 'dyktando' ≠ *et diktat* 'dyktat, nakaz',
(en) fotografi (< gr. *phos* (gen. *photos*) + *-grafi*) 'fotografika' ≠ *et fotografi* 'zdjęcie',
en grandprix (< fr. *grandprix*) 'nagroda' ≠ *et grandprix* 'konkurs',
(en/et) gummi (< łac. *gummi, cummi*) 'guma' ≠ *et gummi* '(pot.) gumka (prezzerwatywa)',
(et) jod (< gr. *iodes* < *ion*) 'jod' ≠ (*en/et*) *jod* 'jodyna',
en lem (< staronord. *hlemmr*, staroang. *hlemm*) 'klapa, małe drzwi' ≠ *et lem*
 (< staronord. *limr*) 'kończyna, penis',
en lift (< ang. *lift* < czas. *lift*) 'winda, pomost podnoszący, nosidełko' ≠ (*et*) *lift*
 'podwieszenie',
(en/et) nylon (< amer. ang. *nylon*, skrótowiec od liter w *New York* i pierwszego
 członu w *London*) 'nylon (tworzywo sztuczne)' ≠ (*en*) *nylon* (skrótowiec od
nylonstrømpe) 'pończocha nylonowa',
en overhead (< ang. *overhead*, skrótowiec od *overheadprojektor*) 'rzutnik folii'
 ≠ (*et*) *overhead* (< ang. *overhead* (expenses)) 'wydatki, koszty ogólne',
en plan (< łac. *planum*) 'plan (na przyszłość), plan (np. budynku), rozkład
 (jazdy)' ≠ *et plan* 'poziom, kondygnacja, szczebel',
en skrift (< średniodolnoniem. *schrift* < czas. *skrive* pod wpływem łac. *scriptum*)
 'pismo (np. kursywa), pismo (np. nieczytelne)', np. *den Hellige Skrift*
 'Pismo Święte, Biblia' ≠ *et skrift* 'dzieło (literackie), (czaso)pismo', ale:
en/et udskrift 'wydruk, wypis',
en sludder (< czas. *sludre*) 'pogawędka' ≠ (*et*) *sludder* 'bzdura',
en smæk (< czas. *smække*) 'śliniak, klapa (u spodni)' ≠ *et smæk* 'klaps, uderzenie,
 trzaśnięcie (drzwiami); (przen.) porażka, krytyka; efekt',

- (*en*) *swing* (< ang. *swing*) 'swing (muz.)' ≠ (*et*) *swing* 'wycucie rytmu w jazzie',
 (*en*) *telex* (< ang. *telex*, skrót od *teleprinter* + *exchange*) 'telex (urządzenie)'
 ≠ (*en/et*) *telex* 'telex (wysłana informacja)',
en ting (< staronord. *þing*, starowysokoniem. *thing*, *ding*) 'rzecz' ≠ *et ting* 'sąd
 (przysięgłych), parlament (np. *Folketinget*)',
 (*et*) *vand* (< staronord. *vatn*, spokrewnione z gr. *hydor* i łac. *unda*) 'woda'
 ≠ *en (soda)vand* 'napój o jakimś smaku',
en zoom (< ang. *zoom*) 'obiektyw w aparacie fotograficznym' ≠ *et zoom* 'zbliz-
 żenie / oddalanie obiektywem',
 (*et*) *øl* (< staronord. *öl*) 'piwo (np. jasne)' ≠ *en øl* 'butelka piwa'.
 Niektóre przykłady różnią się nie tylko znaczeniem, ale także wymową
 tego samego grafemu spółgłoskowego lub samogłoskowego, por.:
en check ['tʃɛg] (< ang. *check*) 'czek' ≠ (*et*) *tjek* ['tjɛg] (< czas. *tjekke*) 'kontrola'
 (do 2012 r. możliwa była także pisownia *check*),
en/et fond ['fʌn'd] (< fr. *fond(s)* < łac. *fundus*) 'fundacja (np. *Kunstfonden*,
Carlsbergfondet), fundusz' ≠ *en fond* ['fʌn'd] / ['fʌŋ] 'kostka rosółowa',
 (*en/et*) *jersey* ['djɛ:si] (nazwa od wyspy Jersey na kanale La Manche) 'dżer-
 sej (tkanina, dzianina)' ≠ (*en*) *jersey* ['jæɐsi] 'jersey (rasa bydła)';
 b) różne pochodzenie, np.:
 (*en*) *ark* (< staronord. *örk*, niem. *Arche*, łac. *arca*), np. (*Noas*) *ark* 'arka (Noego)'
 ≠ *et ark* (< dolnoniem. *ark* < łac. *arcus*) 'arkusz (papieru), arkusz (wydaw-
 niczy), blok (znaczków pocztowych)',
en bank (< fr. *banque* lub wł. *banca*, *banco* < niem. *Bank*) 'bank' ≠ *et bank* (< czas.
banke) 'pobicie, lanie',
en brud (< staronord. *brúðr*, ang. *bride* 'panna młoda, łasica') ≠ *et brud* (< staro-
 nord. *brot*, spokrewniony z czas. *bryde*) 'złamanie, zerwanie (czegoś)',
en buk (< staronord. *bokkr*, niem. *Bock*) 'koziół, byk (= błąd)' ≠ *et buk* (< czas.
bukke) 'ukłon',
en frø (< staronord. *frauðr*, spokrewniony z ang. *frog*, niem. *Frosch*) 'żaba'
 ≠ *et frø* (< staronord. *frjó*, *fræ*, goc. *fraiwo*) 'nasienie, ziarnko',
en følge (< czas. *følge*, pod wpływem niem. *Folge*) 'skutek, następstwo' ≠ *et følge*
 (< staronord. *fylgi* < czas. *følge*) 'orszak, świta',
en greb (< staronord. *greip*, staroang. *grap*) 'widły' ≠ *et greb* (< staronord. *grip*,
 spokrewniony z niem. *Griff*, ang. *grip*) 'chwyt, uchwyt',
 (*en*) *jalousi* (< fr. *jealousie* < *jaloux*) 'zazdrość' ≠ *et jalousi* (< fr. *jealousie*) 'żaluzja',
en kiks (< ang. *cakes*) 'herbatnik' ≠ *et kiks* (< niem. *Kicks* < *kicksen*) 'bład, kiks',
en klap (< średniodolnoniem. *klap* < czas. *klappe*) 'przykrywka, klapa' ≠ *et klap*
 (< czas. *klappe*) 'poklepanie, pogłaskanie',
en led (< staronord. *leið*) 'strona, kierunek' ≠ *et led* (< staronord. *liðr*, goc. *lipus*,
 łac. *lituus*) 'człon (zdania), część składowa, ogniwo, med. staw',
en leje (< staronord. *leiga* < czas. *leje*) 'czynsz' ≠ *et leje* (< staroduń. *læghæ*
 < czas. *ligge*) 'łóże, łóżysko, złoże',

- et lod* (< dolnoniem. *lot*) 'pion, odważnik' ≠ *en/et lod* (< staronord. *hlutr*, ang. *lot*) 'los (przeznaczenie), zobowiązanie, działka, parcela, los (np. loteryjny), wygrana, część, (mieć) udział',
- en læg* (< staronord. *leggr*) 'łydka' ≠ *et læg* (< czas. *lægge*) 'fałda',
- en nøgle* (< szw. *nykil*, *nyckel*) 'klucz' ≠ *et nøgle* (< szw. dialekt *nykla* < staronord. *hnykill*) 'kłębek (np. wełny)',
- (*en*) *ris* (< dolnoniem. *rîs* i wł. *riso* < gr. *oryza*; spokrewniony z *rug*) 'ryż' ≠ *et ris* (< staronord. *hrís*, staroang. *hris*) 'rózga, bicz',
- en segl* (< średniodolnoniem. *sekele* < łac. *secula* < czas. *secare*) 'sierp' ≠ *et segl* (< średniodolnoniem. *segel* < łac. *sigillum*, zdrobnienie od *signum*) 'pieczęć',
- en sigte* (< średniodolnoniem. *sichte* < *sive*) 'sito, sitko' ≠ *et sigte* (< średniodolnoniem. *sichte*) 'pole widzenia, cel (do którego się strzela)',
- en spand* (< staronord. *spann*, dolnoniem. *span*) 'wiadro' ≠ *et spand* (< dolnoniem. *span* < *spannen*) 'zaprzęg (np. koni)' ≠ *et spand* (< staronord. *spönn*, dolnoniem. *spanne*, spokrewniony z *spand* i czas. *spænde*) 'szereg (lat)',
- en spot* (< staronord. *spottr*, *spott*, niem. *Spott* spokrewniony z *spytte*) – '1. szuderstwo, kpiny, urąganie; 2. lampa (ang. *spotlight*)' ≠ *en/et spot* (< ang. *spot*) 'spot, np. reklamowy',
- en stift* (< średniodolnoniem. *stift*, *steft*) 'wkład (do ołówka), kołek' ≠ *et stift* (< średniodolnoniem. *stift*, *sticht* < czas. *stiften*, *stichten*) 'diecezja',
- en/et studie* (< niem. *Studie*) 'szkic, rozprawka' ≠ *et (radio)studie* (< ang. *studio* < wł. *studio*) 'studio (radiowe)',
- en søm* (< staronord. *saumr*, niem. *Saum*, ang. *seam*) 'szew' ≠ *et søm* (< staronord. *saumr*) 'gwóźdź',
- en æg* (< staronord. *egg*, staroang. *ecg*) 'ostrze (np. noża), kant' ≠ *et æg* (< staronord. *egg*, starowysokoniem. *ei*) 'jajko',
- en øre* (< staronord. *eyrir*, staroang. *ora* < łac. *aureus* < *aurum*) 'øre' (jednostka monetarna w Danii) ≠ *et øre* (< staronord. *eyra*, staroang. *eare*) 'ucho'.
- Niektóre przykłady różnią się nie tylko znaczeniem, ale także wymową tego samego grafemu spółgłoskowego lub samogłoskowego, por.:
- en fyr* ['fyɐ'] (< szw. *fyr*) '(pot.) chłopak, facet' ≠ *en fyr* ['fyɐ] / ['fyɛ'] (< staroduń. *fur*, niem. *Föhre*, ang. *fir*, spokrewniony z łac. *quercus*) 'sosna' ≠ *et fyr* ['fyɛ'] (< średniodolnoniem. *vur*, por. niem. *Feuer*, ang. *fire*) 'latarnia morska, piec (np. gazowy)',
- en gran* ['gɾan / 'gɾa'n] (< staronord. *grön*) 'świerk' ≠ *et gran* ['gɾan / 'gɾa'n] (< łac. *granum*) 'ziarenko, odrobina, szczypta (np. soli)',
- (*en*) *mos* ['mo's] (< średniodolnoniem. *mos*) 'mus' ≠ (*et*) *mos* ['mɔs] (< staroduń. *moss*, niem. *Moos* spokrewniony z *mose*) 'mech',
- (*en*) *service* ['sɔ:vis] (< ang. *service* < łac. *servitium* < *servus*) 'serwis, obsługa, naprawa, usługa' ≠ *et service* [sæɐ'vi:sə] (< fr. *service*, spokrewniony z *servere*) 'serwis (np. obiadowy)'.

2.3. Rzeczowniki o identycznej pisowni, ale różnym znaczeniu, a tym samym rodzaju

Niektóre rzeczowniki są rodzaju męsko-żeńskiego lub nijakiego, ale mają różne znaczenie – homografy leksykalne, np.:

en kur (< łac. *cura*) 'kuracja' ≠ *en kur* (< fr. *cour* < łac. *cors, cohors*) – 1. 'audyencja'; 2. 'podrywanie',

en tank (< ang. *tank* < hindi *tankh*) 'zbiornik (np. gazu)' ≠ *en tank* 'czołg'.

3. Akcent wyrazowy i zwarcie krtaniowe

3.1. Akcent wyrazowy

W języku duńskim odróżnia się dwa podstawowe typy akcentu wyrazowego: akcent główny (hovedtryk) i poboczny (bitryk). Akcent główny pada na ogół na sylabę rdzenną (z wyjątkiem wyrazów głównie pochodzenia obcego), która w związku z tym jest silniej wymawiana od pozostałych, np. 'læge' 'lekarz'. W transkrypcji fonetycznej akcent główny jest oznaczany za pomocą ['], a poboczny [,] przed sylabą akcentowaną, np. w złożeniach typu 'engelsk lærer' 'nauczyciel języka angielskiego'.

Akcent główny może niekiedy pełnić funkcję dystynktywną [patrz: Janikowski 1990: 203], por. homografy akcentuacyjne (różniące się miejscem akcentu):

August ['awgɔsd] 'August (imię)' ≠ (*en*) *august* [aw'gɔsd] 'sierpień',

et forfald ['fɔ:ˌfal'] / [fɔ'fal'] 'zajście, zdarzenie, wypadek, incydent' ≠ *et forfald* [fɔ'fal'] 'upadek, rozkład, zawalenie się (muru)' [patrz: Sandersen 2006: 1],

(*en/et*) *plastik* / *plastic* ['plɛsdig] 'plastik / plastik (tworzywo sztuczne)' ≠ (*en*) *plastik* [plɛ'sdig] 'plastyka',

(*et*) *subjekt* ['sub.jɛgd] – '1. podmiot (zdaniowy); 2. podmiot (osoba)' ≠ (*et*) *subjekt* [sub'jɛgd] 'osoba lekceważona'.

Niektóre podane wyżej przykłady różnią się nie tylko akcentem i znaczeniem, ale także wymową, por. (*et*) *forslag* ['fɔ:ˌslæʝ] 'propozycja' ≠ (*et*) *forslag* [fɔ'slɛw] 'korzyść' [patrz: Sandersen 2006: 2].

Istnieje wiele rzeczowników mających podwójną wymowę, ale nieróżniących się znaczeniem, np. *en tunnel* ['tɔn'əl]/[tu'nɛl].

3.2. Zwarcie krtaniowe

Zwarcie krtaniowe (*stød*) jest krótką przerwą w czasie wymawiania długiej samogłoski lub niektórych dźwięcznych spółgłosek po krótkiej samogłosce. Nie tylko dodaje charakterystyczne brzmienie duńskiej wymowie, lecz posiada także określone różnicujące znaczenie funkcje. W transkrypcji jest zaznaczany znakiem [ˀ], który stawia się po dźwięku wymawianym ze zwarcie krtaniowym występującym w sylabach akcentowanych [patrz:

Janikowski 1990: 187–197, Rasmussen 2005: 76ff.]. Może być cechą dystyngującą dla samogłosek oraz następujących spółgłosek dźwięcznych: l' / l, m' / m, n' / n, ŋ' / ŋ, ð' / ð, v' / v, m.in. w następujących homografach:

(*en*) *brud* ['bʁu'ð] 'panna młoda; łasica' ≠ (*et*) *brud* ['bʁuð] 'złamanie, zerwanie (czegoś)',

et forslag ['fʁ:slæ'ʃ] 'propozycja' ≠ (*et*) *forslag* [fʌ'slɔw] 'korzyść' [patrz: Sandersen 2006: 2],

(*en*) *ka'non* [ka'no'n] — '1. armata, działo; 2. sławna osoba' ≠ (*en*) '*kanon* [kæ:nɔn]: '1. kanon — rel. zbiór ksiąg biblijnych; 2. kanon — lit. lista ważnych dzieł literackich; 3. kanon — muz. forma oparta na wielogłosowości' [patrz: OR 2006: 10],

Møller ['mø'lʌ] 'Møller (nazwisko)' ≠ (*en*) *møller* ['mø'lɔ] 'młynarz',

(*en*) *punch* ['pɔn'ɛ] 'poncz (gastr.)' ≠ *en/et punch* ['pʌnɛ] / ['pʌndɛ] 'cios pięścią',

en tank ['tɔŋ'g] 'zbiornik (np. gazu)' ≠ *en tank* ['tæ:ŋg] 'czołg',

udtale [-,tæ'lə] 'czas. wymawiać' ≠ (*en*) *udtale* [-,tæ:lə] 'wymowa'.

4. Podsumowanie

Na podstawie przeprowadzonej analizy można stwierdzić, że istnieje dość liczna grupa rzeczowników występujących w obu rodzajach bez różnicy semantycznej (homografia gramatyczna), np. (*en/et*) *amnesti*. Jednak większość podanych wyżej rzeczowników duńskich to homografy leksykalne różniące się przede wszystkim znaczeniem leksykalnym (niezależnie od pochodzenia wyrazów), np. (*en*) *punch* 'poncz (gastr.)' ≠ *en/et punch* 'cios pięścią'. Niekiedy daje się zauważyć zróżnicowanie akcentowe, np. *August* ['awgɔsd] 'August (imię)' ≠ (*en*) *august* [aw'gɔsd] 'sierpień', a także brak lub obecność zwarcia krtaniowego, np. *en tank* ['tɔŋ'g] 'zbiornik (np. gazu)' ≠ *en tank* ['tæ:ŋg] 'czołg'. Homografia gramatyczna i leksykalna w języku duńskim jest zjawiskiem szeroko rozpowszechnionym.

Bibliografia

Den Danske Ordbog (<http://ordnet.dk/ddo>) (29.09.2017).

H a n s e n Aa. 1967. *Moderne Dansk*, bind II, København: Grafisk Forlag.

J a c o b s e n H. G a l b e r g. 1989. *Sprogbrug og misbrug – og andre kønsskifter*, „Nyt fra Sprognævnet” No. 4, s. 4–7.

J a n i k o w s k i K. 1990. *Podręcznik wymowy duńskiej*, Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego.

J e n s e n J. N ø r b y. 2013. *Ændrede bøjningsformer i Retskrivningsordbogen 2012*, „Nyt fra Sprognævnet”, No. 1, s. 18–19.

K a l i s z a n J. 2016. *Rosyjska homografia gramatyczna*, „Folia Scandinavica Posnaniensia”, vol. 20, s. 133–138.

- K a l i s z a n J. 2017. *Homografia wyrazów rosyjskich o homonimicznych formach podstawowych*, „Scripta Neophilologica Posnaniensia”, nr XVII, s. 129–133.
- K a r k e r A. 1995. *Sproghistorisk oversigt*, [w:] *Politikens Nudansk Ordbog & Sprogbrugsleksikon*, 15. udg., København: Politikens Forlag, s. 69–87.
- OR. 2006. *Kánon sb., kanón sb. – og kanón adj.*, „Nyt fra Sprognævnet”, No. 1, 10–11.
- R a j n i k E. 1999. *Gramatyka języka duńskiego. Morfologia*, Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM.
- R a j n i k E. 2014. *Podstawy gramatyki języka duńskiego z ćwiczeniami*, 2. wyd. popr., Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM.
- R a s m u s s e n J. 2005. *Sig det med takt og tone. Dansk fonetik i teori og praksis*, Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM.
- S a n d e r s e n V. 2006. *Når trykket afgør betydningen*, „Nyt fra Sprognævnet”, No. 3, s. 1–3.
- S k a u t r u p P. 1944. *Det danske sprogs historie*, bind I, København: Nordisk Forlag.
- S z u b e r t A. 2003. *Englische Entlehnungen im Dänischen. Morphologie und Wortbildung*, Poznań: ad rem.
- S z u b e r t A. 2013. *Om engelske låneords grammatiske køn i dansk*, „Studia Scandinavica et Germanica. Vom Sprachlaut zur Sprachgeschichte” (= „Germanica Wratislaviensia. Varia 1”), herausgegeben von J. Jarosz, S. M. Schröder, J. Stopyra, Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, s. 301–311.
- S z u l c A. 1988. *Języki grupy północnej*, [w:] *Języki indoeuropejskie*, t. 2. Red. L. Bednarczuk, Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, s. 748–779.

KULINARIA W ŚWIADOMOŚCI JĘZYKOWEJ
POLAKÓW, ROSJAN I NIEMCÓW
(ASPEKT AKSJOLINGWISTYCZNY)

FOOD IN THE LANGUAGE AWARENESS
OF POLES, RUSSIANS AND GERMANS
(AXIOLINGUISTIC PERSPECTIVE)

BARBARA RODZIEWICZ

ABSTRACT. The article is an attempt at establishing a way of understanding the term Food in the systems of values in the language awareness of Poles, Russians and Germans. The author analyses the results of a Free Word Association Test.

Keywords: values, associative experiment, food, language awareness

Barbara Rodziewicz, Uniwersytet Szczeciński, Szczecin – Polska, rodziew@vp.pl

*Przyjemność brzucha
jest podstawą i korzeniem
wszelkiego dobra.*

Epikur

Spożywanie posiłku, obok, między innymi, przedłużenia rodu, bezpieczeństwa i zdrowia, należy do pierwszoplanowych potrzeb realizowanych przez kulturę gatunku ludzkiego [Szacki 2002: 662], należy do elementarnych funkcji życiowych, służy zaspokajaniu potrzeb wiscerogennych. Jednocześnie jednak jedzenie jest czymś więcej niż tylko prostą czynnością konieczną z punktu widzenia biologii. Oprócz zadania fundamentalnego – zaspokajania głodu i podtrzymania życia – jedzenie pełni również szeregi innych ról, sytuujących je wśród szczególnie ważnych czynników i wyznaczników kultury. Zdobywanie pokarmów, ich dobór, przechowywanie, przygotowanie do spożycia, formy jedzenia, czas i miejsce oraz okoliczności spożywania posiłków, kształtujące zwyczaje i obrzędy żywieniowe, świadczą o przynależności do określonej zbiorowości (społeczności) i kręgu kulturowego. Za tym, iż jedzenie wykroczyło poza swoją podstawową funkcję i stało się elementem szeroko pojmowanej współczesnej przestrzeni kulturowej przemawiają również między innymi propagowane społecznie ruchy żywieniowe (jak choćby Slow Food), performatywne projekty artystyczne,

rozwój blogosfery kulinarnej w Internecie, pojawienie się wyspecjalizowanych kulinarnych kanałów telewizyjnych, wzrost popularności publikacji o charakterze kulinarnym. „Kulinaria stały się rozrywką, sposobem spędzania wolnego czasu, sztuką, ideologią, pracą” [Ciastoń 2014: 163].

Jak słusznie zauważa Ewa Jędrzejko, „historia kulinariów jest rodzajem toczącego się od wieków dyskursu, który wyznacza rozmaite porządki kultury, wierzenia i rytuały, zwyczajowe nakazy i zakazy, symbolikę, związki z *sacrum* i *profanum*, społeczną stratyfikację” [Jędrzejko 2007: 16]. Dodam, iż jedzenie jest podmiotem nie jednego, lecz wielu rozmaitych dyskursów, „jest rodzajem siatki (topiki, jak by to określiła antyczna retoryka), na której z powodzeniem można розміścić wszystkie nauki, jakie nazywamy dziś społecznymi i humanistycznymi” [Barthes 2008: 79], co wynika z przesłanki, iż jest ono nie tylko powszechnym faktem społecznym, ale także niezaprzeczalnie konstruktem kultury, rozkłada się więc na wiele projektów, znajdując w pewnym, relatywnie szerokim zakresie odzwierciedlenie również w języku.

Analizy związków języka i kultury to prowadzone od kilkadziesiąt lat badania nad tak zwanym językowym obrazem świata (JOS), definiowanym między innymi przez Jerzego Bartmińskiego, który przyjmuje, iż JOS

jest zawartą w języku, różnie zwerbalizowaną interpretacją rzeczywistości dającą się ująć w postaci zespołu sądów o świecie. Mogą to być sądy „utrwalone”, czyli mające oparcie w samej materii języka, a więc w gramatyce, w słownictwie, w kliszowanych tekstach (na przykład przysłowia), ale także sądy presuponowane, to jest implikowane przez formy językowe, utrwalone na poziomie społecznej wiedzy, przekonania, mitów i rytuałów [Bartmiński 2006: 12].

Rekonstrukcja językowego obrazu świata jest przedmiotem studiów kilku dyscyplin językoznawczych. Szczególne miejsce zajmuje ona w lingwistyce kulturowej, lingwistyce antropologicznej i etnolingwistyce. Obiektem badań języka w funkcji określanej przez Edwarda Sapira mianem „symbolicznego przewodnika po kulturze” [cyt. za Wierzbicka 2007: 16] (w tym również po kulturze kulinarnej) może być literatura piękna i użytkowa, twórczość ludowa, teksty precedensowe, aforyzmy, paremie, frazeologizmy. Wyjątkowo interesujące są zwłaszcza badania porównawcze nad interkulturowym JOS. Znajomość i prawidłowa recepcja pojęć funkcjonujących w obrębie danej społeczności językowej pozwala bowiem przewidywać i identyfikować sposób działania jej uczestników, co z kolei warunkuje skuteczne porozumienie pomiędzy nimi, dialog międzykulturowy.

Niniejsza refleksja jest głosem językoznawcy, humanisty i aksjologa w dyskusji nad znaczeniem oraz potencjałem kulinariów w wyrażaniu i kreowaniu tożsamości oraz ich miejscem w systemie wartości. W szerszym kontekście nawiązuje ona do przeprowadzonych przeze mnie międzykul-

turowych aksjolingwistycznych badań nad konceptualizowaniem wartości w świadomości językowej współczesnych użytkowników trzech języków, polskiego, rosyjskiego i niemieckiego.

Pojęcie ludzkiej świadomości pojawiło się stosunkowo dawno, bo już w pracach greckich stoików. Zainteresowanie problematyką świadomości ożyło i skryształizowało się w XIX wieku wraz ze samostanowieniem się i rozwojem psychologii jako nauki. W oparciu o psychologiczne koncepcje, rozpatrujące język jako podstawowe narzędzie wyrażania stanów psychicznych (między innymi teorię intencjonalności) rozwinęło się współczesne językoznawstwo kognitywne, analizujące transcendentną wartość wyrażań językowych, które są semantycznie przezroczyste, czyli nie zatrzymują uwagi na sobie, lecz kierują się ku rzeczywistości pozajęzykowej [Pietrzyk 2006: 101]. Badania zależności między językiem, mową i świadomością potwierdziły, iż świadomość może być przedmiotem studiów prowadzonych na pograniczu psychologii i językoznawstwa. Współistnienie obu tych dyscyplin naukowych pozwoliło na wypracowanie pojęcia świadomości językowej. Eksploracja świadomości językowej definiowanej jako „całokształt poziomów świadomości, formowanych i uzewnętrznianych za pomocą środków językowych: słów, związków wyrazowych, zdań, tekstów i pól asocjacyjnych” [Тарасов 2000: 26]¹ – swoistego pomostu pomiędzy niematerialną tożsamością człowieka a materialną rzeczywistością – otwiera możliwość dotarcia do tego, co jest niedostępne dla zmysłów, do wszelkich procesów psychicznych, które zachodzą w umyśle człowieka, do idei, wartości, koncepcji, percepcji świata – do tożsamości jednostki. Przeprowadzone przeze mnie badania mieszczą się z jednej strony w nurcie psycholingwistyki, badającej zależności między procesami psychicznymi związanymi z posługiwaniem się językiem a procesami przetwarzania informacji przez ludzki umysł [por. Kurcz 1976: 53], z drugiej strony w koncepcji poznawczej wspomnianych współczesnych analiz językowego obrazu świata (prowadzonych w ramach lingwistyki kulturowej, w której „język jest traktowany jako jej warunek wstępny, implikator, składnik [...] oraz interpretator i interpretant zawierający najistotniejsze treści kultury” [Anusiewicz 1995: 10]), których głównym zadaniem jest badanie relacji język – kultura – społeczeństwo – rzeczywistość oraz specyfiki narodowo-kulturowej świadomości

¹ Świadomość językowa bywa również utożsamiana z kompetencją językową. Definiuje się ją bowiem jako:

zawarty w pamięci długotrwałej zasób obrazów znaków językowych oraz wiedzę o ich użyciu obejmującą system wartości i ocen (emocjonalnych, estetycznych, moralnych, funkcjonalnych) oraz postaw. [...] Na świadomość językową składają się zatem uświadamiane lub nie wzorce, to jest normy, stereotypy i wyobrażenia, ukształtowane na podstawie dotychczasowych doświadczeń lub przejęte od otoczenia w gotowej postaci [Porayski-Pomsta 1999: 70-71].

językowej z punktu widzenia utrwalonych w niej podobieństw i różnic, determinujących skuteczność porozumienia międzykulturowego.

Podstawę metodologiczną eksploracji świadomości językowej Polaków, Rosjan i Niemców stanowi eksperyment lingwistyczny, polegający na psychofizjologicznym badaniu czasowych związków międzywyrazowych, tak zwany test werbalnych asocjacji. Celem eksperymentu jest określenie pól asocjacyjnych słów-bodźców wskazujących na związane z danym słowem treści przechowywane w pamięci użytkowników języka. Jedną z form eksperymentu asocjacyjnego jest badanie skojarzeń swobodnych, polegające na podaniu w ciągu siedmiu sekund pierwszego słowa, które przychodzi na myśl po usłyszeniu wyrazu hasłowego². Badani otrzymują ankiety, na których znajdują się słowa-bodźce (stymulanty). Zadanie polega na wpisaniu obok stymulanta – reakcji (werbalnej), czyli wyrazu, który pierwszy pojawi się w ich świadomości – przyjdzie im na myśl. Uzyskany w ten sposób materiał językowy pomaga dotrzeć do kulturowo utrwalonego systemu znaczeń, który odzwierciedla struktury mentalne funkcjonujące w świadomości językowej. Zastosowana metoda badawcza zapoczątkowana przez Francisa Galtona (1879) i po raz pierwszy opisana przez niemieckiego psychologa Alberta Thumba i językoznawcę Karla Marbe [Thumb, Marbe 1901], mieści się w obszarze studiów i analiz zapoczątkowanych w Polsce w latach 60. XX wieku przez Idę Kurcz [Kurcz 1967: 122–127], podejmowanych później między innymi przez Jadwigę Puzyninę, Jerzego Bartmińskiego, Walerego Pisarka, Michaela Fleischera i Annę Wierzbicką, w Rosji przede wszystkim przez Aleksieja Leontiewa, Natalię Ufimcewą, Jewgienija Tarasowa i Tatianę Uszakową.

Test skojarzeń werbalnych pozwala wniknąć w utrwaloną w mentalnych strukturach rzeczywistość, zinternalizowaną i przefiltrowaną przez zbiorową świadomość użytkowników danego języka i uczestników danej kultury; pozwala również ujawnić różne elementy systemu pojęciowego badanej społeczności, kumulującego nie tylko indywidualne, ale i kolektywne doświadczenia, przede wszystkim zaś rejestrującego związki z rodzimą historią i tradycją, z obecną w danej zbiorowości językowej symboliką, z wyznawanym w niej i powszechnie akceptowanym systemem wartości.

Przeprowadzone przeze mnie wspomnianą metodą masowe badanie nad systemem wartości reprezentantów trzech społeczności językowych (w teście asocjacyjnym uczestniczyło 1500 osób, po 500 studentów polsko-, rosyjsko- i niemieckojęzycznych w wieku 18–25 lat, w równej mierze kobiety i mężczyźni) miało na celu przede wszystkim rekonstrukcję treści wy-

² Zob. założenia i obszerny komentarz metodologiczny do praktyki przeprowadzania masowych eksperymentów asocjacyjnych w pracy E. И. Горошко [Горошко 2001] oraz w monografii B. Rodziewicz [Rodziewicz 2014].

branych jednostek aksjologicznych. Na liście słów-bodźców znalazło się dwadzieścia nazw wartości³ (społecznych, estetycznych, moralnych, transcendentnych, odcuciowych, prestiżowych i witalnych), między innymi RODZINA / СЕМЬЯ / FAMILIE, TRADYCJA / ТРАДИЦИЯ / TRADITION, PRACA / РАБОТА / ARBEIT, WOLNOŚĆ / СВОБОДА / FREIHEIT, PIĘKNO / КРАСОТА / SCHÖNHEIT, MIŁOŚĆ / ЛЮБОВЬ / LIEBE, PRZYJEMNOŚĆ / УДОВОЛЬСТВИЕ / VERGNÜGEN, SZCZĘŚCIE / СЧАСТЬЕ / GLÜCK, SUKCES / УСПЕХ / ERFOLG, ŻYCIE / ЖИЗНЬ / LEBEN, ZDROWIE / ЗДОРОВЬЕ / GESUNDHEIT. Wśród wyrazów hasłowych wykorzystanych w eksperymencie lingwistycznym nie znalazło się pojęcie kulinariów / jedzenia. W świetle definicji normatywnych formułowanych przez rozmaite dyscypliny naukowe rozpatrujące zagadnienia aksjologiczne (filozofię, psychologię, socjologię, pedagogikę i in.) jedzenie nie jest bowiem wartością *sensu stricte*. Próżno też szukać kulinariów w licznych teoriach i klasyfikacjach wartości. Także zasoby systemowe badanych języków (zwłaszcza klasyczne definicje dostępne w jednojęzycznych źródłach leksykograficznych) z reguły abstrahują od jedzenia / kulinariów jako bytu aksjologicznego⁴. Jednakże jak podkreśla antropolog Michael Herzfeld, „odczuwanie cielesne i wartość kulturowa bezustannie wchodzą ze sobą w związki zależności” [Herzfeld 2004: 336]. Również penetracja świadomości językowej Polaków, Rosjan i Niemców w kontekście wartości dostarcza dowodów, iż kulinaria mogą być i po części są *implicite* jednym z podogniwi systemu aksjologicznego, gdyż pojawiają się w sieciach skojarzeniowych stworzonych przez uczestników testu asocjacyjnego wokół wyrazów hasłowych, wchodząc w zakres treściowy wybranych pojęć – wartości.

Nie ma pełnej zgodności wśród badanych różnojęzycznych respondentów odnośnie do łączenia i wpisywania kulinariów w kontekst konkretnych (powtarzających się niezależnie od zróżnicowania systemów językowych przedstawicieli trzech poddanych eksperymentowi zbiorowości) jednostek systemu aksjologicznego. Wartościami, w których profilu asocjacyjnym pojawiają się werbalizowane w różny sposób kulinaria, odnotowane w ankietach zarówno przez Polaków, jak i Rosjan oraz Niemców, są przyjemność, tradycja i zdrowie.

Najwięcej asocjacji nazywających kulinaria lub odnoszących się w różnych aspektach, np. określonego smaku, do czynności jedzenia (werbalizowanych za pomocą słów: polskich – *czekolada, słodycze, jedzenie, lody, alkohol*,

³ Zob. pełny wykaz analizowanych nazw wartości oraz kompletne wyniki badań B. Rodziewicz [Rodziewicz 2014].

⁴ Pośrednio w tworzeniu aksjologizowanych pól pojęciowych (np. pola bogactwo – bieda) uczestniczą sparemiologizowane i s frazeologizowane nazwy potraw i napojów [por. Jędrzejko 2007].

coca-cola, coś słodkiego, cukier, cukierki, kawa, lody czekoladowe, łakocie, mleko, piwo, tort; rosyjskich – шоколад, мороженое, еда, сладости, сладкое, алкоголь, сладость, кофе, алкогольные напитки, баунти, вкусняшки, ежевика, кола, конфеты, яблоко; niemieckich – Essen, Schokolade, Zuckerwatte)⁵ skupiło się wokół pojęć PRZYJEMNOŚĆ / УДОВОЛЬСТВИЕ / VERGNÜGEN. Badani werbalizują przyjemność, jakby intuicyjnie podążając za wysuniętą przez współczesnego filozofa Zygmunta Baumana tezą:

Ciało ponowoczesne jest przede wszystkim odbiorcą wrażeń. Spożywa ono i trawi przeżycia. Korzystając z przyrodzonej zdolności reagowania na podniety, jest narzędziem przyjemności. [...] Sprawne jest ciało wrażliwe, chłonne, nastrojone na absorpcję przyjemności; wszelkiego rodzaju przyjemności – seksualnych, gastronomicznych, wzrokowych czy słuchowych. [...] Idzie głównie o wrażenia – które winny być pasjonujące, zachwycające, czarujące, ekstatyczne [Bauman 2008: 99].

Trzon katalogu werbalnych skojarzeń większości młodych uczestników eksperymentu wywołanych przez słowa-bodźce PRZYJEMNOŚĆ / УДОВОЛЬСТВИЕ / VERGNÜGEN stanowi przyjemność doświadczana konkretnymi zmysłami właśnie. W katalogu źródeł przyjemności (czynników przyjemności-dających) badani umieścili kulinaria obok kontaktów intymnych i aktywności fizycznej. Wyraźnie rysuje się zatem estetyczno-hedonistyczna (dostarczanie przyjemności smakowej), służebna, instrumentalna funkcja kulinariów jako elementu struktury aksjologicznej zakorzenionej w mentalnych strukturach respondentów.

W świadomości językowej ankietowanych Polaków, Rosjan i Niemców utrwalił się związek kulinariów z tradycją, jedną z wartości społecznych, które noszą znamiona niepowtarzalności i są szczególnie cenne w stanowieniu tożsamości zbiorowej; wartością wypełniającą rozmaite funkcje, między innymi funkcję poznawczą, edukacyjno-wychowawczą i socjalizującą, funkcję ceremonialno-obrzędową i kulturotwórczą oraz funkcję integracyjną. To tradycja kształtuje odrębność kulturową społeczności, buduje więź wewnątrzgrupową oraz zaspokaja potrzebę przynależności i auto-identyfikacji jednostki. Kulinaria są tym obszarem, w którym do głosu dochodzi tak zwana wielka tradycja⁶. Reakcje polskojęzyczne na słowo-bo-

⁵ Asocjaty podają zawsze w kolejności częstości cytowań – od najczęściej przytaczanych.

⁶ W antropologii kulturowej przyjęty jest modelowy podział Roberta Redfielda na tradycję wielką (great tradition) i małą (little tradition). Tradycja wielka (tradycja w skali makro) określana jest też mianem społecznej lub narodowej. Tradycja mała (tradycja w skali mikro), genetyczna, to transmisja pokoleniowa o charakterze obyczajowym, zachodząca w niewielkich środowiskach lokalnych, ograniczona do określonego terytorium lub konkretnej zbiorowości, na przykład rodziny, por. [Aktualizacje Encyklopedyczne. Suplement... 1997, IV: 319].

dziec TRADYCJA, zwerbalizowane słowami i wyrażeniami *wigilia, pierogi, chleb, 12 potraw na wigilię, bigos, pierogi z kapustą i grzybami, pierożki z kapustą i grzybami, rosół w niedzielę, wigilijny stół*, oraz odpowiedzi niemieckojęzyczne wywołane wyrazem-bodźcem TRADITION, zwerbalizowane słowami *Abendmahl, Essen, Weihnachtsessen, Wein*, i reakcje rosyjskojęzyczne na wyraz hasłowy ТРАДИЦИЯ, wyrażone za pomocą słów *блины, пряники, хлеб, каравай, каравай, пироги, стол, чай*, pozwalają zidentyfikować kulinaria jako część tradycji utożsamianej z dziedziczną z pokolenia na pokolenie spuścizną kulturową i obrzędową (mam na myśli zwłaszcza celebrowanie świąt i związanych z nimi posiłków oraz spożywania uchodzących za tradycyjne świątecznych potraw), czyniąc ją tym samym ważną konstytuentą systemu wartości rozumianych jako idee spajające daną zbiorowość, kształtujące kierunki rozwoju życia i ładu społecznego wspólnoty.

Nieco słabiej usieciowiony jest związek kulinariów z pojęciami ZDROWIE / ЗДОРОВЬЕ / GESUNDHEIT, korespondujący z modelem zdrowia, który nawiązuje do idei *healthismu*⁷. Asocjaty mieszczące się w obszarze kulinariów skupione na tej płaszczyźnie akcentują związek zdrowia z określonym stylem życia, który w świadomości ankietowanych przybiera najczęściej postać werbalizacji sposobów odżywiania, por. odpowiedzi w języku polskim – *jabłko, owoce, jabłka, jedzenie owoców, sport i owoce, wódka, ziółka*; odpowiedzi w języku rosyjskim – *еда, овощи и фрукты, здоровая пища, зелень, питание, сок, фрукты*; odpowiedzi w języku niemieckim – *Ernährung, Obst, Essen, Apfel, Buttermilch, Gemüse*. Sytuowanie kulinariów w zasobie treściowym zdrowia jako ogniwa systemu aksjologicznego potwierdza ich status quasi-wartości służebnej, narzędzia do osiągnięcia innych wartości lub celów, wywierając przemożny wpływ na zachowanie i obraz życia badanych.

Jedzenie wyraźnie wpisuje się w społeczny kontekst. W sieciach asocjacyjnych generowanych przez umysły respondentów polsko- i rosyjskojęzycznych i tylko przez nich leksyka wchodząca wprost lub pośrednio w zakres pola semantycznego kulinariów – polskie słowa *obiad i wigilia* oraz rosyjskie słowa *кухня, майонез, хлеб, сок* – pojawia się w charakterze reakcji na wyrazy hasłowe RODZINA i СЕМЬЯ. Kulinaria zyskują w tym aspekcie nowy wymiar – rodzina to nie tylko układ przestrzenny, organizowany przez osoby – członków rodziny – i miejsce (przestrzeń) ich pobytu, lecz także obszar tworzony przez szereg elementów o wymowie symbolicznej, obszar jednoczący domowników, wzmacniający i utrwalający więzi międzyludzkie, zwłaszcza wspólnotowe, co nie pozostaje zapewne bez wpływu na poczucie bezpieczeństwa.

⁷ Idea *healthismu* przejawia się w propagowaniu zdrowia jako doskonałej kondycji fizycznej i psychicznej w połączeniu z wyidealizowaną estetyką ciała. Ten narzucany przez kulturę masową tak zwany zdrowy styl życia wymaga między innymi prozdrowotnych praktyk odżywiania, por. [Weimann 2012: 53].

Kulinaria jako podogniwo systemu wartości mogą nosić znamiona spoiwa społecznego i narodowego. Potwierdzenie przekonania badanych o takiej właśnie funkcji jedzenia odnajdujemy nie tylko w lokowaniu go w profilu asocjacyjnym tradycji. Ten właśnie wymiar kulinariów zakotwiczony w strukturach mentalnych polsko- i niemieckojęzycznych uczestników testu ponownie znajduje poświadczenie, tym razem w konotowaniu jedzenia z pojęciami OJCZYŻNA i HEIMAT⁸. Ankietowani Polacy reagują w tej części eksperymentu na proponowany stymulant słowem bigos, Niemcy – słowem Essen. W obu przypadkach jedzenie jest elementem o nacechowaniu więzi i wspólnototwórczym, odsyłającym do pojęcia tak zwanej „małej ojczyzny”, ojczyzny regionalnej (nie ideologicznej, państwowej).

Inną wartością, przy której swobodnym i nieukierunkowanym konceptualizowaniu ankietowani sięgają po pojęcie kulinariów jest życie, wartość fundamentalna, bez której urzeczywistnianie wszystkich pozostałych ogniwo systemu aksjologicznego jest niemożliwe. Słowa *jajko* i *Essen* znalazły się w wykazie reakcji przytoczonych przez reprezentantów zbiorowości polsko- i niemieckojęzycznej na stymulanty ŻYCIE i LEBEN. Polscy studenci akcentują znaną w wielu kulturach i religiach symbolikę jajka jako znaku nowego życia i odrodzenia, podczas gdy niemieccy zwracają uwagę na związek jedzenia z zaspokajaniem podstawowych potrzeb i czynności istotnych dla podtrzymania funkcji życiowych organizmu, jeszcze raz eksponując jego instrumentalną funkcję, która umożliwia realizację potrzeb wyższego rzędu.

Ostatnią wartością, która według badanych ma związek z jedzeniem jest praca. Konotacje takie wywołuje wyraz hasłowy ARBEIT. W niemieckojęzycznych ankietach pojawiły się następujące odpowiedzi: *Lohn und Brot* oraz *nur wer arbeitet kann essen*. Jedzenie utożsamiane jest w tej konceptualizacji ze swoistą nagrodą za trud, ma zatem wyraźne nacechowanie aksjotyczne.

Podsumowując niniejsze rozważania o kulinariach w świecie wartości młodych Polaków Rosjan i Niemców, można stwierdzić, iż pod pewnymi warunkami jest to pojęcie o lekkim zabarwieniu aksjotycznym. W świadomości językowej Rosjan, a zwłaszcza Polaków i Niemców kulinaria tworzą sieci skojarzeniowe z szeregiem wartości. Są to wartości witalne, takie jak zdrowie i życie, wartości odczuciowe – przyjemność oraz wartości społeczne – tradycja, rodzina, ojczyzna i praca. Wśród konstituent wartościotwórczych referowanego pojęcia znalazła się między innymi zdolność wywołania pozytywnych stanów emocjonalnych, a co za tym idzie – powiązanie z wymiarem duchowym człowieka, funkcja wytwarzania więzi wspólnotowych i kulturowych, pankulturowość i emblematyczność. Sytuowanie

⁸ Oddzielnym problemem, któremu jednak z braku miejsca nie poświęcam uwagi w moich rozważaniach na temat kulinariów, jest ekwiwalencja tychże pojęć. Więcej na ten temat zob. [Rodziewicz 2014: 170–171] oraz [Pojęcie ojczyzny... 1993].

kulinariów w obszarze treściowym wymienionych wartości zachodzi jednakże relatywnie rzadko, znajdując odzwierciedlenie w liczbie reakcji wyrażonych adekwatnymi słowami przytaczanymi przez badanych – maksymalnie 28 odpowiedzi, co stanowi niezbyt duży odsetek ogółu werbalizacji pozyskanych w wyniku eksperymentu aksjolingwalnego.

Bibliografia

- Aktualizacje Encyklopedyczne. Suplement do Wielkiej Ilustrowanej Encyklopedii Powszechnej Wydawnictwa „Gutenberga”. 1997. Red. A. Grzegorzczak, t. 4: *Kultura-sztuka*, Poznań, s. 319.
- A n u s i e w i c z J. 1995. *Lingwistyka kulturowa. Zarys problematyki*, Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego.
- B a r t h e s R. 2008. *Czytanie Brillat-Savarina*, [w:] *Antropologia ciała. Zagadnienia i wybór tekstów*. Oprac. A. Chałupnik, J. Jaworska i in., wstęp i redakcja M. Szpakowska, Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, s. 72–80.
- B a r t m i ń s k i J. 2006. *Językowe podstawy obrazu świata*, Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- B a u m a n Z. 2008. *Ponowoczesne przygody ciała*, [w:] *Antropologia ciała. Zagadnienia i wybór tekstów*. Oprac. A. Chałupnik, J. Jaworska i in., wstęp i redakcja M. Szpakowska, Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, s. 95–102.
- C i a s t o ń A. 2014. *Kucharz na szklanym ekranie, czyli o różnorodnych obliczach programów kulinarnych*, [w:] *W garnku kultury. Rozważania nad jedzeniem w przestrzeni społeczno-kulturowej*. Red. A. Drzał-Sierocka, Gdańsk: Wydawnictwo Naukowe Katedra, s. 161–176.
- H e r z e l d M. 2004. *Antropologia. Praktykowanie teorii w kulturze i społeczeństwie*. Przekład M. M. Piechaczek, Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego.
- J ę d r z e j k o E. 2007. *O polskiej kulturze kulinarno-biesiadnej z perspektywy etnopsychologii*, [w:] *Pokarmy i jedzenie w kulturze. Tabu, dieta, symbol*. Red. K. Łeńska-Bąk, Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, s. 13–33.
- K u r c z I. 1967. *Polskie normy powszechności skojarzeń swobodnych na 100 słów z list Kent-Rosanoffa*, „*Studia Psychologiczne*”, nr (8), s. 122–127.
- K u r c z I. 1976. *Psycholingwistyka*, Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- P i e t r z y k I. 2006. *Lingwokulturowa koncepcja świadomości językowej*, [w:] *Славянские языки в свете культуры*. Red. M. A. Алексеенко, Москва-Щецин-Грайфсвальд: ООО „А Темп”, s. 99–108.
- Pojęcie ojczyzny we współczesnych językach europejskich*. 1993. Red. J. Bartmiński, Lublin: Wydawnictwo POwWJE – Pojęcie Ojczyzny we Współczesnych Językach Europejskich.
- P o r a y s k i - P o m s t a J. 1999. *Komunikacja językowa*, [w:] *Nauka o języku dla polonistów*. Red. S. Dubisz, Warszawa: Wydawnictwo „Książka i Wiedza”, s. 70–71.
- R o d z i e w i c z B. 2014. *Wartości. Polacy – Rosjanie – Niemcy*, Szczecin: Volumina.pl.
- S z a c k i J. 2002. *Historia myśli socjologicznej*, Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- T h u m b A., M a r b e K. 1901. *Experimentelle Untersuchungen über die psychologischen Grundlagen der sprachlichen Analogiebildung*, Leipzig: W. Engelmann.

- W e i m a n n N. 2012. *W stronę demedycyzacji. Well-being i slow movement jako alternatywa dla biomedycznego modelu zapobiegania chorobie*, [w:] *W zdrowiu i w chorobie... Z badań antropologii medycznej i dyscyplin pokrewnych*. Red. D. Penkala-Gawęcka, I. Main, A. Witeska-Młynarczyk, Poznań: Wydawnictwo Biblioteka Telgte.
- W i e r z b i c k a A. 2007. *Słowa klucze. Różne języki – różne kultury*. Przekład I. Duraj-Noosielska, Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego.
- Г о р о ш к о Е. И. 2001. *Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента*, Москва–Харьков: Изд. группа „РА-Каравелла”.
- Т а р а с о в Е. Ф. 2000. *Актуальные проблемы анализа языкового сознания*, [w:] *Языковое сознание и образ мира*. Red. Н. В. Уфимцева, Москва: Институт языкознания РАН, s. 24–32.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО
ПОЛЯ „ПАМЯТЬ” / „PAMIĘĆ” В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

THE PHRASEOLOGICAL REPRESENTATION OF THE CONCEPTUAL
FIELD "MEMORY" IN THE RUSSIAN AND POLISH LANGUAGES

ANDRZEJ SITARSKI

ABSTRACT. In the article the author analyses Russian and Polish phrasemes that represent the conceptual field "Memory" in both linguacultural spaces. In order to do this he relies on the postulates of Ryszard Tokarski's theory of semantic connotation being the theory of the secondary semantic field, which constitutes the optional layer of the lexical meaning of a linguistic sign.

On the basis of the conducted analysis of the selected phraseological data it can be concluded that the Polish and Russian commonsense attitude to the semantic interpretation of memory is similar. Additional connotative senses can be determined in this case, which are of an evaluative, emotional and stylistic nature.

Keywords: memory, conceptual field, semantics, axiological field, connotation

Andrzej Sitarski, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Poznań – Polska,
sitarski@amu.edu.pl

Настоящая статья посвящена концепту „Память” — одному из ключевых в человеческом языке и культуре. Ценности существуют в жизненном опыте каждого человека. Они имеют решающее значение в определении качества его жизни, влияют на образование интегрирующей его личности и на самоопределение. Ценности являются, несомненно, основным критерием духовного развития человека, осознания им факта самого человеческого бытия. Связанные с человеком, они являются движущей силой его действий. Одной из таких ценностей, вне сомнения, является память. Память выступает одним из центральных конструкторов языка. В основе современного интереса к памяти, как отмечает Н. Г. Брагина, лежит переживаемое человеком чувство ускользящего времени [Брагина 2007: 13]. В настоящее время память как термин включена в разные исследовательские области. Д. Кун в *Большой энциклопедии психологии* определяет память как психическую систему для получения, кодирования, хранения, систематизации, изменения и воспроизведения информации [Д. Кун 2007: 324]. С. А. Кузнецов

в *Большом толковом словаре русского языка* интерпретирует память как способность запоминать, сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления [Кузнецов 1998: 777]. Е. Бральчик дефинирует память, как: 1. *Zdolność umysłu do przyswajania, przechowywania i odtwarzania doznanych wrażeń, przeżyć, wiadomości.* 2. *Wspomnienie, upamiętnienie kogoś lub czegoś.* 3. *Urządzenie w komputerze służące do przechowywania i udostępnienia danych.* 4. В прошлом: *przytomność, świadomość* [*Słownik 100 tysięcy potrzebnych słów* 2005: 532].

Память имеет определяющее значение для человеческой жизни. Без памяти человек не может существовать. В памяти сохраняется прошлое, она оказывает влияние на человека в отношении системы ценностей.

Память тесно связана с языком и речью. Согласно мнению Е. С. Кубряковой, „функциональное описание памяти связывает ее с участием во всех речемыслительных процессах, т. е. во время обработки информации, происходящей в особенно явном виде в процессах порождения и восприятия речи [*Краткий словарь когнитивных терминов* 1997: 116].

В когнитивной семантике ключевым понятием, используемым в процессе анализа языковых объектов, является концепт, который в качестве термина используется исследователями, занимающимися вопросами языкового представления результатов человеческого познания. В *Кратком словаре когнитивных терминов* отмечается, что „главными компонентами архитектуры когниции / разума считаются обычно память и внимание” [*Краткий словарь когнитивных терминов* 1997: 13]. Феномен памяти рассматривается часто как один из субъектов внутреннего мира человека, его ума или души. Обратим внимание на тот факт, что в настоящее время понятие „память” расширяет свое значение, с одной стороны, по направлению к биологии, психологии или высокоразвитой технологии, с другой — в сторону ее обыденной интерпретации или ощущения к ней некоторой дистанции. Согласно положениям когнитивной семантики, как отмечает И. Ю. Никишина, из концептов составляется семантическое пространство языка, а по семантическому пространству можно судить о структуре знаний в их конкретно-национальном преломлении [Никишина 2002: 184]. О. А. Корнилов подчеркивает, что уникальность вербального отражения мира предопределяется особенностями национального склада мышления, а также различиями двух составляющих — природной среды и материальной культуры, которые даны представителю этноса в непосредственных ощущениях [Корнилов 2001: 259].

В настоящей статье исследуется концептуальное поле „Память” при помощи семантического анализа русских и польских фразеологических единиц, вербализующих концепт „Память”. Память в этом слу-

чае осмысливается преимущественно посредством метафор и сравнений на основе человеческой рефлексии. Концептуальное поле представляет собой возможность рассматривать связь ядра концепта, которым в нашем случае является вербализующая его лексическая единица *память* с ассоциативными связями с указанной лексемой, ее дериватами, всеми видами синонимических и антонимических связей, т. е. совокупностью семантически связанных и экстралингвистически обусловленных элементов, представляющих фрагмент определенной действительности. Таким образом, концептуальное поле — это содержательная категория, зафиксированная в языковых единицах данного лингвокультурного этноса, а концептуальный анализ лексической единицы „память” направлен от единицы смысла к языковым формам их выражения, в нашем случае к русским и польским фразеологизмам, осмысливающим концепт „Память”.

В настоящей статье ограничимся семантическим анализом русских и польских фразеологизмов, содержащих в своей структуре слово *память* или другие лексемы, соотносящиеся с понятием „память”. С этой целью мы обратились к данным русских и польских фразеологических словарей. Принимая во внимание семантическое описание языкового объекта с точки зрения когнитивной парадигмы, в нашем случае фразеологических единиц, которое в семантической характеристике учитывает более широкий спектр его значимых свойств, мы приняли во внимание теорию семантической коннотации, которая в интерпретации Р. Токарского заключается в том, что

w semantycznym obrazie słowa pewien zespół cech nasuwa się na myśl od razu, jest bez trudu rozpoznawalny przez użytkowników języka. Tworzy on znaczeniowe jądro słowa. Natomiast inne cechy są rzadsze, trudniej odtwarzalne w opisie, ale także ich aktualizacja wymaga przywoływania specyficznych kontekstów słownych. Te elementy „drugiego planu semantycznego”, właśnie konotacje semantyczne, tworzą fakultatywną otoczkę pojęciowego rdzenia — znaczenia leksykalnego [Tokarski 2008: 144].

Теория семантической коннотации, по нашему мнению, позволяет создать возможность восстановления закрепленных его пользователями в языке способов понимания слова, а также создавать возможность интерпретации динамических изменений его значения, употребленного в речи. Подчеркнем, что коннотация является характерной чертой анализируемых фразеологизмов, материализующих концепт „Память”, отмеченных в русском и польском языках, она является их свойством. Опыт человека, вытекающий из общения с внешним миром, мотивирует качество ассоциацией с содержанием изучаемого понятия „память”, но в конечном итоге, именно слово *память* является носителем его

содержания. Трудно, однако, не согласиться с мнением Е. Бартминьского, что необоснованным было бы понимание значения без учета обыденного восприятия мира человеком. Е. Бартминьски подчеркивает, что „styl potoczny wraz z jego wyznacznikami (antropocentryzm, konkretność, metaforyczność) stanowi centrum stylowych odmian języka [Bartmiński 2003: 115]. Обратим внимание также на то, что в настоящее время, благодаря приобретению человеком образования, доступу к достижениям науки, распространению научно-популярной литературы, все большее влияние на восприятие и понимание мира имеет научное знание, которое существенным образом оказывает влияние на семантическое образование дефиниции слова.

Прежде, чем перейти к анализу собранного фразеологического материала, подчеркнем, что „Память” — это абстрактный концепт, в содержании которого велика доля оценочного компонента и ситуативного фактора. На интерпретацию приводимых фразеологизмов, образующих концептуальное поле „Память”, накладывает отпечаток аксиологическое поле, содержащее оценочность памяти, а также эмоциональный и социокультурный компоненты, которые определяют связь человека с его этнокультурными традициями и ментальными процессами, происходящими в его уме по отношению к памяти. Суть лингвокультурологической характеристики фразеологизмов, вербализующих концепт „Память” в русском и польском языках, заключается, согласно мнению М. Л. Ковшовой, в глубинной, культурной мотивированности анализируемых фразеологизмов, описании их языковой и культурной семантики, экспликации ментальных операций, которые происходят в сознании носителя языка при выборе или восприятии того или иного фразеологизма в речи [Ковшова 2012: 409].

В русском и польском языках концепт „Память” представлен значительным числом фразеологических сочетаний. В настоящей статье фразеологизмы понимаются широко. К ним, кроме собственно идиом, относятся устойчивые словосочетания, пословицы, клишированные высказывания. Для иллюстрации языковой реализации фразеологической картины концепта „Память” послужили 104 примера польских и 109 примеров русских устойчивых сочетаний слов, вербализующих рассматриваемый концепт. Материал для анализа почерпнут из русских и польских лексикографических источников, фамилии составителей которых и заглавия указаны в библиографии настоящей статьи.

Уже предварительный анализ собранного материала позволяет заявить, что в анализируемых фразеологизмах отчетливо проявляется позиция человека, определяющего смысл памяти, поэтому рассматриваемые фразеологические единицы позволяют констатировать, что в их семантике содержится антропоцентрический смысловой аспект, рас-

крывающий вербальное отношение человека к памяти. В их семантику вложены определенные коннотативные смыслы.

Аксиологический положительный смысл *памяти* в русском и польском языках реализуется следующими фразеологизмами: *быть в твердой памяти*; *быть в здравом уме*; *врезаться (запасть) в память*; *держат / удержат / удерживать в памяти*; *хранить / сохранять / сохранить в памяти*; *запечатлеться / остаться / сохранился / удержаться в памяти*; *всплывать в памяти*; *перебирать в памяти / в уме / в голове / в мыслях*; *не выходит из памяти*; *на свежую память*; *приходит на память*. В польском материале мы отметили следующие фразеологизмы, наделенные положительной оценочной коннотацией: *zapaść komuś w pamięć*; *od świętej pamięci*; *cofnąć się pamięcią*; *coś zapada komu w pamięć*; *utkwic w pamięci*; *utrwalić w pamięci*; *wbić sobie w pamięć*; *zachować coś w pamięci*; *zapisać sobie w pamięci*; *pamięć nie zawodzi*; *jak pamięcią sięgnąć*; *mieć (co) w pamięci*. Обращает на себя внимание факт, что как в русском, так и в польском материале отмечены атрибутивные коллокации (имя прилагательное + имя существительное) с положительной аксиологической коннотацией *памяти*, напр.: *хорошая память*; *свежая память*. С. Скорупка приводит следующие примеры атрибутивных коллокаций с лексемой *память*: *łatwa pamięć*; *wdzięczna pamięć*; *gruntowna pamięć*; *niestychana pamięć*; *niepospolita pamięć*; *niezawodna pamięć*; *wyborna pamięć*; *zadziwiająca pamięć*. Отрицательная оценочная характеристика получила закрепление в следующих русских и польских фразеологизмах и атрибутивных коллокациях: *дырявая память*; *девичья память*; *короткая память*; *куриная память*; *птичья память*; польск.: *ślaba pamięć*; *kurza pamięć*; *dziurawa pamięć*.

Интересно отметить, что многие устойчивые словосочетания, образующие концептуальное поле „Память”, содержат смысл утраты памяти, забвения, напр.: *отшибло память*; *кануть в Лету*; *выпускать из памяти*; *упускать из виду*; *передавать забвению*; *сдать в архив*; *изгладилось из памяти*; *провал в памяти*; *выживать из памяти*; *выпадать из памяти*; *вычеркнуть из памяти*; *захлестнуть в памяти*; *из памяти вон*. Фразеологизмы с указанным смыслом отмечены также в польском материале: *coś wyleciało (komuś) z głowy*; *trać (zgubić) wątek*; *odjąć (komuś) pamięć*; *stracić pamięć*; *wywietrzało z pamięci*; *coś ulatuje, wylatuje, wypada wychodzi (komu) z pamięci*; *zatrzeć (co) w pamięci*; *pamięć zawodzi*, *zapomnieć o czymś na śmierć*. Обратим внимание, что примеры, образующие смысловую картину памяти в русском и польском языках, характеризуются различной стилистической окраской, что обосновано разными ассоциациями и убеждениями человека в отношении свойств памяти. Восприятие человеком памяти пополняет ее денотативную характеристику, поэтому смысловая структура *памяти* обогащается ощущениями и мыслью человека о качестве

памяти, напр.: *врезаться (запасть) в память; хранить (сохранить) в памяти; запечатлеться (удержаться) в памяти; всплывать в памяти; перебирать в памяти; не выходит из памяти; быть в памяти*; польск.: *wbić sobie do głowy; żywa kronika; wykić na blachę; zapisać komuś w pamięć; pamięć wraca; zachować co we wdzięcznej pamięci; utkwić w pamięci; utrwalić w pamięci; zapisać sobie co w pamięci; pamięć nie zawodzi; mieć dobrą pamięć; mieć co w pamięci*. Приведенные примеры русских и польских устойчивых сочетаний слов связаны с позитивной коннотацией человеческой памяти, однако подчеркнем, что положительные оценочные смыслы, содержащиеся в указанных фразеологизмах, тесно связаны с мыслительным субъективизмом человека и его способом оценки памяти.

Проанализированный материал позволяет выделить фразеологические единицы, определяющие ритуальную память. Они служат выражению воспоминания об умершем человеке, о котором говорят с уважением, почтением, напр.: *блаженной памятью; незабвенной памятью; вечная память; быть верным памяти кого-л.; оставить память о ком-л.; оставлять о себе (по себе) память; увековечить память кого-л.*; польск.: *zachować kogoś w pamięci; zostawić po sobie zaszczytną pamięć; świętej pamięci; być godnym pamięci; nieodżałowanej pamięci; cześć jego pamięci*.

В некоторых фразеологизмах сохраняются представления человека о памяти во временном контексте, касающемся прошлого, напр.: *по старой памяти; вечер памяти; на памяти*; польск.: *za ludzkiej pamięci; stawać (stanąć) komuś przed oczami; jak przez mgłę; od świętej pamięci; cofnąć się pamięcią do czego; przebiegać pamięcią; żyć pamięcią (czyją); coś (ktoś) staje komu w pamięci; jak pamięcią sięgnąć*.

Приведенные примеры фразеологических единиц, заполняющих концептуальное поле „Память” в русском и польском лингвокультурном пространстве, позволяют утверждать, что они метафорически номинируют данный концепт, обогащая его смыслами, отличающимися от дефиниции памяти с научной точки зрения, и выявляя, таким образом, особенности обыденного восприятия памяти русскими и поляками. В двух сопоставляемых языковых сознаниях наблюдаются, прежде всего, сходства, связанные с вербализацией концепта „Память”. Можно сказать, что обыденное отношение русских и поляков к феномену памяти совпадает. Данный концепт не только мыслится, но и эмоционально переживается носителями русского и польского этносов. В результате в их семантике прослеживаем определенную систему коннотативных, в частности и эмоциональных, а также стилистических смыслов.

Библиография

- Большой толковый словарь русского языка. 1998. Ред. С. А. Кузнецов, Санкт-Петербург: Изд-во „Норинт”.
- Б р а г и н а Н. Г. 2007. *Память в языке и культуре*, Москва: Изд-во „Языки славянских культур”.
- К о в ш о в а М. Л. 2012. *Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры*, Москва: Изд-во Кн. дом „ЛИБРОКОМ”.
- К о р н и л о в О. А. 2001. *Языковые картины мира как производные национальных менталитетов*, Москва: Изд-во Академия.
- Краткий словарь когнитивных терминов*. 1997. Ред. Е. С. Кубрякова и др., Москва: Изд-во Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова.
- К у н Д. 2007. *Основы психологии. Большая энциклопедия. Все тайны поведения человека*, Москва: Изд-во „Прайм-Еврознак”.
- Н и к и ш и н а И. Ю. 2002. *Понятие „концепт” в когнитивной лингвистике*, [в:] *Язык, сознание, коммуникация*, Москва: Изд-во МАКС Пресс.
- Język w kręgu wartości. Studia semantyczne*. 2003. Red. J. Bartmiński, Lublin: Wydawnictwo UMCS.
- Słownik 100 tysięcy potrzebnych słów*. 2005. Red. J. Bralczyk, Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Т о к а р с к и R. 2008. *Konotacja a problemy kategoryzacji. Język a Kultura*, t. 20, Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego.

Лексикографические источники

- Б и р и х А. К., М о к и е н к о В. Н., С т е п а н о в а Л. И. 2009. *Словарь фразеологических синонимов русского языка*, Москва: Изд-во: АСТ-Пресс.
- Польско-русский фразеологический словарь*. 2004. Сост. К. Гюлумянц, Минск: Изд-во Экономпресс.
- Фразеологический словарь русского языка*. 1967. Ред. А. И. Молотков, Москва: Изд-во „Советская энциклопедия”.
- Фразеологический словарь современного русского литературного языка*. 2004. Ред. А. Н. Тихонов, Москва: Изд-во: Флинта, Наука.
- С к о р у п к а S. 1977. *Słownik frazeologiczny języka polskiego*, t. 1-2, Warszawa: Wydawnictwo: Wiedza Powszechna.
- Słownik frazeologiczny w układzie tematycznym i alfabetycznym*. 2005. Red. W. Głuch, Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.

УРБАНОНИМИЧЕСКАЯ ОМОРЕФЕРЕНТНОСТЬ В УСТНОЙ РУССКОЙ РЕЧИ*

URBANONYMIC OMO-REFERENCE IN SPOKEN RUSSIAN

АНТОНИНА ЩЕРБАК

ABSTRACT. The idea of the Polish scientist, Jerzy Kaliszan, regarding the omo-reference of the facts of word-formation and form-formation in the Russian language is developing on the basis of Russian urbanonyms; it has been established that the formation of targeted linear inner city objects determines the internal dynamism of the grammatical system of the language, expands the fund of verbal resources, increasing the nomination possibilities and expanding the national linguistic picture of the world.

Keywords: Urbanonymic system, microubanonyms, word-formation, omo-reference

Антонина Щербак, Тамбовский университет им. Г. Р. Державина, Тамбов — Россия, ant_scherbak@mail.ru

На современном этапе развития лингвистики ученые активно обращаются к рассмотрению параллелизма слово- и формообразования в русском языке, отмечая общность основных принципов и механизмов порождения ономастических единиц и словоформ [Щербак 2016: 357–362].

Польский ученый Ежи Калишан обращает особое внимание на такое явление, как „омореферентность” – одинаковая или близко функциональная направленность некоторых типов словообразовательных или грамматических структур [Kaliszan 2005]. Ученый подчеркивает, что словообразование и формообразование, сосуществуя друг с другом, могут порождать параллелизм слово- и формообразования, который находит место, например, в смысловом аналогизме между слово- и формообразованием (*сверхважный и важнейший*) [там же: 68].

Явление оморереферентности не получило достаточного освещения в научной ономастической литературе. Развивая идею Ежи Калишана, обратимся к ономастической оморереферентности на примере частного случая – образование российских урбанонимов, которые являются мощ-

* Работа выполнена в рамках реализации РФФИ за 2017 г., проект № 15-04-00379а.

ным фактором, определяющим превращение урбанонимических единиц в особые словоформы.

Развитию современной теории и методики урбанонимических исследований во многом способствовали лингвистические работы, которые рассматривали топонимическую лексику как самостоятельную подсистему языка – совокупность имен собственных, которые называют любые реальные, гипотетические и фантастические географические объекты в языке данного народа. Эта совокупность имен позволяет говорить об урбанонимии как особо организованном топонимическом пространстве [Суперанская 2009].

Как известно, термин урбаноним, введенный в обиход А. В. Суперанской, прочно закрепился в ономастической литературе. Традиционно названия линейных городских объектов объединяются термином *урбаноним*, зафиксированным в словаре русской ономастической терминологии: „Вид топонима. Собственное имя любого внутригородского топографического объекта, в том числе агороним, годоним, хороним городской, экклезионим, ойкодомоним” [Подольская 1988: 139].

Наряду с термином урбаноним для названий адресных линейных внутригородских объектов используется и термин *микротопоним* (по аналогии со словами микрорайон, микроклимат, микроландшафт) [Широков 2002]. Урбанонимы, как правило, относятся к микротопонимам, так как известны лишь ограниченному кругу людей, проживающих в определенной местности. Иными словами, термины „урбаноним” и „микротопоним” в данном случае используются как синонимы.

Между тем, выделяется целый ряд терминов, характеризующих объекты внутригородского пространства, в число которых входят *микротопонимы* (названия любых городских линейных объектов, не имеющих официальной закреплённости и употребляющихся только в сфере устного общения), *эргонимы* (названия коммерческих предприятий), *микродримонимы* (названия парков), *ойкодомонимы* (названия зданий), *годонимы* (названия адресных линейных объектов: аллеи, проспекты, проезды, площади, переулки, набережные, улицы, тупики, шоссе и т. п.), *агоронимы* (названия городской площади, рынка) [Подольская 1988: 6, 27, 52, 83, 139, 151; 10]. В. И. Супрун справедливо отмечает, что

традиционные ономастические термины нуждаются в уточнении и системном изложении. Современное состояние ономастической теории и практики использования имен собственных в различных сферах человеческой деятельности требует разработки нового русского терминологического словаря [Супрун 2011: 135–136].

Современный разговорный дискурс являет собой живую речь во всем многообразии ее проявлений, и в случае, когда в общении исполь-

зуются подобного рода ономастические единицы, наглядно проявляется признак компрессии языковой формы. В свое время большое значение принципу экономии в языке придавали Л. В. Щерба, А. Мартине, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Е. Д. Поливанов, подчеркивающие принцип экономии как естественное проявление обыденной речи [Поливанов 1968: 59]. В нашем случае проявление действия принципа экономии языка отмечается в уменьшении конечных слогов в неофициальных названиях линейных адресных внутригородских объектов, где конечные форманты как бы „выветриваются”, т. е. происходит усечение языковой формы. В результате появляются новые слова, расширяется лексический словарь названий внутригородских объектов.

В случае, когда речь заходит о неофициальных наименованиях именно адресных линейных внутригородских объектов (*улица, площадь, бульвар, проспект, набережная, переулок проезд, линия, тупик*), то корректнее, на наш взгляд, использовать термин „микроурбаноним”.

Микроурбаноним – это неофициальное наименование линейного внутригородского объекта, который в силу своей устойчивости в устной сфере употребления и собственной лингвистической словообразовательной маркировки обладает разговорной коннотацией с речевым воздействием на социальные отношения между говорящими.

Микротопонимы и микроурбанонимы как неофициальные названия городских объектов на сегодня отражены в словарях жаргонных слов и выражений. Например, жители Санкт-Петербурга шутливо называют *Васечкой* Васильевский остров [Синдаловский 2002: 35], а город Санкт-Петербург сокращенно называют Питером. Жители Пскова неофициально называют районный центр города Палкино – *Елки-Палкино* [Никитина, Рогалева 2011: 50]. Подобного рода названия имеются во всех городах России, и в совокупности микроурбанонимы, отражая креативную речевую деятельность молодежи, расширяют ономастическое пространство современного города.

Отличительными особенностями микроурбанонимов от собственно урбанонимов являются:

- отсутствие фиксации в официальных документах;
- локальная индивидуальность акта номинации;
- использование в лингвосоциокультурном сообществе;
- тесная связь именования с именуемым городским объектом;
- отсутствие непосредственной связи наименования с понятием (она осуществляется через понятие именуемого линейного объекта в городе);
- присутствие связи смыслового компонента наименования со смысловой линией разговорного дискурса, в котором он употребляется;
- наличие социативного компонента.

В городском урбанонимиконе выделяются линейные и точечные микроурбанонимы, активно используемые в разговорной практике молодежи, несмотря на то, что их не используют в официальных документах, они понятны в молодежной культуре.

К *линейным микроурбанонимам* относятся названия адресных объектов, имеющих линейную протяженность: площади, улицы, проезды, тупики, переулки, шоссе и т. п. Например, в городе Тамбове: улица Астраханская → *Астраханка*, улица Пролетарская → *Пролетарка*, площадь Комсомольская → *Комса*, Первомайская площадь → *Первомайка*, улица Полынковская → *Полынки*, улица Коммунальная → *Коммуналка*, улица Урожайная → *Урожайка*, Моршанское шоссе → *Моршанка*, улица Чичканова → *Чичка*.

К *точечным микроурбанонимам* относятся названия различных городских построек, участки городской территории по месту расположения (магазины, парки, театры, спорткомплексы и т. п.). Например, в Тамбове остановка „Библиотека Пушкина“ и областная библиотека имени Пушкина → *Пушка*, западный район города Тамбова → *Лада* (по магазину „Лада“); район МЖК (по молодежно-жилищному комплексу); по расположенности территории районов города относительно его центра выделяются *Бугор* → северный район, северная часть города → *Муравейник*, *Шанхай: Юг* → южный район города.

Выделяются неофициальные названия районов в городе Рассказово Тамбовской области: *Мальщина*, *Дубняк*, *Центр*, *Бударага*, *Чикотня*, *Чибизовка*.

Таким образом, употребление микроурбанонимов в особых речевых условиях свидетельствует о социальном варианте речи, определенных условиях общения и наличии ассоциативного компонента в семантике микроурбанонима. Ср. диалог двух студентов-филологов, записанный в 2015 году в г. Тамбове:

А.: Ты где?

Б.: Дома, на Первомайке. А ты?

А.: Я на Комсе, в библиотеке.

Б.: А потом куда? На Полынки?

А.: Нет, нужно еще в Пушке посидеть.

Б.: А наши где?

А.: На Моршанке.

Приведенный диалог отражает студенческий жаргон, который определяется устной формой его бытования. Однако приведенные имена собственные (*Моршанка*, *Первомайка*, *Комса*, *Полынки*, *Пушка*), не являясь собственно жаргонными, тем не менее определяют ряд особенностей студенческого жаргона. К их числу относится специфичность урбанонимов, образованных от общеизвестных официальных урбанонимов,

вместо которых используются в данной языковой подсистеме, т. е. имеют с общеупотребительными официальными названиями отдельные морфо-фонетические совпадения.

Причем именно эти морфо-фонетические совпадения служат причиной (следовательно, и основой) для образования таких микроурбанонимов. Речь идет о так называемой „фонетической мимикрии“, в результате которой общеупотребительное название по внешним, формальным омонимическим отношениям связано с микроурбанонимом – усеченным урбанонимом.

Как подчеркивает Ежи Калишан, „четкий параллелизм слово-формообразования обнаруживается в сфере продуктивности используемых ими морфемных средств, в частотности их использования при образовании слов“ [Калишан 2005: 17].

В живой ономастической речи своеобразен суффикс *-к*, с помощью которого чаще всего образуются микроурбанонимы от основ урбанонимов. Этот суффикс порождает не только микроурбанонимы, но и специфический класс урбанонимических единиц локального значения. Таким образом, словообразующий аффикс *-к* в микроурбанимах является одним из дифференцирующих признаков в отражении отношения омонимии официального и неофициального названия адресного линейного объекта современного города. В названиях подобного рода адресных линейных объектов как ономастических знаков устанавливается связь между означаемым – улицей, бульваром, площадью, аллеей и т. п., линейным географическим объектом и уже известным означаемым, взятым в готовом виде или создаваемым из языковых ресурсов.

Обращает на себя внимание тот факт, что если любой урбаноним именуется дважды, т. е. употребляется географический объект (проспект, площадь, улица, тупик, переулок) и его название (ср.: *Красная площадь, Красный проспект, улица Красная, Красный тупик, Красный переулок*), то микроурбаноним теряет указание на географический объект (площадь, улица, бульвар и т. д.), ср.: „*встретимся на Комсе*“, „*встретимся на Пролетарке*“ – „*встретимся на Комсомольской площади*“, „*встретимся на Пролетарской улице*“.

Следовательно, наличие микроурбанонимов в устной речи является семантическим шифром, позволяющим выявлять и описывать функционирование высказываний, заполненных словами, а их отсутствие – это показатель нечленимых, элементарных коммуникативных сигналов. Поэтому для нас первичной является связь понятия микроурбаноним с особым типом речи, а не с понятием „слово“, поскольку микроурбаноним как часть речи – это элемент расчлененного (членимого) типа речи.

Урбанонимы имеют значение, однако актуализация значения урбанонимической единицы соотносится с конкретным линейным объектом: *аллея, улица, переулок, проулок* и т. д. Регистрационный подход к урбанонимам позволяет выявить специфику значения распространенных и высокочастотных онимов только по употреблению названия географических объектов, входящих в урбанонимы, по существу смыкающихся по семантике и по особенностям употребления с именами нарицательными. Так, на картах городов России отмечается частотность широко известного имени собственного при различных географических объектах: *площадь Ленина, улица Ленина, переулок Ленина, проулок Ленина* и даже *тупик Ленина* в с. Советское (Дагестан) и *Ленина 2-й тупик* в городе Железноводск Ставропольского края. В современном городе Санкт-Петербурге имеется *проспект Ленина* (не считая собственно *Ленинского*), *площадь Ленина* и *улица Ленина*. В этом случае отмечается разница в языковом оформлении урбанонимов и разница в парадигматике, и в целом урбаноним передает информацию о географическом объекте.

Таким образом, значение названий адресных линейных внутригородским объектов по своей природе не может быть иным, как только лексико (семантико)-грамматическим. В ономастическом плане оно представляет собой в высшей степени абстрагированное понятие, оформленное грамматически, то есть морфологически и синтаксически.

Использование в молодежной среде микроурбанонимов служит цели самопрезентации, а также манипуляции в социальных отношениях, при которых излишне использовать официальные названия географического термина. Напротив, молодых людей объединяет ненормативность употребления официально оформленных урбанонимов.

Библиография

- К а л и с з а н J. 2005. *Словообразование и формообразования в русском языке*, Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM.
- Н и к и т и н а Т. Г., Р о г а л е в а Е. И. 2011. *Молодежный лексикон г. Пскова. Толковый словарь. Материалы 2001–2011 гг.*, Псков: АНО „Логос”.
- П о д о л ь с к а я Н. В. 1988. *Словарь русской ономастической терминологии*, Москва: Наука.
- П о л и в а н о в Е. Д. 1968. *Факторы фонетической эволюции языка как трудового процесса*, [в:] *Избранные работы. Статьи по общему языкознанию*, Москва: Наука, с. 57–74.
- С и н д а л о в с к и й Н. А. 2002. *История в преданиях*, Санкт-Петербург: Изд-во Норинт.

- С у п е р а н с к а я А. В. 2009. *Ономастика начала XX века*, Москва: Ин-т языкознания.
- С у п р у н В. И. 2011. *Размышления над ономастической терминологией*, „Вестник Волгоградского государственного университета”, № 8 (62), с. 133–138.
- Щ е р б а к А. С. 2016. *Ономастическая номинация и становление семантики урбанонима*, [в:] *Когнитивные исследования языка*, вып. XXV: *Языки человек: проблемы когнитивности и коммуникации*, Москва: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, с. 357–362.
- Ш и р о к о в А. Г. 2002. *Русская урбанонимия в диахроническом освещении: апеллятивно-онимические комплексы*. Автореф. дис. ...канд. филол. наук., Волгоград.

PISOWNIA AFRYKAT C I Č W EWANGELIARZU TIP-7
ZE ZBIORU ROSYJSKIEGO PAŃSTWOWEGO ARCHIWUM
AKT DAWNYCH F. 381, NR 7

SPELLING OF THE AFFRICATES OF C AND Č IN THE GOSPEL BOOK
TIP-7 FROM THE COLLECTION OF THE RUSSIAN STATE ARCHIVE
OF OLD RECORDS, F. 381, NO. 7

ZOFIA SZWED

ABSTRACT. The paper touches upon the phenomenon of interchanging consonants *c* and *č* in the text of the full lectionary from the Russian State Archive of Ancient Acts in Moscow. The research aims at establishing orthographical rules which were followed by the writers of the book, as well as at defining the number and categories of mistakes which were made by the writers while breaking the aforementioned rules. The research findings amount to a linguistic confirmation of the northern origins of the Gospel Book Tip-7. Moreover, the results are the basis for assessing the level of the writers' professionalism and for comparing this old text with other manuscripts created in similar locations and times.

Keywords: Gospel Book, full aprakos, Old Russian language, Old Russian orthography

Zofia Szwed, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Poznań – Polska,
z-szwed@amu.edu.pl

Uwagi wstępne

Ewangeliarz Nr 7 ze zbioru Rosyjskiego Państwowego Archiwum Akt Dawnych (РГАДА ф. 381, № 7), opatrzony przez L. P. Żukowską symbolem Tip-7 (Тип-7) [Жуковская 1976: 362], jest zabytkiem mało znanym i słabo zbadanym. Pod skromnym, niepozbawionym błędów¹, opisem zabytku w katalogu cerkiewno-ruskich rękopisów XI–XIII w., przechowywanych

¹ W opisie treści rękopisu popełniono 5 błędów: karta 6ob urywa się na czytaniu na poniedziałek 2 tygodnia po Zmartwychwstaniu, a nie na niedzielę, jak podano; karta 84 rozpoczyna się od końcówki czytania na piątek szóstego, a nie piątego tygodnia Nowego Łata; tekst na karcie 158ob urywa się na wersecie 13, a nie 12 I rozdziału Ewangelii wg św. Mateusza; tekst na karcie 162ob urywa się na wersecie 5, a nie 4 III rozdziału Ewangelii wg św. Mateusza; karta 163 rozpoczyna się od tekstu Ewangelii wg św. Łukasza III 8, a nie Mateusza III 9.

w rosyjskich archiwach znajduje się spis zaledwie kilku prac, w których można znaleźć wzmianki o Ewangeliarzu [*Сводный каталог...* 1984: 250]. Dotyczą one m.in. ornamentu, cech typologicznych, czasu i miejsca powstania księgi. Brakuje natomiast opracowań języka, które potwierdziłyby te niewystarczająco uzasadnione dotąd dane.

Poczynione przez badaczy próby określenia czasu i miejsca powstania Ewangeliarza nie przyniosły dotychczas jednoznacznych rezultatów. Ramy chronologiczne obejmują okres od XII do XIII, a nawet XIV w., są zatem stosunkowo szerokie [Воскресенский 1896: 41; Жуковская 1968: 264]. Co do miejsca, z jednej strony doszukiwano się podobieństw między Tip-7, a zabytami z południa, halicko-wołyńskimi, z drugiej zaś – wskazywano na północne pochodzenie księgi ze względu na podpis rachmistrza Iwana Chilowa, który rejestrował wyłącznie rękopisy z Pskowa [Покровский 1916: 51–52; por. *Каталог...* 1988: 95]. Wątpliwości zdają się rozwiewać fakty językowe, takie jak formy z połączeniami жг zamiast жд na miejscu dawnych *zdj, *zgj, *zg, charakterystyczne dla dialektu nowogrodzkiego [Живов 2006: 51], np.: ижгенет 18, рожгине 24, дъжгъ 34об bis, ижгеноут сга 38. Na północne pochodzenie Ewangeliarza Nr 7 wskazuje również, niezbadana do tej pory, pisownia afrykat c, č.

Fonetyczna osobliwość dialektu nowogrodzkiego – nierozróżnianie afrykat c i č – stanowiła niemalą trudność dla lokalnych kopistów rusko-cerkiewnych ksiąg. Jak pisze W. M. Żywow, nowogrodzki pisarz dla poprawnego oddania c, č posługiwał się określonymi regułami ortograficznymi, które można zrekonstruować na podstawie analizy błędów, rozumianych jako naruszenie tych reguł². Podobnie uważa N. Stensland [Стенсланд 1985: 27], mimo to obaj badacze proponują alternatywne modele rekonstrukcji takich reguł, różniące się głównie interpretacją zjawiska braku skutków drugiej palatalizacji w dialekcie nowogrodzkim. Żywow opiera swój model na wynikach badań A. A. Zalizniaka, świadczących o tym, że w dialekcie nowogrodzkim druga palatalizacja nie miała miejsca. Koncepcja ta wzbudza wątpliwości Stenslanda [Живов 2006: 132; Зализняк 1982: 71; Стенсланд 1985: 29]. Rekonstrukcja Żywowa wydaje się jednak przekonywująca. Odwołuje się do niej chociażby G. A. Molkow w najnowszych badaniach nad Ewangeliarzem Milaty [Мольков 2015: 683–742]. Zasadnicze elementy modelu wykorzystano również podczas analizy pisowni afrykat c, č w Tip-7.

Rekonstrukcja reguł ortograficznych zaproponowana przez Żywowa przedstawia się następująco.

² Żywow przestrzega przed nieodpowiednim pojmowaniem błędu, który nie jest odstępstwem od, obcych staroruskiemu pisarzowi, ustaleń gramatyki historyczno-porównawczej, a naruszeniem reguł ortograficznych, utworzonych na potrzeby pisarskie określonego czasu i miejsca [Живов 2006: 131, 142].

Reguła A: jeżeli w wymowie słychać [k’], to należy pisać *u*.

Reguła B: jeżeli w wymowie brzmi afrykata, a poprzedzającą literą nie jest *ь* lub *u*, to należy pisać *u*.

Reguła C: jeżeli w wymowie brzmi afrykata, a poprzedzającą literą jest *ь* lub *u*, to *u* należy pisać:

- a) w formie wołacza liczby pojedynczej rzeczowników rodzaju męskiego;
- b) przed sufiksami rozpoczynającymi się na literę *ь* lub *u*;
- c) w formach czasownikowych i derywatach odczasownikowych;
- d) w przymiotnikach dzierżawczych;

w formach przypadkowych rzeczowników, oprócz wołacza liczby pojedynczej rzeczowników rodzaju męskiego, należy pisać *u*.

W odniesieniu do ustalonych reguł Żywow wyróżnił trzy klasy, w których zakresie mogły wystąpić błędy:

- I – refleksy etymologicznego *č poza warunkami III palatalizacji (reguła B),
- I’ – refleksy etymologicznego *č w warunkach III palatalizacji (reguła C),
- II – refleksy II palatalizacji (reguła A),
- III – refleksy III palatalizacji (reguła C) [Живов 1984: 267–269].

Analiza pisowni afrykat w Tip-7

W niniejszym artykule przeprowadzono szczegółową analizę błędów popełnionych w pisowni afrykat *c*, *č* na kartach Ewangeliarza Tip-7. Celem badania jest wskazanie reguł ortograficznych, którymi kierowali się pisarze księgi, a także odnotowanie ilości i kategorii błędów, jakich się dopuścili, naruszając te reguły. Na podstawie wniosków będzie możliwe określenie stopnia profesjonalizmu kopistów, porównanie zabytku do innych rękopisów nowogrodzkich powstałych w podobnym okresie, a także potwierdzenie północnego pochodzenia Tip-7.

W Ewangeliarzu Tip-7 afrykata *c* pojawia się 1467 razy, a afrykata *č* – 2946 razy, co daje sumę 4413. Na tę liczbę użyć przypadają 224 przypadki zamiany afrykat, przy czym *c* stoi na miejscu *č* 128 razy, zaś odwrotna sytuacja powtarza się 96 razy. Niżej zostaną omówione poszczególne kategorie błędów.

1. Błędy wynikające z naruszenia reguły A – klasa II

Zastosowanie reguły A wymagało od pisarza konfrontacji formy rusko-cerkiewnej z wymową – aby napisać prawidłowo np. formę **владыцѣ** (C. I. poj.) pisarz musiał utożsamić ją z wymową [vladyk’e] [Живов 2006: 113]. Taka procedura mogła przysparzać pewnych trudności, o czym świadczą 34 przypadki występowania afrykaty *č* w warunkach II palatalizacji. Większość błędów wbrew regule A dotyczy konkretnych form gramatycz-

nych, w których regularnie zachodziło przejście *k* w *c* przed samogłoskami *ě* oraz *i* pochodzenia dyftongicznego:

- a) M. l. mn. rzeczowników r. m., np.: члвѣчи 17ob, 32, 47ob, 55ob, оученичи 82ob, неправьдъничи 96ob, прѣчи 121ob, книжничи 123;
- b) M. l. mn. przymiotnika r. m., np.: крѣтъчи 29;
- c) Ms. l. mn. rzeczowników r. m. i n., np: цлѣчехъ 58ob, члѣчхъ 159, облачехъ 97ob, 104ob, 133ob;
- d) Ms. l. poj. rzeczowników r. m., np.: подѣлъче 42ob, члѣче 108ob, члѣчѣ 109;
- e) 2 os. l. mn. rozk., np.: пчет сѧ 31, не пчете сѧ 35ob, не пчетъ сѧ 97, рѣ(ч)тъ 34;
- f) 2 os. l. poj. rozk., np.: рчї 96, ръчи 153ob, прорчи 108.

Afrykata *č* zastąpiła afrykatę *c* również w wyrazach zapożyczonych [por. Селищев 1951: 204], w których miała miejsce wymiana *k'* na *c* przed samogłoską przednią: чатоу 60 (rzecz. r. ż., B. poj.), очьтъ 146, 149 (rzecz. r. m., B. poj.), очта 146ob (rzecz. r. m., D. poj.), очтъно 144ob (przym. r. n., B. poj.). Dźwięk *k* przed dyftongiem miały także obcojęzyczne odpowiedniki wyrazów: чѣлованиѣ 166 (rzecz. r. n., M. l. poj.), чѣлованиѣ 122 (rzecz. r. n., B. l. poj.), чѣловаша 87ob (aor. 3 os. l. mn.) – por. st.-rus. цѣловати ≤ *cělъ, st.-prus. kailüstiskan [Фасмер 1987, IV]; мѣногочѣньнѣ 42 (przym. r. m., B. l. poj.), мнoгочѣньна 98 (przym. r. m., D. l. poj.) – por. st.-rus. цѣна, lit. kaina [Фасмер 1987, IV].

2. Błędy wynikające z naruszenia reguły B – klasa I

Błędy tej kategorii występują w Ewangeliarzu Tip-7 znacznie częściej niż błędy kategorii omówionej wyżej. Przypadki pisowni *c* poza warunkami III palatalizacji odnotowano aż 75 razy, chociaż naruszenie reguły dotyczy kilku wymienionych niżej leksemów:

- отроча (rzecz. r. n.): отрoца 90, 160ob, 170 bis (M. l. poj.), отрoца 88, 159ob, 161, 161ob, 162 (B. l. poj.), отрoцатѣ 161 (B. l. poj.), отрoцатѣ 159 (Ms. l. poj.), ѡтрoцатѣ 160ob (Ms. l. poj.), отрoцатъ 88 (B. l. mn.);
- отрочишь (rzecz. r. m.): отрoцишемъ 80 (C. l. mn.);
- притъча (rzecz. r. ż.): притъци 120ob (D. l. poj.), притъци 55, 61ob (C. l. poj.), притъцю 39ob, 42, 93ob, 99 (B. l. poj.), притъци 68ob (Ms. l. poj.), притъцами 59 (N. l. mn.), притъцахъ 26, 39ob (Ms. l. mn.);
- очистити (czas.): оцѣстити 35, 77, 112 (bezokol.), оцѣсти сѧ 35, 77 (2 os. l. poj., rozk.), оцисти сѧ 35 (3 os. l. poj., aor.);
- очишати (czas.): оцишають сѧ 35ob (3 os. l. mn., ter.), оцишантѣ 33, 157 (2 os. l. mn., rozk.);
- очишениѣ (rzecz. r. n.): оцишени 77 (Ms. l. poj.);
- чловѣчь (przym. r. m.): члѣць 85 (M. l. poj.), цлѣвь 106ob (M. l. poj.), члѣца 78 (D. l. poj.);

чловѣчьскѣи (przym. r. m.): **члв(с)цкѣи** (!) 78 (M. I. poj.), **члвц(с)кѣи** 82ob, 131ob (M. I. poj.);
кѣнигъчѣи (rzecz.): **книгъчина** 53, 57 (M. I. mn.), **книгъци** 67ob, 85ob, 87ob (D. I. mn.);
очи (rzecz.): **оци** 16 (B. I. mn.), **оци** 127ob (M. I. podw.), **оци** 19ob, 45ob (B. I. podw.);
обѣчан (rzecz.): **обѣчан** 89, 142 (M. I. poj.), **обѣцаю** 107ob (C. I. poj.);
исѣщи (czas.): **исѣщенъ** 8ob (im. bier. przeszł., M. I. poj.), **исѣщень** 147 (im. bier. przeszł., M. I. poj.);
члдо (rzecz.): **члдо** 34 (B. I. poj.), **члда** 123ob (B. I. mn.);
члѣти (czas.): **члѣмъ** 79ob (1 os. I. mn., ter.), **члѣюше** 11ob (im. czyn. ter. M. I. mn.).

Naruszenie reguły B można zauważyć również w wyrazach: **вѣщѣнѣмъ** 9ob, **паце** 26ob, **льгъцае** 36ob, **црѣвѣ** 38ob, **чловѣцѣ** 78, **обаце** 85ob, **ѡлѣцаеѣ** 105, **меца** 107, **нацаша** 108ob, **рѣць** 112ob, **сѣ** **клячѣтъ** 132, **чинити** 168ob, **далѣце** 175ob. Wątpliwości budzi trzykrotnie użyta forma **издалѣца** 69, 110, 150ob, w której zamiana *e* na *ь* (prawidłowo **издалѣче**) utrudnia interpretację pisowni afrykaty.

Badając pisownię afrykat *c*, *č* w Ewangeliarzu Milaty, G. A. Molokow wyróżnia dwa czynniki, które miały wpływ na pojawienie się błędów w klasie I. Naruszenie reguły B, jak twierdzi, miało miejsce w formach zawierających więcej niż jedną afrykatę oraz w formach, w których na skutek błędu powstawało połączenie *оц*, zapewne pod wpływem bardzo częstej formy **оцѣ** [Мольков 2015: 711]. W materiale Tip-7 więcej niż jedna afrykata występuje tylko w formie rzeczownika **чловѣкѣ** – **чловѣцѣ** i w kilku formach przymiotnikowych, np.: **члѣць**, **члвц(с)кѣи**, tak więc ten czynnik nie wydaje się mieć dużego znaczenia. Jeżeli chodzi o drugi czynnik – połączenie *оц*, to pojawia się ono w stosunkowo licznych słowach, charakteryzujących się dość częstym użyciem. Mowa o formach wyrazów: **отроча**, **отрочишь**, **очистити**, **очищати**, **очищение**, **очи**. Należy przyznać, iż czynnik mógł wywierać istotny wpływ na zamianę afrykaty.

Jak widać, pisarze Ewangeliarza Tip-7 nie zdołali opanować prostych reguł A i B w stopniu doskonałym, o czym świadczą liczne odstępstwa od zrekonstruowanych zasad ortograficznych. Łączna suma błędów w klasach I i II wynosi 109 i, zgodnie z założeniami Żywowa, nie przekracza liczby przypadków naruszenia bardziej złożonej reguły C [Живов 1984: 268]. Niżej zostanie przeprowadzona analiza 115 błędów popełnionych w Ewangeliarzu Tip-7 wbrew regule C. Dwie klasy wyróżnione w jej obrębie – klasa I' i klasa III – będą omówione oddzielnie.

3. Błędy wynikające z naruszenia reguły C – klasa I'

Nieprawidłowości dotyczące pisowni afrykat w danej klasie polegają na użyciu *c* zamiast etymologicznego **č* w warunkach III palatalizacji. Taką

zamianę zarejestrowano 53 razy. W dużej mierze błędy dotyczą stałej grupy często powtarzanych leksemów. Nieprawidłowy wybór afrykаты odnotowano w formie wołacza l. poj. rzeczowników r. m.: *наставьнице* 76 i *оце* 99, 99ob. Kilkanaście pomyłek popełniono w pisowni przed sufiksami rozpoczynającymi się na literę *ь* lub *и* – przede wszystkim w formach wyrazu *жьрьцьскъ* (przym. r. m.): *жьрьцьска* 102ob (D. l. poj.), *жьрьцьскы* 103ob bis (M. l. mn.), *жьрьцьскъ* 87, 103, 109ob (D. l. mn.), *жьрьцьскамъ* 108, 108ob (C. l. mn.), *жьрьцьскыи* 102ob bis (M. l. poj.), *жьрьцьскыа* 102ob, 103, 108ob bis (M. l. mn.), a także w wyrazach: *оїцство* 42ob, 43, 63 (rzecz. r. n., B. l. poj.), *лазлицьныи (!)* 76ob (przym., N. l. mn.) Afrykatę zapisano błędnie w licznych formach i derywatach czasownika *конецати*: *сконьцати сѧ* 22 (bezokol.), *коньцають сѧ* 106ob (3 os. l. poj., ter.), *съконьцають сѧ* 107 i *сконьцають сѧ* 130 (3 os. l. poj., ter.), *сконьцаваху* 81ob (3 os. l. mn., imperf.), *сконьца* 34ob, 42ob, 79ob, 126ob (3 os. l. poj., aor.), *сконьцаша* 160 (3 os. l. mn., aor.), *еси не доконьцалъ* 90 (2 os. l. poj., perf.), *не има(т) исконьцати* 34 (3 os. l. poj., przysz.), *коньцавшемъ сѧ* 74ob (im. czyn. przesz., C. l. mn.) *сконьцавъ* 75 (im. czyn. przesz., M. l. poj.), *коньцание* 42, 66ob (rzecz. r. n., M. l. poj.), *сконьцанинию (!)* 151ob (rzecz. r. n., C. l. poj.), *сконьцание* 42 (rzecz. r. n., B. l. poj.), *коньциноу* 130 i *коньциноу* 133 (rzecz. r. ż., B. l. poj.) G.A. Molkow tłumaczy błędną pisownię afrykаты w wyrazach z rdzeniem – *-конец-* standaryzacją pisowni. Afrykata *c* mogła utrwalić się w świadomości pisarza jako częściej występująca [Мольков 2015: 710-711]. Naruszenie reguły C ma miejsce również w czterech innych, pojedynczych formach czasownikowych: *въскрица* 50ob (3 os. l. poj., aor.), *велицають сѧ* 63ob (3 os. l. mn., ter.), *отѧжьцають* 104ob (3 os. l. mn., ter.), *принице* 175 (3 os. l. poj., aor.).

Jeżeli chodzi o pisownię afrykat w przymiotnikach dzierżawczych, zamianę *č* na *c* odnotowano 8 razy w takich wyrazach, jak: *оїци* 1ob (Ms. l. poj., r. n.), *оїоу* 51 (B. l. poj., r. ż.), *овьци* 11 (Ms. l. poj., r. ż.), *овьции* 17ob (B. l. poj., r. m.), *скоудьланици* 143 (Ms. l. poj., r. n.), *скюдельница* 148 (B. l. poj., r. n.), *правьдницию* 45 (B. l. poj., r. ż.), *въдовица* 122ob (B. l. mn., r. m.). Można przypuszczać, iż błędy w przymiotnikach utworzonych od rzeczowników *отъць*, *овьца* i *въдовица* powstały właśnie pod wpływem form substancjalnych. Rzeczowniki motywujące pozostałe przymiotniki mają z kolei w odmianie formy z refleksami II palatalizacji, co również mogło wywrzeć pewien wpływ na naruszenie reguły ortograficznej.

4. Błędy wynikające z naruszenia reguły C – klasa III

Złamanie reguły C w zakresie klasy III sprowadza się do pisowni afrykаты *č* zamiast *c*, będącej refleksem palatalizacji III. Takie zjawisko ma miejsce w Ewangeliarzu Tip-7 62 razy, przy czym należy tutaj rozgraniczyć dwa typy pomyłek: 1) zamiana afrykаты w formach czasowników na *-ati* i 2) błędny wybór afrykаты w formach przypadkowych rzeczowników.

W czasownikach na *-ati* zachodziła palatalizacja III, dlatego reguła „pisz *ч* w formach czasownikowych i derywatach odczasownikowych”, dotycząca innych czasowników, w tym przypadku nie mogła być zastosowana. Być może błędy w omawianej klasie powstały właśnie pod wpływem pisowni *č* w formach czasowników innych niż na *-ati*. W Ewangeliarzu Tip-7 zarejestrowano 30 nieprawidłowości tego typu, przy czym wszystkie dotyczą zleksykalizowanej pisowni jednego czasownika – **нарицати: нарицають** 67, 72, 95 (3 os. I. poj., ter.), **нарицаєт ся** 33, 43, 149 (3 os. I. poj., ter.), **нарицаєте** 122 (2 os. I. mn., ter.), **нарицають(с)** 129ob (3 os. I. mn., ter.), **не нарицаєт ся** 63ob bis, 122 (2 os. I. mn., rozk.), **наричахуть** 169ob (3 os. I. mn., imperf.), **нарицаємъи** 6, 19, 91, 103ob, 128ob, 130ob i **нарицаємъ** 115ob, 128ob (im. bier. ter., M. I. poj.), **нарицаємоумоу** 143ob (im. bier. ter., C. I. poj.), **нарицаємъи** 15, **нарицаємъи** 20ob, 80ob i **нарицаємаго** 143ob (im. bier. ter., B. I. poj.), **нарицаємоє** 149, 154ob (im. bier. ter., B. I. poj.), **нарицаємъь** 142ob, 154ob (im. bier. ter., Ms. I. poj.), **нарицаємъи** 166ob (im. bier. ter., C. I. poj.).

Pozostałe błędy w klasie III dotyczą 32 form przypadkowych rzeczowników (oprócz wołacza liczby pojedynczej rzeczowników rodzaju męskiego), w których zamiast afrykaty *с* zapisano afrykatę *č*. Największą liczbę błędów odnotowano w formach wyrazu **лицемърь: лицемъри** 52ob bis, 53ob, 60, 122ob bis (M. I. mn.), **лицемъриа** 53ob (D. I. poj.), **лицемъры** 55 (N. I. mn.), **лицемърие** 71 (B. I. poj.). Po kilka nieprawidłowych form zarejestrowano w rzeczownikach **овьца, старьць, отьць** i **лице: овьча** 27, 125ob bis (B. I. mn.), **овьчамъ** 33 (C. I. mn.), **овьчахъ** 152ob (Ms. I. mn.), **старчи** 103 (N. I. mn.), **старчемъ** 108, 143, 148 (C. I. mn.), **о́ча** 113ob (B. I. poj.), **о́чь** 127 (M. I. poj.), **лице** 117 (M. I. poj.), **лице** 121 (B. I. poj.). Naruszenie reguły C w klasie III nastąpiło również w dość licznych pojedynczych przypadkach: **бъчьтьць** 20 (M. I. poj.), **срачича** 79 (B. I. poj.), **слѣпъць** 79 (M. I. poj.), **водовичамъ** 98ob (C. I. mn.), **златичю** 121 (B. I. poj.), **пришьлча** 122ob (B. I. poj.), **чадьча** 134 (M. I. mn.), **десничю** 149 (B. I. poj.), **плащаничею** 150ob (N. I. poj.), **дъщичю** 169ob (B. I. poj.).

Wyniki analizy przypadków naruszenia reguł A, B i C w Ewangeliarzu Tip-7 przedstawiono w poniższej tabeli 1.

Tabela 1
Liczba przypadków naruszenia reguł A, B i C w Ewangeliarzu Tip-7

	Reguła A klasa II	Reguła B klasa I	Reguła C klasa I'	Reguła C klasa III	Razem
Liczba afrykat zapisanych nieprawidłowo	34	75	53	62	224
Odsetek afrykat zapisanych nieprawidłowo	15%	33%	24%	28%	100%

Jak widać, badany rękopis odzwierciedla całe spektrum błędów popełnianych przez nowogrodzkich kopistów w związku z nierozróżnianiem przez nich afrykat *c* – *č*. Z badań wynika, iż pisarzom Tip-7 najmniejszych trudności przysporzyło przestrzeganie reguły A, najczęściej zaś łamano regułę B, jednak tutaj na ogólny współczynnik błędu miało wpływ częste występowanie w tekście poszczególnych leksemów (zwłaszcza: *отроча* i *притъча*). Jeżeliby odrzucić wszystkie błędne formy i derywaty czasownika *нарицати* oraz kilku innych, często powtarzających się leksemów (np.: *коньчати*, *жрьчьскъ*, *лицемѣрь*), zmniejszyłaby się również liczba przypadków naruszenia reguły C. Niemniej jednak, zgodnie z tendencją ujawnioną przez Żywowa w toku badań nad innymi rękopisami nowogrodzkimi [Живов 1984: 268], suma błędów w zakresie klas I' i III, odnoszących się do złożonej reguły C (115 błędów), przewyższa, choć w badanym Ewangeliarzu nieznacznie, sumę przypadków naruszenia prostych reguł A i B (109 błędów). Na podstawie ilości odnotowanych błędów oraz analizy proporcji pomiędzy ich poszczególnymi kategoriami można wyciągnąć pewne wnioski co do stopnia profesjonalizmu pisarzy Ewangeliarza Tip-7.

W rozpatrywanym aprakosie odnotowano łącznie 224 przypadki nieprawidłowego wyboru afrykаты, co stanowi 5% ogólnej liczby 4413 użyć *c* i *č* w całym rękopisie. Taki współczynnik błędu świadczy o raczej słabych umiejętnościach pisarskich kopistów Tip-7. Co prawda w analizowanym przez Żywowa, „najbardziej cokającym” zabytku – *Стихиар* 1157 – współczynnik wyniósł aż 19%, jednak w większości zbadanych przez niego tekstów nie przekraczał 2% (por. *Стихиар* poł. XII w. – 2%, *Октябрьская минея* – 1,53%, *Ноябрьская минея*, pierwszy pisarz – 1,69%, *Декабрьская минея* – 1,15%) [Живов 2006: 98, 101-102, 115, 118, 121]. Takie księgi Żywow ocenia jako napisane „весьма грамотно” [Живов 2006: 98]. W Ewangeliarzu Milaty, do którego Tip-7 jest zbliżony pod względem pewnych cech typologicznych, udział niepoprawnych form jest również niewielki – 2,66% [Мольков 2015: 709].

O niskim stopniu profesjonalizmu pisarzy Tip-7 świadczy nie tylko ogólny odsetek nieprawidłowych form, ale również proporcje między poszczególnymi kategoriami błędów. Im bardziej kompetentny pisarz, tym mniej przypadków naruszenia prostych reguł A i B oraz większa swoboda w stosowaniu złożonej reguły C [Живов 1984: 268]. W Ewangeliarzu Tip-7 ilość błędów w klasie I i II jest bardzo duża, niemal dorównuje ilości błędów w klasach I' i III, co wskazuje na trudności pisarzy w opanowaniu nawet elementarnych zasad ortograficznych.

Jeżeli chodzi o różnice poziomów warsztatu pisarskiego między kopistami Tip-7, to jego ocena nie jest łatwa. Liczba pisarzy i miejsca zmiany „ręki” nie zostały do tej pory określone, zapewne z powodu małych różnic w charakterze pisma poszczególnych pisarzy i częstej zmiany kopisty. Karta

archiwalna dołączona do oryginału księgi zawiera następującą wzmiankę odnośnie liczby kopistów: „Устав в два столбца нескольких (?) почерков” [*Евангелие апракос полный*], tak więc istnieje jedynie przypuszczenie, iż nad tekstem rękopisu pracowały dwie lub kilka osób, nie ma natomiast konkretnych badań, które by to potwierdzały³. Jeżeli poziom kunsztu pisarskiego kopistów byłby w znacznym stopniu zróżnicowany, to na podstawie charakterystyki błędów wynikających m. in. ze stopnia znajomości reguł określających pisownię afrykat można byłoby podjąć próbę wyznaczenia granic każdej „ręki”. Tymczasem błędy wbrew regułom A, B i C występują w całym zabytku i są rozmieszczone równomiernie. Można zatem stwierdzić jedynie, iż pisarze Ewangeliarza Tip-7 opanowali reguły ortograficzne umożliwiające poprawną pisownię afrykat c – č w podobnym stopniu. W porównaniu z umiejętnością posługiwania się tymi samymi regułami przez pisarzy innych zabytków rusko-cerkiewnych poziom znajomości zasad jest niższy.

Wnioski

Współczynnik błędu w pisowni afrykat na kartach Ewangeliarza Tip-7 okazał się nieco wyższy niż w innych, podobnych tekstach, odzwierciedlających cechy gwar północnych. Niemniej znaczna przewaga i współwystępowanie form z poprawnie użytymi c, č świadczą o tym, że kopiści znali i stosowali reguły A, B i C. Błędy wynikające z ich nieprzestrzegania, jak pokazała analiza materiału, były popełniane w całym tekście równomiernie, co wskazuje na podobny stopień umiejętności pisarskich kopistów. Przeprowadzona analiza językowa potwierdza wysuwane do tej pory jedynie na podstawie faktów pozajęzykowych przypuszczenie, iż Ewangeliarz aprakos pełny Tip-7 jest zabytkiem rusko-cerkiewnym sporządzonym na północy lub przez kopistów, którym bliski był dialekt nowogrodzki.

Bibliografia

- В о с к р е с е н с к и й Г., *Характеристические черты четырех редакций славянского перевода Евангелия от Марка по сто двенадцати рукописям Евангелия XI–XVI вв.*, [w:] źródło elektroniczne: <http://books.e-heritage.ru/book/10071568> (30.03.2017).
Евангелие апракос полный. РГАДА ф. 381, № 7, [w:] źródło elektroniczne: http://rgada.info/kueh/index2.php?str=381_1_7&name=%D0%95%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B3

³ Na podstawie wybranego szczegółu paleograficznego – kropki na poprzecznych kreskach w literach **ѡ**, **ѣ**, **и** można przypuszczać, iż Ewangeliarz miał jednego głównego pisarza, który prawie nigdy nie stosował takiej kropki i jednego lub więcej pisarzy, którzy stosowali ją często. Karty, na których odnotowano litery z kropkami to: 25ob, 39, 40, 72–110ob, 131ob–175. Są to wstępne obserwacje, które wymagają uzupełnienia i pogłębienia.

- 3%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%B5%20%D0%B0%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D1%81%20%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D1%8B%D0%B9 (17.08.2017).
- Ж и в о в В. М. 1984. *Правила и произношение в русском церковнославянском правописании XI–XIII века*, „Russian Linguistics”, Vol. 8, с. 251–293.
- Ж и в о в В. М. 2006. *Восточно-славянское правописание XI–XIII века*, Москва: Языки славянской культуры.
- Ж у к о в с к а я Л. П. 1968. *Типология рукописей древнерусского полного апракоса XI–XIV вв. в связи с лингвистическим изучением их*, [w:] *Памятники древнерусской письменности. Язык и текстология*. Ред. В. В. Виноградов, Москва: Наука, с. 199–332.
- Ж у к о в с к а я Л. П. 1976. *Текстология и язык древнейших славянских памятников*, Москва: Наука.
- З а л и з н я к А. А. 1982. *К исторической фонетике древненовгородского диалекта*, „Сер.: Балто-славянские исследования”, Москва: Наука, с. 61–80.
- Каталог славяно-русских рукописных книг XI–XIV вв., хранящихся в ЦГАДА СССР*. 1988, ч. I, Москва.
- М о л ь к о в Г. А. 2015. *Язык и письмо Милятина Евангелия*, „Acta Linguistica Petropolitana”. Труды Института лингвистических исследований. Ред. Н. Н. Казанский, т. XI, ч. 3, Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН.
- П о к р о в с к и й А. А. *Древнее псковско-новгородское письменное наследие. Обзорение пергаментных рукописей Типографской и Патриаршей библиотек в связи с вопросом о времени образования этих книгохранилищ*, [w:] *źródło elektroniczne*: <http://books.e-heritage.ru/book/10073933> (30.03.2017).
- Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв.* 1984. Ред. Л. П. Жуковская, Н. Б. Тихомиров, Н. Б. Шеламанова, Москва: Наука.
- С е л и щ е в А. М. 1951. *Старославянский язык*, ч. I, Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР.
- С т е н с л а н д Н. 1985. *Почему древненовгородские писцы делали так мало ошибок при написании аффрикат „ц” и „ч”*, „Russian Linguistics”, Vol. 9, с. 27–33.
- Ф а с м е р М. 1987. *Этимологический словарь русского языка*, т. 4, Москва: Прогресс.

ИЛЛЮЗИЯ ИНОСТРАННОЙ РЕЧИ
В СТРУКТУРЕ ТЕКСТОВ МИХАИЛА ЗОЩЕНКО

ILLUSION OF FOREIGN-LANGUAGE STATEMENTS
IN THE STRUCTURE OF MIKHAIL ZOSHCHENKO'S TEXT

JAROSŁAW WIERZBIŃSKI

ABSTRACT. Mikhail Zoshchenko creates specific configurations of word and stylistic constructions using foreign-language parentheses in form of separate lexems, expressions and syntactic structures inserted into passages of a protagonist's speech. The phenomenon of compilation of Russian and foreign-language forms [or quasi-foreign – taking into consideration the significant number of distortions] can be illustrated by the short story 'История с переодеванием'. The interlocutors in the text, who in fact cannot speak any foreign language, pretend to use 'foreign' words and expressions, involving themselves in a specific verbal game. Their dialogue consists of collocations carried to absurdity, for example: '...их бин ейне шамбер-циммер Испания. Компрене? Испания. Падеспань'; 'Бу зет Германия, одер, может быть, что-нибудь другое?'. Such words and foreign illogical collocations appear to be a unique stylistic device in Zoshchenko's texts. Their specific features are determined by foreign lexical units usually belonging to several languages. Most frequent are syntactic structures containing Germanisms and Gallicisms. What is more, in Zoshchenko's texts the foreign parenthetical words and expressions are used exclusively in Russian graphics, which leads to certain changes and modifications of their semantic and phonetic structures according to the model of the Russian language. Transliteration does not reflect the adequate articulation of foreign words and, consequently, results in grotesque effects.

Keywords: Mikhail Zoshchenko, textual communication, foreign vocabulary, language game

Jarosław Wierzbiński, Uniwersytet Łódzki, Łódź, – Polska, jarekw@uni.lodz.pl

Изучение особенностей языка и стиля, способов организации словесного материала в художественных текстах получило довольно широкое развитие, о чем свидетельствует предметная литература [см., напр.: Бабенко, Казарин 2004; Борботько 2007; Григорьев 1983; Гиршман 2002; Демидова 1988; Иванчикова 1992; Шанский 1984; Червинский 1984; Язикова 1985; Михайлов 1987; Маслова 2004; Носов 1989; Попов 1990]. Особого внимания в этом плане заслуживает творчество Михаила Зощенко – величайшего русского прозаика XX века. И хотя своеобразие зощенковского слога неоднократно подвергалось анализу как в языковедче-

ской, так и в литературоведческой литературе [см., напр.: Ардов 1992; Виноградов 1928; Жолнина 2007; Салагаев 1973; Ершов 1973; Колева 2013; Старков 1974; Чудакова 1979; Захариева 1989; Вежбински 1991; Drawicz 1985; Mucha 1985; Jackiewicz 1991; Kotkiewicz 2012], в ней есть еще немало лакун, которые ждут своего исследователя. В частности, недостаточно изучены иноязычные вкрапления, которым и посвящена настоящая статья.

Прежде чем мы дадим им рабочее определение, остановимся коротко на общей характеристике словаря и синтаксиса произведений этого писателя, ибо с учетом этого фона понятнее станет зоценковская манера использования данного языкового средства. Зоценковский словарь функционально-стилистически размежеван и богат словами, получившими переосмысление в речевой структуре произведений писателя. Они поворачиваются в ней различными оттенками смысла. „Слово у Зоценко, — замечает Андрей Синявский по поводу *Сентиментальных повестей*, — идет впереди сюжета и управляет сюжетом, который затем реализует это слово” [Синявский 1989: 51]. Такого же взгляда придерживается Дмитрий Молдавский. Рассматривая *Рассказы Назара Ильича господина Синявского*, он отмечает, что в них „Смысловая нагрузка легла не на фабулу, а на язык героя, своеобразный и претенциозный” [Молдавский 1977: 9]. В контексте таких обобщающих и итоговых формулировок важным представляется также наблюдение Анджея Дравича, который усматривает самобытность зоценковского слога преимущественно на двух уровнях — семантическом и синтаксическом [Drawicz 1974: 63].

В структуре зоценковских текстов постоянно наблюдается нарушение закономерностей литературной речи. Различные языковые деформации прослеживаются в них на всех ярусах — фонологическом, морфологическом, лексико-семантическом и синтаксическом. Многие синтаксические конструкции противоречат традиционным принципам сочетаемости слов и построения фраз. В речи зоценковского повествователя в одном синтагматическом ряду совмещаются по существу несовместимые понятия.

Языковые искривления в речи зоценковских героев смешат и обличают одновременно. Сатира писателя направлена на различные пороки в общественной жизни России послереволюционного периода. Она распространяется и на языковую действительность. Особое место здесь отводится неправомерному использованию иноязычных вкраплений, под которыми понимаются лексемы, выражения и предложения чужого языка.

Иноязычные вкрапления достаточно регулярно вовлекаются в языковую ткань текстов писателя, выполняя в них различные функции.

С их помощью достигается не только социально-психологическая характеристика персонажей, но и различные языковые эффекты. Вкрапления — в отличие от заимствований, которые в словарной системе русского языка образуют значительный слой лексики и употребляются в различных стилях языка, — функционируют в основном в рамках индивидуальной речи литературных героев.

Языковое поведение зощенковского повествователя своеобразно и неповторимо. Для достижения определенной цели он может решиться на самые неожиданные и непредсказуемые действия, в случае необходимости может схитрить, прибегая даже к иностранной речи. Таким он, например, предстает в заключительном рассказе *История с переодетвием* из третьего раздела *Коварство* в *Голубой книге*.

Семантико-синтаксическое поле данного рассказа сфокусировано в диалоге с элементами монологической речи посетителя гостиницы и портье. Гость пытается реализовать свое намерение с помощью соответствующих внешних атрибутов:

[...] выворачиваю наизнанку свое резиновое международное пальто с клетчатой подкладкой, напяливаю кепку на нос, покупаю сигару и ее закуриваю и вот в таком неестественном виде со своим экспортным чемоданом вламываюсь снова в эту гостиницу [Зощенко 1987, III: 325],

при котором речевому поведению отведена решающая роль. В связи с этим он начинает свою речь именно с иноязычного вкрапления, которое должно сигнализировать о его статусе интуриста:

— *Ейн шамбер-циммер*, говорю, яволь?

Портье говорит: — Батюшки-светы, никак иностранец к нам приперся. И сам отвечает тоже ломаным языком:

— *Яволь, яволь*. Она, *шамбер-циммер*, безусловно *яволь*. *Битте-дритте*, сию минуту. Сейчас выберу номер, какой получше и где поменьше клопов [Зощенко 1987, III: 325].

И дальше:

Портье, любитель поговорить на иностранном языке, спрашивает:

— *Пардон*, говорит, господин, извиняюсь. *Ву зет* Германия, *одер*, может быть, что-нибудь другое?..

„Черт побери, думаю, а вдруг он, холера, по-немецки кумекает? И сейчас на этом языке разговорится“.

— Но говорю, *их бин ейне шамбер-циммер* Испания. *Компрене?* Испания. *Падеспань* [Зощенко 1987, III: 325–326].

На такое заявление портье отреагировал следующим образом:

— Батюшки-светы, говорит, никак к нам испанца занесло. Сию минуту, говорит. Как же, как же, говорит, знаю, слышал — Испания, *падеспань* [Зощенко 1987, III: 326].

И последовал ответ посетителя:

- *Яволь, говорю, битте-цурбитте*. Несите, говорю, поскорей чемодан в мою номерулю. А после, говорю, мы поговорим, разберемся что к чему.
- *Яволь, яволь*; — отвечает портье; — не беспокойтесь.
- А у самого, видать, коммерческая линия перевешивает.
- Платить-то как, говорит, будете? Инвалют *одер* все-таки неужели нашими? [Зоценко 1987, III: 326].

Что эксплицировано в приведенном тексте?

Коммуниканты не владеют иностранными языками даже на начальном этапе обучения немецкому, французскому или испанскому языку. В речи участников диалога осуществляется своеобразная мистификация путем создания иллюзии свободного собеседования на языке, который воспринимается ими как иностранный. Участники разговора, каждый по-своему, разыгрывают забавную сценку. Их усилия на использование иностранной речи смешны. Диалог выдержан в юмористическом ключе, делая конситуацию в целом комичной.

Портье „знаком” с иностранными языками весьма поверхностно, скорее всего, на основе слышанного. Ему известны отдельные элементы западных языков, усвоенные им, видимо, механически в гостинице за счет вербальных контактов с иностранцами, которые там останавливаются. „Интурист” пользуется иностранной речью в равной мере неудачно, как и портье — „любитель поговорить на иностранном языке”.

Итак, причудливым совмещением русской и „чужой” речи Зоценко достигает особого комического контраста. В квазиинностранной речи содержится множество языковых искривлений, нескладниц и нелепостей, однако зоценковским героям иной раз выгодно оказаться в роли иностранца.

Речь участников диалога представляет собой смесь русских и чужеродных элементов. В диалоге, предполагавшем обмен фразами на иностранном языке, преобладают русские слова и выражения, причем разговорного и просторечного характера (*батюшки-светы, приперся, кумекает, испанца занесло, в мою номерулю, черт побери, холера*). Вовлекаются также иноязычные вкрапления, восходящие к немецкому и французскому языкам. Заметим, кстати, что все они имеют русский графический облик. Характерно, что чужая лексика вводится участниками диалога совершенно произвольно. Ее синтагматическое оформление говорит о том, что герой мыслит на русском языке, что и прорывается в его речи.

Рядом располагаются слова (франц. *chambre*, нем. *Zimmer*), обозначающие одно и то же понятие — *комната*. Диалог демонстрирует словесные объединения, которые доведены до смыслового абсурда. Таким является созвучное сочетание глагола с порядковым числительным, где

нем. *bitte-dritte* переводится буквально *пожалуйста-третий*. Одинаково бессмысленным является соседство нем. *ich bin* с остальной частью предложения, в которой наслаивается уже отмеченное чередование французского и немецкого слов, выражающих смысловое тождество: *eine chambre-Zimmer* Испания. Подобного типа смещение иноязычных компонентов, порождающее межъязыковую тавтологию, составляет одну из отличительных особенностей слога зощенковских героев. Ср. с этой точки зрения перформативное высказывание с глаголами, обозначающими в разных языках идентичное действие: франц. *pardon* и русск. *извиняюсь*.

Многие конструкции рассматриваемого диалога функционируют в искаженном виде. Различные соединения слов лишены семантических связей. В этом убеждает и образование *bitte-zurbitte*, или же вопросительная конструкция с начальным французским вкраплением: *Vous êtes Германия, oder?* [...]. Совмещением элементов, свойственных различным языковым системам, создается в тексте неповторимая словесная конфигурация.

Обращает на себя внимание и тот факт, что участники диалога „пользуются” немецким и французским языками, хотя в разговоре выясняется, это гость является „испанцем”. Сама диалогическая речь предвзвешивается следующим юмористическим рассуждением портъе:

— Знаете, я прямо удивляюсь на современную публику. Как пароход приходит так все непременно к нам. Как будто у нас тут гостиница. Ну — гостиница. Но номеров у нас нет. Переполнение [Зощенко 1987, III: 325].

„Номерный вопрос” выясняется в заключительной части рассказа, которой предшествует эпизод, разоблачающий гостя. Подлинный его статус обнаруживается в момент перемещения чемодана, который

[...] при плохом замке раскрывается. Раскрывается мой чемодан, и, конечно оттуда вываливается, прямо скажем, разная дрянь. Ну там, бельишко залатанное, полукальсоны, мыльце „Кил” и прочая отечественная чертовщина [Зощенко 1987, III: 326].

В рассказе переплетаются две разновидности комизма — языковой и ситуативный. Второй создает своеобразный фон, демонстрирующий несообразность диалогической речи с иноязычными вкраплениями, которые „отобраны” собеседниками.

Указанный тип комизма использован также в рассказе *Западня*. В нем повествователь ссылается на сообщение знакомого поэта, вернувшегося после зарубежной поездки. Оно касается двух эпизодов. Первый связан с герцогиней и происходит в ресторане:

Заказывает она себе *инельклопс* и в разговоре говорит: — Да, знаете, я уже, пожалуй, неделю мясного не кушала.

Ну, поэт кое-как по-французски и по-русски ей отвечает, дескать, помилуйте, у вас *а ла мезон* столько домов, врите, дескать, наворачиваете, прибедняйтесь, тень наводите.

Она говорит: — Знаете, уже полгода, как жильцы с этих домов мне квартплату не вносят. У населения денег нет [Зощенко 1986, II: 234].

Второй эпизод касается лично поэта, оказавшегося в туалете:

Просто так, для смеху. Заглянул — верно ли есть отличие, — как у них и у нас. [...] А после, напевая последний немецкий фокстротик „*Aufwiderzeihn, madam*“, хочет уйти на улицу [Зощенко 1986, II: 235].

Герой не знает, что дверь открывается там механически лишь после спуска воды.

Начал легонько стучать. Никто не подходит. Начал бить ногой в дверь.

Слышит — собирается народ. Подходят немцы. Лопочут на своем диалекте.

Поэт говорит: — Отпустите на волю, сделайте милость.

Немцы чего-то шушукаются, но видать, не понимают всей остроты ситуации.

Поэт говорит: — *Геноссе, геноссе, дер тюр*, сволочь, никак не открывается.

Компренешен. Будьте любезны, отпустите на волю. Дна часа сижу.

Немцы говорят: — *Шпрехен зи дейч?*

Тут поэт прямо взмолился: — *Дер тюр*, говорит, *дер тюр* отворите. А ну вас к лешему!

Вдруг за дверью русский голос раздаётся: — Вы, говорит, чего там? Дверь, что ли, не можете открыть?

— Ну да, говорит. Второй час бьюсь [Зощенко 1986, II: 236].

В приведенном фрагменте текста иностранные слова и фразы изобилуют различными искажениями. Особенно пародийны здесь контаминированные немецко-французские построения. Столкновение в синтагматическом ряду элементов нескольких языков (гибридизация) порождает смысловые несоответствия и синтаксические противоречия.

В зощенковских текстах преобладают иноязычные вкрапления в виде отдельных слов и / или выражений. Такое функционирование вкраплений прослеживается в рассказах: *Отхожий промысел*, *Китайская церемония*, *Обезьяний язык*, *Баня*, *Качество продукции*, *Мадонна*, *Старуха Врангель*, *Жертва революции*, *Иностранцы*, *Веселая жизнь* и в ряде других.

Вкрапления встречаются в речи героев-иностранцев и русских — представителей различных групп и слоев общества. Это может быть генерал:

Ну, *машер, машер*, приехали. Вот взгляните. Кисловодск. Кругом восхитительные места, кавказская природа, [...] [Зощенко 1986, I: 77];

актер: — *Ентре*, Машенка, [...] — *Ентре*, пожалуйста [Зощенко 1986, I: 101];
граф или графиня:

Увидела она меня и говорит сквозь слезы: — Ах, говорит, Ефим, *комси-комса*, не вы ли сперли мои дамские часики, девяносто шестой пробы, обсыпанные брильянтами?

И дальше: — Нет, говорит, не иначе как вы сперли, *комси-комса* [Зощенко 1986, I: 169].

Иноязычные вкрапления передаются в произведениях писателя неоднократно от имени рассказчика. Ср.:

А раз утром девица встала и стучит кулаком в стенку. — Эй, говорит, *мон шер*, нет ли у вас спичек? [Зощенко 1986, I: 252];

Трудный это русский язык, дорогие граждане! [...] Главная причина в том, что иностранных слов в нем до черта. Ну взять французскую речь. Все хорошо и понятно. *Кескесе, мерси, комси* — все, обратите ваше внимание, чисто французские, натуральные, понятные слова [Зощенко 1986, I: 264].

В форме несобственно-прямой речи засвидетельствованы также отдельные англо-американские и немецкие вкрапления. Ср.:

Говорят, граждане, в Америке бани очень отличные. Туда, например, гражданин придет, скинет белье в особый ящик и пойдет себе мыться. Беспокоиться даже не будет — мол, кража или пропажа, номерка даже не возьмет. Ну, может, иной беспокойный американец и скажет банщику: — *Гут бай*, дескать, присмотри. Только и всего [Зощенко 1986, I: 278];

Хозяйка, *мадам* Гусева, дама честная, ничего про нее такого не скажешь, намекнула немчику перед самым отъездом — дескать, *битте-дритте*, не впопыхах ли изволили заграничную продукцию оставить. Немчик головой лягнул, дескать, *битте-дритте*, пожалуйста, заберите, об чем разговор, жалко, что ли [Зощенко 1986, I: 365].

Характер иноязычных вкраплений с точки зрения их семантико-грамматической корректности неодинаков. Объясняется это преимущественно спецификой зощенковского повествователя в разной степени искажающего их. Ср. высказывания одного из повествователей, который решительно меняет прежний образ жизни, что связано с его продвижением по службе:

Раньше-то и внимания не обращал — что это за такой Невский, какие на нем люди ходят и магазины какие. [...] А на тротуарах этих разнообразнейшие люди фланируют и спешат некоторые... И все перед тобой чуть что — извиняются... А ты идешь этаким испанцем, небрежной, что ли, походкой и все — *пардонк*, гражданин, *пардонк*, сударыня. И все сторонятся [Зощенко 1986, I: 117].

Очередное высказывание героя касается женщины, которой он интересуется:

Нынче что-то ее не встретил. [...] Обожду. Завтра еще и лучше. [...] Завтра [...] долг мне Сережка Петухов отдаст. А вдруг — не отдаст? Отдаст. Скажу, дескать, ужасно как требуются деньги. Нужда, скажу, в презренных дензнаках. А причина, хе-хе, — *шерше ля фам... Шерше ля фам!* Этакое, правда, великолепное изречение! Французы это придумали [Зощенко 1986, I: 120].

Степень адаптации чужеродных вкраплений различна. Небезынтересно то обстоятельство, что некоторые из них получили в русском языке достаточно широкое распространение и перешли в ранг разговорно-просторечных. Такими являются, к примеру, лексемы *баста* (итал. *basta*), *пардон* (франц. *pardon*), *мерси* (франц. *merci*), производные семемы слова *шабаши* (от др.-евр. *Šabbath*). Они встречаются в таких произведениях писателя, как: *Протокол*, *Семейное счастье*, *Суконное рыло*, *Контролер*, *Гибель человека*, *Мерси*, *Анна на шее*, *Последняя неприятность*, *Счастливейший случай* и др. Ср. примеры:

[...] мы теперь, знаете ли, на кухне бросили стряпать... Без плиты обходимся. В столовую ходим. — Да с! — воскликнул довольный хозяин. — *Баста!* Новую жизнь начали. [...] Пуцай и баба свободу узнает... [Зощенко 1986, I: 263];

Организм у слесаря Гаврилыча был неважный. [...] Как, например, получит человек деньги, отойдет от кассы, так и *шабаши*. Такая настает жажда — беда. Прямо беги в первую портерную и пей дюжину. И то мало. Не залить всей жажды [Зощенко 1986, I: 290].

Имеются контексты, в которых рассматриваемые лексемы дублируют соответствующие русские наименования, выполняя особую стилистическую функцию. В этом случае одно и то же значение передается вкраплением и русским словом. Проиллюстрируем такие параллельные смыслы:

Его, голубчика, как раз вселили в этом году. Конечно *мерси* и *спасибо*, что вселили, а то он у своих родственников проживал [Зощенко 1986, I: 439],

ср. также синонимическое образование:

В довоенное время давали [...] всякие медали с разными словами: „*Мерси*, *благодарю*, вот вы какой”. И так далее [Зощенко 1986, II: 249];

Я ничего. Ну, пихнули. Эка штука. В трамвае ведь. Это свидетели требуют: иди, говорят, обязательно в милицию. — *Извиняюсь, пардон*, — сказал один из свидетелей. — Я тоже видел... Нельзя допустить... Протокол чтобы... [Зощенко 1986, I: 164];

Кончено. Баста. Никакой жалости к людям не осталось в моем сердце [Зощенко 1986, I: 352].

Следует отметить, что все иноязычные вкрапления передаются в текстах Зощенко при помощи букв русского алфавита. Это показательно, поскольку фонологические системы языков имеют немало раз-

личий. Иноязычные вкрапления в данном случае осваиваются русским языком, получая соответствующее оформление, отражающее особенности русского произношения. Чужие по происхождению единицы подчиняются законам фонетики русского языка, претерпевая порой существенные звуковые изменения. Особенно хорошо это показано писателем в речи персонажей-иностранцев. Ср. некоторые высказывания зощенковского повествователя: „Немцы говорят: — *Шпрехен зи дейч?*“ [Зощенко 1986, II: 236], вместо *Sprechen Sie deutsch?*; „Француз отвечает: — *Коман?* В чем дело? Об чем речь? [...]“ [Зощенко 1986, I: 421], вместо *Comment?* Транслитерация иностранных слов и фраз не отражает здесь их правильного произношения. В ряде случаев такой прием воспроизведения иностранной речи приобретает гротескную форму.

Язык произведений Зощенко являет собой образец прямой противоположности шаблонной, трафаретной речи. Этим обеспечивается оригинальность и самобытность слога писателя, в котором стилистическая значимость иноязычных вкраплений играет большую роль. Они способствуют созданию особой эмоциональной настроенности и экспрессивной насыщенности литературного произведения.

Иноязычные вкрапления в русской художественной речи имеют давнюю традицию. Они являются существенным компонентом речевой структуры в произведениях А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова и др. авторов.

Творчество Зощенко перекликается с произведениями ряда писателей, и это проявляется во многих отношениях. Наиболее тесная связь прослеживается у него с Чеховым, хотя исследователи справедливо отмечают одновременно гоголевское начало у автора *Аристократки*. О гоголевско-чеховской традиции в творчестве Зощенко см. указанные работы Д. М. Молдавского, Л. Ф. Ершова, М. О. Чудаковой и др.

При сопоставлении особенностей функционирования иноязычных вкраплений у этих мастеров слова со спецификой их употребления в текстах М. Зощенко, нетрудно заметить, что в произведениях указанного писателя они даются только в русском написании, тогда как в сочинениях Гоголя и Чехова их графика дифференцируется, хотя при этом заметно использование вкраплений в оригинальном начертании — французских у Гоголя (*Портрет, Нос, Шинель, Записки сумасшедшего, Мертвые души, Отрывок, Театральный разъезд после представления новой комедии, Ревизор*), немецких у Чехова (*Нервы, В аптеке, Забыл!, Признательный немец, Огни, Три года, Вишневый сад*). Вкрапления у обоих писателей имеют место и в речи иностранцев, и в речи русских.

Немецкие вкрапления у Гоголя редки и, что интересно, они переданы в русской графике, но с заметным числом искажений. Ср. одну реплику немца из повести *Невский проспект*:

- *Мейн фрау!* – закричал он.
Вас волен зи дох? – ответила блондинка.
 – *Гензи на кухня!* [Гоголь 1975, I: 454]

Чехов также любил „ломанные“ вкрапления. См., например, фрагмент диалога помещика Гауптвахтова с продавцом-немцем в рассказе *Забьыл!*:

- Сколько эта рояля стоит?
 – Восемьсот рублей!
 – Фу-фу фу... Батюшки! Это называется: купи себе роялю и без штанов ходи! Хо-хо-хо! Восемьсот руб... лей!!! Губа не дура! Прощайте-с! *Шпрехензи!* *Гебензи...* обедал я, знаете ли, однажды у одного немца... После обеда спрашиваю [...] как сказать по-немецки: „Покорнейше вас благодарю за хлеб, за соль?“ А он мне и говорит... и говорит...
 Позвольте-с... И говорит: „*Их либе дих фон ганцен герцен!*“ А это что значит?
 – Я... я люблю тебя, – перевел немец, стоявший за стойкой, – от всей сердца!
 [...] – Ну вот! Я подошел к хозяйской дочке, да так прямо и сказал... С ней конфуз... Чуть до истерики дело не дошло [Чехов 1974, I: 128].

Приведенные материалы показывают, что иноязычные вкрапления заслуживают специального изучения в сравнительном плане. В произведениях Зоценко они включаются в основном в речь персонажей – носителей русского языка для того, чтобы показать необоснованное употребление ими чужеродных элементов. Герой пытается создать ложное впечатление о себе и о своих возможностях путем обращения к иностранной речи, стремясь показать себя лучше, чем это есть на самом деле. Однако мизерный уровень владения этой речью лишь усиливает его карикатурный образ: использование обычно искаженных по смыслу отдельных чужих слов и фраз усиливает момент его малограмотности и беспомощности в языковом поведении. Часто такая речь сопровождается нарушением элементарных правил грамматики.

Построения, получаемые путем сочетания слов и выражений, принадлежащих к различным языкам, производят в произведениях М. Зоценко наибольший эффект. Такие конструкции приводят к значительным словесно-семантическим контрастам, являясь, безусловно, действенным приемом, оживляющим слог писателя.

Библиография

Источники

- Г о г о л ь Н. В. 1975. *Сочинения в двух томах*, т. 1, Москва: Художественная литература.
 З о щ е н к о М. 1986–1987. *Собрание сочинений в трех томах*, Ленинград: Художественная литература.

Чехов А. П. 1974. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. Сочинения в 18-ти томах, т. 1, Москва: Наука.

Литература

- Ардов М. 1992. Феномен Зоценко, „Столица“ № 8, с. 56–60.
- Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. 2004. Лингвистический анализ художественного текста: теория и практика, Москва: Флинта: Наука.
- Борботько В. Г. 2007. Принципы формирования дискурса. От психолингвистики к лингвосинергетике, Москва: КомКнига.
- Вежбински Я. 1991. Заметки о языке и стиле Михаила Зоценко (Лингвистический аспект), „Болгарская русистика“, № 4, с. 31–41.
- Виноградов В. В. 1928. Язык Зоценко (Заметки о лексике), [в:] Михаил Зоценко. Статьи и материалы, Ленинград: Academia, с. 51–92.
- Гиршман М. М. 2002. Литературное произведение: теория художественной целостности, Москва: Языки славянской культуры.
- Григорьев В. П. 1983. Грамматика идиостиля. В. Хлебников, Москва: Наука.
- Демидова М. П. 1988. Лингвистический анализ текста, Минск: Вышэйшая школа.
- Ершов Л. Ф. 1973. Из истории советской сатиры. М. Зоценко и сатирическая проза 20–40-х годов, Ленинград: Наука.
- Жолнина Е. В. 2007. „Голубая книга“ М. М. Зоценко: текст и контекст. Автореф. дис. ... канд. филол. наук, Санкт-Петербург.
- Захариева И. 1989. Рассказы Михаила Зоценко, „Болгарская русистика“, № 1, с. 9–19.
- Иванчикова Е. А. 1992. Язык художественной литературы: синтаксическая изобразительность, Красноярск: КрГУ.
- Колева И. П. 2013. Михаил Зоценко: искусство пародии: традиции отечественной юмористики XIX века в творчестве М. М. Зоценко, Москва: Вече.
- Маслова В. А. 2004. Поэт и культура. Концептосфера Марины Цветаевой, Москва: Флинта: Наука.
- Михайлов В. Н. 1987. Специфика собственных имен в художественном тексте, „Филологические науки“, № 6, с. 78–82.
- Молдавский Д. М. 1977. Михаил Зоценко. Очерк творчества, Ленинград: Советский писатель.
- Носов С. Н. 1989. О стилистике романа А. Платонова „Чевенгур“, „Русская речь“, № 1, с. 22–28.
- Попов К. 1990. О языке и стиле одного стихотворения Льва Озерова, „Болгарская русистика“, № 4, с. 76–82.
- Салагаев В. 1973. О стилистико-синтаксической композиции сатирических рассказов Михаила Зоценко, [в:] Филологический сборник, вып. 12, Алма-Ата: Изд. Казах. ун-та, с. 238–245.
- Синявский А. 1989. Мифы Михаила Зоценко, „Вопросы литературы“, № 2, с. 50–67.
- Старков А. 1974. Юмор Зоценко, Москва: Художественная литература.

- Ш а н с к и й Н. М. 1984. *Лингвистический анализ художественного текста*, Ленинград: Просвещение.
- Ч е р в и н с к и й П. П. 1984. *Неоднозначные единицы стихотворного текста*, [в:] *Семантика слова и предложения. Сборник научных трудов*, Ставрополь: СГПИ (Ставропольский государственный педагогический институт), с. 19–30.
- Ч у д а к о в а М. О. 1979. *Поэтика Михаила Зоценко*, Москва: Наука.
- Я з и к о в а Ю. С. 1985. *Слово о языке М. Горького*, Горький: Волго-Вятское кн. изд-во.
- D r a w i c z A. 1974. *Aż do kresu ironii (Michał Zoszczenko)*, [в:] tegoż, *Zaproszenie do podróży. Szkice o literaturze rosyjskiej XX wieku*, Kraków: Wyd. Literackie, с. 46–73.
- D r a w i c z A. 1985. *Moralista z powołania, humorysta mimo woli*, [в:] Michał Zoszczenko. *Punkt widzenia. Opowiadania i opowieści*, Warszawa: Czytelnik, с. 529–540.
- J a c k i e w i c z M. 1991. *Elementy groteski w krótkich opowiadaniach Michaiła Zoszczenki*, [в:] *Małe formy w literaturze rosyjskiej. Słowo w tekście rosyjskim. Literaturoznawstwo. Studia i materiały WSP w Olsztynie*, nr 30, Olsztyn: Wydawnictwa WSP, с. 97–105.
- K o t k i e w i c z A. 2012. *Nowy człowiek Michaiła Zoszczenki. Trylogia: „Przywrócona młodość”, „Niebieska księga”, „Przed wschodem słońca”*, Kraków: Wyd. Naukowe Uniwersytetu Pedagogicznego.
- M u c h a W. 1985. *Opowiadania satyryczne i humorystyczne Michaiła Zoszczenki (1921–1932). Z zagadnień poetyki i komunikacji literackiej*, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk–Łódź: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.

HOMONIMIKA ROSYJSKA JAKO PRZEDMIOT ZAINTERESOWANIA
POLSKICH LEKSYKOLOGÓW I LEKSYKOGRAFÓW.
NA MARGINESIE NAJNOWSZYCH PRAC JERZEGO KALISZANA

RUSSIAN HOMONYMY AS AN OBJECT OF INTEREST
OF POLISH LEXICOLOGISTS AND LEXICOGRAPHERS
IN THE NEWEST WORKS OF JERZY KALISZAN

KATARZYNA WOJAN

ABSTRACT. The text is dedicated to Professor Jerzy Kaliszan, an outstanding Polish researcher of homonymy in the Russian language, the author of significant monographs and the first Polish dictionary of Russian homographs. The article is a review of Polish academic literature on Russian homonymy including both intra- and interlinguistic aspects (relations between Polish and Russian). In the first part, the author outlines the most important theoretical and lexicographical studies of Polish scholars. The second part is devoted to a description of Jerzy Kaliszan's achievements in the field of lexical and word-formation homonymy, including lexemes' homography.

Keywords: homonymy, homography, interlingual homonymy, Russian language, Polish lexicography, Professor Jerzy Kaliszan

Katarzyna Wojan, Uniwersytet Gdański, Gdańsk – Polska, finkw@univ.gda.pl

Dedykacja

Niniejszy tekst mam wielki zaszczyt i honor zadedykować Panu prof. zw. dr hab. Jerzemu Kaliszanowi. W centrum zainteresowań badawczych Jubilata znajdują się m.in. zagadnienia homonimiki rosyjskiej, które w początkowej – acz najważniejszej i bardzo dynamicznej – fazie rozwoju kariery akademickiej zdominowały również moją twórczość naukową. Przed laty Pan Profesor Jerzy Kaliszan zgodził się być zostać promotorem mojego – dość oryginalnego, bo penetrującego trzy systemy językowe: polski, rosyjski i fiński – doktoratu. I, jak widać po owocach, ten fascynujący przewód naukowy miał dla nas obojga nadzwyczaj szczęśliwy epilog. Wcześniej znałam nazwisko Profesora jedynie z Jego znakomitych publikacji – bardzo popularnych w kręgach rusycystów leksykologów! Dlatego też – a było to przeszło dekadę temu – postanowiłam udać się do Poznania na organizowaną tam cyklicznie konferencję integrującą międzynarodowe

gremia i ośmieliłam się poprosić Profesora o krótką rozmowę. Wręczywszy swój świeżo opublikowany – jeden z pierwszych, wówczas jeszcze mało dojrzałych, płodów naukowych – artykuł na temat genezy homonimii leksykalnej języka etnicznego, umówiłam się na bardziej szczegółową wymianę myśli, a ta poskutkowała decyzją Mistrza o roztoczeniu nade mną pieczy.

Panu Profesorowi Jerzemu Kaliszanowi zawdzięczam nie tylko wspólną, w pełni fachową, przepelnioną ogromną życzliwością i zrozumieniem, współpracę przy przygotowywaniu trzynomowej rozprawy doktorskiej, której tytuł brzmi: *Wspólnota homonimiki języków europejskich (na przykładzie polskiego, rosyjskiego i fińskiego)* (Poznań 2007), ale także sposobność zaistnienia w świecie naukowym, przede wszystkim w środowisku znakomitych poznańskich badaczy. Sądzę, że połączyła nas nie tylko zbieżność oryginalnych zainteresowań naukowo-badawczych. Zdajemy się mieć podobny, humanocentryczny światopogląd, cenimy te same wartości życiowe i mamy otwarte, głęboko chrześcijańskie rozumienie drugiego człowieka.

1. Homonimika rosyjska w polskim piśmiennictwie

Językoznawstwo rusycystyczne ostatnich trzech dekad cechuje dynamika badań w zakresie homonimiki rosyjskiej w jej przejawie tak wewnątrzjęzykowym, jak i międzyjęzykowym. Na gruncie polskim powstało szereg monografii i słowników opisujących wieloaspektowe relacje homonimiczne. Do ważkich poznawczo opracowań monograficznych tych zjawisk należą (według chronologii wydań): *Межъязыковая омонимия в русско-польском сопоставлении* Poliny Stasińskiej [zob. Стасиньска 1990], *Русско-польская межъязыковая омонимия как лексикографическая проблема* Krzysztofa Kusala [zob. Кусаль 2006], *Wstęp do badań wieloznaczności leksemów w ujęciu kontrastywnym* Katarzyny Wojan [zob. Wojan 2010b]¹, *Przypadkowe i nieprzypadkowe wędrówki leksemów* tejże [zob. Wojan 2010a]², *Rosyjskie leksemy homonimiczne w teorii językoznawczej i praktyce* tejże [zob. Wojan 2011a] oraz *Typologia homonimii językowej w aspekcie onomazjologiczno-dyskursywnym* Martynty Król [zob. Król 2014].

Wiele swych prac badaniom potencji homonimii słowotwórczej w systemie języka rosyjskiego poświęcił Profesor Jerzy Kaliszan. Jego monografia *Омонимия производных слов в русском языке* [zob. Kaliszan 1997] weszła do

¹ Zob. w szczególności rozdział: *Homonimika leksemowa w systemie języka rosyjskiego*, s. 248–261, w którym po raz pierwszy w piśmiennictwie językoznawczym zaprezentowano wyniki przeprowadzonej analizy ilościowej zbiorów homonimów rosyjskich, ukonstytuowanego przez jednostki homonimiczne różnego typu.

² W pracy przeanalizowane m.in. kierunki zapożyczeń we wspólnocie homonimicznej polsko-rosyjskiej i rosyjsko-polskiej. Zawarto obszerne dane kwantyfikacyjne na temat kierunków migracji leksemów z różnych systemów językowych.

światowego kanonu piśmiennictwa rusycystycznego. W ostatnich latach poznański uczony skupił się na zgłębianiu charakterystycznego zjawiska akcentowej homografii leksemów rosyjskich w ujęciu wewnątrzjęzykowym [zob. m.in.: Kaliszan 2008; 2010; 2012; 2013a, 2013b; 2014; 2016]. Owocem tych badań jest syntetyczna monografia *Русские омографы* [zob. Kaliszan 2017], którą miałam wielki zaszczyt i przyjemność zaopiniować do druku.

Działalność leksykologów homonimistów znajduje odzwierciedlenie w leksykografii, w szczególnej mierze – przekładowej. W tym obszarze lingwistyki aplikatywnej polscy uczeni wypracowali już pewne tradycje. Językoznawcy koncentrują się głównie na deskrypcji zjawisk homonimii interlingwalnej (polsko-rosyjskiej i rosyjsko-polskiej); zagadnienia te są istotne z punktu widzenia glottodydaktyki, a także dydaktyki i praktyki przekładu. W leksykografii polskiej ukonstytuował się dział słowników przedstawiających międzyjęzykowe relacje homonimiczne leksemów należących do blisko spokrewnionych języków, w tym polskiego i rosyjskiego. Tym samym fenomen wewnątrzjęzykowej homonimii leksykalnej języka rosyjskiego pozostawał na marginesie zainteresowań badaczy, choć jednak i na ten temat powstało kilka ważnych opracowań rusycystycznych.

W Polsce ukazało się jak dotąd piętnaście użytecznych opracowań leksykograficznych z kręgu zagadnień homonimiki rosyjsko-polskiej oraz rosyjskiej. Ten kierunek w leksykografii polskiej zainicjował w 1837 roku niewielki *Słowniczek wyrazów rosyjskich i polskich jednostajne brzmienie a znaczenie odmienne mających, dla użytku uczących się obu tych języków ułożony* [zob. *Słowniczek...* 1837]. Ćwierć wieku później znany polonofil Piotr Dubrowski wydał w Petersburgu również niewielkiej objętości pracę *Областные великорусские слова, сходные с польскими* [zob. Дубровский 1852]. W następnym stuleciu w 1934 roku – już w niepodległej Polsce – wyszła we Lwowie *Pierwsza książka do nauki języka rosyjskiego* Sergiusza Kułakowskiego [zob. Kułakowski 1934]³, zawierająca tablice zbieżności leksykalnych języka polskiego i rosyjskiego, zebranych w celu dydaktycznym. Natomiast pierwszy wąsko aspektowy słownik homonimów międzyjęzykowych w zakresie języków: polskiego i rosyjskiego został przygotowany przez znanego pedagoga związanego z kręgami harcerzy, wizytatora szkół i poetę Ignacego Kozińskiego⁴ z przedmową Andrzeja Bogusławskiego; opatrzony fachowym tytułem: *Słownik wyrazów o podobnym brzmieniu a odmiennym znaczeniu w języku rosyjskim i polskim* ukazał się w Warszawie w 1959 roku [zob. Koziński 1959]. W rzeczy samej prezentował on jedynie indeks par homonimicznych z ich podstawowymi znaczeniami nieilustrowany przykładami.

³ Wydanie 2 przejrzone i przerobione ukazało się w 1939 roku we Lwowie.

⁴ Warto przypomnieć, iż Ignacy Koziński, ps. Starzeńczyk (1882–1964), jest znany jako współautor hymnu harcerskiego opartego właśnie na jego wierszu *Marsz skautów*.

Solidniejsze opracowania pojawiły się dopiero pół wieku później. Do takich należał fundamentalny *Rosyjsko-polski słownik homonimów międzyjęzykowych* Krzysztofa Kusala [zob. Kusal 2002] – najobszerniejszy, jak dotąd, na naszym rynku wydawniczym⁵. Jego artykuły hasłowe posiadają bogate ilustracje w postaci materiału egzemplifikacyjnego, uwzględniającego kontekst oraz zabarwienie stylistyczne słów w obu przedstawianych językach. Dwa lata później ukazał się – o wiele uboższy w hasła – *Słownik homonimów rosyjsko-polskich* Marka Szałka [zob. Szałek 2004]. W tym samym roku wydawnictwo Enklawa opublikowało w formie dokumentu elektronicznego *Polsko-rosyjski i rosyjsko-polski słownik nieporozumień językowych* [zob. *Polsko-rosyjski i rosyjsko-polski słownik nieporozumień...* 2004]. Postać dokumentu elektronicznego online ma również *Polsko-rosyjski słownik fałszywych przyjaciół tłumacza z indeksem rosyjsko-polskim z uwzględnieniem potocznych, pospolitych, slangowych i wulgarnych znaczeń wyrazów* Andrzeja Wijasa [zob. Wijas 2014]. Tworzone były specjalistyczne słowniki wielojęzyczne. Do takich należy niewielki *Friends and False Friends. A Dictionary of "false friends". Between Polish and Russian with an English Translation of All Entries* Juliana Birbrajera, który został wydany w Szwecji [zob. Birbrajer 1987]. Z kolei rzadziej opisywanymi w językoznawstwie porównawczym relacjami rosyjsko-polskiej homonimii międzyjęzykowej w płaszczyźnie frazeologii zajmowała się Izabella Daszczyńska. Zestawiła ona *Słownik ekwiwalentów w języku rosyjskim i polskim*, stanowiący kompatybilną część monografii *Rosyjsko-polskie pozorne ekwiwalenty frazeologiczne* [zob. Daszczyńska 1987].

Wnikliwe badania zjawisk interferencji leksykalnej w gwarze wyspowej starowierców mieszkających w granicach Polski przeprowadziła Iryda Grek-Pabisowa. Opis tych zjawisk badaczka zamieściła w dwujęzycznym *Słowniku gwary starowierców mieszkających w Polsce* [zob. Grek-Pabisowa 1980], rejestrującym 9000 haseł, oraz w pracy *Słownictwo rosyjskiej wyspy gwarowej staroobrzędowców mieszkających w Polsce. Rozwój i stan dzisiejszy* [zob. Grek-Pabisowa 1983]. Do monografii autorka dołączyła dziewięć list⁶ leksyki wykazującej interferencję, m.in. *Wykaz homonimów*.

⁵ Wiadomo mi od samego Autora, iż pracuje on obecnie nad poszerzoną wersją swej pracy, co niezmiernie cieszy.

⁶ Opracowanie powyższe zawiera następujące wykazy: *Lista wyrazów [rosyjsko-polskich]*, s. 176–192; *Lista nr 1: Rzeczowniki abstrakcyjne (układ wg formacji słotwórczych)*, s. 176–177; *Lista nr 2: Dialektyzmy lokalne (właściwe)*, s. 177; *Lista nr 3: Polonizmy dawne, zapożyczone przed przesiedleniem się staroobrzędowców na tereny polskie*, s. 178–179; *Lista nr 4: Wyrazy pochodzenia niemieckiego – domniemane zapożyczenia z gwary mazurskiej w gwarze staroobrzędowców*, 179–180; *Lista nr 5: Zapożyczenia z języka polskiego doby najnowszej (po II wojnie światowej)*, s. 180–181; *Lista nr 6: Zapożyczenia z języka polskiego – wyrazy znane również we współczesnym języku rosyjskim*, s. 181–182; *Lista nr 7: Zapożyczenia z języka*

Uwadze językoznawców nie uszła też interferencja leksykalna języka rosyjskiego ujawniająca się w polskim dialekcie północnych Kresów. Opracowanie o nieco przewrotnym tytule: *Może się pan na mnie położyć... Słowniczek dyferencjalny współczesnego północnokresowego dialektu kulturalnego i języka ogólnopolskiego* Haliny Bartwickiej i Jolanty Mędelskiej [zob. Bartwicka i Mędelska 1995] utrwala polsko-rosyjskie homonimy dialektalne typu *kosić* 'zeżować'. Słownik zawiera również liczne odpowiedniki białoruskie i rosyjskie.

Po raz pierwszy w Polsce całościowego opisu leksykograficznego homonimiki leksemowej (w tym homografii) języka rosyjskiego dokonała pisząca te słowa w obszernym *Słowniku homonimów leksemowych języka rosyjskiego z polskimi ekwiwalentami tłumaczeniowymi* [zob. Wojan 2011b], notującym 11 200 leksemów wcielonych w 4800 gniazd homonimicznych. Opis ten został poszerzony o komparacje leksykalne z językiem polskim. Praca rejestruje paralele w obu językach zbiory homonimiczne. Dodatkowo zawiera odrębny wykaz homografów rosyjskich, liczący 349 zbiorów homograficznych. Pragnę podkreślić, iż opracowanie to jest częściowo pokłosiem doktoratu napisanego pod kierunkiem Profesora Jerzego Kaliszana, bowiem pierwszy etap badań leksykograficznych wymagał przeprowadzenia wnikliwej analizy leksykologicznej homonimiki rosyjskiej.

W 2015 roku ukazał się, długo wyczekiwany, *Словарь омографов русского языка* Jerzego Kaliszana [zob. Kaliszana 2015]. Publikacja licząca 134 strony ukazała się nakładem Wydawnictwa Naukowego Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, wypełniając poważną lukę w tym obszarze leksykografii.

2. *Словарь омографов русского языка* Jerzego Kaliszana

We współczesnej lingwistyce słowiańskiej – jak wynika z obserwacji – coraz większą popularność zyskują systemowe opisy i aspektowe analizy fenomenu homografii. Zjawisko to często bywa określane mianem *homonimii graficznej* (*графическая омонимия*)⁷; szczególną użyteczność termin ten wykazuje w literaturze leksykologicznej sinologicznej [zob. np. Шичко 2010: 70] oraz japonistycznej. W prozodycznym języku rosyjskim przypadki homografii należą do prominentnych, bowiem różnicuje je strukturalnie miejsce przycisku artykulacyjnego zgłoski. Homografia leksemów, ogólnie

niemieckiego w gwarze staroobrzędowców, s. 183–186; Lista nr 8: *Warianty-duplety – wyrazy o podobnym rdzeniu różnego pochodzenia*, s. 186–188; Lista nr 9: *Wykaz homonimów*, s. 188–192.

⁷ Zob. np. hasło: *Омонимия графическая*, [w: Розенталь, Теленкова 1976]; hasło: *Омонимы*, [w: *Словарь языка русской поэзии XX века* 2010, IV: 6].

⁸ Dla przeciwwagi w piśmiennictwie *hotoфония* (*омофония*) traktowana jest jako *homonimia niehomograficzna* (*омонимия неомографическая*) [zob. Ахманова 1986: 5; Wojan 2011a: 98].

rzecz ujmując, polega na współwystępowaniu w systemie leksykalno-gramatycznym form wyrazowych o identycznym zapisie, lecz odmiennie rozłożonym w trakcie artykulacji akcencie [o tym Wojan 2011a: 97–102]. Zalicza się do niej pary wyrazów różnych typów, które ilustrują poniższe przykłady:

му́ка ‘męka’ – *мука́* ‘mąka’,
уго́льный ‘węglowy’ – *уго́льный* ‘narożny’,
пла́чу ‘płaczę’ – *плачу́* ‘płace’,
забе́гать (dk) ‘zacząć biegać’ – *забега́ть* (ndk) ‘wpaść biegiem’
бе́гом (forma rzecz. *бег*) – *бе́гом* (przysł.),
мóю (czas.) – *мою́* (zaimek),
зна́ком (forma rzecz. *знак*) – *знако́м* (forma krótka przym. *знако́мый*),
но́ги (lp.) – *ноги́*(lm.),
большу́ю (stopień równy) – *большу́ю* (stopień wyższy) i in.

Na przestrzeni ostatnich kilku dziesięcioleci na gruncie rosyjskim, a także w kręgach uczonych z obszaru postradzieckiego, powstały cztery użyteczne wąsko aspektowe słowniki rejestrujące homografy rosyjskie. Są to prace: Pjasa M. Ajdynowa [zob. Айдынов 2002], Antolija W. Wiencowa, Jeleny W. Grudiewej i Wadima B. Kasiewicza [zob. Венцов, Грудева, Касевич 2004], a także Julii N. Griebieniewej [zob. Гребенева 2008], Dawida I. Eljanowa [zob. Ельянов 1995]. Część z nich stała się pochodną badań prowadzonych w związku ze złożonym procesem przetwarzania języka naturalnego oraz rozpoznawania mowy. Prekursorską próbę lingwistycznego opisu homografów funkcjonujących w systemie języka rosyjskiego podjęła przed niepełną pół wiekiem Olga S. Achmanowa [zob. Ахманова 1974], wprowadzając do swego słownika homonimów leksykalnych w postaci odrębnego wykazu około 150 zbiorów ukonstytuowanych z jednostek homograficznych (w tym około 260 homograficznych form słownikowych). Współcześnie badaczka rosyjska Julia N. Griebieniewa w słowniku z 2008 roku zarejestrowała już blisko 1500 homografów wyrazowych zebranych w 600 artykułów hasłowych, zaś w najnowszym opracowaniu 2017 roku uwzględniła ich aż 5150 [zob. Гребенева 2017].

Do grona polskich rusycystów, którzy postanowili utrwalić słownikowo pokaźny zasób homografów języka rosyjskiego, należy Profesor Kaliszczan. Jego *Словарь омографов русского языка* stanowi dobrze przemyślaną kontynuację, a zarazem znaczące poszerzenie, wykazu homografów sporządzonego przez Achmanową. Jest to pierwsza w polskiej leksykografii holistyczna prezentacja systemu leksemowej homografiki rosyjskiej, a także – co z punktu widzenia glottodydaktyki ma wartość nie do przecenienia – udane zobrazowanie istotnej roli akcentu wyrazowego jako środka specyficznej dyferencjacji znaczeń leksykalnych i gramatycznych. Zadanie, jakiego podjął się poznański Uczony, jest bardzo ambitne i budzi szacunek.

Słownik Profesora Kaliszana różni się od znanych opracowań rosyjskich autorów zarówno pod względem zakresu zebranego i do tego perfekcyjnie przeanalizowanego materiału faktograficznego, jak i sposobu jego leksykograficznego sportretowania. Badacz wnikliwą ekscerpcją objął dwadzieścia cztery genologicznie zróżnicowane słowniki opisujące współczesny język rosyjski, a mianowicie: definicyjne, ideograficzne, ortograficzne, ortoepiczne, wąsko aspektowe: słowniki homonimów, homografów i in. W swym opracowaniu Profesor Kaliszan uwzględnił (bagatela!) 697 par homografów słownikowych w ich formach kanonicznych. Praca zawiera uporządkowany alfabetycznie inwentarz par słownikowych lemm homograficznych, będących zarówno zbiorami (szeregami) wewnątrzklasowymi, jak i międzyklasowymi. Autor podzielił materiał leksykalny na zbiory jednoklasowe (zbiory rzeczownikowe typu *замок* – *замок*, przymiotnikowe typu *безобразный* – *безобразный* itd.), jak i międzyklasowe (zbiory rzeczownikowo-przymiotnikowe typu *электрик* ‘zawód’ – *электрик* ‘kolor’, zbiory rzeczownikowo-czasownikowe typu *пробнасть* – *пронасть* itd.). Jak wynika z analizy słownikowo-leksykalnej, dominantą (około 90%) są tu zbiory wewnątrzklasowe (jednokategorialne), czyli należące do tej samej kategorii części mowy, reprezentowane najliczniej przez wyrazy odmienne, tj. rzeczowniki, przymiotniki i czasowniki. Wyekscerpowane formy kanoniczne jednostek homograficznych wykazują nadzwyczaj dużą potencję homografotwórczą, co oznacza, że w praktyce mogą tworzyć rozliczne utożsamienia w obrębie paradygmatu. Uczony udowodnił niezwykle ważne dla rusycystyki założenie, że wyrazy odmienne o homograficznych formach podstawowych mają zdolność generowania dziesiątków tysięcy różnego typu par homograficznych. Odkrycie potencji homografotwórczej słów niewątpliwie stanie się impulsem do prowadzenia dalszych, szczegółowych badań.

Kilka słów poświęćmy tematowi siatki hasłowej. Podkreślić należy, że jest ona bardzo przejrzysta dla czytelnika – wzorem słownika Achmanowej tworzą ją formy podstawowe wyrazów (słowo homonimiczne bez zaznaczonego graficznie akcentu), nadrzędne w stosunku do wyrazów hasłowanych (jednostek homograficznych) konstytuujących artykuły hasłowe. Każda lemma homograficzna opatrzona została stosownymi informacjami leksykalno-semantycznymi oraz gramatycznymi. Wybór haseł został dokonany przez Autora w oparciu o różne rejestry języka. Kwalifikacją stylistyczną objęto jednostki homograficzne o użyciu przestarzałym, regionalnym, książkowym, poetyckim, potocznym, kolokwialnym, żargonowym, a także terminologicznym (m.in. z takich działów i dziedzin nauki, jak anatomia, fizjologia, myślistwo, technika).

Walorem pracy jest dołączony do niej spis jednostek homograficznych podzielonych według części mowy (*Приложение: список омографов по грамм-*

матическим классам), odzwierciedlający skalę homografii – powiązań wyrazów w ich relacjach identyczności formalnej w obrębie grafii. Poniżej zamieszczono przykład lemmy homograficznej, wyekscerpowany ze słownika Profesora Kaliszana:

АТЛАС

áтлас *м.* сборник географических карт // собрание таблиц, рисунков и т.п. в виде альбома

атлáс *м.* сорт плотной шёлковой ткани с гладкой, блестящей лицевой стороной

Leksykolog przy konstruowaniu siatki hasłowej uwzględnił także zbiory (niekiedy wieloelementowe), których komponent stanowią leksemy będące względem siebie w relacji homonimii, na przykład:

ПАХТА

пáхта I *ж.* жидкость, остающаяся после сбивания сливочного масла

пáхта II *ж. обл.* отвесная скала под водой

пахтá *обл.* то же, что: хлопок

3. Monografia *Русские омографы* Jerzego Kaliszana

Najnowsza monografia *Русские омографы* Profesora Jerzego Kaliszana nie jest książką obszerną pod względem objętości, jednak stanowi ważkie i zwięzłe omówienie zagadnienia zjawiska akcentowej homografii leksemowej (*акцентная лексемная омография*) zakorzenionej w języku rosyjskim. Autor daje w niej całościowy opis zjawisk, zarówno jakościowy (strukturalny, systemowy), jak i ilościowy (ten ostatni jest szczególnie cenny). Praca jest wyjątkowo bogato egzemplifikowana trafnie dobranymi przykładami, co czyni wywód bardzo klarownym i rzeczowym.

Należy zaznaczyć, iż znakomicie opisane w monografii, a wcześniej utrwalone w słowniku zjawisko homografii (praktycznie niezaznaczające się w pryncypialnym systemie języka polskiego), jest ogromnym problemem w procesie akwizycji języka rosyjskiego (nie tylko przez Polaków), stając się specyficznym i zwodniczym *faux amis* osoby uczącej się, a także bywa przyczyną zakłóceń percepcyjnych w realizowanym akcie komunikacyjnym. Podjęta w pracy tematyka jest wyjątkowa w polskiej rusycystyce, bowiem przybliży kwestie istotne z punktu widzenia semantyki leksykalnej i słotwórstwa, a także – w niektórych aspektach – komunikologii.

Badania zrealizowane przez poznańskiego leksykologa homonimistę wnoszą wiele nowego do językoznawstwa rusycystycznego. Profesor Jerzy Kaliszan posługuje się terminem *homografii akcentowej* (*акцентная омография*), który z pełnym przekonaniem wprowadza do polskiego piśmien-

nictwa. Prezentuje szczegółową typologię akcentowych homografów rosyjskich (wyróżnia ponad dwadzieścia ich typów) w oparciu o konkretne cechy leksykalno-gramatyczne, semantyczno-leksykalne, ich przynależność do tego samego leksemu bądź różnych leksemów, ich właściwości strukturalno-słotwórcze, pokrewieństwo leksykalne, liczbę elementów w zbiorze (szeregu) homograficznym i in. Z punktu widzenia klasyfikacji leksyko-gramatycznej homografy podzielone zostały na wewnętrzklasowe (np. *во́рон* [mianownik lp] – *воро́н* [dopełniacz / biernik lm od *воро́на*]) i międzylklasowe (np. *о́куни* [mianownik lm od *о́кунь*] – *окуну́* [forma trybu rozkazującego od *окуну́ть* 'zanurzyć w cieczy']). W świetle klasyfikacji semantycznej opartej na binarnej opozycji znaczeń leksykalnych / gramatycznych homografy dzielą się na leksykalne (np. *а́рийка* [mianownik lp, zdr. od *а́рия*] – *ару́йка* [mianownik lp, rodz. żeński od *ару́ец* 'Aryjka']), leksyko-gramatyczne (np. *а́рийке* [celownik lp] – *ару́йке* [miejscownik lp]) oraz gramatyczne (paradygmatyczne) (np. *но́сите* [tryb oznajmujący] – *носу́йте* [tryb rozkazujący]). Inny podział zakłada homografy wewnątrzleksemowe (gramatyczne) i międzyleksemowe (leksykalne i leksykalno-gramatyczne). Ze słotwórczego punktu widzenia Profesor Kaliszan wyróżnia homografy motywowane i niemotywowane słotwórczo. Inne typy klasyfikacyjne wyodrębniają homografy wspólnordzenne i różnordzenne, całkowite i częściowe, słownikowe i niesłownikowe (wyrazy homograficzne jedynie w formach niepodstawowych).

Ważną kwestią uwzględnioną w pracy jest wyliczenie i krótka charakterystyka *akcentowej homografii onomastycznej* (*акцентная ономастическая омография*) – zjawiska wciąż jeszcze kontrowersyjnego w opinii wielu polskich językowców, a respektowanego z kolei przez środowiska lingwistów ze szkoły wschodnioeuropejskiej i przez nich eksponowanego w pracach najnowszych. Do zbioru homografii onomastycznej Profesor Kaliszan zalicza takie opozycje onimiczne, jak na przykład:

Абрамович (отчество) – *Абрамович* (фамилия),
Ангелина (женская фамилия) – *Ангелина* (женское имя) или *Ангелина*
 (род. / вин. мужской фамилии *Ангелин*) – *Ангелина* (женское имя), или же
Ангелины (им. мн. фамилии *Ангелин*) – *Ангелины* (род. женского имени *Ангелина*),
Александрия (город в США) – *Александрия* (город в Египте) itd.

[Kaliszan 2017: 12–13].

Jest to nowe ujęcie w badaniach zagadnień z zakresu homonimiki; jednocześnie jest to szerokie postrzeganie fenomenu, bezsprzecznie manifestującego się w języku etnicznym, często ignorowanego przez naszych rodzimych leksykografów. W Polsce po raz pierwszy uwzględnił je w swym monumentalnym słowniku typu oksfordzkiego Jan Wawrzyńczyk [zob. Wawrzyńczyk et al. 2004].

Dokonując typologii akcentowych homografów rosyjskich, Jerzy Kaliszan bierze pod uwagę również kryterium stylistyczne⁹, co z kolei prowadzi do powstania specyficznych diad typu *голубить* (разг.) 'ласкать, нежить, лелеять' – *голубить* (разг.) 'делать голубым, красить в голубой цвет'.

Powyższe, wyodrębnione w autorskiej klasyfikacji, przypadki są niezwykle istotne z punktu widzenia glottodydaktyki języka, a także kultury języka (normy językowej).

Profesor Kaliszan w swej książce przedstawia ważne kwestie teoretyczno-analityczne, jak również autorską charakterystykę kwantytatywną akcentowych homografów wchodzących w relacje wewnątrzklasowe i międzyklasowe. Odnotowuje okazałą liczbę wewnątrzklasowych par homograficznych – 49 000 (sic!). Podaje uzyskane w toku analizy badawczej dane dotyczące liczby par homografów leksemowych konstytuujących poszczególne klasy (części mowy), dane na temat proporcji par homografów wewnątrzklasowych, a następnie wyciąga odpowiednie wnioski dotyczące homograficzności wewnątrzklasowej i tendencji ujawniających się w języku. Na podkreślenie zasługuje to, iż praca rejestruje 4800 par homografów międzyklasowych, stanowiących aż 10-krotnie mniejszą grupę w systemie niż pary homografów wewnątrzklasowych. Dostrzeżona została również spora grupa opozycji trójczłonowych (są one zwykle uwzględniane przez rosyjskie słowniki ortoepiczne, zaś – co istotne – brakuje tego typu przykładów m.in. w słownikach rosyjsko-polskich).

W drugiej części rozprawy Autor koncentruje się na zagadnieniach słowotwórczych. Przedstawia je w rozlicznych związkach z homografią, w szczególności z homografią międzyleksemową jako klasą najbardziej produktywną. Dokonane przez Profesora analizy językowe o charakterze kwalitatywnym prowadzą do ważnych dla językoznawstwa konkluzji statystycznych – wymiernych ocen końcowych opisujących badane zjawisko. Profesor sformułował szereg istotnych stwierdzeń. Z pełnym przekonaniem można skonstatować, że żaden z badaczy rosyjskich jak dotąd nie dokonał tego typu analiz językowych, a do tego na tak obszernym materiale faktograficznym. Trzeba podkreślić, że Profesor Jerzy Kaliszan zalicza się do grona tych twórców, którzy wszelkie kwestie językowe omawiają z naukową akrybią.

Profesor Kaliszan stworzył ważne narzędzie metodologiczne w zakresie badań zjawiska akcentowej homografii rosyjskiej, które niewątpliwie zostanie wdrożone do prac innych uczonych, nie tylko polskich, ale i zagranicznych. Ponadto zadbał o niezwykle transparentne zaprezentowanie czytelnikowi warsztatu terminologicznego.

⁹ Por. metodykę kwalifikacji homonimów w *Słowniku homonimów leksemowych języka rosyjskiego z polskimi ekwiwalentami tłumaczeniowymi* [zob. Wojan 2011b].

Monografia Profesora Jerzego Kaliszana wypełnia lukę we współczesnych badaniach nad stanem językowym ruszczyzny w płaszczyźnie specyficznego zjawiska akcentowej homografii leksemowej. W mojej ocenie stanowi ona niezwykle interesującą propozycję monograficzną, z której skorzystają zarówno polscy adepci nauki, jak i zagraniczni badacze, nie tylko w Rosji, ale wszędzie tam, gdzie prowadzone są prace w obszarze rusycystyki językoznawczej. Wnosi znaczący wkład w rozwój nauki nie tyle polskiej, co światowej z uwagi na jej oryginalność, zaproponowaną metodykę klasyfikacyjną jednostek homograficznych różnego typu, charakter prowadzonej analizy słowotwórczej oraz sformułowania wniosków o charakterze statystycznym wymiernych w złożonym procesie wieloaspektowej deskrypcji zjawiska.

Bibliografia

- Bartwicka H., Mędelcka J. 1995. *Może się pan na mnie położyć... Słowniczek dyferencjalny współczesnego północnokresowego dialektu kulturalnego i języka ogólnopolskiego*, Bydgoszcz: Wydawnictwo Uczelniane Wyższej Szkoły Pedagogicznej.
- Birbrajer J. 1987. *Friends and False Friends. A Dictionary of "false friends". Between Polish and Russian with an English Translation of All Entries*, Stockholm: Almqvist & Wiksell.
- Daszczyska I. 1987. *Rosyjsko-polskie pozorne ekwiwalenty frazeologiczne*, Słupsk: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Pedagogicznej.
- Grek-Pabisowa I., Maryniakowa I. 1980. *Słownik gwary Starowierców mieszkających w Polsce*, „Prace Slawistyczne”, nr 11, Instytut Słowianoznawstwa PAN, Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Grek-Pabisowa I. 1983. *Słownictwo rosyjskiej wyspy gwarowej staroobrzędowców mieszkających w Polsce. Rozwój i stan dzisiejszy*, „Prace Slawistyczne”, nr 28, Instytut Słowianoznawstwa PAN, Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Kaliszan J. 1997. *Омонимия производных слов в русском языке*, Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM.
- Kaliszan J. 2008. *Русские субстантивные омографы*, „Studia Rossica Posnaniensia”, t. 34, s. 171-175.
- Kaliszan J. 2010. *Русские глагольные омографы*, „Studia Rossica Posnaniensia”, t. 35, s. 77-82.
- Kaliszan J. 2012. *Adjective homography in Russian*, [w:] *Lingua: nervus rerum humanarum. Essays in Honour of Professor Stanisław Puppel on the Occasion of his 65th Birthday*. Red. M. Koszko, K. Kowalewska, J. Puppel, E. Wąsikiewicz-Firlej, Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, s. 183-187.
- Kaliszan J. 2013a. *Грамматическая субстантивная омография в русском языке*, „Studia Rossica Posnaniensia”, t. 38, s. 119-123.
- Kaliszan J. 2013b. *Verbal-substantival homography in Russian*, „Scripta Neophilologica Posnaniensia”, t. 13, s. 17-22.

- K a l i s z a n J. 2014. *Homografia leksykalno-gramatyczna rzeczowników w języku rosyjskim*. „Studia Rossica Posnaniensia”, t. 39, s. 87–93.
- K a l i s z a n J. 2015. *Словарь омографов русского языка*, Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM.
- K a l i s z a n J. 2016. *Rosyjska homografia gramatyczna*, „Folia Scandinavica Posnaniensia”, nr 20, s. 133–139.
- K a l i s z a n J. 2017. *Русские омографы*, Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, ss. 131.
- K o z i e l e w s k i I. 1959. *Słownik wyrazów o podobnym brzmieniu a odmiennym znaczeniu w języku rosyjskim i polskim*, Warszawa: Państwowe Zakłady Wydawnictw Szkolnych.
- K r ó l M. 2014. *Typologia homonimii językowej w aspekcie onomazjologiczno-dyskursywnym*, Kielce: Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego.
- K u ł a k o w s k i S. 1939. *Pierwsza książka do nauki języka rosyjskiego*, Lwów: [s. n.] (wyd. 2 przejrzone i przerobione: Lwów 1939).
- K u s a l K. 2002. *Rosyjsko-polski słownik homonimów międzyjęzykowych = Русско-польский словарь межъязыковых омонимов*, „Acta Universitatis Wratislaviensis”, nr 2462, Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego.
- Polsko-rosyjski i rosyjsko-polski słownik nieporozumień językowych = Словарь языковых несоответствий польско-русский и русско-польский*. 2004. [dokument elektroniczny], Warszawa: Enklawa.
- S z a ł e k M. 2004. *Słownik homonimów rosyjsko-polskich = Словарь русско-польских омонимов*, Poznań: Ars Nova.
- Słowniczek wyrazów rosyjskich i polskich jednostajne brzmienie a znaczenie odmiennie mających, dla użytku uczących się obu tych języków ułożony*. 1837. Warszawa: Glücksberg.
- W a r z y ń c z y k J. et al. 2004. *Wielki słownik rosyjsko-polski z kluczem polsko-rosyjskim*, Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- W i j a s A. 2014. *Polsko-rosyjski słownik fałszywych przyjaciół tłumacza z indeksem rosyjsko-polskim z uwzględnieniem potocznych, pospolitych, slangowych i wulgarnych znaczeń wyrazów = Польско-русский словарь ложных друзей переводчика с русско-польским индексом с учетом разговорных, просторечных, сленговых и матерных значений слов = Polish-Russian Dictionary of False Friends with Russian-Polish Index Including Informal, Colloquial, Slang and Vulgar Meanings of Words*, [dokument elektroniczny], Kraków, wersja 7.0.0, [w:] źródło elektroniczne: http://lang.awijas.pl/mydics/pl-ru_lozhnye_druzja.pdf (16.12.2016).
- W o j a n K. 2007. *Wspólnota homonimiki języków europejskich (na przykładzie polskiego, rosyjskiego i fińskiego)*. Praca doktorska napisana pod kierunkiem prof. zw. dr hab. Jerzego Kaliszana, Wydział Neofilologiczny, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza, Poznań.
- W o j a n K. 2010a. *Przypadkowe i nieprzypadkowe wędrówki leksemów*, Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego.
- W o j a n K. 2010b. *Wstęp do badań wieloznaczności leksemów w ujęciu kontrastywnym*, Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego.

- W o j a n K. 2011a. *Rosyjskie leksemy homonimiczne w teorii językoznawczej i praktyce leksykograficznej*, Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego.
- W o j a n K. przy udziale E. S k u p i ń s k i e j - D y b e k E. 2011b. *Słownik homonimów leksemowych języka rosyjskiego z polskimi ekwiwalentami tłumaczeniowymi* = *Словарь лексемных омонимов русского языка с польскими переводными эквивалентами*, Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego.
- А й д ы н о в И. М. 2002. *Словарь омографов русского языка*, Баку: Адилоглы.
- А х м а н о в а О. С. 1974. *Словарь омонимов русского языка*, Москва: Изд-во „Советская энциклопедия”.
- А х м а н о в а О. С. 1986. *Словарь омонимов русского языка*, изд. 3, Москва: Русский язык.
- В е н ц о в А. В., Г р у д е в а Е. В., К а с е в и ч В. Б. 2004. *Словарь омографов русского языка*, Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета.
- Г р е б е н е в а Ю. Н. 2008. *Словарь омографов русского языка*, Москва: Айрис-Пресс.
- Г р е б е н е в а Ю. Н. 2017. *Словарь омонимов, омоформ и омографов русского языка*, Москва: Мир и Образование.
- Д у б р о в с к и й П. П. 1852. *Областные великорусские слова, сходные с польскими*, Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.
- Е л ь я н о в Д. И. 1995. *Каверзные ударения. Русско-английский словарь омографов*, Tenafly (N.Y.): Hermitage Publishers.
- К у с а л ь К. 2006. *Русско-польская межъязыковая омонимия как лексикографическая проблема*, Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета.
- Р о з е н т а л ь Д. Э., Т е л е н к о в а М. А. 1976. *Словарь-справочник лингвистических терминов*, изд. 2-е, Москва: Просвещение.
- Словарь языка русской поэзии XX века*. 2010, т. IV: *кругл-м*, Москва: Знак.
- С т а с и н ь с к а П. 1990. *Межъязыковая омонимия в русско-польском сопоставлении*, Zielona Góra: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Pedagogicznej.
- Ш и ч к о В. Ф. 2010. *Китайский язык. Теория и практика перевода*, Москва: Восточная книга.

DETERMINANTY DEFEKTYWNEGO MIĘDZYOSOBOWEGO
KOMUNIKOWANIA SIĘ W RELACJACH POLSKO-ROSYJSKICH

DETERMINANTS OF DEFECTIVE INTERPERSONAL COMMUNICATION
IN POLISH-RUSSIAN RELATIONS

WŁADYSŁAW WOŹNIEWICZ

ABSTRACT. In the introductory part, the author defines the basic terms used in the article: culture, cultural norms, language-communication skills, knowledge and its deficits, intercultural communication in Polish-Russian relations and the concept of defective communication. The purpose of this article is to describe the various causes of defective communication in Polish-Russian relations. In the following sections of the article, the author describes and exemplifies symptoms of defective communication, the over-ethnic causes of communication failures, the ethnic Polish-Russian determinants of defective interpersonal communication related to knowledge deficits, Russian language skills and *stricte* cultural determinants of unfortunate communication in selected spheres of life.

Keywords: communication, language, Polish, Russian, culture, cultural norms

Władysław Woźniewicz, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Poznań – Polska.

W wielu monografiach i artykułach mniej lub bardziej obszernie prezentowane są wyniki badań empirycznych, koncepcje teoretyczne oraz postulaty, zalecenia pragmatyczne odnoszące się do komunikowania się międzyosobowego, międzykulturowego w różnych sferach życia. Dotyczy to również niefortunnego błędnego komunikowania się łączonego z takimi terminami, pojęciami jak *bariery w komunikowaniu*, *trudności komunikowania* związane z określonymi właściwościami np. psycho-fizjologicznymi, osobowościowymi komunikujących się, zakłócenia (zazwyczaj osobowościowe), destruktywne komunikowanie i in. Wymienione uogólnione terminy, pojęcia nieadekwatnego, niefortunnego komunikowania się będą w tym tekście łączone z synonimicznym terminem *defektywnego komunikowania się*, *defektywnej komunikacji*.

Z kolei treść znaczeniowa terminów *komunikacja*, *komunikowanie się* będzie rozumiana z jednej strony jako intencjonalne działanie, zachowanie (sekwencja działań, zachowań) mające na celu wyrażenie określonych treści, postępowania za pośrednictwem środków językowych i niejęzykowych, z drugiej strony – jako proces współdziałania, wzajemnego interpretowa-

nia, rozumienia, porozumienia w toku tych działań, zachowań werbalnych i niewerbalnych podmiotów nacechowanych przez propozycjonalne struktury mentalno-osobowościowe (przekonania, predyspozycje, preferowane wartości, dążenia, oczekiwania i in.), kognitywne, kulturowe itp.

Powyższe rozumienie pojęcia komunikacji nawiązuje do stwierdzeń J. Habermasa, który wychodząc z założeń uniwersalnej pragmatyki działania, dowodzi, iż codzienną komunikację stanowią cztery następujące komponenty:

1. intencja rozumienia,
2. normy i wartości kulturowe determinujące relacje międzypersonalne,
3. działania ukierunkowane na rozumienie, zrozumienie i uzgodnienie,
4. język jako medium umożliwiające odgrywanie naszych ról w świecie życia i osiąganie wzajemnego rozumienia sytuacji, w ramach których urzeczywistniają się działania komunikacyjne.

J. Habermas uzasadnia, iż komunikacja zakładająca gotowość do osiągnięcia zrozumienia / porozumienia między mówiącym (M) a słuchaczem (S) będzie efektywna, gdy mówiący (M) będzie:

- tak dobierać wyrażenia językowe, by słuchacz dokładnie go rozumiał;
- tak formułować treść wypowiedzi, by oddawała ona pewne doświadczenie lub pewien fakt (a wiedza M mogła stać się udziałem S);
- tak wyrażać swoją intencję, by wyrażenie językowe rzeczywiście oddawało to, co myśli mówca (a S mógł zaufać M);
- tak wykonywać czynność językową, by spełniła ona uznane normy, względnie odpowiadała zaakceptowanym autowizerunkom (a S mógł zgodzić się co do tego z M) [cyt. za: Rettler 2005: 57].

Gdy nie są spełnione wymienione, zwłaszcza językowe warunki dochodzenia do zrozumienia / porozumienia, komunikacja może być zakłócona.

Na sformułowane przez J. Habermasa pragmatyczne normy działań komunikacyjnych, a także na postulowane normy i zasady innych autorów nakładają się uwarunkowania etniczne, językowe i kulturowe. Owe uwarunkowania stanowią nierozłączny kompleks, którego najistotniejszymi komponentami są język i kultura każdego etnicznego komunikującego się podmiotu.

W literaturze naukowej, jak wiadomo, istnieją różnorakie określenia treści znaczeniowej pojęcia *kultura*. Uwzględniając najważniejsze aspekty tych określeń, można by je ująć w formule: kultura jest to z jednej strony zbiór (sieć) apercypowalnych materialnych i duchowych (umysłowych) wytworów człowieka, z drugiej strony – pewien obraz świata uformowany w procesie doświadczenia społecznego w świecie życia danego etnosu i reprezentowany (przedstawiony) w umyśle symbolicznie przez język (jako druga rzeczywistość) umożliwiający komunikację. Powyższe uogólnione określenie kultury koresponduje ze znaną sentencją E. Halla: „Kultura jest komunikacją, komunikacja jest kulturą” [Hall 1987: 84].

Jak już wcześniej zasygnalizowałem, uniwersalne pragmatyczne normy komunikowania się modyfikowane są przez normy etniczno-językowe i kulturowe. Np. normy zachowania grzecznego, komunikowania w sferze osobistej, intymnej, oficjalnej zazwyczaj różnią się mniej lub bardziej w zależności od wymiaru różnic etno-kulturowych, stylów komunikacji i innych czynników, w tym norm kinestetycznych, proksemicznych, upercypowania image'u interlokutora czy jego statusu.

W odnośnej literaturze naukowej najczęściej wymieniane są takie wyróżniające się odmienności jak:

1. etniczno-językowa kategoryzacja świata,
2. różnice w zakresie wiedzy interlokutorów o ich świecie życia etnicznego,
3. odmienności etno-osobowościowe formowane przez czynniki przyrodnicze, historyczne, religijne, edukacyjne, polityczne i inne składające się na mentalność komunikujących się osób,
4. różnice w sferze behawioralnej, aksjologicznej, ideologicznej oraz stereotypy i inne odmienności.

Owe odmienności składają się na specyfikę komunikacji międzykulturowej, którą można by wyrazić w formule: Komunikacja międzykulturowa to zgodne z posiadaną przez interlokutorów kulturową kompetencją werbalne i niewerbalne współdziałania w relacjach JA*MY – ONI*OBCY w określonych sferach ich działalności, mające na celu zaspokajanie różnorodnych potrzeb – egzystencjalnych, poznawczych, profesjonalnych i *stricte* osobowościowych (indywidualnych), np. potrzeby uznania, akceptacji, przyjaźni i innych oczekiwań z uwzględnieniem standardowych normatywów kulturowych i językowych. Analogiczny sens specyfiki komunikacji międzykulturowej zawiera jej ogólne określenie przez M. Filipiaka:

Komunikację międzykulturową definicja określa jako proces porozumiewania się ludzi reprezentujących odmienne kultury za pomocą werbalnego i niewerbalnego kanału komunikacyjnego, przy użyciu różnych sposobów przekazu, w tym również środków masowego komunikowania się [Filipiak 2009: 176].

Zreferowane określenia (definicje) komunikacji międzykulturowej nie uwzględniają wszystkich jej aspektów, w szczególności tego, iż w rzeczywistości procesy komunikacji z różnych powodów są często zakłócane. Wszelkie zakłócenia procesów komunikowania międzykulturowego sprawiają, że staje się ono defektywne. Wyznacznikami defektywnego komunikowania się są:

1. nieporozumienie / niedorozumienie,
2. niechęć, dystans w relacjach międzyosobowych,
3. negatywne odczucia w sferze osobistej spowodowane przez takie np. czynniki jak niegrzeczność, lekceważenie, uprzedzenie, dyskryminacja, obraza itp.,
4. nastawienie odwetowe, zachowania impulsywne, agresja werbalna itp.

W literaturze naukowej w zależności od specyfiki sfery komunikowania i preferencji autorów wymieniane są różne przyczyny determinujące komunikację defektywną. W niniejszym artykule wykaz tych przyczyn będzie ograniczony i rozpatrywany tylko w ramach międzyosobowych relacji reprezentantów kultury polskiej i rosyjskiej. Drugim czynnikiem ograniczającym zakres rozpatrywania potencjalnych determinantów defektywnego komunikowania jest sfera (dziedzina) komunikacji.

W ramach tego artykułu najpierw zasygnalizuję wielokrotnie referowane i interpretowane w literaturze naukowej uniwersalne ponadetniczne normy kulturowe we wszystkich sferach komunikowania znane jako reguła kooperacji, zasady ilości i jakości, zasada sposobu H. P. Grice'a oraz reguły G. Leecha (uprzejmości, aprobaty, skromności, zgodności, taktu i in.)¹.

Naruszenie wymienionych reguł / zasad sprawia, że komunikacja w relacjach polsko-rosyjskich może mieć charakter defektywny. Przykładami tego typu naruszeń mogą być niestosowne zapytania i odpowiedzi dotyczące sfery prywatnej, wysokości zarobków, emerytury, niekonwencjonalne formy reagowania i zachowania w danej sytuacji i miejscu niestosowne, „niekulturalne”, np. pytanie skierowane do nieznannej osoby na spotkaniu towarzyskim: *Как ваше здоровье? Сколько тебе (вам) лет?*, wypowiedzenia: *Извольте не шутить над нашим дедушкой. Ваше замечание очень некстати.*

Bardziej szczegółowo będą opisane i egzemplifikowane deficyty wiedzy komunikujących interlokutorów o ich etnicznych światach życia w wymiarze historycznym i współczesnym oraz językowe i kulturowe determinanty defektywnego komunikowania.

Metoda realizacji przyjętego celu uwzględnia analizę specjalnej literatury przedmiotu, zapamiętane osobiście liczne błędy językowo-kulturowe w komunikowaniu się polskich studentów z Rosjanami z różnych sfer życia w czasie studiów na Uniwersytecie Leningradzkim oraz obserwacje komunikowania z Rosjanami studentów-obcokrajowców, a także nauczycieli języka rosyjskiego w różnych typach szkół i w grupach przedmiotowych studentów filologii rosyjskiej.

Wiedza i jej przedstawienia w umyśle jest istotnym składnikiem norm konstruktywnego komunikowania się międzyosobowego. Pojęcie *wiedzy* będzie tu rozumiane jako system uporządkowanych, zhierarchizowanych składników (elementów) informacji o rezultatach poznawania rzeczywistości realnej i wirtualnej oraz w szczególności informacji o świecie życia etnosów w przeszłości i teraźniejszości. Zaś przedstawienia wiedzy w umyśle jawią się jako indywidualne (subiektywne) treści znaczeniowe odnośnych

¹ Na temat ogólnych zasad komunikacji, w tym zasad konwersacji H. P. Grice'a i reguł G. N. Leecha szerzej piszą [Nęcki 2000: 119–131; Golka 2008: 33–50; Zaporowski 2006: 133–153].

elementów wiedzy, nacechowane przez czynniki etniczne, społeczne i osobowościowe: wiek, wykształcenie, czas historyczny, przekonania aksjologiczne, religijne, ideologiczne, polityczne itp.

Jak wiadomo, koncepty wiedza, jej umysłowe przedstawienia i umiejętności, w tym umiejętności werbalne i niewerbalne, to podstawowy kapitał mentalny komunikujących się osób. Otwarte jest pytanie, czy wiedza aksjomatyczna, w szczególności wiedza deklaratywna, naukowa może być powodem zakłóceń i nieporozumień w komunikowaniu międzykulturowym, w tym w komunikowaniu w relacjach polsko-rosyjskich. Jeśli pominąć wiedzę aksjomatyczną, deklaratywną, to pewne rodzaje wiedzy proceduralnej, np. wiedza z różnych dziedzin nauk humanistycznych oraz niektórych dziedzin nauk empirycznych, mogą być w znaczącym stopniu nacechowane etnicznie, kulturowo oraz aksjologicznie i w konsekwencji powodować zakłócenia, nieporozumienia w różnych sferach komunikacji międzykulturowej. Tymczasem warunkiem adekwatnej, konstruktywnej komunikacji zarówno monokulturowej, jak i międzykulturowej jest wiedza ogólna, w tym potoczna, oraz wiedza z danej sfery komunikowania się interlokutorów. Owa wiedza w literaturze przedmiotu jest oznaczona takimi terminami jak *kapitał osobisty*, *kompetencja przedmiotowa*, *kognitywna baza* czy *presupozycja* rozumiana jako indywidualny zasób wiedzy, doświadczenia i różnych kompetencji – językowej, habitualnej, pragmatycznej i in.

Deficyty wiedzy w przedmiocie komunikowania, w tym wiedzy wzajemnej w osobach interlokutorów, sprawiają, iż ich relacje i samo komunikowanie staje się asymetryczne i defektywne, co skutkuje różnego rodzaju doznaniem i niepożądanymi działaniami, reagowaniem oraz dyskomfortem korelującym z pojęciem dysonansu poznawczego.

Niżej przytaczam wybrane przykłady typowych przejawów tych deficytów wiedzy, w tym wiedzy interlokutorów o realiach życia w świecie polskim i rosyjskim w czasie historycznym i współczesnym.

1. Brak lub tylko częściowe wzajemne zrozumienie / porozumienie. Przykład: Polacy w relacjach z Rosjanami tylko częściowo ze zrozumieniem aprobuje wyzwoleńczą rolę Armii Radzieckiej w 1944-1945 roku i jednocześnie sądzą, że przyczyniła się do nowego zniewolenia i dominacji sowieckiej. Z kolei Rosjanie nie rozumieją postawy Polaków i dezaprobuje ją. Usuwanie z przestrzeni publicznej „pomników wdzięczności” jako symboli zniewolenia traktują jako nieprzyjazną akcję.

2. Kłamstwa jako umyślne negowanie prawdy i ich publiczne propagowanie. Np. wielu reprezentantów wykształconych elit rosyjskich kłamliwie twierdzi, że zbrodnia katyńska nie różni się od losu jeńców rosyjskich z wojny polsko-bolszewickiej w 1920 roku.

3. Manipulacja, jak stwierdza M. Golka, „[...] to wszelkie skryte, celowe, rozmyślne oddziaływanie na odbiorców przez wywieranie na nich wpływu

i dążenia do zmian ich postaw (w efekcie zachowań) [...]” [Golka 2008: 112]. Jak wiadomo, manipulacje, podobnie jak jawne lub ukryte kłamstwa i półprawdy, w sferze medialnej i w innych sferach są zjawiskiem powszechnym o zasięgu globalnym. Mają one na celu zakamuflowanie prawdy i uzyskanie pożądaných efektów i korzyści od adresatów manipulacji. Istotnym warunkiem efektywnej manipulacji są deficyty wiedzy adresatów manipulacji, odwoływanie się do ich (nie-)pamięci historycznej i stereotypowych obrazów Polaków jako niewiarygodnych, zdrażliwych rusofobów. W polskim dyskursie przejawem manipulacji są wymyślne hasła i epitety w rodzaju „postkomuniści i złodzieje”, „ubeckie wdowy”, „społeczności (Polacy) drugiego sortu” itp.

Przykładem manipulacji niektórych publicystów rosyjskich mogą być relacje gospodarcze polsko-radzieckie przejawiające się w stwierdzeniach typu: Po wojnie, sami będąc w potrzebie, wspomagaliśmy ekonomicznie Polskę. Zbudowaliśmy w Warszawie jako dar Pałac Kultury i Nauki. Jak wiadomo, w rzeczywistości były to nierównoprawne stosunki gospodarcze, czego dowodem było uzyskanie rekompensaty wynegocjowanej w 1956 roku przez W. Gomułkę i podpisanie nowej umowy. Znana była wówczas anegdota o stosunkach gospodarczych polsko-rosyjskich: My im dostarczamy węgiel, a oni biorą od nas zboże.

Reasumując powyższe stwierdzenia dotyczące roli wiedzy w adekwatnym, konstruktywnym mono- i międzykulturowym komunikowaniu się, można skonstatować, iż wiedza w aspekcie kulturowym, aksjologicznym może być zarówno neutralna, jak i etno-kulturowo nacechowana. W ostatnim przypadku nieznanostwo tych etno-kulturowych właściwości wiedzy może skutkować zakłóceniami komunikowania, przejawiającymi się negatywnie w psychice interlokutorów i nieprzychylnymi, a nawet wrogimi reakcjami.

Język jako potencjalny determinant defektywnego komunikowania międzykulturowego. Wbrew znanej tezie „Языковым знаниям и умениям нет предела” w rzeczywistości, szczególnie w komunikowaniu międzykulturowym w tej wiedzy i umiejętnościach językowych są luki, zwłaszcza u nierodzimych użytkowników języka. Upraszczając, można stwierdzić, iż konceptowi wiedza językowa odpowiada treść pojęciowa terminu *kompetencja językowa* w rozumieniu N. Chomsky’ego, natomiast konceptowi umiejętności językowe odpowiadają i wiedza, i zdolności, nawyki urzeczywistniania skutecznego działania komunikacyjnego. Umiejętności językowe składają się na pojęcie *kompetencji komunikacyjnej* określonej przez D. H. Hymesa. Jak wiadomo, termin *kompetencja komunikacyjna* obejmuje takie elementy pojęciowe jak wiedza językowa (uświadamiana lub intuicyjna), wiedza deklaratywna, społeczna, etnokulturowa, aksjologiczna, osobowościowa i inne rodzaje „ujęzyczonej” wiedzy w zależności od sfery komunikowania. Jak stwierdza A. Piotrowski,

D. H. Hymes [...] stara się ująć w pojęciu kompetencji komunikatywnej obok czynników poznawczych także emocjonalne, wolicjonalne, pozwalające poruszać się użytkownikowi języka nie tylko w przestrzeni znaczeń przekazywanych w konwersacji (lub ogólniej – w zachowaniu komunikatywnym), lecz i w przestrzeni norm, wartości, postaw, a więc „na scenie” życia społecznego [Piotrowski 1980: 104].

Powyższe stwierdzenie implikuje, mówiąc w uproszczeniu, iż umiejętności trafnego wypowiedzania (performance) intencjonalnych treści oprócz znajomości znaczeń słów i reguł gramatycznych zależą (są regulowane) od takich czynników jak: kto mówi, co, o czym ktoś mówi, do kogo mówi, w jakim celu mówi itp.

W uzupełnieniu wymienionych ogólnych konstatacji o naturze języka jako środka komunikowania przytoczę istotne, jak sądzę, stwierdzenia implikujące pojmowanie języka w aspekcie komunikowania międzykulturowego, w tym polsko-rosyjskiego. Jak dowodzi N. D. Arutiunowa:

Язык становится как бы двойником *homo sapiens*. Он проникает внутрь человека. Он формирует его сознание. Он пишет портрет этноса и отдельных личностей [Арутюнова 2000: 12].

Z kolei J. N. Karaulow formułuje dwie tezy istotne również w przypadku użytkownika języka obcego (rosyjskiego). Teza pierwsza: „Нельзя познать язык сам по себе, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности”. Teza druga:

Трактовка языковой личности вообще, независимо от национальной специфики ее языка [...] вместе с определенными историко-, этно-, социо- и психолингвистическими ее особенностями [...], с неизбежностью останется схематической, редукционистской [Карaulов 1987: 7-8].

Językowe determinanty defektywnego komunikowania w relacjach polsko-rosyjskich są rezultatem deficytów wiedzy o specyfice rosyjskiej językowej osobowości, o której właściwościach pisał cytowany wyżej J. N. Karaulow. Owe deficyty wiedzy są przyczyną zakłóceń komunikowania, inaczej – komunikatywnych niepowodzeń. Termin komunikatywne niepowodzenia będzie tu rozumiany jako pełne lub częściowe niezrozumienie wypowiedzeń przez ich odbiorcę z powodu niefortunnego, błędnego formułowania zamierzonych przez nadawcę treści intencjonalnych w określonym aspekcie – językowym, kognitywnym, kulturowym, pragmatycznym, innymi słowy, nadawca wypowiedzeń nie osiąga pożądanego efektu perlokucyjnego u odbiorcy. Przejawami tych niepowodzeń są różnego rodzaju błędy językowe skutkujące u odbiorcy zdziwieniem czy rozbawieniem, nierzadko i pobłażliwymi oznakami niefortunności wypowiedzeń interlokutora.

Niżej będą przytoczone najistotniejsze, jak sądzę, przyczyny tych niepowodzeń:

1. Etniczna językowo-kulturowa kategoryzacja świata, inaczej, też etniczny językowo-kulturowy obraz świata. W literaturze naukowej pojmowanie tego konstruktów streszcza się między innymi w tezie, iż realny świat (I rzeczywistość) jest poprzez procesy kognicji porządkowany (kategoryzowany) oraz semantyzowany. Semantyzacja realiów świata dokonuje się w umyśle przez ustalenie oznaczeń, uogólnianie znaczeń (tworzenie pojęć), oznaczanie, symbolizację znaczeń przy pomocy znaków języka – wyrazów, wyrażeń, wypowiedzeń. W konsekwencji człowiek społeczny, *homo cogitans* formuje wirtualną II rzeczywistość w postaci językowych przedstawień (oznaczeń) realiów I rzeczywistości, w tym pomyślanych wytworów fizyczno-umysłowych, czyli artefaktów, np. *собор, перестройка, подвиг* itp. Językowe obrazy świata są wytworami (artefaktami) etno-kulturowego widzenia rzeczy, wytworami myślenia i pojęciowego ujmowania (kategoryzowania) realiów uwarunkowanego przez czynniki przyrodnicze, historyczne, społeczne, światopoglądowe – generalnie kulturowe. Są one dziedziczone w sposób nierefleksyjny, nawykowy w postaci arbitralnych znaków / słów [Fleischer 2002: 19]².

Odmienna polska i rosyjska językowa kategoryzacja świata w komunikowaniu przejawia się różnego rodzaju deficytami wiedzy językowej, błędami językowymi, psycholingwistycznymi zahamowaniami formułowania wypowiedzeń, niefortunnymi parafrazami itp., generalnie – komunikatywnymi niepowodzeniami. Przykłady komunikatywnych niepowodzeń związanych z odmiennością polskiej i rosyjskiej kategoryzacji realiów świata i ich słownych oznaczeń to:

2. Brak jednoznacznej pełnej ekwiwalencji wyrazów / znaczeń polskich i rosyjskich. Ich znaczeniowe ekwiwalenty są przedstawiane opisowo lub synonimicznie, np.:

kaszanka	блин
bigos	солянка
ksiądz	пельменная
bękart	пурга
manowce	подвиг

3. Ekwiwalencja niepełna: nadwyżka znaczeniowa lub deficyt znaczeniowa bliskoznacznych wyrazów, np.:

lęk	–	испуг, боязнь
smutek	–	печаль, грусть
narzekać	–	роптать, сетовать, жаловаться

² Na temat językowej kategoryzacji świata więcej zob. m.in.: [Bartmiński 1990; *Językowa kategoryzacja świata* 1996; Тер-Минасова 2000].

roztropnie	–	рассудительно, благоразумно
spółkowanie	–	связь, соединение, объединение, совокупление

4. Brak rzeczy i związanego z nią pojęcia i wyrazu w polskim lub rosyjskim obrazie świata. Ich odpowiednikami są zapożyczenia:

nieudacznik	шляхта
narodnik	мазурка
bolszewik	манерка
gułag	король

5. Deficyty w kompetencji językowo-komunikacyjnej w dziedzinie gramatycznej, syntaktycznej, np.: nierozróżnianie norm użycia czasownika *иметь* i wyrażen z przyimkiem *у* lub partykuły *нет*. Np.:

Я имею деньги.	–	У меня есть деньги.
У тебя нет денег.	–	Ты не имеешь денег.
Он не имеет совести.	–	У него нет совести.

6. Rzeczy, realia we współczesnej Rosji, których odpowiedników i ich oznaczeń słownych nie ma w Polsce, np.: *пионер, бол, рэтона, валёнка* i in.

7. Odmienne konotacje wyrazowe, składnia rzędu, np.:

радоваться успеху	–	радоваться на встречу
похож на отца		
идти в театр		
видеть девушек, мальчиков, птиц, мух (rzeczowniki ożywione),		
лечь видеть горы, книги, духи, пальцы		

8. Frazeologizmy, przysłowia, np.:

втирать очки
удар судьбы
быть в духе
отдать последний долг
незванный гость хуже татарина
деньги любят счёт
хоть три дня не есть, а с печи не лезть

9. Uzus językowy – dotyczy on użycia wyrazów w niekonwencjonalnym, dwuznacznym sensie w różnego rodzaju wypowiedzeniach, które mogą skutkować niepowodzeniem komunikacyjnym albo być uznane za niestosowne, dwuznaczne. Np.: autentyczne wypowiedzenie (pytanie skierowane do Rosjanki w czasie spaceru po Moskwie: *Это правда, что она работает в этом заведении?* Replika: *Вы что? Что имеете ввиду?* Okazało się, że moja rozmówczyni wyraz *заведение* zrozumiała w pytaniu jako dom schadzki. Inne przykłady niezrozumienia wyrażen, wypowiedzen przez Polaków w komunikowaniu się z Rosjanami mimo znajomości konwencjonal-

nych znaczeń wyrazów: *письменный стол, женщина с изюмкой, миллионы трудящихся встали на ударную вахту*.

Przejawem niefortunnego uzusu jest przekraczanie kompetencji leksykalnej. Jak dowodzi C. Hagège,

[...] языкам свойственно конвенциональное насилие, индивид не сможет сделать так, чтобы слова имели иной смысл (иные смыслы) помимо того (тех), которым (-и) слова обладают, или чтобы имели иную фонологическую структуру [Ажеж 2003: 229].

Do tych ograniczeń cytowany autor zalicza idiomy, właściwości konotacji, derywację, nieregularności (np. *человек – ludzie, око – oczy*), użycie różnych rejestrów języka.”

Innym przejawem niefortunnego uzusu jest nietrafne operowanie synonimami, paronimami w danym kontekście lub niezgodnie z intencją wypowiedzającego się, np.: *Лицемерность стала его привычкой* zamiast *Лицемерие стало его привычкой*; *жалостная просьба* zamiast *жалостливая просьба*, *советчик президента* zamiast *советник президента*, *великий дом* zamiast *большой дом*³.

Kulturowe polsko-rosyjskie determinanty defektywnego komunikowania, podobnie jak językowe, są uwarunkowane przede wszystkim przez takie czynniki jak: wzajemne Polaków i Rosjan deficyty wiedzy kulturowej oraz przez ich mentalność rozumianą tu jako swoisty sposób widzenia i myślenia oraz traktowania (oceniań) otaczającego świata i własnych etnicznych światów, które to czynniki determinują procesy umysłowe, intelektualne, aksjologiczne, postawy, zachowania oraz wpływają na wzajemne relacje komunikujących się Polaków i Rosjan.

W uzupełnieniu należałoby dodać, iż mentalność Polaków i Rosjan kształtują oprócz ich wiedzy lub ograniczonej wiedzy takie elementy jak wiek życia, osobiste doświadczenia oraz treści przekazów medialnych. Wymienione wyżej czynniki i elementy kształtujące mentalność Polaków i Rosjan przejawiają się w ich wzajemnych nastawieniach i stosunkach, w tym w stosunku do innych etnosów. U Rosjan są to takie między innymi wyróżniki, jak imperialność, hegemonizm (por. np. wypowiedź W. Putina: *Распад Советского Союза – это катастрофа XX века*, hybrydowa wojna rosyjsko-ukraińska) lub takie aktualizowane w różnych wersjach sensy mitologemów jak np. *Москва – Третий Рим, четвертому не бывать*, *Единая неделимая Русь (Россия), зона влияния* itp.

W aspekcie osobowościowym Rosjanie przypisują sobie takie samochwalebne autostereotypy jak: religiozność, соборность, всемирная отзывчивость, готовность к самоограничению, самопожертвование, слу-

³ Więcej zob. [Kaliszan 2000].

жение миру, общечеловечность jako charakterystyki moralności rosyjskiego człowieka („русской национальной личности”)⁴.

Z kolei Polaków w relacjach z Rosjanami i innymi etnosami, w tym z Niemcami, cechuje przewaga heterostereotypów, w szczególności nieprzewyciężona, traumatyczna pamięć o tragicznych wydarzeniach historycznych: rozbiory I Rzeczypospolitej, powstania, Pakt Ribbentrop-Mołotow i IV rozbiór Polski, niemiecka okupacja, zsyłki Polaków z Wschodnich Kresów, areszty, Katyń, czasy sowieckiej dominacji oraz współczesne mało przyjazne relacje związane m.in. z katastrofą smoleńską. Wszystkie te wydarzenia wpływają na charakter relacji polsko-rosyjskich oraz wyobcowane, nierzadko niekonstruktywne komunikowanie w sferze oficjalnej, medialnej oraz w określonym stopniu również w międzyosobowej sferze prywatnej.

Ponieważ problematyka międzykulturowego polsko-rosyjskiego komunikowania jest, jak wiadomo, wielotematyczna i wieloaspektowa, to w ramach tego artykułu ograniczę się tylko do zasygnalizowania wybranych przykładów przyczyn i przejawów defektywnego komunikowania się w sferze prywatnej w relacjach międzyosobowych.

Kulturowe polsko-rosyjskie uwarunkowania defektywnego komunikowania w relacjach osobistych w życiu społecznym i codziennym wynikają z wymienionych wyżej powodów i wpływają na wzajemne Polaków i Rosjan stereotypowe wyobrażenia, postrzeganie siebie jako innych oraz w konsekwencji mogą powodować niefortunne zachowania komunikacyjne. Przykłady przyczyn i przejawów niepowodzeń komunikacyjnych:

1. Etniczno-mentalne stereotypy wzajemnego apercypowania (postrzegania) Polaków i Rosjan, rozumiane tu jako utrwalone w ich świadomości wzorce, szablony obopólnego wartościowania kształtującego się okazjonalnie i utrwalającego się w dłuższym czasie. Owo wartościowanie może być mniej lub bardziej trafne (odpowiadające prawdzie), częściowo trafne albo nacechowane różnego rodzaju fobiami (polonofobia, rusofobia) lub też pozytywnymi wyróżnieniami.

Wybrane stereotypy Polaków dotyczące Rosjan i stereotypy Rosjan dotyczące Polaków:

ROSJANIE	POLACY
imperialiści	wiarołomni
biedni	wiecznie narzekają
korupcjoniści	buntownicy
alkoholicy	gorliwi katolicy
prawosławni	spekulanci
gościnni	wyniośli, zarozumiali, zuchwali

⁴ Więcej zob. [Воробьев 1997: 154–157].

otwarcu, szczerzy
życzliwi

rusofoby
Polki najpiękniejsze kobiety w świecie⁵.

2. Specyficzną grupę komunikowania się międzyosobowego nacechowaną etno-kulturowo stanowią stereotypowe werbalne i niewerbalne zachowania w różnego rodzaju sytuacjach, w kontaktach międzyosobowych w sferze osobistej, towarzyskiej, oficjalnej lub w grupach społecznych. Ich nieznajomość, użycie nieodpowiednich nienormatywizowanych wyrażań, zachowań może być przyczyną defektywnego komunikowania, którego przejawem są zdziwienie, zażenowanie lub odczucie „niekulturalnego zachowania”. Do tej grupy form międzyosobowego międzykulturowego komunikowania, które mogą być z powodu ich nieznajomości nieprzestrzegane należą m.in.: zachowania etykietalne, kinestetyczne, fatyczne, formy zwracania się, powitania / pożegnania, kulinaria, wypowiedzenia, zachowania uznawane jako niegrzeczne, niestosowne. Ich opis i egzemplifikacje mogą stanowić temat odrębnego opracowania.

Wymienione w tym artykule determinanty defektywnego komunikowania w relacjach polsko-rosyjskich nie uwzględniają innych czynników zakłócających konstruktywne komunikowanie takich jak zahamowania w powodu niepewności, bojaźń językowa, panowanie nad emocjami i przede wszystkim nieuświadomienie psychologicznej specyfiki apercypowania realiów i artefaktów kultury. W tym ostatnim przypadku, jak stwierdza M. D. Cole:

О культуре с трудом думается. Как рыбам воду, нам не удастся „увидеть” культуру, поскольку она является средой, в которой мы существуем. Встречи с другими культурами позволяют увидеть и нашу собственную, как предмет для размышлений [Коул 1977: 22].

Podobnie sądzi S. G. Ter-Minasowa, podkreślając

[...] особую неявность, невидимость культурного барьера на уровне одной культуры [...]. Культурный барьер гораздо опаснее языкового. Он как бы сделан из прозрачного стекла и не ощутим, пока не разобьешь себе лоб об эту невидимую преграду. Культурные ошибки воспринимаются намного болезненнее, чем языковые ошибки. Языковые ошибки обычно встречаются с добродушием. Культурные же ошибки, как правило, не прощаются так легко и производят самое отрицательное впечатление, несмотря на то, что нет грамматики ни словарей культур [Тер-Минасова 2000: 20].

⁵ O różnych aspektach funkcjonowania stereotypów piszą m.in.: [Boski 2009; Myers, 1996; Павловская 1998; Прохоров 2006; Красных 2003]. Z problemem stereotypów pośrednio łączą się opisy zachowań Polaków i Rosjan zawarte w broszurach: [Жельвис 2002; Липняцкая 2001].

W konkluzji należałoby dodać, iż treści tego artykułu mogą być przyczynkiem dla zainteresowanego czytelnika poszerzającym lub uzupełniającym jego wiedzę o determinantach defektywnego komunikowania się, powodujących zakłócenia, niepowodzenia komunikacyjne Polaków i Rosjan w istotnych sferach ich wzajemnych relacji. Zaś fortunne komunikowanie międzyosobowe ułatwi obopólne zrozumienie i porozumienie oraz konstruktywne współdziałanie.

Bibliografia

- Bartmiński J. 1990. *Punkt widzenia, perspektywa, językowy obraz świata*, [w:] *Językowy obraz świata*. Red. J. Bartmiński, Lublin: Wyd. UMCS, s. 109–127.
- Boski P. 2009. *Kulturowe ramy zachowań społecznych*, Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Filipiak M. 2009. *Homo Communicans. Wprowadzenie do teorii masowego komunikowania*, Lublin: Wyd. UMCS.
- Fleischer M. 2002. *Teoria kultury i komunikacji*, Wrocław: Dolnośląska Szkoła Wyższa Edukacji Towarzystwa Wiedzy Powszechnej.
- Golka M. 2008. *Bariery w komunikowaniu i społeczeństwo (dez-)informacyjne*, Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Hall E. 1987. *Bezgłębny język*, Warszawa: PIW.
- Językowa kategoryzacja świata*. 1996. Red. H. Kosienkowska, Lublin: Wyd. UMCS.
- Kaliszan J. 2000. *Synonimia słowotwórcza rzeczowników w języku polskim i rosyjskim*, Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM.
- Myers O. G. 1996. *Psychologia społeczna*, Poznań: Zys i S-ka.
- Nęcki Z. 2000. *Komunikacja międzyludzka* Kraków–Kluczbork: Antykwa.
- Piotrowski A. 1980. *O pojęciu kompetencji komunikatywnej*, [w:] *Zagadnienia socjologii psycholingwistyki*. Red. A. Schaff, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk: Ossolineum, s. 91–109.
- Retter H. 2005. *Komunikacja codzienna w pedagogice*, Gdańsk: Gdańskie Wydawnictwo Psychologiczne.
- Zaprowski A. 2006. *Czy komunikacja międzykulturowa jest możliwa? Strategia kulturoznawcza*, Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM.
- Ажеж К. 2003. *Человек говорящий: вклад лингвистики в гуманитарные науки*. Пер. с фр. Б. П. Наумов, Москва: Едиториал УРСС.
- Арутюнова Н. Д. 2000. *Наивные размышления о наивной картине языка*, [w:] *Язык о языке: сборник статей*. Под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой, Москва: Языки русской культуры.
- Воробьев В. В. 1997. *Лингвокультурология (теория и методы)*, Москва: Изд-во РУДН.
- Желвис В. 2002. *Эти странные русские*, Москва: Изд-во Эгмонт Россия Лтд.

- Караулов Ю. Н. 1987. *Русский язык и языковая личность*, Москва: Наука.
- Коул М. 1977. *Культурно-историческая психология*, Москва: Политиздат.
- Красных В. В. 2003. „Свой” среди „чужих”: миф или реальность?, Москва: Гнозис.
- Липняцкая Э. 2001. *Эти странные поляки*, Москва: Изд-во Эгмонт Россия Лтд.
- Павловская А. В. 1998. *Этнические стереотипы в свете межкультурной коммуникации*, „Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация”, № 1, с. 94–105.
- Прохоров Ю. Е. 2006. *Национальные социокультурные стереотипы речевого общения*, Москва: Флинта : Наука.
- Герминасова С. Г. 2000. *Язык и межкультурная коммуникация: учебное пособие для студентов*, Москва: Слово / Slovo.

СОДЕРЖАНИЕ

Слово о Профессоре Ежи Калишане, К. Кулиговска, В. Каминьски	5
Перечень публикаций Профессора Ежи Калишана	9
П. Бортоновска, „В хорошем” или „в плохом смысле” – об одном из способов вербализации акта оценки	17
Л. Быкова, Пресловутое „как бы” – слово-паразит или полноценное дискурсив- ное слово?	27
З. Чапига, „Безмерно счастлив”. Об адвербиальных показателях высокой сте- пени интенсивности эмоций в русском и польском языках	37
Е. Федорушкова, Вербономинальные выражения на футбольную тематику в русско-польском / польско-русском словаре	45
О. Фролова, Номинации социологических страт: коннотации и оценка	63
Б. Хрынкевич - Адамских, Драгоценности Рюриковичей по памятникам письменности (элементы одежды)	77
Й. Юзвяк, Культурные мотивы в польском переводе „Куда ж нам плыть?” Б. Акунина	113
В. Климонов, Тенденция к оптимальной организации системы видовых пара- дигм в русском языке	123
Т. Космеда, Лингвистическая философия Ежи Калишана и его вклад в развитие польской русистики (на материале монографических исследований ученого)	143
К. Кубецка, Словосложения в русском молодежном сленге	155
К. Кулиговска, Насекомые в польской и русской языковых картинах мира	167
О. Макаровска, Жанры мемовического интернет-дискурса: IQkartka / ат- крытка	181
Л. Малецки, „Фейк” – современное лицо масс-медийного обмана	193
В. Мякишев, Словообразовательные аспекты языковой игры в псевдоэтимоло- гию	203
Й. Митурска - Бояновска, Модификации паремии „Na złodzieju czapka go- re / На воре [и] шапка горит” в польских и русскоязычных Интернет-СМИ	213
А. Нарпox, Семантическая неопределенность цветообозначений в польском и рус- ском языках (на материале лексикографических данных)	225
Г. Николаев, Н. Николаева, Русское словосложение: исторический аспект	237
Т. Пахольчик, Интердисциплинарность, многокультурность, лингвокультуроло- логия и коммуникация на иностранном языке	245
С. Пуппель, Регионализм как многоаспектная форма поддержки местной куль- туры и языка. Замечания к новому кашубскому справочнику Тадеуша Больдуана „Nowy bedeker kaszubski”	257

Е. Райник, <i>Существительные-омографы в датском языке – морфологический и семантический анализы</i>	269
Б. Родзевич, <i>Кулинария в языковом сознании поляков, русских и немцев (аксиолингвистический аспект)</i>	279
А. Ситарски, <i>Фразеологическая презентация концептуального поля „Память” / „Pamięć” в русском и польском языках</i>	289
А. Щербак, <i>Урбанонимическая омореферентность в устной русской речи</i>	297
З. Швед, <i>Правописание аффрикат „ц” и „ч” в Евангелии Тип-7 из собрания РГАДА ф. 381, № 7.</i>	305
Я. Вежбиньски, <i>Иллюзия иностранной речи в структуре текстов Михаила Зоценко</i>	315
К. Воян, <i>Русская омонимика как предмет интереса польских лексикологов и лексикографов. Заметки на полях новейших работ Ежи Калишана</i>	327
В. Возьневич, <i>Детерминанты дефектной межличностной коммуникации в сфере польско-русских отношений</i>	341

CONTENTS

<i>About the Professor Jerzy Kaliszan, K. Kuligowska, W. Kamiński</i>	5
<i>List of publications by Professor Jerzy Kaliszan</i>	9
P. Bortnowska, "In the good sense" and "in the bad sense" – on one of the ways of verbalizing the act of evaluation	17
L. Bykova, The overused form "as if" – a word-parasite or a standard value word?	27
Z. Czapięga, "Безмерно сейчас". Adverbial markers of the high level of emotions in Russian and Polish	37
Y. Fedorushkov, Verbal-nominative locutions on the football theme in the Rus- sian-Polish / Polish-Russian dictionary	45
O. Frolova, Nominations of sociological strata: connotations and evaluation	63
B. Hryniewicz - Adamskich, Rurik dynasty heirlooms on the basis of written sources (items of clothing)	77
J. Józwiak, Cultural motifs in the Polish translation "Where shall we go?" by Boris Akunin	113
V. Klimonov, A tendency towards optimal organization of the system of aspect paradigms in Russian	123
T. Kosmeda, Linguistic philosophy of Jerzy Kaliszan and his contribution to the development of Russian studies in Poland (based on his monographic research)	143
K. Kubecka, Compounds in Russian youth slang	155
K. Kuligowska, Insects in Polish and Russian linguistic views of the world	167
O. Makarowska, The genres of memetic Internet discourse – somecards	181
Ł. Małecki, "Fake" – the modern face of the mass-media	193
W. Miakiszew, Word-formation aspects of the language game in pseudo- ethymology	203
J. Miturska-Bojanowska, Modifications of a proverb "Na złodzieju czapka go- re/Ha bope [u] uanka zopum" in Polish and Russian-language online media	213
A. Narloch, Semantic ambiguity of color names in the Polish and Russian languages (based on lexicographic data)	225
G. Nikolaev, N. Nikolaeva, Composition in Russian from the historical point of view	237
T. Pacholczyk, Interdisciplinarity, multiculturalism, cultural linguistics and com- munication in a foreign language	245
S. Puppel, Regionalism as a multi-dimensional form of maintaining a local culture and language: remarks on the "New Kashubian Guide" by Tadeusz Bolduan	257
E. Rajnik, Homographic nouns in Danish – a morphological and semantic analysis	269
B. Rodziejewicz, Food in the language awareness of Poles, Russians and Germans (axiolinguistic perspective)	279

A. S i t a r s k i, <i>The phraseological representation of the conceptual field "Па- мять" / "Memory" in the Russian and Polish languages</i>	289
A. S c h e r b a k, <i>Urbanonymic omo-reference in spoken Russian</i>	297
Z. S z w e d, <i>Spelling of the affricates of "c" and "č" in the Gospel Book Tip-7 from the collection of the Russian State Archive of Old Records, F. 381, No. 7</i>	305
J. W i e r z b i ń s k i, <i>Illusion of foreign-language statements in the structure of Mikhail Zoshchenko's texts</i>	315
K. W o j a n, <i>Russian homonymy as an object of interest of Polish lexicologists and lexicographers on the newest works of Jerzy Kaliszan</i>	327
W. W o ź n i e w i c z, <i>Determinants of defective interpersonal communication in Polish- Russian relations</i>	341

SPIS TREŚCI

<i>Słowo o Profesorze Jerzym Kaliszanie</i> , K. Kuliowska, W. Kamiński	5
<i>Wykaz publikacji Profesora Jerzego Kaliszana</i>	9
P. Bortnowska, „W pozytywnym” i „w negatywnym sensie” – o jednym ze sposobów werbalizacji aktu oceny	17
L. Bykowska, <i>Nadużywana forma „jakby” – wtęret językowy czy też wyraz pełnowartościowy?</i>	27
Z. Czapiга, „Безмерно случилу”. O adverbialnych wykładnikach wysokiego stopnia intensywności emocji w języku rosyjskim i polskim	37
Y. Fedorushkov, <i>Zwroty czasownikowo-rzeczownikowe o tematyce futbolowej w słowniku rosyjsko-polskim /polsko-rosyjskim</i>	45
O. Frołowa, <i>Socjologiczny aspekt nominacji – konotacje i wartościowanie</i>	63
B. Hryniewicz-Adamskich, <i>Precjoza Rurykowiczów z perspektywy źródeł pisanych (elementy odzieży)</i>	77
J. Józwiak, <i>Motywy kulturowe w polskim przekładzie „Dokąd pływamy?” B. Akunina</i>	113
W. Klimonow, <i>Tendencje w zakresie optymalizacji systemu paradygmatów aspektowych w języku rosyjskim</i>	123
T. Kosmeda, <i>Filozofia badań lingwistycznych Jerzego Kaliszana i jego wkład w rozwój rusycystyki polskiej (na materiale prac monograficznych uczonego)</i>	143
K. Kubecka, <i>Złożenia w rosyjskim slangu młodzieżowym</i>	155
K. Kuliowska, <i>Owady w polskim i rosyjskim językowym obrazie świata</i>	167
O. Makarowska, <i>Gatunki memetycznego dyskursu internetowego – „IQkartka /atkrytka”</i>	181
Ł. Małeckki, <i>„Fejk” – współczesne oblicze medialnego kłamstwa</i>	193
W. Miakiszew, <i>Aspekty słowotwórcze pseudoetymologicznej gry językowej</i>	203
J. Miturska-Bojanowska, <i>Modyfikacje paremii „Na złodzieju czapka gore /Ha bo-pe [u] uanka zopum” w polskich i rosyjskojęzycznych mediach elektronicznych</i>	213
A. Narloch, <i>Semantyczna nieokreśloność nazw kolorów w języku polskim i rosyjskim (na podstawie danych leksykograficznych)</i>	225
G. Nikołajew, N. Nikołajewa, <i>Rosyjskie złożenia: aspekt historyczny</i>	237
T. Pacholczyk, <i>Interdyscyplinarność, wielokulturowość, lingwokulturologia a komunikacja w języku obcym</i>	245
S. Puppel, <i>Regionalizm jako wielopłaszczyznowa forma podtrzymywania kultury lokalnej i języka: uwagi do lektury „Nowego bedekera kaszubskiego” Tadeusza Bolduana</i> . . .	257
E. Rajnik, <i>Rzeczowniki homograficzne w języku duńskim – analiza morfologiczna i semantyczna</i>	269
B. Rodziewicz, <i>Kulinaria w świadomości językowej Polaków, Rosjan i Niemców (aspekt aksjolingwistyczny)</i>	279

A. S i t a r s k i, <i>Prezentacja frazeologiczna pola konceptualnego „Память” / „Pamięć” w języku rosyjskim i polskim</i>	289
A. S z c z e r b a k, <i>Homonimy urbanomiczne w rosyjskim języku mówionym</i>	297
Z. S z w e d, <i>Pisownia afrykat „c” i „č” w Ewangeliarzu Tip-7 ze zbioru Rosyjskiego Państwowego Archiwum Akt Dawnych f. 381, nr 7</i>	305
J. W i e r z b i ń s k i, <i>Iluzja obcojęzycznych wypowiedzi w strukturze tekstów Michaiła Zoszczenki</i>	315
K. W o j a n, <i>Homonimika rosyjska jako przedmiot zainteresowania polskich leksykologów i leksykografów. Na marginesie najnowszych prac Jerzego Kaliszana</i>	327
W. W o ź n i e w i c z, <i>Determinanty defektywnego międzyosobowego komunikowania się w relacjach polsko-rosyjskich</i>	341